

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХVІ.

1903.
АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Высочайшія повелѣнія	89
II. Высочайшіе указы по вѣдомству мин. нар. пр.	94
III. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	101
IV. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	116
V. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	121
VI. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	126
С. Ф. Ольденбургъ. Фабло восточнаго происхожденія	217
Н. В. Якубовскій. Земскіе привилеи Великаго княжества Литовскаго, ч. I	239
Н. А. Бодуэнъ-де-Куртень. Лингвистическія замѣтки и афоризмы. I—IV	279
Н. Д. Чечулинъ. О такъ называемой картѣ Царевича Феодора Борисовича Годунова	335
В. И. Ламанскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. I—V	345
Н. Г. Васенко. Хрущовскій описокъ „Отепенной книги“ и извѣстіе о земскомъ соборѣ 1550 года	386

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

А. В. Никитскій. <i>А. М. Придикъ. Шестая рѣчь Исея. Исслѣдованія въ области аттической генеалогіи и аттическаго гражданскаго права.</i> Юрьевъ. 1902	401
А. П. Кирпичниковъ. <i>А(мфианъ) Лебедевъ. Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности.</i>	456
С. Ф. Платоновъ. <i>Жизнь и труды М. П. Погодина Николая Барсукова.</i> Книга семнадцатая. С.-Пб. 1903	461
В. В. Бартольдъ. <i>Д. Н. Котляръ. Средннее царство. Очеркъ жизни и исторіи Китая.</i> С.-Пб. 1903	463
— <i>Книжныя новости</i>	466

См. 3-ю стр. обложки.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТІЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИ- ЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ.

Критическія замѣтки.

(Памяти Добровскаго).

I.

Со времени выхода въ свѣтъ изслѣдованія Добровскаго Kirill u. Method (1823) въ теченіе 20 лѣтъ, до появленія статьи Горскаго въ Москвитянинѣ (1843), первостепеннымъ источникомъ о жизни и дѣятельности славянскихъ апостоловъ, Константина Философа въ особенности, сверхъ официальныхъ документовъ и краткаго упоминанія Анастасія бібліотекаря, была такъ называемая латинская легенда епископа Гавдерика. Послѣ же извѣстной статьи заслуженнѣйшаго дѣятеля русской науки середины прошлаго столѣтія А. В. Горскаго и изданія житія Константинова и перевода его на латинскій языкъ Миклошичемъ не только всѣ славянскіе, но и западно-европейскіе ученые стали пользоваться такъ называемою паннонскою легендою о Константинѣ Философѣ, какъ источникомъ первостепеннымъ. Въ настоящее время считается какъ бы дѣломъ рѣшеннымъ, что это житіе Константиново было писано однимъ изъ учениковъ славянскихъ апостоловъ въ Моравіи или въ Панноніи чуть не подъ диктовку самого Меодія.

Только немногіе, напримѣръ Гильфердингъ, Куникъ и писавшій подъ его вліяніемъ г. Билбасовъ, позволили себѣ отступать отъ этого почти общаго мнѣнія и выражать сомнѣнія въ древности и точности нѣкоторыхъ показаній житія Константинова. Весьма почтенный ученый

Викторовъ, сколько извѣстно, первый сталъ доказывать ¹⁾, что такъ наз. итальянская легенда или записка еп. Гавдерика († 898) основана на Славянскомъ Житіи. Проф. Голубинскій приписалъ ее не Гавдерика, а Льву Марсианскому, епископу Остіѣскому, жившему въ концѣ XI, въ нач. XII вѣковъ ²⁾. Вороновъ пошелъ дальше и доказывалъ, что авторъ итальянской легенды пользовался сочиненіемъ доминиканца Jacob. de Voragine, епископа Генуэзскаго (1292—1298), и писалъ въ первой четверти XIV вѣка ³⁾. Лавровскій утверждалъ, что итальянская легенда даже позднѣе Моравской ⁴⁾. Считалось рѣшеннымъ, что авторъ итальянской легенды пользовался паннонскою легендою. И въ самомъ дѣлѣ въ извѣстіяхъ итальянской и паннонской легендъ есть мѣста очень сходныя, напримѣръ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ о пребываніи Константина Философа въ Херсонѣ. Но старая, только недавно обнаруженная, находка письма Анастасія бібліотекаря къ епископу Гавдерика положила конецъ этимъ предположеніямъ и заподозрѣваніямъ легенды итальянской ⁵⁾. Указанное Добровскимъ первостепенное ея значеніе въ числѣ источниковъ (сверхъ официальныхъ документовъ) о жизни великаго славянскаго учителя теперь уже не можетъ быть ничѣмъ и ничѣмъ поколеблено. Указанная впервые Горскимъ важность славянскихъ паннонскихъ житій сохраняетъ силу и для житія Константина, но, конечно, не безъ значительныхъ ограниченій. Тутъ необходимо прибавить, что надо принимать эту важность вообще, а не во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ. Въ самомъ дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь передъ собою не простую хроникку, гдѣ знающій современникъ, „не мудрствуя лукаво“, заноситъ по годамъ извѣстныя ему, имъ самимъ пережитыя или видѣнныя, происшествія, или слышанныя отъ знакомыхъ ему очевидцевъ. Это не хроника и лѣтопись, а литературный, частью художественный, частью дидактическій памятникъ. Это житіе святого, читаемое въ церквахъ и въ монастыряхъ въ поученіе. Есть религіозная лирика, религіозная драма (мистеріи), есть и религіозная

¹⁾ Кириллъ и Меодій. А. Викторова. М. 1865. (въ Кир.-Мео. Сборн.) и отдѣльно.

²⁾ Голубинскій. Кир. и Мео. М. 1865, с. 53.

³⁾ Вороновъ. Кир. и Мео. Главнѣйшіе источники для исторіи свв. Кир. и Мео. Кіевъ, 1877.

⁴⁾ Лавровскій П. Итальянская легенда. Журн. Мин. Нар. Просв. 1886, іюль и авг. Мор. лет.—XIV в.

⁵⁾ Текстъ письма и русскій перев. Л. А. Петрова былъ напечатанъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1893. См. также ст. И. В. Ягича въ Зап. Акад. Н. С.-Пб. 1893.

эпическая поэзія, словесность. Къ ней относятся религіозныя повѣсти и романы — житія святыхъ. У авторовъ житій иная совѣсть задача, чѣмъ у лѣтописцевъ. Взаимныя ихъ отношенія очень сходны съ отношеніями романистовъ и драматурговъ къ историкамъ. Читатель и критикъ не можетъ предъявлять къ авторамъ историческихъ романовъ и драмъ такія же требованія, съ какими онъ можетъ и долженъ обращаться къ историкамъ. Точно также и къ старому, нѣкогда очень распространенному виду литературныхъ произведеній — къ житіямъ святыхъ нельзя предъявлять требованій, какія предъявляются къ лѣтописцамъ. Добросовѣстный лѣтописецъ старается съ возможною ему точностью отмѣчать и даты и мѣста упоминаемыхъ происшествій. Составители житій часто намѣренно избѣгаютъ упоминанія многихъ такого рода, хотя-бъ и извѣстныхъ имъ, подробностей, боясь такимъ образомъ отвлечь вниманіе читателя и слушателя отъ своего героя, отъ назидательнаго созерцанія его нравственнаго образа. Возбуждая въ писателѣ восторгъ и благоговѣніе, герой житія долженъ возбуждать въ читателѣ или слушателѣ тѣ же чувства. Такова главная задача и цѣль авторовъ житій святыхъ, и потому точности въ указаніяхъ мѣстностей, датъ и строгаго соблюденія послѣдовательности разсказываемыхъ событій также нельзя искать въ житіяхъ святыхъ, какъ въ историческихъ романахъ и драмахъ. Итакъ нельзя относиться съ полнымъ довѣріемъ ко всѣмъ подробностямъ житій, будь онѣ и не изъ міра чудеснаго.

Положимъ, житіе Константина Философа, писанное въ Панноніи или Моравіи при жизни брата его Меодія или вскорѣ по его смерти, есть памятникъ конца IX в., но оно дошло до насъ въ спискахъ не болѣе древнихъ, чѣмъ второй половины XV — XVI вѣковъ. Кто рѣшится утверждать, что въ ближайшее по написанію его время, напримѣръ въ X—XI в. да и позже, оно не было исправляемо, дополняемо ¹⁾, что въ основаніи нынѣ извѣстныхъ списковъ лежитъ точный подлинникъ IX в., а не исправленный, дополненный, слѣдовательно болѣе или менѣе измѣнявшійся въ теченіе XI—XV вв. памятникъ, который переписывался и распространялся у болгаръ, сербовъ, хорватовъ и русскихъ.

Во всякомъ случаѣ пора и давно пора относиться съ болшею

¹⁾ Такъ передъ составителемъ нашей Повѣсти врем. глѣтъ и его дополнителями несомнѣнно былъ нѣсколько иной, чѣмъ намъ извѣстный списокъ житія Константина Философа.

критикою къ показаніямъ такъ называемой паннонской легенды о Константинѣ Философѣ. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ нельзя не примѣнять русской поговорки : „И такъ, да не такъ, и то, да не то“.

II.

Прежде всего обратимся къ разсказу Житія о сарацынской миссіи Константина Философа. По словамъ автора житія, агаряне, называемые сарацынами, воздвигли хулу на единое божество св. Троицы, говоря, что христіане дробятъ единого Бога на три, если вы можете это доказать, пошлите намъ мужей, умѣлыхъ говорить о томъ и убѣдить (прѣврѣтн ны) насъ. „Царь созвалъ совѣтъ и, призвавъ Константина Философа, сказалъ ему: слышишь ли, что скверные агаряне говорятъ противъ нашей вѣры. Ты же, какъ святой Троицы слуга и ученикъ, иди и борись съ ними (шедь противъ ся имъ). Константинъ Философъ согласился съ радостью, и съ нимъ отправили (припослалъ же с нимъ асикрита и Георгіа Полашоу) асикрита (государственного секретаря) и Георгіа Полашоу“. Изъ Житія не видно, куда эта миссія отправилась и гдѣ она была. Горскіи полагалъ, что Константинъ Философъ былъ у эмира Милитенскаго. Голубинскій и Малышевскій изъ упоминанія въ Житіи *америлтія* (или въ другомъ спискѣ амертія) заключаютъ, что онъ былъ у самого халифа въ Багдадѣ. Философу въ это время было 24 года, по словамъ Житія, а такъ какъ по Житію же, онъ умеръ 42-хъ лѣтъ въ 869 г., то значить онъ родился въ 827 г., и слѣдовательно 24 года было ему въ 851 году.

Мнѣ давно казались нѣсколько странными два обстоятельства: 1) чисто богословская цѣль посольства и 2) почему на споръ съ сарацынами былъ избранъ такой молодой человѣкъ? Неужли въ то время въ Византіи не было людей съ хорошимъ богословскимъ образованіемъ, болѣе или менѣе знакомыхъ съ ученіемъ Корана и съ однимъ изъ языковъ, наиболѣе распространенныхъ при дворѣ халифовъ? При томъ же царѣ Михаилѣ были написаны 3 сочиненія почти ровесникомъ Константина Философа, Никитою Византійскимъ противъ Ислама, два изъ нихъ были вызваны посланіями сарацыновъ къ императору Михаилу о св. Троицѣ¹⁾. Отчего же былъ отправленъ Константинъ Философъ, а не Никита Византійскій, тоже *философъ* и *дидакалъ* (учитель)? Можетъ быть, впрочемъ, мнѣ прежде казалось, Константинъ Философъ

¹⁾ Migne греч. V. 55.

былъ предпочтенъ Никитѣ Византійскому потому, что, будучи знаткомъ славянскаго языка и любившимъ съ дѣтства этотъ народъ, онъ принималъ живо къ сердцу и сильно скорбѣлъ о томъ, что Исламъ съ конца VII вѣка дѣлалъ большіе успѣхи у славянъ, что пренія свои о вѣрѣ съ сарацынами онъ могъ бы вести на славянскомъ языкѣ, ибо славянскіе евнухи и вообще славяне мусульмане при халифѣ въ Багдадѣ играли немаловажную роль. Такъ по свидѣтельству начальника почти въ Багдадѣ Ибнъ Хордадъ-бѣ (написавшаго свое важное сочиненіе въ два приема не позже 846/7 и въ 877 г.) „Русь (Les Russes qui appartiennent aux peuples slaves), отправляясь изъ самыхъ отдаленныхъ странъ славянскихъ къ Римскому морю, продаютъ тамъ бобровыя и лисьи мѣха. Государь римлянъ вѣзметъ съ нихъ одну десятую цѣнности ихъ товаровъ. Или же они спускаются Дономъ, рѣкою славянскою, и направляются въ Хамлиджъ (Khamlydj), столицу Хазарскую, гдѣ тамошній государь вѣзметъ съ нихъ десятину. Тутъ они пускаются на судахъ въ Каспійское море и останавливаются въ разныхъ мѣстахъ его побережья (et se dirigent sur tel point de la côte qu'ils ont en vue). Иногда они перевозятъ свои товары на верблюдахъ изъ города Джорджана въ Багдадъ. Здѣсь евнухи славянскіе служатъ имъ переводчиками (ici les eunuques slaves leur servent d'interprètes)“ ¹⁾.

Но меня болѣе всего останавливало не столько назначеніе Константина Философа въ эту сарацинскую миссію, сколько самое снаряженіе этого посольства въ 851 г. и при томъ съ цѣлью чисто богословскою—оправдать и доказать мусульманамъ истину христіанскаго ученія о св. Троицѣ.

Это свидѣтельство внушаетъ недовѣріе, во-первыхъ, по чисто богословскому характеру этого посольства, во-вторыхъ, по отнесенію этого посольства къ 851 г.

Со смерти Альмутассима († 5-го января 842 г.) въ Халифатѣ рѣзко начинаетъ обнаруживаться упадокъ мусульманскаго государства и мусульманской образованности. Преемникъ Альмутассима, сынъ его *Альватикъ* въ пятнадцатое свое правленіе былъ занятъ усмиреніемъ разныхъ бунтовъ съ помощью турецкихъ военныхъ отрядовъ. Въ Сиріи подымались омейяды, на Эвфратѣ хариджиты, въ Аравіи бедуины, въ Персидскомъ иракѣ курды и въ Багдадѣ даже сунниты, подвергавшіеся преслѣдованіямъ и при настоящемъ халифѣ, такъ что даже при об-

¹⁾ Bibl. geograф. arabicor. ed. M. I. de Goeje. pars VI, p. 271.

мѣнѣ плѣнныхъ съ византійцами, только тѣ были выкупаемы, кто прямо держался придворнаго богословія. Самъ халифъ однажды изрубилъ одного за то, что онъ считалъ коранъ несотвореннымъ: Ватикъ впрочемъ былъ жестокой развратникъ, позволявшій себѣ всякаго рода притѣсненія и потому былъ такъ ненавидимъ, что противъ его жизни составилъ заговоръ. Онъ былъ открытъ и не удался, но вслѣдъ затѣмъ Ватикъ умеръ (10-го августа 847 г.) отъ своей невоздержности.

Смѣнившій его, родной его братъ Альмутаваккиль (847—861 ^{9/10} декабря) началъ свое правленіе пытками и казнями. Мутаваккиль старался прежде всего освободиться отъ инородныхъ главарей (персовъ, турковъ), но не пытался привлечь на свою сторону арабовъ. Онъ устранилъ господствовавшее при дворѣ со временъ Мамуна политическое и религіозное управленіе; онъ воротился къ ученіямъ суннитовъ и зашелъ такъ далеко, что казнилъ не только мутазелитовъ (болѣе свободомыслящихъ мусульманъ), но и каждаго, кто отзывался неблагопріятно о первомъ халифѣ или съ похвалою объ Али. Онъ приказалъ разрушить гробницу Гусейна и вспахать землю, гдѣ она находилась. Онъ осмѣивалъ Али и преслѣдовалъ его потомковъ, что возмущало даже суннитовъ, ибо, хотя они и не обоготворяли Али, подобно шиитамъ, но всежъ-таки чтили его, какъ зятя пророка и бывшаго владыку правовѣрныхъ, наравнѣ съ Абу Бекромъ и Омаромъ. Какъ строгій суннитъ, онъ возстановилъ всѣ прежнія обидныя постановленія противъ евреевъ и христіанъ и прибавилъ къ нимъ еще болѣе оскорбительныя. Такъ они должны были носить желтые платки поверхъ своей одежды и имѣть деревянные стремяна и по два ядра на сѣдлахъ. *Къ своимъ жилищамъ они обязаны были приставлять деревянные фигуры, представляющія черта, и даже рабы ихъ должны были носить желтые значки. На нихъ наложены были новыя подати, многія церкви и синагоги были уничтожены и обращены въ мечети*“.

Вышнее положеніе Халифата въ правленіе Мутаваккиля было довольно печальное. Греческій флотъ подошелъ къ Даміэтту (853), разрушилъ городъ и разорилъ многія мѣстности на морскомъ берегу или при устьяхъ Нила. Въ Арменіи намѣстникъ халифовъ былъ убитъ и армянскіе князья боролись за свою независимость, но, по недостатку единенія, они были разбиты Богою, доходившимъ до Товина и Тифлиса. Византійцы нѣсколько разъ вторгались въ пограничныя области Сиріи и Месопотаміи, увозя съ собою много плѣнныхъ и богатую добычу, и Мутаваккиль лишь въ послѣдніе годы своего прав-

ленія смогъ, въ нѣсколькихъ счастливыхъ битвахъ, отомстить византійцамъ и совершить нѣсколько удачныхъ походовъ вплоть до Синопа. Сверхъ этихъ войнъ и мятежей нужно еще упомянуть о возстаніи въ Седжистанѣ, усмиреномъ было Абд-Алла Иби-Тагиромъ, который однако положилъ начало владычеству Саффаридовъ, вскорѣ распространившемуся по всему востоку. Наконецъ племя Берберовъ-*Беджахи*, бродившее въ пустынь между Египтомъ, Нубіею, Абиссиніею и Краснымъ моремъ, стало тревожить своими грабежами весь верхній Египетъ, такъ что Мутаваккиль былъ принужденъ выслать противъ нихъ 20.000-ное войско и ударить на нихъ съ моря и изъ Египта. Предводитель берберскій покорился и былъ помилованъ, хотя онъ и возилъ съ собою идола, изъ чего слѣдуетъ, что халифъ, по требованію расчета, умѣлъ сдерживать свой религіозный фанатизмъ. „Мутаваккиль палъ жертвою заговора (4—5 іюня 861 г.), въ коемъ участвовалъ его сынъ Мунтасиръ, ставшій халифомъ, но не надолго“ († 4—5 іюня 862 г.)¹⁾.

Обращаясь къ свидѣтельству нашей легенды о посольствѣ Византійскомъ къ Альмутаваккилю въ 851 г., замѣтимъ, что представленное ученымъ XIX в. (Вейлемъ) состояніе Халифата въ 50—60-хъ гг. IX в. было безъ сомнѣнія хорошо извѣстно тогдашнему византійскому правительству царицы Θεодоры и малолѣтняго сына ея царя Михаила, имѣвшихъ очень умныхъ и способныхъ дѣятелей въ лицѣ логофета Θεоктиста, магистра Мануила и родного брата Θεодоры патрикія Варды. О личности Мутаваккиля и о внутреннемъ и вѣншемъ положеніи его государства эти византійскіе министры располагали, конечно, не меньшими свѣдѣніями, чѣмъ нѣмецкій ученый, арабистъ-историкъ Вейль—въ 40—60-хъ гг. XIX в. Какія же могла быть нужда для Византійскаго правительства отпирать посломъ къ Мутаваккилю въ 851 г. 24-хъ лѣтняго іерея-философа и учителя, для обращенія ли халифа въ христіанство или для оправданія передъ нимъ исповѣдуемаго Византіею ученія о св. Троицѣ? Умные византійскіе министры само собою ничего, кромѣ оскорбленій и насмѣшекъ, даже дикихъ выходокъ и насилій, не могли бы ожидать отъ такой миссіи, про которую такъ явно сообщаетъ намъ наннонская легенда. Въ ней двѣнадцатилѣтній мальчикъ Михаилъ созываетъ соборъ, призываетъ въ

¹⁾ Weil, *Gesch. d. Chalifen*. Mannheim. 1848. B. d. II, 337—372 и *Weil—Gesch. d. islamitischen Völker*. Stuttgart. 1866. Ss. 178—181. Почти буквально держусь словъ Weil'a (по 2 изд.).

него Константина Философа и говоритъ ему: „слышиши ли, философъ, что глаголютъ скверныи Агаряны на нашу вѣру? ты же, како светлыя троица сынъ слоуга и оученикъ, шедъ противъ ся имъ, и богъ, съвършитель сынъ всякон вещи, славимыи въ троицѣ отъць и сынъ и светыи доухъ, ть да подастъ ти благодать и силу въ словесехъ и яко друугаго Давида явить тя на Голиафа, съ трѣми каменьями побѣждьша и возвратитъ тя къ намъ, сподобль небесному царьствію. Слышавъ се, отвѣща: съ радостію иду за христіанскую вѣру, что бо есть мнѣ слаждше на семь свѣтѣ, нь по свѣтѣи троицѣ живу быти и умрѣти *припослана* же с нимъ асикрита и георгіа полашу“.

Ии хорошіи лѣтописецъ, ии простой очевидецъ изъ свѣтскихъ людей, чиновникъ или посланецъ, никогда бы не рѣшились *привѣгнуть* къ такому изложенію столь важнаго обстоятельства... Нашъ жизнеописатель, конечно, при этомъ не присутствовалъ и ни отъ кого изъ присутствовавшихъ при этомъ ничего не могъ слышать. Онъ рассказываетъ о фактѣ, о случаѣ ему мало извѣстномъ *своими* словами, но не отъ себя, а въ драматической формѣ, влагая *свои* слова, *одни* въ уста двѣнадцатилѣтняго ребенка, другія въ уста своего героя Константина Философа.

Спрашивается, неужели это мѣсто было написано жизнеописателемъ подъ диктовку Меоодіа?

Далѣе онъ прибавляетъ, что съ Константиномъ Философомъ *припосланы* были *асикритъ* и Георгій Полаша.

Это извѣстіе очень, какъ увидимъ, важно и обнаруживаетъ въ авторѣ легенды все же нѣкоторое знакомство съ дѣломъ. И здѣсь приходится сказать: „и такъ, да не такъ и то, да не то“.

Посольство къ сарацынамъ дѣйствительно состоялось, но не въ 851 г., едва ли было въ Багдадѣ, и во всякомъ случаѣ не для объясненія халифу догмата о св. Троицѣ. Былъ въ этомъ посольствѣ и асикритъ Фотій, впоследствии знаменитый патріархъ, былъ и Георгій, сынъ... (неизвѣстно чей).

Византійскіе источники этого времени, довольно скудные, замѣчательно пополняются источниками арабскими, въ данномъ случаѣ особенно свидѣтельствами историка Табари, родившагося въ 839 г. (224 г., гиджры) въ г. Амунъ, близъ Каспійскаго моря въ персидской провинціи Табаристанѣ. Получивъ хорошее образованіе у себя на родинѣ, онъ путешествовалъ затѣмъ по Египту, Сиріи и Ирану и черезъ Басру и Куру пріѣхалъ въ Багдадъ, гдѣ и поселился, занявъ учительскую должность. Человѣкъ образованный и по тогдашнему времени

ученый, онъ задумалъ и отчасти завершилъ громаднѣйшій трудъ. Ему принадлежитъ въ арабской литературѣ первый опытъ свода историческихъ свѣдѣній арабскихъ по всеобщей исторіи отъ сотворенія міра до его времени. Табари умеръ въ февралѣ 923 г., въ Багдадѣ.

Благодаря недавнему почтенному труду А. А. Васильева „Византия и Арабы. Политическія отношенія Византии и Арабовъ за время Аморийской династіи. С.-Пб. 1900 г.“, изъ котораго я почти буквально заимствовалъ вышеприведенныя строки о Табари, мы имѣемъ теперь на русскомъ языкѣ подробныя извѣстія этого важнаго арабскаго писателя о взаимныхъ отношеніяхъ арабовъ и Византии въ правленіе Мутаваккіля съ 851 по 861 г. Эти извѣстія значительно дополняютъ современныя византийскія, которыя далеко не отличаются такими же подробностями и точностью, какъ арабскія. Кромѣ извѣстій военныхъ мы находимъ здѣсь и свѣдѣнія о перемиріяхъ и посольствахъ по случаю обмѣна плѣнныхъ.

„Со времени послѣдняго обмѣна плѣнныхъ въ 845 г. мы не находимъ извѣстій объ арабо-византийскихъ столкновеніяхъ до 851 г. Начиная съ этого года Али-ибн-Ихъя-ал-Армени, начальникъ пограничныхъ войскъ, три года подрядъ, въ 851, 852, 853 гг., вторгнулся лѣтомъ въ византийскіе предѣлы. Никакихъ подробностей объ этихъ походахъ не сохранилось. Въ 853 г. Византийскій флотъ явился у Даміатты... Объ этомъ есть подробности у арабовъ“.

Ни у Табари, ни у Масуди († 956—958) нѣтъ ни единого упоминанія о какомъ бы то ни было Византийскомъ посольствѣ къ арабамъ или о перемиріи ихъ съ греками для обмѣна плѣнныхъ ни въ 851, ни въ ближайшихъ къ нимъ годахъ. До 851 г. у Табари и у Масуди есть извѣстія о перемиріи и обмѣнѣ плѣнныхъ въ 845 г. Передъ тѣмъ обмѣна плѣнныхъ не было съ 809—811 г., а слѣдующее за перемиріемъ 845 г. происходило, по свидѣтельству Табари и Масуди, въ концѣ 855—въ началѣ 856 г.

Такъ называемая сарацынская миссія Константина Философа паннонскою легендою была ничто иное, какъ посольство Византийское, отправленное къ сарацынамъ для заключенія перемирія и для обмѣна плѣнныхъ.

Подъ 241 г. гижры (=22-го мая 855—9-го мая 856 г.) у Табари (по переводу Васильева) говорится: „Въ этомъ году греки напали на Аназарбу и взяли въ плѣнъ находившихся въ ней зутитовъ съ ихъ женами, дѣтьми, буйволами и стадами быковъ и коровъ. Въ этомъ году былъ обмѣнъ плѣнныхъ между мусульманами и греками.“

Идетъ разсказъ о причинѣ, по которой онъ произошелъ. Рассказывается, что Феодора, царица грековъ, мать Михаила, *послала человѣка по имени Георгія, сына...* ¹⁾, просить объ обмѣнѣ тѣхъ мусульманъ, которые находились въ рукахъ грековъ. И отправилъ Мутаваккиль посла изъ шитовъ, по имени Наср-иб-ал Азхар-ибн-Фараджа, чтобъ узнать вѣрно, кто изъ мусульманскихъ плѣнниковъ находится въ греческихъ рукахъ, и приказать ихъ выкупить. Это было въ мѣсяцѣ шабанѣ этого года (15-го декабря 855—12-го января 856 г.). (И ушелъ Насръ) ²⁾, послѣ того какъ пробылъ у нихъ (грековъ) нѣкоторое время“.

Далѣе сообщается распространившійся было у мусульманъ слухъ, что, по уходѣ Насра, было избито греками до 12 тыс. плѣнныхъ, отказавшихся принять христіанство. Мутаваккиль избивалъ не правовѣрныхъ мусульманъ изъ полученныхъ имъ послѣ обмѣна плѣнныхъ. До обмѣна же плѣнныхъ ни арабамъ, ни грекамъ не было никакой причины къ ихъ избіенію. Всячески этого быть не могло.

„И пришло письмо Мутаваккилья къ правителямъ сирійской и месопотамской пограничной области о томъ, что евнухъ Шенифъ уже вступилъ въ переговоры съ *Георгіемъ великимъ посломъ грековъ*, по вопросу объ обмѣнѣ, и что они уже пришли къ соглашенію. *Георгій просилъ перемирія отъ* пятого числа мѣсяца геджеба 241 г. до 22-го ч. мѣсяца шевваля этого года (съ 19-го ноября 855 по 5-ое марта 856 г.), чтобы собрать плѣнныхъ и чтобы у нихъ было время отправиться въ свои безопасныя мѣста. И пришло письмо объ этомъ въ среду 5-го ч. мѣсяца реджеба (19-го ноября 855 г.). И произошелъ обмѣнъ въ день розговѣнья этого года.

И *выступилъ Георгій, посолъ греческой царицы, по направленію къ пограничной области, въ субботу 22-го ч. мѣсяца реджеба (6-го декабря 855 г.) на семидесяти мулахъ, для него нанятыхъ. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ Абу-Кахтаба, магрибецъ изъ Тортозы, для опредѣленія времени розговѣнья. Съ *Георгіемъ прибыло много патрикіевъ и слугъ, около пятидесяти человекъ*“.*

¹⁾ Васильевъ при этомъ замѣчаетъ: „Можетъ быть, Георгій, сынъ Карбеаса, извѣстнаго павликианца“. (Прил. IV с. 53). А можетъ и другой Георгій? прибавимъ мы. За словомъ *сынъ* у Табара „арабскія буквы безъ достаточнаго количества точекъ не даютъ намъ возможности точно опредѣлить имя отца Георгія. Можетъ быть Карбеаса“ (2 т. III. 178. Пр. 4). Во всякомъ случаѣ это тотъ же „Георгій Полаша“ житія Кириллова.

²⁾ Васильевъ замѣчаетъ: „Въ текстѣ пропускъ; эти слова надо добавить“.

При обмѣнѣ было много любопытныхъ постороннихъ, такъ главный судья и разные богатые люди изъ Багдада.

„Разсказываютъ, что обмѣнъ произошелъ въ греческой области на р. Аллямисъ, въ воскресенье 12-го ч. мѣсяца шевваля 241 г. (23-го февраля 856); плѣнныхъ мусульманъ было 785 человекъ; изъ нихъ 125 женщинъ“.

„Георгій великій посолье грековъ“ у Табари долженъ быть однимъ лицомъ съ *Георгіемъ Полашию* ¹⁾ нашей легенды. Въ 851 г. не могло быть никакого посольства изъ Византіи къ арабамъ и предметомъ посольства не могло быть преніе о св. Троицѣ, тѣмъ болѣе въ этомъ году, ни также въ послѣдующемъ, когда (851—853 г.) происходили военные дѣйствія между Византіею и арабами. Житіе Константина Философа сверхъ *Георгія* (Полаши) упоминаетъ еще *асикрита*. Такимъ образомъ оно подтверждаетъ догадку Хергенрёттера о томъ, что Фотій, будучи секретаремъ, былъ въ посольствѣ у арабовъ или въ 856 или еще раньше въ 846 г., но Хергенрёттеръ тутъ же прибавилъ, что правильнѣе остановиться на 856 г., а не на 845 г. Въ самомъ дѣлѣ Фотій въ сороковыхъ годахъ былъ слишкомъ молодъ, чтобы быть асикритомъ; если онъ умеръ въ 891 г. еще не въ глубокой старости, то вѣрно предположеніе того же Хергенрёттера, что онъ родился приблизительно между 816—826 г., и даже вѣроятнѣе ок. 820 г. Изъ всего житійнаго сказанія о такъ называемой сарацинской миссіи заслуживаетъ вниманія и достовѣрно одно только упоминаніе о *Георгіи* и *асикритѣ*. Но съ какой стати, зачѣмъ и для чего могъ быть взятъ Константинъ Философъ въ эту поѣздку къ арабамъ для обмѣна плѣнныхъ?

Тѣ же арабскія извѣстія позволяютъ предполагать, что Константинъ Философъ получилъ секретную и довольно опасную миссію. Какъ знатокъ славянскаго языка и уже совершившій къ тому времени

¹⁾ Вѣрно ли это второе слово, конечно рунаться нельзя, но упоминаніе *Георгія* въ житіи и въ арабск. источникѣ очень важно, и это тождество конечно не случайно.

²⁾ *Hergenhöher*, Photius I, 342—343. Um 855—856 fand wiederum eine Auswechslung d. Gefangenen statt. Wohl bei dieser Gelegenheit, wenn nicht schon bei einer früheren (845) kam unser Photius als Gesandter d. Kais. Hofes in den muhamedanischen Orient. При этомъ Хергенрёттеръ указываетъ на собственные слова Фотія въ письмѣ къ брату Тарасію — ἐπιπρό τῶ τε κοινῶ τῆς πρεσβείας καὶ τῆ βασιλείῃ ψήφῳ πρεσβεῖν ἡμᾶς ἐπ' Ἀσσυρίους αἰρηθέντας ἤτρησας τὰς ὑποθήσεις κ. τ. λ. Assyrii heissen auch sonst die Unterthanen d. Chalifen. Liutpr. Legat Niceph. p. 356 (post Leon. Diac. ed. Bonn). Theophan. Contin. L. VI p. 415.—(Hergentr. Phot. I, 343. Anm. 24).

(855 г.), по крайности значительную часть своего великаго дѣла, напр. переводъ чтеній Евангелія и Псалтири, Константинъ Философъ былъ избранъ, какъ знатокъ языка славянъ, игравшихъ немаловажную роль въ военныхъ дѣйствіяхъ арабовъ съ византійцами.

Устраняемая не разъ Византіею славянскія военныя колоніи въ Малой Азіи, особенно Юстиніаномъ II (687 г.), въ области Опсикій послужили къ ознакомленію арабовъ со славянами; еще въ 664 г. (Σκλαβίνοι), по свидѣтельству Теофана, 5.000 славянъ переданы вождю арабовъ, который и поселилъ ихъ въ Сиріи, въ области Апамейской ¹⁾. Въ 687 г. во время войны Юстиніана II съ арабами 20.000 славянъ изъ области Опсикій переданы арабамъ. У Анастасія есть извѣстіе о множествѣ славянъ, служившихъ у арабскаго вельможи Абумуслима, въ битвѣ при Тіанѣ (754 г.). Тотъ же Анастасій подъ 762 г. говоритъ, что по поводу смутъ у болгаръ по случаю избранія новаго вождя Телетца, множество славянъ покинуло свою родину и искало убѣжища у императора, который и послалъ ихъ въ Византію. Теофанъ и Никифоръ передаютъ то же самое, а послѣдній прибавляетъ: „Славяне, гонимые изъ родины, переходятъ Эвксинъ. Число ихъ было, говорятъ, до 208 тыс. Они поселились у р. Артаны“ ²⁾.

По словамъ арабскаго писателя Беладзори (IX вѣка) Мерванъ-иби-Магомедъ († 750 года) поселилъ славянъ въ пограничной Византійской имперіи области, а Ибнъ-Хордадъ-бѣ, говоря о дорогахъ изъ Киликіи на сѣверъ, замѣчаетъ: „кто хочетъ пройти черезъ Киликіскія ворота въ Малую Азію, долженъ миновать нѣсколько станцій, между прочимъ Хисп-ас-Сакалиба (крѣпость славянъ) и дойти до рѣки Подандоса. Оставивъ послѣднюю, нужно продолжать путь ущельемъ, носящимъ имя „двѣ трещины“, перерѣзанномъ вдоль рѣкою, которую надо перейти въ бродъ двадцать (?) разъ, до теплаго источника, который отдѣленъ отъ Лулу легкимъ для подъема косогоромъ. Перешедшіе этотъ косогоръ имѣютъ Лулу передъ собою“ ³⁾.

¹⁾ Арабскій поэтъ ал. Ахталъ (ум. въ к. VII в.), жившій въ Дамаскѣ, очевидно выдавалъ славянъ, поселенныхъ въ Сиріи. См. его упоминаніе о нихъ у Гаркави Сказ. мус. пис. о Славян. и Русск. С.-Пб. 1870. С. 2.

²⁾ В. Ламанскій. О Славянахъ въ Малой Азіи, Африкѣ. С.-Пб. 1859. Замѣчательная статья г. Панченка „Памятникъ Славянъ въ Византіи VII в.“ (по поводу важной находки, мольбодула, касающагося Славянскихъ федератовъ въ Византіи, въ Изв. Р. Арх. Инст. въ Константинополѣ. VIII, вып. 1—2. Софія. 1902. стр. 15—62).

³⁾ Васильевъ. Византія и арабы, с. 97—98.

Крѣпость *Лулу*—древняя крѣпость *Фавстинополь*—между Поданомъ и Тіаню.

Должно думать, что Константинъ Философъ былъ уговоренъ ѣхать съ посольствомъ въ 855 году не потому лишь, что онъ былъ близокъ къ одному изъ главныхъ участниковъ его, асириту Фотію, и къ вліятельному при дворѣ логовету Теокисту. Это порученіе представляло много трудностей и требовало отъ Константина Философа полной готовности ко всякаго рода физическимъ и нравственнымъ трудамъ и тягостямъ. Въ имперіи, въ самой столицѣ, а тѣмъ болѣе въ провинціяхъ не мало находилось болѣе или менѣе образованныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которыя перебивали не годъ, не два въ плѣну у арабовъ и за это время успѣли научиться разговорной арабской и тѣмъ болѣе персидской рѣчи, а между тѣмъ правительство приглашаетъ Константина Философа, по арабски и персидски конечно не знавшаго, хотя теперь и принято называть его ориенталистомъ и, разумѣется, напрасно. Какъ ни берегли его при дворѣ, однако, зная его не особенно крѣпкое здоровье, зовутъ и просятъ поѣхать съ словомъ Георгіемъ. Очевидно, онъ былъ нуженъ правительству, какъ знатокъ славянъ и славянскаго языка. Оно желало попытаться счастья, не удастся ли состоявшимъ на службѣ у арабовъ славянъ и такъ или иначе помусульманенныхъ обратить въ христіанство. Дорога къ мѣсту переговоровъ на рѣкѣ Лямисъ шла близъ крѣпости (*château*) Лулу черезъ слѣдовавшее за нимъ поселеніе, славянское. Можно думать, что и въ самой крѣпости Лулу, отнятой арабами у византийцевъ въ 832 году, поселены были славяне. Не вслѣдствіе ли пребыванія среди нихъ Константина Философа и бесѣдъ съ ними, съ 856 года зародился въ Лулу кружокъ людей съ симпатіями и влеченіями къ христіанству и его представительницъ — Византіи и съ желаніемъ отторгнуться отъ Багдада? Въ 859 году, а вѣроятно и раньше, (въ теченіе 856 — 858), какъ видно изъ арабскихъ источниковъ, крѣпость Лулу уже была въ рукахъ грековъ, и начальникомъ ея былъ уже какой-то патрикій изъ Византіи. Но въ 859 году мусульманская сторона снова одолѣла, патрикій былъ выданъ арабамъ, и на должность его явился снова мусульманскій начальникъ. Быть можетъ, сообщеніе житія о покушеніи сарацинъ на жизнь Константина Философа посредствомъ отравленія и не лишено основанія.

Во всякомъ случаѣ жизнеописатель славянскаго первоучителя получилъ нѣсколько свѣдѣній отъ брата и сподвижника его Меѳодія. Понятно, задача Константина была секретная, и Меѳодій, конечно, не

сообщалъ объ его миссіи никакихъ подробностей. Имена и званія посланниковъ Георгія и асикрита были, конечно, сообщены Меоодиѣмъ. Очень возможно, что окончательно написанное въ Панноніи житіе сознательно не поименовало асикрита, такъ какъ слово Фотій было уже ненавистно въ римскихъ діоцезахъ конца IX и начала X вѣка. Меоодій не могъ ошибиться въ датѣ, такъ какъ въ послѣдовавшую черезъ пять, шесть лѣтъ (послѣ 856 г.) Хазарскую миссію, длившуюся не меньше полъ-года, младшій братъ не разъ, конечно, сообщалъ своему спутнику — старшему брату свои впечатлѣнія и воспоминанія о миссіи сарацынской. Какъ бы ни ослабла память Меоодія въ послѣдніе годы его тяжелой испытаніями жизни, однако трудно думать, чтобы онъ могъ отдалить сарацынскую миссію своего брата на цѣлыя пять лѣтъ, относя ее къ 851 году, когда она окончилась приблизительно за пять до ихъ совместной поѣздки (въ 861—2 г.) въ Крымъ и къ хазарамъ.

Эта ошибка въ годѣ скорѣе позволяетъ думать, что жизнеописаніе Константина Философа не только не писано подѣ диктовку Меоодія, но и не было имъ просмотрѣно, или этого мѣста о годѣ (24 лѣтъ) не было вовсе въ первоначальномъ текстѣ житія, а вставлено или прибавлено впоследствии или наконецъ ошибочно передано переписчикомъ.

Что сказать о приводимыхъ въ Житіи бесѣдахъ Константина Философа съ сарацынами? Новѣйшіе жизнеописатели Константина Философа обыкновенно приводятъ эти рѣчи въ разсказѣ о сарацынской миссіи славянскаго первоучителя. На какомъ основаніи? Неужели можно думать, что необычайно скромный, не любящій никогда говорить о себѣ и своихъ трудахъ, Константинъ Философъ счелъ нужнымъ записать свои рѣчи, свои опроверженія мусульманскихъ мнѣній и передать ихъ начальству или потомству? Не сомнѣваюсь, что и эти рѣчи Константина Философа, точно также какъ и вышеупомянутыя слова двѣнадцати или тринадцати-лѣтняго Михаила III и отвѣтъ на нихъ Константина принадлежатъ вполне автору легенды. Впрочемъ, нужно прибавить, что бесѣды сарацынскія были не столько написаны, то-есть, сочинены жизнеописателемъ, сколько впоследствии (въ XII—XIII в.) извлечены изъ разныхъ обличительныхъ статей противъ мусульманства, весьма впоследствии распространенныхъ и въ старой славянской письменности. Славянскіе переводы этихъ греческихъ обличительныхъ полемическихъ статей противъ мусульманства были вызываемы реальною потребностью. Славянское племя ранѣе и болѣе всѣхъ другихъ

европейскихъ народностей стало знакомиться съ исламомъ и принимать его. Въ настоящее даже время не менѣе полмилліона славянъ принадлежатъ къ его исповѣдникамъ.

Если вѣрно, что эти бесѣды Константина Философа у сарацынъ не взяты изъ его тетрадей, не имѣютъ такъ сказать значенія документальнаго, то спрашивается, могутъ ли онѣ принадлежать автору такъ называемой паннонской легенды? Среди славянъ моравскихъ не только не было славянъ-мусульманъ, но и объ исламѣ въ IX вѣкѣ они едва-ли и слышали. Зачѣмъ бы стали моравянинъ такъ о немъ распространяться и откуда бы онъ досталъ эти греческія полемическія сочиненія? Въ повѣйшихъ спискахъ древнихъ паннонско-славянскихъ памятниконъ X—XI вѣка мы не находимъ ни одного изъ такихъ обличеній. Неужели гдѣ-нибудь въ Панноніи въ исходѣ IX вѣка имѣлись греческіе ихъ подлинники?

Не надо ли думать, что и эти сарацынскія бесѣды, приписанныя Константину Философу въ паннонской легендѣ, внесены были въ первоначальный ея текстъ гораздо позже и гдѣ-нибудь подальше, на сѣверѣ въ Руси или вѣроятно же на югѣ, за Дунаемъ.

Въ житіи сказано: „бѣху бо образы демонскыя написали вѣнѣуду на дверехъ всѣхъ христіанъ дивы творяще и ругающе ся“. Константинъ Философъ могъ видѣть, а вѣроятно и видѣлъ не рисованныя и не написанныя, а деревянные изваянія чертей, и мусульмане могли еще указывать ему на послѣднія, а не на первыя. Неужели это мѣсто могло быть написано Константиномъ Философомъ? Приписываемый ему тутъ отвѣтъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ народной остротѣ христіанскихъ подданныхъ злого и малоспособнаго халифа: „эти приставленные къ домамъ черти убѣгаютъ изъ домовъ, гдѣ живутъ христіане и евреи“. И неужели мудрый и идеальный нашъ первоучитель сталъ бы присвоивать себѣ эту базарную остроту? Очевидно, послѣ постановки деревянныхъ статуй-чертей, мстя халифу за эту оскорбительную и глупую мѣру, христіанское и еврейское населеніе острило и издѣвалось надъ нею. Можетъ она была и передана Меѳодіемъ, — онъ могъ слышать ее и не отъ брата, — но всячески Меѳодій не сталъ бы ее приписывать брату.

III.

Въ разказѣ легенды о пребываніи Константина Философа въ Херсонѣ три любопытныхъ мѣста заслуживаютъ рассмотрѣнія. Но

прежде представлю одно соображеніе о поводѣ, о главной причинѣ этой миссіи, какъ они изложены въ Житіи.

По словамъ Житія, поводъ былъ почти тотъ же самый, что и при сарацынской миссіи. Тутъ сарацыны воздвигли хулу на св. Троицу и вызывали грековъ поспорить съ ними о вѣрѣ. Отъ хазаръ являются посланники въ Царьградъ и говорятъ: мы исперва Бога знаемъ и кланяемся ему на востокъ, но держась стыдныхъ обычаевъ, евреи привлекаютъ насъ въ свою, а сарацыны съ своей стороны, давая намъ миръ и подарки, увѣряютъ насъ, что ихъ вѣра навлучшая. Живя съ вами (съ греками) въ мирѣ и въ дружбѣ, зная, что вы великій народъ и царство отъ Бога держите, обращаемся къ вамъ и просимъ вашего совѣта, пошлите намъ мужа книжнаго и, если вы переспорите евреевъ и сарацыновъ, мы примемъ вашу вѣру. Тогда царь послалъ за философомъ, передалъ ему хазарскую просьбу и объявилъ: иди, философъ, къ этимъ людямъ „и сотвори слово и отвѣтъ о святой троицѣ, съ помощію ея, инъ бо никтоже не можетъ достойно сего творити“. Константинъ Философъ отвѣчаетъ на это: „аще велишь, владыко, на такуюю рѣчь иду гнѣшь и бось, безъ всего, его же не повелѣвалъ Богъ ученикомъ своимъ носити“. Царь его за это похвалилъ, но прибавилъ: „царскую дръжаву вѣды и честь, чѣстно иди съ царскою помощію“. И Константинъ Философъ тотчасъ затѣмъ отправился въ путь.

И здѣсь, какъ и въ сарацынской миссіи, главнымъ поводомъ и задачею византійскаго посольства оказывается приглашеніе хазарское поспорить о вѣрѣ на этотъ разъ не съ одними мусульманами, но и съ евреями. И здѣсь главнымъ лицомъ миссіи является Константинъ Философъ, тамъ къ нему *прислали* Георгія и аскрита, а здѣсь *придаютъ* ему царскую помощь. Тамъ отчасти было обозначено время, годъ посольства, а здѣсь умалчивается. Только случайно узнаемъ, изъ дальнѣйшаго разказа о возвратномъ пути Константина отъ хазаръ, что Константинъ Философъ былъ не одинокъ, а имѣлъ при себѣ брата Меодія. Правда, раньше этого разказа авторъ житія Константина Философа упоминаетъ Меодія: передавая очень подробно пренія и бесѣды Константина Философа съ хазарами, — эта передача составляетъ цѣлую четверть всего житія—онъ въ заключеніе прибавилъ: „*отъ многа же оубо се мы украцѣше въ малъ положихомъ селико, наплти ради, а. иже хоцетъ свѣршенныхъ силъ бесѣды искати истыгъ, въ книгѣхъ его обряцетъ я, елико приложю учитель нашъ арменсконъ Меодіе, раздѣль я на осмь словесъ, я ту*

узрѣть словесную силу отъ божія благодѣти, како и пламень горящій на противныя“. Изъ этого свидѣтельства можно даже заключать, что бесѣды своихъ съ сарацѣнами Константинъ не записывалъ или по крайности ни Меѳодій, ни другой кто ихъ не переводилъ, и жизнеописатель ихъ доподлинно не зналъ. Изъ упоминанія же о переводѣ бесѣды Константина Философа съ хазарами,—жизнеописатель называетъ Меѳодія *архіепископомъ*,—слѣдуетъ ли, что онѣ были переведены имъ во дни его архіепископства, а не гораздо раньше? Былъ ли ему тогда досугъ на это? И такъ ли нуженъ былъ славянскій переводъ обличительныхъ словъ противъ евреевъ и мусульманъ—славянамъ моравскимъ и паннонскимъ? Когда же онѣ были *переложены*, переведены Меѳодіемъ на славянскій языкъ? Или въ Крыму, или на обратномъ пути, или въ самомъ Царьградѣ? всячески не дорогою въ Моравію. Впрочемъ жизнеописатель Константина Философа не употребляетъ слова *прѣложить* для совершеннаго Константиномъ Философомъ перевода евангелія на славянскій языкъ: „въскорѣ же я (буквы) ему Богъ яви, послушавъ молитвы своихъ рабъ и абіе сложи писмена и начатъ *бесѣду писати* евангольску: испрѣвъ бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово и прочее“. О бесѣдахъ же хазарскихъ Константина Философа онъ не говоритъ, что онѣ были написаны имъ, а замѣчаетъ лишь, что его обличенія евреевъ и мусульманъ находятся *въ книгахъ его*, можетъ не имъ и писанныхъ? И кто знаетъ, переводилъ ли дѣйствительно Меѳодій эти бесѣды? Не есть ли это замѣчаніе—позднѣйшая вставка? Обличеній и полемическихъ сочиненій противъ евреевъ и мусульманъ было много въ греческой литературѣ и въ позднѣйшей славянской письменности. Не принадлежатъ ли всѣ эти подробности преній съ хазарами позднѣйшему распространителю въ этой по крайности части болѣе краткаго Житія Константина Философа.

Чѣмъ болѣе вчитываешься въ рассказъ Житія о хазарской миссіи, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что составителю послѣдней его редакціи очень мало было дѣла до этой миссіи, до ея повода и до ея главной задачи. Все, что болѣе или менѣе достоверно, относится къ открытію мощей св. Климента и нѣкоторыхъ частныхъ о встрѣчѣ съ хазарскимъ воеводой, съ уграми. Упоминанія „*о фильсцѣ языкѣ*“, „*о безводныхъ мѣстахъ пустыль*“, „*о капійскихъ вранихъ кавказскихъ горъ*“ также указываютъ на то, что авторъ Житія могъ обо всемъ этомъ слышать отъ Меѳодія или выписать изъ его или брата его записной книжки. Есть еще одно извѣстіе, слышанное имъ отъ Меѳодія, но совершенно извра-

щенно переданное. Объ этомъ скажу послѣ. Сверхъ разсказовъ Меѳодія, источниками о хазарской миссіи служили жизнеописателю Слово объ обрѣтеніи мощей св. Климента 31-го января 861 г. и краткій безымянный разсказъ (storiola) (Константина Философа), упоминаемый Анастасіемъ въ письмѣ къ епископу Гавдерику.

Впрочемъ въ описаніи хазарской миссіи мы не находимъ ни точности выраженій въ обозначеніи времени или мѣста, ни вѣрнаго представленія или изложенія нѣкоторыхъ упоминаемыхъ случаевъ изъ жизни Константина Философа.

Послѣ приведеннаго разговора царя Михаила съ Константиномъ, конечно, столь же исторически вѣрнаго, какъ и разговоръ относительно сарацинской миссіи, жизнеописатель говоритъ: „абіе же пути со ятъ и хрсона дошедъ, паучи се ту жидовской бесѣдѣ и книгамъ, осьмь части прѣложъ грамматикія и отъ того разумъ въспрѣмъ“.

„Столь(ко) достовѣрное во всѣхъ фактахъ историческихъ, имъ излагаемыхъ“, Житіе, по выраженію проф. Мальшевскаго ¹⁾, сообщаетъ, что Константинъ Философъ тотчасъ, немедленно (абіе) отправился въ путь и, дойдя (дошедъ) до Херсона, также *абіе* научился *жидовской бесѣдѣ и книгамъ* т. е. еврейской живой, разговорной и письменной рѣчи, переложивъ, т. е. переведя восемь частей грамматики, и отъ того получилъ разумѣнье.

Въ слѣдъ за этимъ сообщеніемъ жизнеописатель отмѣчаетъ: „самаряннѣ прѣкой ту живѣашо, и, приходя къ нему, стязашо се съ нимъ и принесе книги самарянскія и показа ему, и испрошь я у него, философъ затвори ся въ храмнѣ и на молитву ся прѣложи и отъ бога разумъ пріемъ, чисти начать книги бес порока. Видѣвъ же самаряннѣ възни великомъ гласомъ и *рече*: въ истину, иже въ Христа вѣруютъ, въскорѣ духъ святый пріемлютъ и благодать. Сыну же его *абіе крѣщшоу ся, и самъ ся крѣсти по немъ*; и обрѣтъ же ту евангеліе и псалтирь *роушѣкими писмени писано*, и человекъ обрѣтъ глаголюща *тою бесѣдою* (т. е. русскою), и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладая различіи писменъ, гласнаа и согласнаа, и *къ богу молитву дрѣжа, и въскортъ начать чисти и сказовати, и диваллху ся ему, бога хваллице*“.

Откуда заимствовалъ нашъ жизнеописатель всѣ эти свѣдѣнія? отъ Меѳодія ли? Онъ не скрываетъ, что въ двухъ послѣднихъ случаяхъ

¹⁾ *Мальшевскій*. Св. Кпр. и Меѳ. Кіевъ. 1886. С. 63.

(съ самаританскими и русскими письменами) явно сказалось чудесное дѣйствіе благодати. Относительно же удивительнаго изученія Константиномъ Философомъ еврейскаго языка Житіе ни о какомъ чудѣ не упоминаетъ.

Самые же новѣйшіе изслѣдователи прямо этихъ чудесъ не отрицаютъ, но о нихъ умалчиваютъ и, обойдя ихъ, утверждаютъ, что „Константинъ Философъ на пути къ хазарамъ, прибывъ въ городъ Херсонъ, научился тутъ языку еврейскому, далѣе *языку самаританскому* (ср. прочтеніе надписи на чашѣ Соломоновой, гл. XIII, Жит. К.), а также и *рѣчи хазарской* (авторъ латинской легенды „*ibique (въ Херсонѣ) gratia discendi linguam gentis illius (Cazarorum) aliquantulum demoratus*). Вся жизнь Константинова подтверждаетъ, что то былъ мужъ рѣдкихъ способностей, особенно филологическихъ. Но недовольно этого. Константину удалось найти здѣсь евангеліе и псалтирь написанныя *русскими* писменами и также челобѣка, у котораго онъ выучился этому языку. Какой это былъ языкъ? Этотъ *росскій* языкъ былъ вѣрнѣе всего языкъ германскихъ росовъ или варинговъ (по русски варяговъ), основателей русскаго государства, которые въ это время подъ предводительствомъ Аскольда и Дира напали даже на Царьградъ“.

Приведенныя слова взяты нами изъ новѣйшаго труда профессора Пражско-чешскаго университета д-ра Фр. Пастрика, „*Dějiny slovan-ských apoštolů Cyrilla a Methoda. Praha. 1902*“, стр. 52—53.

Этотъ трудъ можно считать въ нѣкоторомъ смыслѣ послѣднимъ словомъ новѣйшаго фазиса развитія славяновѣдѣнія. Можно упрекнуть ученаго автора этой книги въ нѣкоторой непослѣдовательности: возстановляя правописаніе и языкъ паннонсконской легенды, какими они должны были быть въ IX вѣкѣ, ученый паннонистъ напечаталъ тексты обѣихъ паннонскихъ легендъ кирилловскою, а не глаголическою азбукой. Впрочемъ этотъ промахъ не умаляетъ нисколько значенія труда г. Пастрика, такъ какъ теперь принято древнѣйшіе кирилловской эпохи глаголическіе памятники печатать кириллицею. Напротивъ пожалуй можно скорѣе похвалить чешскаго ученаго за то, что можетъ и не писанное по глаголически житіе—онъ поступилъ правильно—напечатать по кирилловски, хотя и воображаемымъ правописаніемъ.

Говоря въ текстѣ о *росскомъ* языкѣ, онъ, очевидно, признаетъ его *скандинавскимъ*, сѣверо-германскимъ. Въ примѣчаніи же (32) указываетъ также на мнѣніе русскихъ ученыхъ Горскаго, Бодяпскаго, Гильфердинга о позднѣйшей интерполиціи этого мѣста и прибавляетъ, что Ваттенбахъ, Beitr. 55, держится того же мнѣнія, а Срезневскій от-

носилъ этотъ языкъ къ одному изъ славянскихъ, Григоровичъ же полагалъ, что Константинъ научился въ Херсонѣ глаголическому письму. „Напротивъ, прибавляетъ онъ, Малышевскій подробно (46—50) доказываетъ, что то была библія готская, съ которою Константинъ при этомъ познакомился“.

Надо думать, что г. Пастрнекъ соглашается съ мнѣніемъ Шафарика, Малышевскаго и Голубинскаго и такимъ образомъ допускаетъ, что Константинъ Философъ въ краткое свое пребываніе въ Херсонѣ научился языкамъ: 1) еврейскому, 2) самаританскому, 3) хазарскому, 4) *росскому* (sic), т. е. скандинавскому и 5) готскому.

Такимъ образомъ признавая достовѣрными всѣ показанія легенды и прибавивъ къ нимъ еще свидѣтельство такъ называемой латинской легенды объ языкѣ хазарскомъ, и присовокупивъ, что, по словамъ Ибн-Хаукаля, хазарскій языкъ похожъ на болгарскій (тюркскій), г. Пастрнекъ не счелъ однако нужнымъ согласиться съ авторомъ паннонской легенды на счетъ чудеснаго дѣйствія св. Духа и благодати въ этихъ случаяхъ, и рационалистически объясняетъ эти *факты* великими филологическими способностями Константина Философа. Это уже совсѣмъ непослѣдовательно: излагать чудеса и объяснять ихъ способностями.

Въ теченіе нѣсколькихъ годѣвъ выучиться двумъ семитскимъ, двумъ германскимъ и одному тюркскому, изъ нихъ двумъ мертвымъ и двумъ новымъ,—подвигъ непосильный никакому гениальному человѣку ¹⁾. Безъ допущенія тутъ чуда, даже цѣлаго ряда непостижимыхъ человѣческому разуму чудесъ, невозможно признать достовѣрность этихъ показаній паннонской легенды. Слѣдуетъ впрочемъ сдѣлать одно исключеніе, именно относительно хазарскаго языка. Потому 1) паннонская легенда именно о немъ и умалчивается, 2) относительно его имѣемъ свидѣтельство Гавдерика, котораго нельзя упрекнуть въ измышленія и преувеличенія, 3) оно, т. е. это свидѣтельство вѣроятно и легко допустимо, какъ вполне цѣлесообразное и для Константина Философа вполне сподручное: живя въ Царьградѣ, во дворцѣ, гдѣ между стражею и военными отрядами легко въ его время находились природныя хазары и другіе турки, и способный къ языкамъ, еще юношею и совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, Констан-

¹⁾ *Малышевскій* (прим. с. 45) ссылается на свидѣтельство блаж. Иеронима, „что, бывъ 26 л., Оригенъ началъ учиться еврейскому языку и изучилъ его не въ нѣсколько мѣсяцевъ, а въ нѣсколько дней“. Но страдавшій скептицизмомъ и инеркритицизмомъ, блаж. Иеронимъ (род. 340 г. † 420) едва ли можетъ считаться достовѣрнымъ свидѣтелемъ о личности Оригена (род. 185 г. † 254 г.)

тинъ Философъ легко могъ нѣсколько ознакомиться съ хазарскимъ или однимъ изъ близкихъ къ нему тюркскихъ языковъ, болгарскимъ. На пути къ хазарамъ и встрѣчая въ Херсонѣ или близъ него — хазарь, Константинъ Философъ могъ еще подѣлаться ихъ разговорной рѣчи.

Что касается изученія имъ еврейскаго языка въ Херсонѣ, то свидѣтельство легенды не заслуживаетъ ни малѣйшаго довѣрія. Оно дополнено авторомъ житія примѣчаніемъ, а это примѣчаніе обличаетъ лишь полное его невѣжество въ дѣлѣ, о которомъ онъ говоритъ такъ развязно: „дошедъ до Херсона, научися ту *Жидовской бесидѣ* и *книгамъ, осьмь частей прѣложь граматикѣ, и отъ того разумъ въспріемъ*“.

И такъ онъ научился еврейскому живому языку и еврейскому книжному языку, т. е. библейскому; но библейскій языкъ не единъ: разновремененъ (отъ ігѣсни Деборы до книги Даниїла ок. 1000 лѣтъ промежутку) и разнодіалектенъ—въ книгѣ Ездры, книгѣ Іова, притчахъ Саломона и псалмахъ—уже не рѣдко выступаетъ языкъ арамейскій. Наконецъ древнее еврейское письмо, долго державшееся, какъ надо полагать, въ священныхъ книгахъ, перешло въ болѣе новое, квадратное. Еврейскіе старовѣры и раскольники самаритане держались лишь Пятикнижія, употребляли древнѣйшее, неквадратное еврейское письмо, какъ оно сохранилось въ надписяхъ и на монетахъ, и употребляли языкъ западно-арамейскій.

Что касается изученія имъ въ Херсонѣ языка еврейскаго, то это извѣстіе не можетъ быть принимаемо безъ значительныхъ оговорокъ и ограниченій. Покойный Малышевскій, какъ профессоръ духовной академіи (кіевской), могъ понимать, что и въ наше время, при доступныхъ грамматикахъ и словаряхъ, при хорошемъ руководителѣ, изученіе еврейскаго языка дѣло очень нелегкое. Строго держась самаго высокаго мнѣнія о безусловной правдивости и вѣрности свидѣтельствъ паннонсконъ легенды, Малышевскій счелъ однако нужнымъ, въ оправданіе ея свидѣтельства объ изученіи Константиномъ Философомъ еврейскаго языка въ Херсонѣ, прибавить: „*Имя въ виду предстоящаго состязанія о вѣрѣ съ Іудеями, онъ постарался ознакомиться съ еврейскимъ языкомъ и еврейскими книгами. Еврейскій языкъ могъ быть ему безызвѣстенъ и прежде.* Въ Византійской имперіи жили евреи и теперь, бывали тамъ евреи изъ крещеныхъ, и замѣчательно, что одинъ изъ такихъ крещеныхъ евреевъ обращенъ былъ въ христіанство преп. Стефаномъ Новымъ, который жилъ нѣ-

которое время на Олимпѣ, *иде потомъ жилъ нѣкоторое время и самъ новообращенный, прославившійся какъ святой съ именемъ Константина Синадскаго, что было въ концѣ VIII или началъ IX в.* Эти преданія Олимпа, гдѣ нѣсколько лѣтъ прожили св. братья, занимаясь книжными трудами, могли настраивать любознательнаго и ревностнаго по вѣрѣ Константина къ изученію еврейскихъ книгъ въ ихъ подлинникахъ, чтобы при удобномъ случаѣ послужить обращенію евреевъ. А что подлинныя еврейскія книги были у византійскихъ евреевъ, были извѣстны и правительству во время Константина, это не подлежитъ сомнѣнію ¹⁾. Желаніе изучить еврейскія книги могло быть поощрено въ Константинонѣ и его сарацынской миссіею и спорами съ магомсталами, въ которыхъ оказалась надобность ссылаться на еврейскія книги. Въ Херсонѣ была возможность ближе ознакомиться съ еврейскимъ языкомъ, потому что здѣсь, какъ и въ другихъ торговыхъ городахъ сѣверо-черноморскаго побережья, издавна проживало не мало евреевъ“.

Константинонъ, говоритъ житіе, научился тутъ жидовской бесѣдѣ, т. е. рѣчи и жидовскимъ книгамъ. *Какъ знатокъ основъ грамматики, бывшій профессоръ, Константинъ изучалъ еврейскій языкъ грамматически, искалъ въ грамматической составъ рѣчи, и уяснилъ для себя обычныя уже тогда восемь частей грамматики и въ складѣ еврейской рѣчи и чрезъ это сильнѣе уразумѣлъ смыслъ ея (sic)“.*

Въ примѣчаніи своемъ подъ этими словами Малышевскій прибавилъ: „Припомнимъ, какъ успѣшно еще въ Солуни *доискивался* Константинъ знанія грамматики и затѣмъ въ Цареградѣ налегъ прежде всего на этотъ предметъ изученія. Съ тѣхъ именно поръ могъ уже сложиться у него навикъ *изучать языкъ научно-грамматически, что тѣмъ болѣе должно было имѣть мѣсто при изученіи чужого языка* ²⁾. А что въ IX в. уже существовали еврейскія грамматики, еврейскіе лексиконы, что между учеными евреями были тогда грамматики, можно видѣть въ ст. *Żydowska literatura* въ изд. *Encyclopedyja Powszechna*.

¹⁾ Еврей въ южной Россіи и Кіевѣ (Труды Кіев. Дух. Ак. 1878 г. июнь). У Спассеона Магистра есть рассказъ о Фотіѣ, что онъ приобрѣлъ свою ученость при помощи еврея.

²⁾ Основы грамматики (греческой) Александрійскихъ грамматиковъ никакъ не могли служить пособіемъ для изученія еврейскаго языка. Малышевскій, очевидно, былъ совершенно невнимателенъ въ филологіи.

Warszawa 1868 г., у Бодянского о происхождении слав. письменъ стр. 350^а 1).

Мы вполне согласны съ проф. Малышевскимъ, что въ Царьградѣ, и думаемъ еще въ 50-хъ гг., если не раньше, Константинъ Философъ могъ заинтересоваться еврейскимъ языкомъ, скорѣе письмомъ, и болѣе древнимъ, такъ называемымъ самаританскимъ письмомъ. Интересъ этотъ долженъ былъ пробудиться въ немъ вовсе не по поводу предстоявшаго состязанія съ евреями у хазаръ, а, какъ впервые отчасти догадывался самъ Малышевскій, по поводу занимавшаго его перевода чтеній псалтири на славянскій языкъ. Встрѣчаясь съ недоумѣніями, при сличеніи текстовъ греческаго и вульгаты,—латинскій языкъ ему несомнѣнно былъ извѣстенъ,—онъ могъ признать необходимымъ справляться съ текстомъ еврейскимъ. Но для изученія еврейскаго языка Александрійскіе грамматики отъ Діонисія до Иродіана не могли нѣкоимъ образомъ помочь Константину въ этомъ дѣлѣ. Что же касается до еврейскихъ грамматикъ и лексиконовъ IX в., то проф. Малышевскій и Бодянский сами на счетъ этого сильно погрѣшили.

Правда, у масоретовъ, еще до Акибы († 135 по Р. X.), можно усматривать начатки филологическаго, грамматическаго изученія древне-еврейскаго языка, тѣмъ не менѣе даже средневѣковыя еврейскіе ученые, библиографы и историки литературы, равно какъ и новѣйшіе гебраисты признаютъ первое появленіе еврейской грамматики въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не раньше X в. Первая еврейская грамматика, какъ и первый еврейскій словарь, принадлежатъ духовному старшинѣ (Гаону) евреевъ въ Вавилонѣ, род. въ 892 г. и ум. въ 942 г. Имя его—Саадія бенъ Іозефъ. Еще до него нѣкоторые библейскіе толкователи изъ каримовъ (еврейская секта, явившаяся въ Вавилонѣ въ VIII-мъ вѣкѣ по Р. X.), подъ вліяніемъ арабовъ, стали примѣнять грамматическія категоріи въ своихъ толкованіяхъ (экзегезѣ), но ничего неизвѣстно объ особенныхъ сочиненіяхъ по грамматикѣ до грамматики Саадіи. II *Ааронъ бенъ Ашеръ*, старшій его современникъ, установившій правила для Масоры, не переступилъ границы, отдѣляющей масоретскія правила отъ грамматическихъ правилъ словозмѣненія и словообразованія. Примѣромъ и образцомъ еврейскимъ грамматикамъ и лексикографамъ служила грамматическая

¹⁾ Св. Кирилъ и Меводій первоучители славянскіе. Соч. Нв. Малышевскаго, Кіовъ 1886. Стр. 42—43.

и лексикографическая литература арабовъ. Грамматика Саадіа страдаетъ впрочемъ большими недостатками, и ученый Бахеръ прибавляетъ въ своемъ обзорѣ еврейскаго языкознанія, что почетное имя грамматика принадлежитъ не этому Саадіа, а уроженцу Феса, жившему въ концѣ X и въ началѣ XI в., называвшемуся: *Іахуда бенъ Давидъ Хайюдъжъ* ¹⁾.

Ошибки и колебанія Саадіа извиняетъ Ибнъ Езра тѣмъ, что въ его время вообще (въ 1-ой пол. X в.) не было научнаго знанія еврейскаго языка (*dass es zu seinen Zeiten überhaupt noch keine Wissenschaft d. hebr. Sprache gegeben habe*). Сочинение Саадіа объ языкѣ, сто лѣтъ спустя послѣ его смерти, почти исчезло, лишь нѣкоторыя его части были извѣстны и распространены.

Саадіа составилъ и маленькій, но значительный по мысли, списокъ 90 еврейскихъ словъ, рѣдко или по разу встрѣчаемыхъ въ Библии, но легко объяснимыхъ изъ запаса словъ литературы преданія, особенно же изъ ново-еврейскаго нарѣчія Мишны. Этотъ указатель словъ не слѣдуетъ ни алфавитному, ни какому другому порядку, но тутъ къ библейскому слову приставляется соответственное слово или предложеніе изъ Мишны или Талмуда. Этотъ небольшой сохранившійся трудъ Саадіа далъ толчекъ библейской лексикографіи плодотворнымъ привлеченіемъ новоеврейскаго и арамейскаго языка. Въ своемъ арабскомъ переводѣ Библии Саадіа въ значительной степени воспользовался и арабскимъ языкомъ для объясненія словъ еврейскихъ. Въ его переводѣ часто передаются еврейскіе корни сродными имъ арабскими. Такимъ образомъ можно Саадіа причислять къ основателямъ сравнительнаго семитическаго языкознанія, въ формѣ и въ протяженіи, какъ оно развилось въ его время и послѣ него ²⁾.

Въ слѣдъ за Саадіа, Ибнъ Езра упоминаетъ объ одномъ неизвѣстномъ ему по имени, Іерусалимскомъ ученомъ, написавшемъ на арабскомъ языкѣ восемь цѣнныхъ книгъ или частей по грамматикѣ (еврейской). „Имя этого автора нынѣ уже извѣстно, и трудъ его

¹⁾ Свидѣтельство Моисея ибнъ Езры объ еврейскихъ грамматикахъ см. *Dukes* (Leop.) *Literarhist. Mittheil. üb. die ältesten hebräisch. Exegeten, Grammatiken u. Lexicographen* (въ *Ewald u. Dukes Beiträge z. Gesch. der ältest. Ausleg. u. Spracherkklär. d. A. T. V. II.*—Winter. u. Wünsche *Die jüdische Literat. seit Abschluss d. Kanons. Trier. 1894. V. II. Ss 121 ff.* Коковцева П. К. „Книга сравненія еврейскаго языка съ арабскимъ“. Абу Ибраима (Исаака) ибнъ Баруна С.-Пб. 1893 Сс. 5—10.

²⁾ *Бахеръ*, Winter u. Wünsche. (S. 141).

³⁾ *Ibid.*

долго считавшійся потеряннымъ, былъ найденъ бібліотекаремъ Имп. Публ. библ. А. Я. Гаркави во второй коллекціи рукописей Фирковича, приобретенной ею въ 1876 г. Оказалось, что этотъ трудъ состоитъ собственно изъ семи частей, восьмая же есть сокращеніе предыдущихъ. Общее названіе семи частей *Муштамиль*, 8-й части, сокращенія—*Алькафи*. Имя автора Абуль Фараджъ Гарунъ; онъ былъ каранимъ и писалъ въ 1026 г. ¹⁾.

И такъ Константинъ Философъ былъ лишенъ необходимыхъ книжныхъ пособій (грамматики и словарей) для сколько-нибудь основательнаго изученія языка еврейскаго. Нашему первоучителю, какъ и всѣмъ современнымъ византійцамъ, предстоялъ одинъ способъ ознакомленія съ еврейскимъ языкомъ—черезъ живое посредство евреевъ-преподавателей. Благодаря однако господствовавшему тогда въ государствѣ и обществѣ византійскомъ крайнему антисемитизму, немногія лица, стоявшія выше предубѣжденій толпы, могли рѣшиться на открытое и продолжительно-постоянное общеніе съ гонимыми и презираемыми евреями. Для успѣха частнаго изученія еврейскаго языка даже лицамъ весьма способнымъ къ усвоенію чужихъ языковъ требовалось и продолжительное время и постоянство занятій. Едва-ли Константинъ Философъ могъ начать свои занятія еврейскимъ языкомъ ранѣе 20-ти лѣтняго возраста или ранѣе 847 г., а съ 847 по 858 г. патріархомъ Цареградскимъ былъ Игнатій, человекъ малопросвѣщенный и къ ученымъ подозрительный, ученыхъ не жаловавшій. Антисемитизмъ несомнѣнно былъ имъ поощряемъ, и продолжительное и частое общеніе кого-нибудь изъ грековъ, тѣмъ болѣе духовныхъ лицъ, съ евреями не могло быть не вмѣняемо ему, какъ поведеніе подозрительное и зазорное. Да и Константину Философу, какъ преподавателю и бібліотекарю, было и безъ того много дѣла. При всемъ его трудолюбіи и при всей его любознательности, онъ не могъ успѣть раньше 22—3 лѣтняго возраста близко ознакомиться и съ важнѣйшими писаніями главнѣйшихъ отцовъ и учителей церкви. Судя по его привязанности къ матери и по ся особенной любви къ младшему сыну, при его хорошихъ матеріальныхъ средствахъ и при особенномъ расположеніи къ нему высшихъ правительственныхъ лицъ, его ближайшихъ начальниковъ, нельзя не предполагать, что по отъѣздѣ своемъ изъ Солуни въ Константинополь, онъ не разъ ѣздилъ, къ своей матери и, весьма вѣроятно, посѣщалъ или хотя однажды да навѣститъ.

¹⁾ За сообщеніе считаю долгомъ поблагодарить достопочтеннаго А. Я. Гаркави.

смысла брата Меѳодія, въ близость его правительствъ славянской области въ Македоніи. Притомъ съ начала же 50-хъ гг. до сарацинской инвазіи, мысль и время Константина были главнѣйше, если не исключительно, посвящены высшей задачѣ его жизни, великому, на ижеки преклонившему его подвигу составленія славянской азбуки и перевода на славянской языкъ чтеній евангелія и псалтири¹⁾.

Откуда же заимствовалъ жизнеописатель Константина сообщенныя имъ свѣдѣнія объ усиленномъ изученіи имъ въ Херсонѣ еврейскаго, самаританскаго и готскаго языковъ? Изъ того же источника, какъ и другія свѣдѣнія о Константиновѣ, объ его дѣтствѣ, объ его жизни въ Константинополѣ и пр., т. е. узналъ онъ эти подробности отъ Меѳодія. Но Меѳодій самъ этихъ языковъ не зналъ и конечно, чтъ зналъ объ этомъ, могъ узнать отъ самого Константина и распросами у него могъ провѣрить и несомнѣнно провѣрялъ посторонніе толки толпы объ его знаніи чужихъ языковъ. Ни самъ Константинъ, ни его старшій братъ не могли преувеличивать и чрезъ мѣру превозносить, первый — свои знанія, второй — знанія своего брата. Крайне также сомнительно, чтобы Меѳодій положительно увѣрялъ автора житія, что братъ его никогда до Херсона не занимался еврейскимъ языкомъ, а тамъ занялся имъ ширею и посприять разумъ, переложивъ какія-то восемь частей какой-то грамматики. Константинъ Меѳодію, а Меѳодій автору житія не

¹⁾ „Константинъ Философъ, говоритъ проф. Голубинскій, сдѣлалъ для насъ славянъ то, что составилъ намъ собственную славянскую азбуку и перевелъ греческія богослужебныя книги на нашу собственную славянскій языкъ. Онъ совершилъ для насъ великое дѣло. Но великость его дѣла и великость его заслуги для насъ не въ томъ, что сейчасъ упомянутое онъ сдѣлалъ, а въ томъ, что онъ возмнилъ мысль и рѣшилъ, и нашелъ въ себѣ мужество это сдѣлать. Но только составить нашу азбуку такимъ образомъ, какъ составилъ нашу азбуку Константинъ, чрезъ приложеніе къ греческому алфавиту нѣсколькихъ новыхъ буквъ, но и совсѣмъ вновь изобрѣсти ихъ, т. е. начертанія для буквъ, служащихъ къ обозначенію звуковъ языка, дѣло очень непростое (тогда во времена Константина и было представлено какъ весьма трудное); переводъ съ одного языка на другой, пожалуй иногда и очень возможенъ, но возможенъ уже только въ случаѣ не относясь къ разряду дѣлъ великихъ“. (Житіе Константина и Меѳодія первоучителей славянскихъ. М. 1886. с. 44). Это житіе совершенно невярно (о трудности созданія литературнаго языка и первого перевода сменили, притомъ перевода замѣчательнаго)²⁾. Точно также невярно и житіе нашего великаго почтеннаго и многослуженнаго ученаго объ языкѣ перевода Константина и о томъ, что „очень безыдежно питаемая филологами надежда найти когда нибудь богослужебныя книги, сохранившія подлинный языкъ перевода Константина“ (ibid., с. 25—27). Надеются не на находки величичковъ, а на бѣгле или неже величичковъ и нечестовитое искаженіе древняго текста.

могли передавать явной лжи. Мы видѣли, что Константинъ Философъ, при всѣхъ своихъ филологическихъ способностяхъ, не могъ приобрѣсть сколько-нибудь основательнаго знанія еврейскаго языка, еще менѣе могъ приобрѣсть даже поверхностное его знаніе по дорогѣ къ хазарамъ, да еще одиночкою, безъ помощи учителя, какъ рассказываетъ житіе. Не могъ онъ переложить и какія-то восемь частей грамматики, конечно еврейской, по мысли автора житія. Какъ ни бѣденъ авторъ и мыслью и образованіемъ, однако не разумѣи онъ тутъ грамматики еврейской, онъ бы никогда не прибавилъ—и *отъ того разумъ воспріимъ*. Никогда бы этотъ недалекій писатель не подумалъ, что отъ переложенія восьми частей *греческой грамматики* можно было лучше понять еврейскій языкъ. II что такое „восемь частей грамматики“? вѣроятно, ничто иное, какъ восемь частей рѣчи, но у грамматиковъ арабскихъ и еврейскихъ не восемь, а три части рѣчи. Да и Константинъ Философъ не могъ имѣть въ рукахъ еврейской грамматики, такъ какъ первая еврейская грамматика на арабскомъ языкѣ была написана Гаономъ Саадіа-бенъ-Иозефъ, родившимся въ 892 г. и умершимъ въ 942 г. Ему же принадлежитъ и первый опытъ еврейскаго словаря, а въ него вошло всего 90 библейскихъ словъ съ объясненіями арабскими. Настоящимъ же еврейскимъ грамматикомъ и лексикографомъ еврейскимъ обыкновенно считается у гебраистовъ Іехуда-бенъ-Давидъ Хайюджъ, жившій въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка ¹⁾. Такимъ образомъ ученымъ византіяцамъ раньше половины или конца XI вѣка было почти совершенно недоступно сколько-нибудь основательное знаніе еврейскаго языка. II, чтя дорогую намъ память великаго первоучителя нашего, мы не должны оскорблять ее ложью, хотя бы и придуманною съ благимъ намѣреніемъ. Примѣры Оригена и Иеронима ничего не доказываютъ въ пользу измышленія автора Житія Кириллова, такъ какъ Оригенъ (р. 185 † 254) жилъ въ то время, когда христіане были только терпимы и даже иногда гонимы наравнѣ съ евреями, когда христіане еще антисемитизма не знали; да и прожилъ онъ не сорокъ лѣтъ съ небольшимъ, какъ нашъ первоучитель, а 69 лѣтъ. Оригенъ родился и прожилъ слишкомъ 20 лѣтъ въ Александріи, гдѣ евреи говорили и писали по гречески, затѣмъ пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Аравіи и Палестинѣ, гдѣ имѣлъ возможность постоянно общаться съ евреями и другими семитами, ознакомиться съ масоретами и видѣть и имѣть въ рукахъ множество еврейскихъ

¹⁾ Вахеръ у Wint. u. Wünsche, l. c. G. 161.

рукописей. Бл. Иеронимъ († 420) прожилъ до 80 лѣтъ, въ 385 г. оставилъ Европу, объѣхалъ Палестину и съ 386 г. поселился въ Вилеємѣ, гдѣ и скончался. Сыгъ вѣка просвѣщеннаго, уважавшаго знаніе и не знавшаго еще ненависти къ евреямъ, живя такъ долго среди евреевъ, бл. Иеронимъ могъ стать отличнымъ знатокомъ еврейскаго языка и прекраснымъ переводчикомъ библіи. Рано умершій, Константинъ Философъ (р. 826—827 † 868 или 869) едва успѣлъ закончить свое богословско-философское образованіе, какъ долженъ былъ провести больше года въ тяжелыхъ и небезопасныхъ для его здоровья поѣздкахъ въ Киликію и въ нынѣшнюю южную Россію. Запавшая же ему еще вѣроятно въ отрочествѣ мысль о переводѣ на славянской языкъ св. писанія и богослужебныхъ книгъ, безъ сомнѣнія, долго его занимала въ Царьградѣ, и когда былъ ученикомъ и когда сталъ учителемъ. Дѣло было вовсе нелегкое—много дней и ночей, конечно, было посвящено имъ на придумыванье и выборъ тѣхъ или другихъ письменныхъ знаковъ, еще болѣе убито было времени на обдумыванье и выборъ наилучшихъ словъ и оборотовъ для перевода чтеній евангельскихъ и псалтири. Много, конечно, письменнаго матеріала было уничтожено, пока онъ сталъ продолжать начатое имъ дѣло и пока его окончательно не завершилъ и не счелъ достойнымъ для передачи вѣкамъ и юнымъ безчисленнымъ народамъ славянскимъ (ἔδωκε ἀμετρὰ Προκοπία).

Къ сожалѣнью, съ 1843 г. паннонское Житіе Кириллово нынѣ разсматривается, какъ историческій источникъ первостепенной важности, причемъ постоянно забывается, что оно прежде всего не простая лѣтопись или вѣрная запись всего слышаннаго отъ близкаго человека и отчасти очевидца, что оно, это Житіе, есть прежде всего литературное, религіозно-эпическое произведеніе, частью сотканное изъ узоровъ собственнаго измышленія автора на канвѣ нѣсколькихъ изъ слышанныхъ имъ немногихъ историческихъ фактовъ и лишь въ концѣ своемъ основанное на личныхъ воспоминаніяхъ автора и вообще болѣе или менѣе точныхъ свѣдѣніяхъ, что оно дошло до насъ въ спискахъ, не болѣе раннихъ, чѣмъ вторая половина XV вѣка. Въ теченіе же четырехъ вѣковъ основной текстъ его подвергался не малымъ пропускамъ и передѣлкамъ, поправкамъ и дополненіямъ.

Такъ можетъ быть, а можетъ и нѣтъ—въ бытность свою въ Херсонѣ разсматривалъ Константинъ Философъ какую-нибудь еврейскую, квадратнаго письма, рукопись; можетъ быть, имѣлъ онъ случай видѣть и какую-нибудь самаританскую рукопись круглаго письма. Но подроб-

ности и сопровождавшія ихъ разсмотрѣніе обстоятельства несомнѣнно измышлены въ Житіи. О такъ называемомъ изученіи еврейскаго языка уже было нами сказано. Перейдемъ къ разсказу о самарянѣ. Приходилъ-де къ Константину Философу въ Херсонъ самарянинъ (или самаританинъ) и препирался съ нимъ, и принесъ къ нему книги самарянскія и показалъ ихъ ему. Философъ выпросилъ ихъ себѣ на время и, *затворився* въ своей храмѣ, говоритъ Житіе, „на молитву ся прѣложи, и отъ бога разоумъ пріемъ чисти начатъ книги бес порока“. Видѣвъ же это, самарянинъ возоплъ великимъ голосомъ и сказалъ: во истину вѣрующіе во Христа вскорѣ святой Духъ пріемлютъ и благодать. Тогда сынъ этого самарянина *абіе*, т. е. тотъ же часъ крестился и самъ самарянинъ послѣ него крестился.

Нашъ жизнеописатель хорошо знаетъ, что дѣлалъ Константинъ Философъ, затворившись въ храмѣ, знаетъ, что онъ безошибочно, *безъ порока* сталъ читать самарянскія писмена, знаетъ, что увидавъ, какъ ему легко досталось ихъ чтеніе, самарянинъ сразу сталъ исповѣдывать св. Троицу, а сынъ его тотчасъ же послѣ этого крестился, тогда какъ отецъ, несмотря на свое мгновенное исповѣданіе, крестился немного погодя послѣ сына.

Ноужели этотъ случай могъ быть такъ разсказанъ Меоодіемъ со словъ, конечно, самого Константина Философа? Здѣсь имѣемъ собственно два факта: 1) занятіе Константиномъ Философомъ самаританскою рукописью, 2) обращеніе имъ въ христіанство двухъ самарянъ, отца и сына, въ Херсонѣ. Конечно, и тотъ и другой факты могли произойти въ Херсонѣ, но это свидѣтельство такъ новеллистически и романически передано въ Житіи,—что мы можемъ ихъ принимать за исторически вѣрные, какъ любые разговоры историческихъ лицъ въ историческихъ романахъ и драмахъ. Оба эти факта, и занятія Константина Философа самаританскимъ памятникомъ и обращеніе имъ въ христіанство, конечно, могли быть и въ Херсонѣ и гдѣ-нибудь индѣ, могли быть связаны другъ съ другомъ и могли произойти отдѣльно другъ отъ друга, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ... Изученіе еврейскаго языка пріурочено жизнеописателемъ къ Херсоню, можетъ потому и для того, чтобъ уяснить себѣ и читателю, какъ могъ Константинъ Философъ препираться въ слѣдъ затѣмъ съ хазарами—евреями. Вѣроятно, авторъ Житія думалъ, что Константинъ Философъ разговаривалъ съ ними по еврейски. Въ слѣдъ за разсказомъ объ еврейскихъ штудіяхъ Константина Философа, онъ упомянулъ кстати и о самаританской рукописи, такъ какъ далѣе ему предстояло разсказать о про-

чтенія Константиномъ Философомъ надписи на потирѣ— „изъ драгаго камня Соломона дѣла“. Она была изображена письменами *жидовскими* и *самарянскими*. Ихъ никто не могъ ни прочесть, ни *сказать* (разъяснить). Философъ же ихъ прочелъ, какъ знатокъ жидовскихъ и самарянскихъ книгъ; о знакомствѣ же его съ ними и было поэтому раньше сказано, при упоминаніи о пребываніи въ Херсонѣ.

IV.

Въ слѣдъ за рассказомъ о чудесномъ прочтеніи Константиномъ Философомъ самаританской рукописи и объ обращеніи вслѣдствіе этого чуда въ христіанство двухъ самарянъ, отца и сына, жизнеописатель говоритъ о видѣнныхъ въ Херсонѣ же Константиномъ Философомъ „*свангеліи и псалтири роушъскими писмены*“ писанныхъ „*и чловѣка обрѣсть млагюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ, своєю бесѣдъ прикладая различіи писменъ, гласная и согласная и къ богу молитву дрѣжа и въскоръ* (или *абіе* любимыя словечки нашего автора) *начать чисти и сказовати, и дивляху ся ему, бога хваляще*“.

Это мудреное мѣсто считается давно разъясненнымъ послѣ короткаго замѣчанія Шафарика и подробныхъ истолкованій двухъ русскихъ ученыхъ, профессоровъ Голубинскаго и Малышевскаго. Константинъ Философъ нашелъ де въ Херсонѣ свангеліе и псалтирь, писанныя русскими письменами, съискалъ тамъ же и чловѣка, говорившаго этимъ языкомъ, т. е. русскимъ.

Конечно, это извѣстіе получилъ жизнеописатель отъ Меодія, а Меодій въ свою очередь отъ брата. И такъ мы узнаемъ, что Константинъ Философъ добылъ въ Херсонѣ свангеліе и псалтирь особаго письма, которое онъ назвалъ Меодію русскимъ, а Меодій лишь повторилъ слова Кириллова его жизнеописателю. Но Константинъ не могъ разобрать этого письма, пока не нашелъ въ Херсонѣ же одного чловѣка, говорившаго *этою бесѣдою*, т. е. тѣмъ языкомъ, которому принадлежало это письмо *русское*, и *слѣдовательно на немъ же*, по мнѣнію и по словамъ Константина, *и было писано свангеліе и псалтирь*. Константинъ сталъ разговаривать съ этимъ чловѣкомъ и, *принявши силу рѣчи*,—значить этотъ чловѣкъ говорилъ съ нимъ не по гречески, а на своемъ языкѣ, и Константинъ Философъ, не разбравшій писаннаго, изъ устной бесѣды *принялъ силу рѣчи*. Онъ принялъ эту силу рѣчи, объясняетъ нашъ авторъ, и прикладая своей

бесѣдѣ (греческой) различія письменъ, гласныя и согласныя, и къ богоу молитву держа, и въскорѣ началъ читать и сказовати (т. е. громко произносить) и дивляху ся ему бога хваляще. И такъ, обрѣтенный Константиномъ человекъ заговорилъ съ нимъ тѣмъ языкомъ, на коемъ были написаны евангеліе и псалтирь, а Философъ сталъ ихъ читать.

Очевидцы этого чуда дивились ему, говорить жизнеописатель, и хвалили Бога. Мы черезъ тысячу съ лишнимъ лѣтъ этому не удивляемся и объясняемъ все это очень просто.

Константинъ ошибся, принявъ это особое письмо за русское, тогда какъ это евангеліе и псалтирь были готскія, онъ же принялъ ихъ за русскія, а въ слѣдъ за нимъ и Меѳодій, повѣрившій брату и передававшій это обстоятельство нашему жизнеописателю, также повѣрившему Меѳодію, что это были русскія письмена. Но отъ кого же Константинъ Философъ узналъ, что это должны быть письмена русскія, и почему онъ назвалъ евангеліе и псалтирь русскими? Очень просто, отвѣчаютъ наши ученые. Это евангеліе и этотъ псалтирь принадлежали варягоруросу изъ Азовско-Таврической Руси, *поселившейся здѣсь* (въ Тмутараканской области и въ Тавридѣ по крайности въ 20-хъ гг. IX вѣка) рядомъ съ ютами и *слившейся съ ними въ одно* ¹⁾.

„Это мѣсто паннонскаго Житія Константинова *сокрушало головы славянскимъ изслѣдователямъ. Но если мы примемъ вышесказанное, что варяго-русы поселились въ Тавридѣ съ готами и слились съ ними въ одинъ народъ, такъ что русское называли ютскимъ и наоборотъ, то для насъ загадка разгадается: Константинъ встрѣтилъ въ Херсонѣ варяго-русса съ готскимъ евангеліемъ и апостоломъ* (sic) ²⁾ (которое называется по сей часъ вышеуказанному). А кто сомнѣвается въ томъ, чтобы въ половинѣ IX-го вѣка могло еще оставаться (живымъ) богослуженіе на готскомъ языкѣ, тому отвѣчаетъ Валафридъ Страбонъ (Walafridus Strabus или Strabo. Вал. Косой) западный писатель (спорной національности) именно половины IX вѣка († 849). Онъ говоритъ о богослуженіи на готскомъ языкѣ въ свое время“.

Изъ предположенія, что варяги-русы въ концѣ VIII или въ началѣ IX вѣка прочно утвердились въ Азовской и Таврической области и по крайней мѣрѣ къ половинѣ IX вѣка уже слились въ одинъ народъ съ готами таврическими и тетракситами, проф. Голубинскій выводитъ, что въ годъ пребыванія славянскихъ первоучителей

¹⁾ Голубинскій. Истор. русс. церк. Т. I. пол. перв. Изд. 2-е (с. 19).

²⁾ Пь.

въ Крыму, *русское* называлось *готскимъ*, а *готское русскимъ*, и при этомъ ссылается на указанное мѣсто Житія Кириллова. Отличный, даровитый ученый, покойный Васильевскій нѣсколько расходился съ Голубинскимъ, полагая, что Рѡс, Русь, нападавшіе на Суроужъ и Аматриду въ первой четверти IX вѣка и 18 июня 860 г. на Константинополь, были не норманны, не скандинавы, а Русь Тмутараканская и Черноморская, потомки тавроскиоовъ. „*Это названіе сложное* и должно собственно обозначать смѣсь тавровъ, древнихъ обитателей Тавриды, отождествляемыхъ съ иранскими алапами, и съ ними скиоовъ... У римскихъ и греческихъ писателей III и IV вѣковъ по Р. Х. скиоами назывались готы; и *такъ тавроскиоы суть смѣсь готовъ съ таврами*, иначе алапами — тѣ валанготы или валаготы, которые упоминаются въ спискѣ племенъ VIII вѣка (Generatio gentium). Тавроскиоы прежде всего встрѣчаются около 140 г. по Р. Х. у Птолемея, какъ обитатели окрестностей извѣстнаго Ахиллесова Дрома, по имени котораго и древніе русы—по византійской ученой археологіи, тоже тавроскиоы, назывались и еще дромитами; затѣмъ о тавроскиовахъ, какъ врагахъ греческой Ольвіи, около 160 г. упоминаетъ Юлій Калитолитъ, писатель IV вѣка. Чтѣ мѣшаетъ намъ видѣть въ нихъ готовъ или валаготовъ?.. Въ Крыму со временъ глубокой древности извѣстны скиоотавры, и мы не знаемъ, въ какой степени нужно отличать ихъ отъ тавроскиоовъ... Въ житіи Іоанна Готскаго говорится, что земля тавроскиоовъ подчинена власти готовъ... въ этомъ заключается либо отождествленіе готовъ съ тавроскиоами, либо указаніе на существованіе съ готами климатовъ *еще другихъ по близости* (sic). Въ Житіи Херсонскихъ мучениковъ, написанномъ, какъ мы знаемъ, ранѣе конца X вѣка, читаемъ, что одинъ изъ нихъ былъ поставленъ въ Корсунъ, въ епархіи тавроскиоовъ ¹⁾. Но гдѣ тавроскиоы, тамъ и русскіе.

¹⁾ ἀλλὰ ἢ καὶ τῆ Χερσῶν τῆς Ταυροσκιῶν ἐπαρχίας τὸν καλὸν Βασίλειον. Зап. Од. Общ. ист. и др. VII, 121. Въ Супр. респ.: „еже естъ Херсоньскыи градъ отъ Таврьскыя землѣ“. (Васильевскій...) И Пушкинъ писалъ: „Прекрасны вы берега Тавриды, когда васъ видишь съ корабля“. Нѣкоторые изъ византійцевъ (Никифоръ Григора) въ XIV вѣкѣ называли сербовъ трибаллами, славянь болгарскихъ мизамъ; разныя европейскіе писатели XV—XVII вѣковъ поляковъ, а иногда и русскихъ называли сарматами, юго-западныхъ славянь (до конца XVIII вѣка) иллирами. Хорваты за время Гаю даже величались этимъ именемъ; наши старые писатели, прѣбывая къ высокому стплю, французовъ зачастую называли галлами. Употребленіе мертвого языка вмѣсто живой, разговорной рѣчи всегда придасть тонъ напыщенности, чтѣ въ ные періоды считалось стплемъ возвышеннымъ и благороднымъ. Византійцы въ дѣловомъ языкѣ и въ частныхъ бесѣдахъ, вѣроятно, ни готовъ, ни впоследствии русскихъ, ни

Нѣсколько, правда, поздняя саксонская хроника выражается о Климентѣ, херсонскомъ мученикѣ, что онъ умеръ въ Россіи (Ruzen). Развалины Фуллъ, сосѣднихъ съ Сурожемъ, назывались до послѣдняго времени (а съ какого?) русскими Фуллами, Русско-фуллами (Кепенъ. Крымск. Сб. 177, 178, 132). Но (не) мы первые скажемъ, что и *подъ русскими письменами, найденными въ Корсунѣ св. Кирилломъ, слѣдуетъ разумѣть ютскія письма, евангеліе и псалтирь въ переводѣ Умбильи*. Если справедливо, что паннонскія Житія были первоначально написаны на греческомъ языкѣ, какъ доказываетъ Вороновъ (Глав. источ. для ист. св. Кирилла и Меводія. Кіевъ. 1877), то можно предполагать, что въ подлинникѣ вмѣсто „русскій“ стояло собственно выраженіе „тавроскиевскій“, означавшее, какъ видно изъ вышеприведеннаго, или безразлично ютовъ, смѣшавшихся съ древнимъ населеніемъ, и русскихъ, либо сначала ютовъ, а съ IX вѣка русскихъ. Кромѣ Ахиллесова Дрома близъ устьевъ Днѣпра (полуостровъ Тендра), кромѣ южныхъ береговъ Крыма, извѣстенъ еще одинъ центръ, гдѣ долго сохранялись остатки пребыванія ютовъ въ южной Россіи, въ Азовско-Черноморскихъ областяхъ—это страна ютовъ—тетракеитовъ, поселенія ютовъ около Анапы, почти совпадавшія географически съ Тмутараканью, самое названіе которой—мы думаемъ родственно имени

когда не величали тавроскиевами, какъ и сербовъ трибаллами. Ни Константинъ Философъ, ни Меводій, конечно, не называли ютовъ тавроскиевами. Слѣовательно, и паннонецъ, авторъ житія Кириллова, если бъ и писалъ по гречески, не назвалъ бы ихъ тавроскиевами. Далѣе говоря о защитѣ Кирилломъ славянскихъ книгъ, онъ вставляетъ въ уста Константина имя ютовъ, а не тавроскиевовъ: „Мы же народъ много знаемъ, и книги оумѣюща и богу славу въздающа къждо своимъ языкомъ. явѣже соуть си: армены, перси, авазгы, пвери, сугды, ютени, обри, турьси, козарн, аравлане, египты и иные мнози“. Шафарикъ предполагалъ, что слѣдовало бы читать—первоначально было де написано,—*ютени ти рьси*, а *обри* значить должны быть выпущены, вѣроятно потому что *обри*, авары казались Шафарикку неумѣстными. И въ самомъ дѣлѣ въ его время ничего не было извѣстно о христіанствѣ у аваръ. О появленіи у нихъ христіанства и перевода священныхъ книгъ на ихъ языкъ. См. Сир. Хрон. такъ называемаго Захарія ритора. См. въ Bibl. script. Gr. et Rom. Тойбиера. Script. sacri et profani. Fasc. III. Die sogen. Kirchg. d. Zach. Rhetor. Ahrens u. Krüger. Lpzg. 1899. Ss. 254 ff. и англ. перев. The Syriac Chronicle known as that of Zacharia of Mitylene, transl. by Hamilton a. Brooks. Ldn. 1899, pp. 329—331. Подъ этими гунами нужно, кажется, разумѣть аваръ, хотя выше (с. 328), вѣроятно въ извлеченіи изъ другихъ источниковъ, авары особенно упомянуты... И потому, кажется, слѣдуетъ читать: *обри—турьчи*. О первомъ крещеніи Русн Константинъ Философъ едва ли бы упомянулъ, тѣмъ паче что крещенные варяги тогда еще не могли воздавать богу славу *своимъ языкомъ*, а начинали воздавать славянскимъ.

тетракситовъ (вмѣсто тметракситовъ); а это есть въ то же время исконный центръ и русской жизни. Однимъ словомъ мы хотимъ сказать, что всѣ извѣстія о Руси и русскихъ до половины IX вѣка относятся къ тавроскиоамъ и объясняются отождествленіемъ Руси съ тавроскиоами и этихъ послѣднихъ съ готами, валанготами, готаланами. Мы не хотимъ здѣсь проповѣдывать новой теоріи происхожденія русскаго государства или лучше сказать русскаго имени, которую бы пришлось назвать готскою (намекъ на нее давно уже встрѣчаются), но не можемъ обойтись безъ замѣчанія, что при современномъ положеніи вопроса она была бы во многихъ отношеніяхъ пригодна *нормано-скандинавской* ¹⁾. Для нашей настоящей цѣли достаточно знать, что въ первой половинѣ IX вѣка существовало нѣсколько пунктовъ, къ которымъ прикрѣплялось сначала греческое названіе тавроскиоы, а затѣмъ въ томъ же столѣтіи распространившееся имя руси, не утравившее перваго, болѣе литературнаго, а служившее параллельнымъ выраженіемъ, отчасти переводнымъ для него. *Въ самихъ звукахъ слова тавроскиоы* есть элементы, изъ которыхъ въ народномъ греческомъ языкѣ, столь склонномъ къ усвѣченіямъ, могло выработаться слово *рѡсъ*. Далѣе Васильевскій говорить о трехъ центрахъ—таврическомъ,

¹⁾ Въ 1875 году въ посл. статьѣ своей: „Варяго-русская и варяго-англійская дружина въ Константинополѣ XI и XII вѣковъ“. Наставляя на томъ, что служившіе въ Византіи варяги-русь (съ 988 по 1079 г.) были славяне (русскіе), а не варяги-скандинавы, Васильевскій прибавилъ въ заключеніе: „Что касается отношенія, въ какомъ вопросъ о *византійскихъ* варягахъ находится къ вопросу о *русскихъ* варягахъ и о началѣ русскаго государства, то мы уже отчасти высказали свой взглядъ не смотря на обѣтъ воздержанія, принятый въ началѣ. Мы думаемъ, что *скандинавская теорія происхожденія русскаго государства до сихъ поръ остается непоколебленною, и что тѣ, которые пытались поколебать ее, потерпѣли заведомую неудачу. Она покоится главнымъ образомъ на именахъ русскихъ князей (и слѣдов. бы прибавить имена русскихъ пословъ въ договорахъ съ греками) и на названіяхъ Дѣпровскихъ пороговъ, которые все таки считаются не славянскими, не смотря на разныя попытки не научной филологіи объяснить ихъ по славянски. Съ наукою мы не хотимъ быть въ противорѣчій и, думаемъ, не находимся.*—При всей близости моей къ покойному Васильевскому, я до послѣдняго времени никогда не могъ понять, ни согласить его мнѣнія о варягахъ-руси и его же мнѣнія о готяхъ-руси:—черноморская русь-тавроскиоы—готы-русскіе (въ послѣднее время) и варяги-русь-славяне (X—XI) и сканд. князья и русскіе послы и сканд. имена пороговъ. Большой умъ, крупное дарованіе историческое, отличныя познанія Васильевскаго точно также не спасли его, какъ и великаго германиста Як. Гримма, отъ странныхъ увлеченій и прегрѣшеній, и тоже по части готовъ. У Гримма геты—даки—готы, у Васильевскаго—готы—тавроскиоы—русы.

придѣпровскомъ и тмутараканскомъ—изъ которыхъ могли произойти нашествія на Амастриду и Сурожъ, — и затѣмъ приходитъ къ тому, что на Сурожъ могла напасть готская русь, или тмутараканская или придѣпровская ¹⁾).

Высокое уваженіе къ трудамъ обоихъ нашихъ ученыхъ Голубинскаго и Васильевскаго заставило насъ остановиться на ихъ мнѣніяхъ, хотя и далеко не сходныхъ, но одинаково принимающихъ достовѣрность показанія Житія Кириллова о готскихъ евангеліи и псалтири, *писанныхъ русскими письменами*, найденныхъ Константиномъ Философомъ въ Херсонѣ. Хотя для Голубинскаго народъ Ῥῶς IX вѣка несомнѣнно норманны, скандинавы, а для Васильевскаго Ῥῶς до половины IX вѣка—столь же несомнѣнно не скандинавы, а готы. Несмотря на коренное въ этомъ отношеніи разногласіе, оба наши ученые видѣли подтвержденіе своихъ мнѣній въ свидѣтельствѣ Житія о русскихъ письменахъ. Голубинскому и Васильевскому было одинаково ясно, что это мудреное мѣсто объ евангеліи и псалтири, написанныхъ русскими письменами, должно относиться къ готскому переводу Ульфилы. Также думалъ въ слѣдъ за Голубинскимъ и Малышевскій: „Довольно вѣроятно, что *Константинъ еще на пути въ Херсонъ слышалъ и о руссахъ*, ибо по выраженію автора Житія Георгія амастридскаго уже *„все знали тогда“* объ этомъ народѣ. Новостію для Константина могло быть развѣ то, что обрѣтенный имъ русскій челевѣкъ (если онъ былъ не готь, а руссъ)—соплеменникъ готовъ, извѣстныхъ издавна, что *русское и готское становились синонимами*“ ²⁾.

Г.

Согласно съ Голубинскимъ Малышевскій полагалъ, что варяги-русь еще въ началѣ IX вѣка основали на азовско-черноморскомъ побережьи свое владѣніе, имѣнно на полуостровѣ Тамани у древней Фанагоріи, по близости *отъ своихъ земляковъ* и единоплеменниковъ

¹⁾ Русско-византійскія изслѣдованія. Вып. 2. Житія свв. Георгія Амастридскаго и Стефана Сурожскаго. С.-Пб. 1893. Стр. ССХСѢІІ—СССІ.

²⁾ *Малышевскій*, с. 50, прим. 1. П., с. 47 — 48. При этомъ онъ ссылается на Сурожскую и Амастридскую легенды и въ прим. 1 прибавляетъ: „Согласно съ г. Голубинскимъ отнеся эти набѣги къ означенному времени, полагаемъ, что это единственно возможное предположеніе, какое остается сдѣлать, *придерживаясь хотя и не совсемъ опредѣленныхъ, но довольно ясныхъ данныхъ для сего въ самыхъ житіяхъ, особенно въ Житіи Стефана сурожскаго*. Другія предположенія о времени набѣговъ—уже просто догадки, не имѣющія никакой видимой опоры“.

босфорскихъ готовъ. Подобно имъ они должны были признать нѣкоторую власть надъ собою хазаро-босфорскаго кагана, представителя власти великаго Итилскаго кагана, властвовавшаго отъ устьевъ Волги, Дона до Днѣпра и Кіева“. „Есть основаніе полагать, что руссы появились на азовско-черноморскомъ побережьи ранѣе этого времени (т. е. 839 о руссахъ Берг. Л.), что отсюда еще въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX вѣка они дѣлали разбойническіе и грабительскіе набѣги въ Тавриду и на южно-черноморскія окраины имперіи“. Позже во второй половинѣ IX вѣка и далѣе извѣстія о руссахъ на азовско-черноморскихъ побережьяхъ, на Волгѣ и берегахъ Каспійскаго моря становятся уже весьма многочисленны у византійскихъ и особенно у арабскихъ писателей. Оставляя эти свидѣтельства, добавимъ только, что руссы азовско-черноморскіе, проникая въ Тавриду къ такимъ же, какъ и босфорскіе, своимъ *землякамъ* и единоплеменникамъ готамъ доринскимъ, *здѣсь и осѣдались*. По единству *языка* и племени, названія готское и русское отожествлялись, также какъ названіе варяговъ ¹⁾. Руссы, пришедшіе на Черноморье, были язычники. Но готы, съ какими они здѣсь пососѣдились и стали сближаться, какъ съ единоплеменниками, были весьма уже давно христіанами“ ²⁾.

И такъ Голубинскій и въ слѣдъ за нимъ Малышевскій отправляются отъ несомнѣннаго и неизблемаго, по ихъ мнѣнію, факта, что варяги-русь въ первыхъ десятилѣтіяхъ IX в. утвердились на азовскомъ и черноморскомъ побережьи въ сосѣдствѣ, „рядомъ съ готами“, и къ 860 г. до того слились съ своими *земляками* и соплеменниками, что *готское* и *русское* даже стали уже синонимами.

¹⁾ „Свидѣтельства и цитаты о томъ у г. Голубинскаго въ его „Исторіи русской церкви“. Малыш. стр. 48.

²⁾ При семъ ссылки на Кеппеновъ Крымск. сб., Макарія „Ист. христ. въ Россіи до Владим.“, арх. Арсенія „Готская епархія въ Крыму“, Васильевскаго. Житіе I. Готскаго, (*Журналъ Мин. Нар. Пр.* 1877). Прибавлю, что Голубинскій, Малышевскій и Васильевскій могли бы найти себѣ нѣкоторую подпору въ старой книжкѣ Мунха въ нѣм. перев. Клаусена „Die nordisch-Germ. Völker, ihre ältesten Heimath-Sitze, Wanderzüge u. Zustände. Eine Übersets. der beiden ersten Abschnitte von Munch „Det norske Folks Historie“, von Claussen. Lübeck. 1885. Сверхъ многого хорошаго, у него есть и такое положеніе, что германское племя жило первоначально въ средней Россіи, но подъ вліяніемъ похода Дарія (дѣтъ за 500 до Р. Х.) стали изъ нея высеяться, послѣдними ушли будущіе Скандинавы, а съ ними и Готы = Gautas,—одна же часть, именно *Русь* остались въ такъ называсомомъ Gardarike. Про нихъ же извѣстно еще съ VI в., что они жили въ средней части зап. Россіи между Днѣпромъ, Ильменемъ и Ладогою (sic). (Ss. 58—61).

Васильевскій считалъ русь готами, но не признавалъ ни азовскую, ни черноморскую русь первой четверти IX в. христіанами и полагалъ, что эти готы (русь) отличались отъ своихъ земляковъ тетракситовъ, дори и томи (при-дунайскіе готы) лишь тѣмъ, что они сохраняли свою народную вѣру до 2-ой пол. IX в., а ихъ упомянутые земляки уже съ IV в. были христіанами. Голубинскій и Малышевскій полагаютъ, что варяги-русь появились близъ готовъ не очень задолго до нападенія на Суроужъ, Амастриду и слѣдовательно значительно раньше нападенія на Цареградъ 18 іюня 860. По мнѣнію этихъ ученыхъ готы таврическіе и тетракситы были не только соплеменниками сѣверныхъ германцевъ (скандинавовъ, норманновъ), но и земляками. Очевидно, они выводили готовъ, согласно съ Иорнандомъ, изъ Скандинавіи и вѣроятно изъ шведской Готландіи. Васильевскій полагаетъ, что готы напр. при устьяхъ Днѣпра жили уже около 140 г. по Р. Х., такъ какъ *тавроскииовы* „встрѣчаются“ за это время у Птолемея, какъ обитатели окрестностей извѣстнаго Ахиллесова Дрома, по имени котораго и древніе русы, по византійской ученой терминологіи, тоже тавроскииовы, назывались еще дромитами; затѣмъ о тавроскииовахъ, какъ врагахъ греческой Ольвіи около 160 г., упоминаетъ Юлій Капитолинъ, писатель IV в. *Что мнѣ кажется намъ видѣть въ нихъ готовъ или валаготовъ? Конечно, не сама Иорданиса о переселеніи готовъ изъ Скандинавіи, которое она, впрочемъ, помнѣщаетъ въ доисторическое время... Въ Крыму со временъ глубокой древности извѣстны скиѳотавры, и мы не знаемъ, въ какой степени нужно отличать ихъ отъ тавроскииоовъ.* (Такимъ образомъ можно де полагать, что готы являются въ Крыму со временъ глубокой древности). „Имя встрѣчается“ у Плинія, у Арріана, и „безымянный авторъ Перипла Чернаго моря говоритъ о гавани скиѳотавровъ“ (въ 35 верст. отъ Теодосіа, т. е. либо на мѣстѣ нынѣшняго Судака (Сурожа), либо на мѣстѣ нынѣшняго Отуза (Брунъ, Черноморье I, 124) „въ извѣстной близости и можетъ быть и въ связи со средневѣковыми поселеніями готовъ на южномъ побережьи Крыма. Въ житіи I. Готскаго говорится, что земля тавроскииоовъ подчинена власти готовъ или по первоначальному чтенію находится подъ странюю готовъ; въ этомъ заключается либо отождествленіе готовъ съ тавроскииоами, либо указаніе на существованіе съ готами Климатовъ еще другихъ по близости“.— „Но гдѣ тавроскииовы, тамъ и русскіе... И такъ тавроскииовы-готы, тавроскииовы-русь и слѣдовательно=тавроскииовы—готы-русь. Васильевскій предполагалъ, что и греч. Ῥῶ;—название руси уже заключа-

лось въ сл. Таυροσκηδαи и допускалъ возможность, согласно Воронову, что житіе Кириллово было первоначально написано по гречески и что въ греч. оригиналѣ было сказано про „евангеліе и псалтырь“, найденныя въ Крыму Константиномъ, что они были написаны *тавро-скиескими* письменами, а славянскій переводчикъ, согласно давней традиціи, замѣнилъ это прилагательное тождественнымъ словомъ *русскими*.

Все это очень остроумно и въ нѣкоторомъ отношеніи даже убѣдительно, чѣмъ предположеніе Голубинскаго и Малышевскаго о быстромъ, въ теченіе какихъ-нибудь 25—30 лѣтъ сліянніи варяговъ-руси (языческихъ) съ готами крещеными еще въ IV в. Но не мы одни не признаемъ возможнымъ видѣть слово Ῥῶς въ имени тавроскиевовъ, а также и считать древнихъ тавроскиевовъ и скиоотавровъ готами, на томъ же основаніи, что разные византийскіе писатели (извѣстные и малоизвѣстные) называли и готовъ и варяговъ и славянъ русскихъ тавроскиевами, и на этомъ основаніи готовъ отождествлять съ русами (Ῥῶς) или русью. На такомъ же основаніи и *мирмидоновъ* слѣдовало бы считать славянами, сербовъ трибаллами, словѣнцевъ, хорватовъ и сербовъ—иллирами и т. д. Не признавая, вмѣстѣ со многими другими, вѣрнымъ предположеніе Воронова о греческомъ подлинникѣ житія Кириллова, не можемъ допустить и *тавроскиескихъ* вмѣсто *русскихъ* письменъ. Не признавая варяговъ-русъ IX в. за готовъ, не соглашаемся ни съ Васильевскимъ, ни съ Голубинскимъ на счетъ того, что въ 860 г. (послѣ 18 июня) въ Византіи люди образованные и даже простецы могли смѣшивать или отождествлять новый для нихъ варварскій, свирѣпый и враждебный христіанамъ народъ *росовъ* съ давно извѣстными Цареграду православными готами, съ IV в. имѣвшими свои епархіи и епископовъ, своихъ мучениковъ и святыхъ. Въ качествѣ не только патріарха, но и аскрита и протоаскрита Фотій лично былъ, конечно, знакомъ съ не немногими готами, пріѣзжавшими въ Константинополь какъ по дѣламъ церковнымъ, политическимъ и административнымъ, такъ и по дѣламъ частнымъ и торговымъ. Отъ патріарха Фотія дошло до насъ одно письмо его къ епископу Воспорскому. Нѣтъ сомнѣнія, что это не единственное его письмо къ духовнымъ лицамъ Тавриды, и отъ нихъ къ нему было еще болѣе писемъ. Изъ этого письма Фотія въ Сурожъ видно, что епископъ его извѣщалъ объ обращеніи нѣсколькихъ тамошнихъ евреевъ въ христіанство ¹⁾. Радуюсь этому, Фотій прибавляетъ, что какъ нѣкогда

¹⁾ Migne Греч. V. С.

негостепріимное (Ἰσχυρὸς) Скинское море челоуѣколюбіемъ и мягкою гражданственностью милетцевъ было превращено въ гостепріимное (Ἰσχυρὸς), тажъ нынѣ епископъ Воспорскій обращаетъ его въ благочестивое (Ἐὐσεβής). Указывая на частыя сношенія епископовъ черноморскихъ съ цареградскимъ патріархомъ, это письмо Фотія заставляетъ предполагать, что изъ Амастриды и Сурожа донесенія о набѣгахъ русовъ или о крещеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, буде они дѣйствительно происходили въ 30-хъ гг. IX в., были своевременно доставлены въ Царьградъ недавнимъ сравнительно предшественникамъ Фотія. Если онъ самъ могъ не читать этихъ донесеній, то проживавшіе и служившіе старики при патріархатѣ могли ему въ 860 г. припомнить тотчасъ послѣ нашествія русовъ (18 іюня), что этотъ народъ уже нападалъ на Амастриду и Сурожъ. Фотій однако въ своемъ посланіи о нападеніи 18 іюня 860 г. несомнѣнно намекаетъ на нападенія норманновъ на области западной римской имперіи, а не на владѣнія восточной. Если бы во время Фотія стало общезвѣстнымъ триумфомъ, что хотя бы только въ Тавридѣ готы и русь (или, что то же, тавроскиены-готы и тавроскиены-русь) одишь и тотъ же народъ, то въ своемъ посланіи онъ бы тажъ или иначе постарался выгородить готовъ-православныхъ отъ этого свирѣпнго и безжалостно жестокаго къ христіанамъ народа. Посланный съ посольствомъ къ хазарамъ послѣ нашествія русовъ на Константинополь и весьма вѣроятно, даже по поводу этого обстоятельства, столь близкій къ Фотію, Константинъ Философъ былъ вполне освѣдомленъ изъ писаній Іоанна Златоустаго и Василія Великаго о христіанствѣ у готовъ въ IV в. и зналъ довольно близко и показанія Прокопія объ ихъ положеніи въ VI в., не не вѣдалъ и о позднѣйшемъ состояніи готской церкви вплоть до своего времени. Если далекій отъ устьевъ Дуная и Византіи Валафридъ Страбо († 849 г.) имѣлъ случай узнать, что у готовъ въ Мизіи совершается богослуженіе на родномъ языкѣ, тѣмъ болѣе долженъ былъ знать объ этомъ Константинъ Философъ. Очень вѣроятно, что, думая о своемъ переводѣ и азбукѣ или уже приступая къ исполненію своего давняго и глубоко занимавшаго его замысла, Константинъ желалъ и старался достать себѣ списокъ или списки готскаго перевода. Библіотекаръ патріаршей бібліотеки, самъ отлично обеспеченный, Константинъ Философъ могъ раздобыть для себя или для бібліотеки желанныя рукописи. Какъ протоасиритъ или какъ патріархъ, высоко цѣнившій знаніе, самъ великій ученый, страстно любившій старую литературу и всякія рѣдкія книги, Фотій, конечно, съ величайшею готовностью помогъ бы Констан-

тину купить или заказать хорошій списокъ той или другой готской книги, или у готовъ таврическихъ и тетракситовъ или у готовъ придунайскихъ. Такимъ образомъ еще въ Константинополь могъ Константинъ Философъ искать и видѣть ту или другую готскую рукопись. Онъ могъ имѣть не одинъ случай познакомиться съ какимъ-нибудь изъ болѣе образованныхъ монаховъ или священниковъ изъ природныхъ готовъ и просить ихъ познакомить его съ готскимъ письмомъ, прочесть ему тѣ или другіе листы. Но едва ли Константинъ Философъ успѣлъ ознакомиться сколько-нибудь близко съ готскимъ языкомъ, хотя всячески больше, чѣмъ съ еврейскимъ. Съ готскими же письменами онъ, по всей вѣроятности, былъ знакомъ и не впервые могъ увидать ихъ въ Крыму, хотя и не при случаѣ, упоминаемомъ въ Житіи.

Малышевскій нашель нужнымъ сослаться на преосв. Макарія, замѣчавшаго: „нельзя не указать на то, что въ самомъ Улфиловомъ переводѣ св. Писанія находятъ много словъ славянскихъ, чѣмъ ясно предполагается тѣснѣйшее и довременное общеніе славянъ съ готами и притомъ въ отношеніи религіозномъ. Этотъ переводъ въ некоторой степени могъ быть понятъ тогда во время общественныхъ богослуженій и для славянъ¹⁾, хотя не въ такой мѣрѣ, какъ для готовъ (спасибо хоть за эту уступку), если предположить, что тѣ и другіе точно составляли одну духовную паству и вмѣстѣ собирались въ храмы (говорится о готской епархіи у Чернаго моря. Зам. Малышевскаго). Къ усилению этой мысли (sic) служить и то открытіе (курс. въ ориг.), что съ другой стороны есть много словъ готскихъ не только въ древнихъ законахъ сербскихъ и нынѣшнемъ болгарскомъ нарѣчій, но и въ самомъ славянскомъ переводѣ св. Писанія Кирилла и Меѳодія“ (Ист. христ. въ Россіи до кн. Влад. с. 79 СПб. 1846). „Мнѣніе преосв. Макарія, замѣчаетъ Малышевскій, такъ заботливо выдвигающаго славянъ въ этомъ своемъ изслѣдованіи, весьма знаменательно. Онъ не отступалъ передъ требованіями исторической истины“.

Не будемъ останавливаться на этихъ фантастическихъ соображеніяхъ пр. Макарія (1846), такъ сочувственно воспринятыхъ Малышевскимъ (1886). Указываю на то и другое какъ на точки зрѣнія и приемы, какими еще не такъ давно объяснялись и освѣщались жизнь и труды славянскаго первоучителя.

Какъ полтора, два десятка слишкомъ словъ, заимствованныхъ сла-

¹⁾ Малышевскій, с. 113—114 (пр).

вянами отъ готовъ, не могли помочь первымъ въ пониманіи языка готскаго богослуженія, такъ и нѣсколько словъ готскихъ въ Кирилловскихъ переводахъ не даютъ права заключать, что нашъ первоучитель взялъ эти слова не изъ живой славянской рѣчи, а изъ перевода Ульфиллина.

Голубинскій думаетъ, что варяги-русь, не только какъ соплеменники, но и какъ *родичи* ¹⁾ или, какъ выражается Малышевскій, *земляки* готовъ, скоро могли слиться въ одинъ народъ и говорили тѣмъ же почти готскимъ языкомъ ²⁾, и что эти Черноморскіе русы, соединившіеся съ готами, ходившіе на Суроужъ, Амастриду и на Царьградъ въ 860 г., и, ставши затѣмъ христіанами, въ своихъ церквахъ въ Тмутараканской области и въ церкви св. Иліи въ Царьградѣ (послѣ крещенія своего при Фотіи) имѣли богослуженіе на готскомъ языкѣ. Голубинскій идетъ дальше и не сомнѣвается, что Кіевскіе варяги-христіане совершали свое общественное богослуженіе на готскомъ языкѣ, „ибо нѣтъ сомнѣнія“, что они „совершали“ его на томъ самомъ языкѣ, на которомъ совершали его варяги Константинопольскіе, такъ какъ наша Варяжская церковно-община была дочерью Варяжской церкви Константинопольской. Греки, говоритъ онъ, конечно, этого не желали, такъ какъ они были за господство у всѣхъ въ богослуженіи своего греческаго языка, „но такъ какъ готскій языкъ для норманновъ былъ почти свой, а между тѣмъ влияніе греческаго правительства (у себя-то въ Константинополѣ въ IX—X в.) не могло быть на нихъ особенно сильнымъ, такъ чтобы они не дерзали своевольствовать“ ³⁾.

В. Ламанскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Голубинскій, И. Р. ц. I, с.

²⁾ Голубинскій, Ист. Р. церкви. Т. I. М. 1901. С. 96. „Готскій языкъ былъ для норманновъ почти что свой“.

³⁾ Ib.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХVII.

1903.
М А Й.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именной Высочайшій указъ	3
II. Высочайшее повелѣніе	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	4
IV. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	25
V. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	40
VI. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	41
VII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	47
VIII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	53
Открытіе и преобразование училищъ	55
Конкурсная программа на соисканіе золотой медали имени Андрея Степановича Воронова въ 1904 году	56
II. А. Бодуэнъ-де-Куртена. Лингвистическія замѣтки и афоризмы. V—IX (<i>окончаніе</i>)	1
II. Н. Оглоблинъ. Восточно-сибирскіе полярные мореходы XVII в.	38
Д. Н. Егоровъ. Этюды о Карлѣ Великомъ. IV—V	63
Н. М. Каринскій. Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древнерусскаго языка	94
II. В. Голубовскій. Гдѣ находились существовавшіе въ домонгольскій періодъ города: Ворголь, Зартый, Оргуць, Оновскъ, Уневъжъ, Хороборъ?	111
В. II. Ламанскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. VI—XIII	136

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

II. Н. Георгіевскій. К. Я. Загорскій. Теорія желѣзнодорожныхъ тарифовъ. С.-Пб. 1901	162
Э. Д. фонъ-Штернъ. В. В. Фармаковскій. Аттическая вазовая живопись. С.-Пб. 1902	184
II. Ф. Анненскій. Д. Н. Овсянко-Куликовскій. Синтаксисъ русскаго языка. С.-Пб.	220
А. II. Соболевскій. Н. А. Заозерскій и А. С. Хагановъ. Номононь Иоанна Постника. М. 1902	232
— Книжныя новости	234

См. 3-ю стр. обложки.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТИЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

(Критическія замѣтки).

VI.

Какія же основанія или, выражаясь словами Голубинскаго, *доказательства*—предполагаемыхъ нашимъ почтеннымъ ученымъ 1) бытія особой Азовской, Черноморской руси, нападавшей въ 860 г. на Царьградъ и 2) необыкновеннаго сходства, почти единства сѣв.-германскаго (скандинавскаго) языка съ языкомъ Крымскихъ готовъ, въ IX в., и съ готскимъ языкомъ Ульфилина перевода. Голубинскій не сомнѣвается въ бытности особой Азовской, Черноморской руси, которая еще въ нач. IX в. или по крайности въ 20-хъ г. этого столѣтія, утвердилась въ Тмутаракани и въ Крыму и слилась съ тамошними готами въ одинъ народъ.

Впрочемъ нашъ заслуженный ученый признаетъ, что „о русскихъ азовско-таврическихъ пока еще не найдено никакихъ историческихъ свѣдѣній ²⁾. Но что они существовали, поселившись въ Тавриду и надъ нею при устьѣ Дона неизвѣстно когда до основанія нашего государства (Голубинскій строго держится 862 г.) и потомъ исчезнуть отчасти, вѣроятно посредствомъ перехода къ намъ въ Кіевъ и къ грекамъ... это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, и неоспоримое доказательство этого представляютъ свидѣтельствующія о нихъ названія, сохранявшіяся даже до довольно поздняго времени ³⁾“.

¹⁾ Продолженіе. См. апрѣльскую книжку Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1903 годъ.

²⁾ *Ив.*, с. 24.

³⁾ „Пространство на зап. бер. Крыма отъ озера Тарнаискаго до озера Квпа-

Названія *Vangolimene* и нѣкоторыя изъ названій съ словомъ *Ros* и др. могли произойти отъ стоянокъ варяговъ-руси, служившихъ въ Византійскомъ флотѣ въ X—XI в. Нѣкоторыя же изъ названій (съ словомъ *Ros*), напримѣръ, озеро Крымскихъ произошли отъ поѣздокъ русскихъ за солью („Соляной путь“ нашихъ лѣтописей). Наконецъ третій классъ названій съ *Ros* (*Rosso*) могъ быть греческаго (*ῥόος, ῥοῦς*,—теченье) или итальянскаго происхожденія (со временъ итальянскихъ колоній въ Крыму)—*rosso, rosso*—(красный, червоный), а также и среднегреческое *ῥόσιος* (вѣр. романск. происх.)—прилагательное, очень часто встрѣчающееся въ мѣстныхъ названіяхъ разныхъ странъ и народовъ. Во всякомъ случаѣ изъ этихъ названій никоимъ образомъ нельзя заключать о бытности въ началѣ IX в. самостоятельной Руси азовско-таврической, будь она скандинавская (по Голубинскому) или готская (по Васильевскому)¹⁾.

Вторымъ доказательствомъ своего положенія Голубинскій выдвигаетъ свидѣтельство арабовъ. Прежде всего онъ ссылается на Ибн-Рустэ (Ростэ или Даста), писавшаго около 902 г.: онъ „говоритъ о русскихъ, жившихъ на какомъ-то острову, который находился недалеко отъ Хазерана и Болгаріи, въ которыхъ руссы сбывали свои военные грабежи: этихъ руссовъ, прибавляетъ Голубинскій, *нельзя ни въ какомъ случаѣ, какъ именно на полуостровѣ Крымскомъ*“. Въ примѣчаніи онъ говоритъ: „Что Ибнъ-Даста (Рустэ) говоритъ не о руссахъ, владѣвшихъ славянами, каковы были кіевскіе, а о *какихъ-то другихъ, это онъ ясно даетъ знать тѣмъ, что говоритъ объ ихъ набываніи на славянъ* („Руссы имѣютъ царя, который зовется Хакимъ-Рустэ, они производятъ набѣги на славянъ)“.

Голубинскій ссылается еще и на свидѣтельство Берт. лит. (839 г.) о руссахъ, „которые приходили въ Константинополь къ импера-

торійскаго называлось *Vagaegia*, а первое изъ этихъ двухъ озеръ *Vangolimena* или *Vangalisco*“, островъ при устьяхъ Дитира Теандры назывался *Rossa*, мѣсто въ Крыму (въ упомянутой *Varogin*) называлось *Rossofar*, мѣсто немного ниже озера Евнаторійскаго, при маленькомъ озерѣ Камышлы, называлось *Rozvosa*, на Азовскомъ озерѣ при впаденіи въ него Дона находились поселенія: по западную сторону нынѣшняго Азова (гогузской Таны) вѣроятно насупротивъ его, на правомъ берегу рѣки: *Rossi*, *Rozzo*, *fiume Rosso* (т. е. русская рѣка), по восточную сторону отъ него по берегу моря *Casar* (*Casal de li Rossi*) (т. е. русское селеніе). Авторъ ссылается на историческій атласъ Шпрунера и итальянскіе карты Крыма XIV—XVII в. привод. у Тафели *Const. Porph. De provinciis. Tubingae. 1817, p. 39*. См. также Васильевскаго.

¹⁾ *Васильевскій* тоже ссылался на тѣ же географическія названія.

тору Ософилу“, „князь этихъ руссовъ, какъ они показывали, носилъ титулъ хакана. Такъ какъ князья сѣверныхъ руссовъ, сколько извѣстно, не носили этого титула, то, слѣдовательно, разумѣются не они. Какіе же другіе руссы? По нашему мнѣнію ясно, что азовско-таврическіе, ибо титулъ хакана, очевидно, заимствованъ у хазаръ, которыхъ эти послѣдніе руссы были сосѣдями. „Но слова Ибнъ-Рустэ доказываютъ только, что, называя князя Владимира великимъ *каганомъ* Русской земли, митрополитъ Иларіонъ не былъ въ этомъ случаѣ нововводителемъ. Царь Василій Македонянинъ въ 871 г. именуетъ хакана-русскаго (*χαγάνος ὁ ἡγεμόνος τῶν Ῥώσ*, также — какъ хакана аваровъ и хазаръ). Южные русскіе славяне, долго признававшіе власть хакана хазарскаго, привыкли къ этому названію своего верховнаго владыки или вождя и перенесли затѣмъ и на новыхъ своихъ вождей это слово. Какъ слово *каганъ* заимствовали славяне отъ хазаръ, такъ еще раньше заимствовали они отъ германцевъ слово князь. Что же касается, будто у Ибн-Рустэ Хакал-Русъ, ходившій на славянъ, не могъ быть кievскимъ русомъ, то развѣ Аскольдъ и Олегъ не могли имѣть и не имѣли столкновеній съ разными племенами славянскими? Но Голубинскій не довольствуется свидѣтельствомъ одного арабскаго писателя Ибн-Рустэ (Даста), дѣйствительно древняго (пис. въ 902 г.)¹⁾, а ссылается и на другихъ. „Другіе многіе арабскіе и вообще *восточные* (писатели) прямо и ясно говорятъ намъ, что были руссы, которые жили на берегахъ Чернаго моря, имѣя своею столицей городъ Русію (Rusija), и что море это называлось по нимъ моремъ Русскимъ“²⁾.

Въ большомъ подстрочномъ примѣчаніи Голубинскій ссылается на почтенный, но тѣмъ не менѣе устарѣлый трудъ весьма заслуженнаго ученаго, основателя арабской нумизматики академика Френа³⁾. „Ibn Fosslan's u. anderer Araber Berichte über die Russen älter. Zeit. St.-Petersburg. 1823. Ss. 27—33. 193, 235. (Массуди, Ибн-эль-Варди, Эдриси, Магреби). „Арабскіе писатели, говоритъ онъ, одни даютъ знать,

¹⁾ Впрочемъ, нужно помнить, что позднѣйшій списокъ любого древняго арабскаго писателя, равно и другихъ писателей, можетъ легко заключать въ себѣ позднѣйшія исправленія или искаженія, вставки и пропуски переписчиковъ, часто бывавшихъ и *цензорами*, считавшими своимъ правомъ и обязанностью исправлять оригиналъ, согласно своимъ понятіямъ объ истинѣ и приличіяхъ, своимъ убѣжденіемъ религиознымъ и политическимъ и т. д.

²⁾ Ib., с. 43

³⁾ Розена бар. В. Р. Пролегомена къ нов. изд. Ибн. Фадлана. I—IX. С.-Пб. 1903.

другіе прямо говорятъ, что городъ Русія находился при впаденіи Дона въ Азовское море, тамъ, гдѣ, по другимъ приведеннымъ нами извѣстіямъ (Шпрунеровъ атласъ и итальянскіе портилы XIII—XVII вв.) былъ городъ Rossi, Rosso, fiume Rosso. Димешки пишутъ: „Руссы получили свое имя отъ г. Русія, который лежитъ на сѣверномъ берегу названнаго по ихъ имени моря“.

Замѣтимъ, что Димешки жилъ и писалъ въ исходѣ XIII, въ началѣ XIV в., умеръ въ 1327 году. „Эдриси: отъ города Матерха (Таматарха-Тмутаракань) до города Русіи 27 миль. Послѣдній лежитъ на великой рѣкѣ, которая выходитъ изъ горы Кукайя“.

Идриси-географъ писалъ въ XII вѣкѣ (1154 г.).

„Магроби: на востокъ отъ города Судака входъ въ море Манитишъ, (испорчено изъ Maïtis или Maeitis). На его берегу лежитъ Русія, которая есть главный городъ Русія (Ibn Fossl. Fraehn ib., 38). Ал-Магрібій † 418 г. Ар. эры = 1031—2 гг. и слѣдовательно писатель XI—XII вв.

И такъ все свидѣтельства позднія (XI, XII, XIV вв.).

Всѣ приведенныя Голубинскимъ арабскія свидѣтельства о городѣ Русіи на Дону и о русскомъ морѣ относятся къ XI—XIV вв., когда уже *Русью* назывались славянская земля и славянской народъ. вмѣстѣ съ тѣмъ имъ упущено самое древнее и наиболѣе достовѣрное свидѣтельство писателя арабскаго Ибн-Хордадъ-бэ, оставившаго намъ драгоценное сочиненіе объ областяхъ Римской имперіи, написанное съ знаніемъ дѣла, т. е. мѣстностей, путей и дорогъ: завѣдуя почтовымъ дѣломъ въ Багдадѣ и будучи человѣкомъ добросовѣстнымъ, онъ привыкъ къ точности. Изъ приведеннаго нами выше мѣста изъ его статьи (846/7 г.) видно, что онъ рѣку Донъ считалъ славянскою: le Tanais (Don) le fleuve des Slaves; говоря о купцахъ *русскихъ* (Itinéraire des marchands russes), онъ прибавляетъ *les Russes qui appartiennent aux peuples slaves, se rendent aux régions les plus éloignées de Çaklaba (le pays des Slaves)*. Далѣе онъ рассказываетъ, что они заходятъ въ Хамлиджъ (Khamlydj), столицу хазарь, гдѣ государь страны взымаетъ съ нихъ десятину. Тамъ они садятся на суда въ морѣ Джорджанскомъ (Каспійскомъ) и направляются къ тому или другому нужному имъ пункту берега. Это море имѣетъ 500 парсаговъ въ діаметрѣ. Иногда они перевозятъ свои товары на верблюдахъ ¹⁾

¹⁾ Издатель и переводчикъ де Гуэ при этомъ замѣчаетъ: La ville de Rez était le principal entrepôt de ce commerce v. Ibn. al Fakyh. p. 270, 271.

изъ города Джорджана въ Багдадъ. *Здѣсь славянскіе евнухи служатъ имъ переводчиками.* Они (т. е. русскіе купцы) выдаютъ себя за христіанъ и (поэтому) платятъ половину какъ таковые" (т. е. меньше, чѣмъ бы слѣдовало съ маджу т. е. язычниковъ).

Въ своемъ прекрасномъ описаніи Константинополя и провинцій Византійской имперіи этотъ почтенный арабскій писатель IX вѣка (въ редакціи 887 г.) не разъ упоминаетъ Черное море, но называетъ его *не русскимъ*, а хазарскимъ: „D'Abydos on va au détroit (canal de Constantinople). Ce détroit c'est la mer qu'on nomme Pontos. Il dérive de la mer de Khazar (la mer Noire). La largeur de son embouchure, en cet endroit est de 6 milles. Описавъ Босфоръ и Дарданельскій проливъ, онъ замѣчаетъ: „La longueur entière du détroit depuis la mer des Khazares (la mer Noire) jusqu'à la mer de Syrie (Средиземное) est de 320 milles. Il est sillonné par les bâtimens qui descendent des îles de la mer des Khazares et des parages voisins et par ceux qui de la mer de Syrie remontent vers Constantinople“ — и „le Makron Teichos s'étend de la mer des Khazares (la mer Noire) jusqu'à la mer de Syrie“.

„Tarakia (Thrace) province située derrière la précédente (Tâflâ). Ses bornes sont la muraille à l'est, la Macédoine au sud, le pays de Bordjân (Bulgares) à l'ouest, la mer des Khazares au nord. Elle a 15 journées de marche en long sur 3 journées en large. On y compte dix places fortifiées“.

„Makedonija (la Macédoine). Ses limites sont à l'est la muraille, au sud la mer de Syrie, à l'ouest le pays des Slaves; au nord celui des Bordjân. La longueur de cette province est de 15 journées de marche; la largeur de 5 journées. Il y a trois places fortifiées“.

Эти показанія Ибн-Хордадъ-бэ говорятъ рѣшительно не въ пользу предположенія Голубинскаго о какой-то особой азовской и черноморской руси, поселившейся, не задолго до 839 г., рядомъ съ тетракситами и таврическими готами и слившейся съ ними *въ одно*, до того, что русское называли готскимъ и готское русскимъ. А это же достоверно извѣстно изъ Житія Кириллова, и его мудреное мѣсто объ евангеліи и псалтыри, писанныхъ русскими письменами, служитъ Голубинскому *доказательствомъ* этого *неизвѣстнаго*, но предполагаемаго имъ сліянія: — „Не забудемъ, говорятъ онъ, еще доказательства въ пользу существованія черноморскихъ русскихъ и именно въ пользу того, что они поселились здѣсь съ готами, слившись съ ними въ одно. Константинъ Философъ“ ...

и такъ далѣе объ обрѣтеніи имъ евангелія и псалтири *русьскими письмени* писанныхъ.

Всѣ эти предположенія завершаются и подтверждаются еще новымъ — *sit venia verbo* — не болѣе правдоподобнымъ предположеніемъ о томъ, что не только эти якобы слившіеся *съ одно* съ готами, азовскіе и черноморскіе русы, по принятіи ими христіанства, послѣ нападены на Сурожь, Амастриду и Царьградъ (18-го іюня 860 г.), слушали богослуженіе на готскомъ языкѣ въ Царьградѣ въ церкви св. Іліи, но и не сливавшіеся съ готами варяги, по примѣру, конечно первыхъ, азовскихъ и черноморскихъ, стали слушать это готское богослуженіе и въ Кіевѣ ¹⁾. Увы всѣ эти якобы правдоподобныя соображенія и доказательства разлетаются въ прахъ отъ внимательнаго и осторожнаго обращенія съ источниками. Не придавая незаслуженной важности для IX—X в. позднимъ болѣе или менѣе пуганнымъ арабскимъ свидѣтельствамъ и мѣстнымъ названіямъ съ *Рус* и *Рус* итальянскихъ перипловъ XIII—XVII вѣка, не придавая незавоуваннаго еще довѣрія къ легендамъ Сурожской и Амастридской, не истолковывая неправильно титла *хагана* и замѣчанія Пби-Рустэ, не придумывая какого-то слиянія, въ теченіе какихъ-нибудь двадцати, тридцати лѣтъ, фанатическихъ язычниковъ скандинавовъ, свѣжей, бойрой и нетронутой народности съ стародавними христіанами готами ²⁾,

¹⁾ Голубинскій, И. Р. ч. I, а (1901) с. 95 и сл.

²⁾ Отлѣтимъ указанную еще Авг. Тьерри особенность норманновъ въ набѣгахъ ихъ на сродныя имъ германскія страны, гдѣ они съ особымъ ожесточеніемъ бросались на церкви и духовенство. Au neuvième siècle, l'homme du Nord se glorifiait encore du titre de fils d'Odin, et traitait de bâtards et d'apostats les Germains enfants de l'église; il ne les distinguait point des populations vaincues dont ils avaient adopté le culte. Francs ou Gaulois, Longobards ou Latins, tous étaient également odieux pour l'homme demeuré fidèle aux anciennes divinités de la Germanie. Une sorte de fanatisme religieux et patriotique s'alliait ainsi dans l'âme des Scandinaves à la fougue déréglée de leur caractère et à une soif de gain insatiable. Ils versaient avec plaisir le sang des prêtres, aimaient surtout à piller les églises et faisaient coucher leurs chevaux dans les chapelles des palais. Quand ils venaient de dévaster et d'incendier quelque canton du territoire chrétien: „Nous leur avons chanté la messe des lances, disaient-ils par dérision; elle a commencé de grand matin, et elle a duré jusqu'à la nuit. (Hist. de la conquête de l'Angl. II. (1.) Тутъ же и цитаты.—Thierry Aug. Oeuvres. Bruxelles. 1839. p. 36). Почему же предполагаемая Русь Таврическая въ первой четверти или въ 30-хъ гг. IX в. должна была обращаться иначе съ готами, стародавними христіанами? Жаль, что нашъ ученый не высказалъ, кто первымъ пошелъ на этотъ безслѣдный процессъ *слиянія съ одно*, готы или помѣщаемая нашимъ ученымъ въ сосѣдство съ ними Русь?

слабыми остатками большого нѣкогда народа, менѣе численными и еще хуже поставленными въ смыслѣ народности, чѣмъ нынѣшніе сербо-лужичане или кашубы,—не впадая въ ошибку, воображая, что сѣверно-германское нарѣчіе викинговъ IX вѣка очень было близко, почти одно съ готскимъ языкомъ, не опираясь наконецъ на нелѣпомъ показаніи житія Кириллова о русскихъ письменахъ евангелія и псалтири, словомъ безъ всѣхъ этихъ, критикою не поддерживаемыхъ, приемовъ, никогда нельзя было прійти къ такой неудачной гипотезѣ объ азовской и таврической руси, какъ это случилось съ нашимъ почтеннымъ и даровитымъ ученымъ, такъ много сдѣлавшимъ для русской исторической науки.

Вникая въ свидѣтельство такого трезваго, дѣльнаго и образованнаго человѣка, какъ Ибнъ-Хордадъ-ба, мы приходимъ къ заключенію, что еще въ 84⁹/₇ г. нѣкоторые руссы являются въ нашемъ отечествѣ настолькоъ уже осѣвшими, что становятся *bilingues*, сверхъ своего роднаго языка, знаютъ хорошо по славянски и, благодаря этому знанію, добываютъ себѣ протекцію у вліятельныхъ славянскихъ евнуховъ при дворѣ багдадскомъ. Благодаря ихъ поддержкѣ, руссы-торговцы получаютъ льготныя условія на тамождѣ. Изъ этого обстоятельства слѣдуетъ, что норманны стали являться къ намъ не съ Рюрика, а гораздо раньше. Если появленіе самого Рюрика или такъ называемое основаніе русскаго государства нѣтъ особой причины и надобности относить непременно къ 862 г., а не къ инымъ годамъ болѣе раннимъ, то странно и настаивать, что Аскольдъ или собственно руссы съ такъ называемымъ Аскольдомъ должны были или могли засѣсть въ Кіевѣ никакъ не раньше 862 г. и потому де кіевскимъ руссамъ нельзя было подготовиться къ нападенію и совершить его 18-го іюня 860 г.

VII.

До такъ называемаго основанія русскаго государства, т. е. до признанія княжеской власти за Рюрикомъ или за кѣмъ-нибудь первымъ изъ скандинавовъ со стороны чуди и словѣнъ новгородскихъ, литвы и кривичей и прочихъ нашихъ славянъ, происходило въ теченіе не немногихъ лѣтъ не мало разнаго рода болѣе или менѣе дружественныхъ и враждебныхъ сношеній и столкновеній этихъ послѣднихъ съ нашими впослѣдствіи варягами-русью. Голубинскій въ одномъ мѣствѣ говорить: „мы ни изъ одного писателя не знаемъ и ни одного свидѣтельства не имѣемъ, чтобы славяне наши до прибытія къ нимъ

варяговъ, занимались набѣгами на другіе народы, а напротивъ, *знаемъ только, что они сами были целью этихъ набѣговъ и что эта постоянно страдательная роль составляла ихъ характеристическую черту*“. Словомъ сказать: gutmüthige und energielose Slawen.

Было время, когда, по мѣткому и глубокому замѣчанію даровитаго и прекраснаго знатока литовскаго и финскихъ языковъ, рано умершаго Прейса, литовцы жили гораздо далѣе на югъ и востокъ, а финны—гораздо южнѣе и западнѣе, такъ что тѣ и другіе были непосредственными сосѣдями, и между ними ни кривичей, ни новгородскихъ словѣнъ, ни вятичей не было. Позднѣйшія изслѣдованія покойнаго вѣнскаго профессора Томашека (объ Продотовой Скиѣи) указали, что мордва, напримѣръ, въ V—IV в. до Р. Хр. жила гораздо южнѣе, чѣмъ впоследствии, а лингвистическія изысканія отличнаго датскаго ученаго Томсена раскрыли взаимныя заимствованія въ языкахъ литовскихъ и финскихъ, что указываетъ на нѣкогда непосредственное и долгое сосѣдство.—*Прусскій конецъ* въ Старомъ Новгородѣ и чисто литовскія названія *Валдай*, *Валдайка*, на *Валдоутовъ* погостѣ (на Онегѣ) Уст. Свят., погостѣ *Вавдитъ* (*Валдитъ*) (ibid.) 1137, *Лизуй*, *Лигуя* (ibid.) (Лит. *lygus* ровный). Последнія три названія должны быть отнесены къ личнымъ именамъ новгородскихъ землевладѣльцевъ (срв. valditi, valdonas) и *Валдейкисы* въ Ковенской губерніи Поцевѣжскаго уѣзда указываетъ, какъ далеко на востокъ жила нѣкогда Литва. Срв. *люди Голды* вверхъ *Пороты* (Л. 1147), побѣды Изяслава *Голды* (Л. Лѣт. 1058), градъ *Голеди* (1147), въ Смол. княж., рѣка *Голда* (Голенда) въ нын. Смоленской губерніи, притокъ р. Москвы¹⁾. Но неизвѣстно, въ какую пору, вѣроятно съ начала VI в., когда у славянъ болѣе южныхъ и западныхъ началось движеніе однихъ на югъ за Дунай и Карпаты, другихъ за Вислу и Одру къ Лабѣ—кривичи и словѣне, также вятичи, стали двигаться на сѣверъ, вступая клиномъ между литвою и финнами, однихъ отбѣсняя на западъ, а другихъ на востокъ, пока не пришли въ тѣ приблизительно мѣстности, гдѣ застаютъ ихъ наша начальная лѣтопись.

Слѣдствіемъ этого движенія было развитіе у этихъ славянъ, особенно новгородскихъ, новыхъ бытовыхъ отношеній съ новыми понятіями о

¹⁾ *Барсовъ*. Матер. для ист.-геогр. ои. Россіи. Вильна. 1865. Thomsen (Vill.) Berøringer mellem de fiske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. 1890. (Mém. de l'Ac. de Copenhague) 6-me serie. Vol. I, № 1.

князѣ, не какъ о родовомъ наслѣдственномъ старшингѣ, а какъ объ избираемомъ, на извѣстныхъ условіяхъ, вождѣ, воеводѣ. Это движеніе совершалось, конечно, медленно, не безъ упорной, постоянной борьбы, усилившей враждебныя отношенія летто-литвы и чуди къ славянамъ. Къ исходу VIII вѣка словѣне (впослѣдствіи новгородцы) и кривичи достигли, надо полагать, на сѣверѣ тѣхъ предѣловъ, при коихъ застаетъ ихъ наша первоначальная исторія. Къ этому же времени у скандинавовъ возникаетъ поря викинговъ и ихъ морскихъ плаваній и набѣговъ на западъ, на востокъ и на югъ ¹⁾. Единновременно, а можетъ и раньше еще, они появляются у устьевъ сѣв. Двины, у восточныхъ береговъ Ботническаго залива, у береговъ заливовъ Финскаго и Рижскаго и у береговъ низиѣшней Курляндіи. Какъ ни были дерзки и отважны эти морскія шайки скандинавовъ, какъ ни охочи они были пограбить, какъ ни легко они относились къ своей и тѣмъ болѣе къ чужой жизни, однако эти викинги не были ни дикарями, жаждавшими лишь людской крови, ни какими-то *полубогами, великанами, героями сумрака*. На указанныя мѣстности направлялась преимущественно, если не исключительно, только извѣстная часть скандинавовъ, именно шведовъ и особенно изъ восточной части Швеціи ²⁾. Огромное большинство скандинавовъ во весь этотъ періодъ викинговъ оставалось дома, и только меньшинство ихъ предавалось морскимъ набѣгамъ и плава-

¹⁾ Первое исторически извѣстное нападеніе нормановъ на Англію состоялось въ 787 г.

²⁾ Впрочемъ, по крайности при Владимірѣ, а можетъ конечно и раньше, зап. Двиною, прибавляли и датчано, давно и близко знакомые съ сосѣдними славянами полабскими и балтійскими. Титмаръ Мерзеб. говорятъ про Кіевъ (1018 г.): „In magna hac civitate, que istius regni caput est, plus quam quadringente habentur ecclesiae et mercatus 8, populi autem ignota manus, quae sicut omnis haec provincia ex fugitivorum robore servorum huc undique confluencium, et maxime ex velocibus Danis, multum se nocentibus Pecinegis hactenus resistebat et alios vincebat“. Впрочемъ, если суди по руническимъ надписямъ Швеціи и по финскому названію шведовъ Ruotsi, слѣдуетъ выводить Русь изъ Швеціи, то съ другой стороны нельзя не обратить вниманія, что и датчане назывались у англосаксовъ *Ryd(h)renan*. Anglo-Saxon Chronicle edit. by B. Thorpe. London 1861, p. 433. Въ 1066 г. они напали на Нортумбрию. Попытн существоющее графство Россъ на западномъ побережьи Шотландіи — не норманскаго ли происхожденія? Всячески не жители Рослагена (Roslagen, Roddslagen) въ Упландіи и вообще не шведы ходили на Англію и Шотландію, а лишь датчане и норвежцы. Слѣд. сл. Русь (Рѳс) не изъ Упландіи и не отъ финновъ передано было англичанамъ и шотландцамъ. Вслѣдствіе стародавняго сосѣдства съ полабскими, балтійскими славянами, у датчанъ давно и сильно было распространено знаніе славянскаго языка. Это обстоятельство легко могло привлечь датчанъ въ славянскую Гарзаррку.

ніямъ ¹⁾). И въ настоящее время шведы и норвежцы (благодаря природѣ своихъ странъ) принадлежать къ весьма небольшимъ народамъ: шведовъ — 5.135,000 съ небольшимъ, а норвежцевъ — 2.200,000 съ неб.; но въ Швеціи и теперь живетъ болѣе 28¹/₂ тыс. финновъ и лопарей (да иностранцевъ считается слишкомъ 24¹/₂ тыс.). Въ 1748 г. все населеніе Швеціи числилось лишь въ 1.736,482 д. Сколько же ихъ могло и должно было быть въ IX вѣкѣ, когда хозяйство и обработка земли были самыя первобытныя и когда лопарей и финновъ должно было быть несравненно болѣе пынѣшнего? Понятно, что при постоянныхъ раздорахъ и усобицахъ въ Швеціи IX в., при тогдашнихъ средствахъ кораблестроенія и вообще военнаго дѣла, и набѣги совершались партіями, самое большее, въ одинъ, два, много не полныя три десятка тысячъ людей. Понятно, что, являясь къ чужимъ берегамъ, они не рѣшались слишкомъ далеко углубляться внутрь страны, не узнавши, гдѣ она кончается и какое въ ней населеніе. Прежде чѣмъ грабить въ ней и производить захваты, надо было еще обезпечить себѣ тылъ и возможность благополучнаго возврата восвояси. Поэтому узнавъ, что славянскія земли на югъ отъ Финскаго и Рижскаго заливовъ представляютъ собою не полуостровъ въ родѣ Скандинавскаго и не острова (въ родѣ Ирландіи, Шотландіи и Англіи), а огромный материкъ, правда съ озерами и большими рѣками, полный болотъ, лѣсовъ и равнинъ, населенный нѣсколькими сотнями тысячъ народа, несравненно болѣе многочисленнаго, чѣмъ всѣ тогдашніе скандинавы въ совокупности, наши варяги старались прежде всего поладить съ туземцами. Ознакомившись прежде всего съ чудью и летто-летною, прибрежнымъ населеніемъ, вѣроятно, сначала искавшимъ у нихъ помощи противъ тѣснѣвшихъ ихъ славянъ, они явились защитниками первыхъ, обѣщавъ за извѣстную дань помочь имъ противъ послѣднихъ. Но долго ли продолжался этотъ союзъ, мы не знаемъ. Всячески—не мѣсяцы, а цѣлыя годы. Преданіе говоритъ, что варяги были изгнаны за море, вѣрнѣе, что были изгнаны не разъ ²⁾). Наконецъ произошло примиреніе и соглашеніе

¹⁾ *Munch*, въ пер. Клаусена—Die Nord-Germ. Völker. Lübeck. 1855. Ss. 152—3, 172—3.

²⁾ Даже отдѣльные народцы литовскіе и финскіе успѣвали отбивать и прогонять варяговъ-своевъ. См. Vita Anskarii auct. Rimberto. cap. 30. Hannoverae. 1884 (шк. изд.) „Gens enim quaedam longo ab ois (Sueonibus) posita vocata Cori (Куры-Курландія), Sueonum principatui olim subjecta fuerat, sed iam tunc diu erat, quod rebellando eis subici dedignabantur. Denique Dani hoc scientes, tempore supra dicto,

чуди и словѣтъ, литвы и кривичей, основанное на взаимныхъ уступкахъ и компромиссахъ, на отреченіи отъ своихъ родовыхъ князей и въ рѣшимости избрать себѣ для наряда третьихъ. Ни чудь, ни литва повидимому не вѣдали общегерманскаго поклоненія своимъ князьямъ, еще менѣе оно было знакомо славянамъ, у нихъ не князь,

quo dominus episcopus iam in partes Sueonum advenerat, *navium congregata multitudine*, ad eandem perrexerunt patriam, *volentes et bona eorum dividere et sibi eos subiugare*. Regnum vero ipsum quinque habebat civitates. Populi itaque inibi manentes, cognito eorum adventu, *conglobati in unum, coepere viriliter resistere et sua defendere. Dataque sibi victoria, medietate populi Danorum caede prostrata, medias quoque naves eorum diripuerunt, auro et argento spoliisque multis ab eis acceptis*. (Это происходило всего вѣроятнѣе въ 853 г.). Далѣе Римбертъ рассказываетъ: Узнавъ объ этомъ, король (rex) Олафъ (Olef) и народъ свеевъ (populusque Sueonum) volentes sibi nomen acquirere, *quod facere possent quae Dani non fecerint, et quia sibi etiam antea subiecti erant* (Curi), illas adierunt partes. Прежде всего они направили свои силы на городъ Seeburg (правильнѣе Seleburg) при западной Двинѣ, отчего первые епископы Курляндіи и Семигаліи назывались episcopi Selpenses. Шведы нашли въ немъ семь тысячъ сражавшихся (pugnatores); опустошивъ и ограбивъ городъ, шведы подожгли его. Отсюда confortati animo и покинувъ свои корабли, itor quinque dierum arripientes, постигли къ другому городу куровъ, — Arulia (Шильтенъ на р. Виндавѣ). Здѣсь сидѣло 15 тысячъ воиновъ (bellatorum). Начались осада и приступы. Горожане мужественно (viriliter) оборонялись. Такъ прошло 8 дней, съ утра до вечера продолжались битвы, не мало уже пало съ обѣихъ сторонъ, но ни одна изъ нихъ не брала верху, — *sicut ecce nono die populus Sueonum diutina caede fatigatus coepit angustari, et timido corde extravescens, hoc solum cogitare, quomodo inde evaderent*. Этотъ правдивый и наивный рассказъ Римберта очень просто даетъ знать, какъ сильно наши норманисты раздували намъ нашихъ варяговъ, величая ихъ *героями сумрака*, полубогами. Онъ говоритъ, что шведы стали роптать, указывая, что они въ пяти дняхъ разстоянія отъ своихъ кораблей. Наконецъ рѣшили бросить жребій, не помогутъ ли имъ боги, *ut vel victoriam caperent vel vivi inde evaderent*. Бросили жребій и, оказалось, ни одинъ изъ боговъ не готовился помочь имъ — дарованьемъ побѣды или благополучнаго возврата. Тогда нѣкоторые изъ шведовъ, слышавшіе поученія епископа Ангарія, предложили испытать Христа на счетъ помощи. Брошенъ былъ жребій, и оказалось, что Христосъ готовъ имъ помочь. И тогда они съ бодрымъ духомъ пошли опять на не сдававшійся городъ. Осажденные послали своихъ людей для переговоровъ. Горожане заявили: *„Nobis iam pax magis quam pugna placet, et foedus vobiscum inire cupimus. Et primo quidem quicquid ex spoliis Danorum praeterito anno in auro et armis adquisivimus, vobis promunere foederis damus. Deinde pro unoquoque hominum in hac urbe constitutorum dimidiam libram argenti offerimus, et insuper censum, quem antea solebamus, vobis persolvimus, et datis obsidibus, abhinc subiecti et obaudientes, sicuti antea fuimus, vestro imperio esse volumus. Cum haec itaque oblata fuerint, necdum tamen animi juvenum sedari poterant, vorum alacriores facti et absque motu imperterriti pugnare tantum desiderantes, armis se urbem et omnia quae haberent vastaturos ipsoque captivos abducturos dicebant. Rex vero et principes saniori consilio*

а мѣръ, громада — великій человекъ. Это призваніе скандинавскихъ конунговъ съ ихъ ярлами чудью, весью, литвою, словѣнами и кривичами или признаніе ихъ своими князьями въ Ладогѣ, въ Изборскѣ, на Бѣлѣозерѣ, вѣроятно не позже начала 850 г., было началомъ новаго порядка вещей, сдѣлавшаго примиреніе словѣнъ съ частью чуди и веси, кривичей съ частью литвы и положившаго конецъ дальнѣйшимъ нападеніямъ скандинавскихъ викинговъ. Выиграли отъ этого всего болѣе славяне, правда въ концѣ концовъ, такъ какъ первое время торжествовали скандинавы. По путямъ, давно проложеннымъ словѣнами и кривичами и съ ихъ помощью, наши викинги становятся мало-по-малу владѣльцами громадной страны и болѣе многочислен-

dextras ab eis accipientes foedus inierunt, et thesauris innumerabilibus atque obsidibus sibi collatis, cum gaudio ad sua reversi sunt". Эти *безчисленныя сокровища* миссіонера Римберта состояли въ отнятомъ отъ разбитыхъ породъ тѣмъ датчанъ *добрѣ* (про него за страницу передъ этимъ самъ же Римбертъ отозвался — *aurum et argento spoliisque multis ab eis acceptis*), но для показанія благодатной помощи христіанскаго Бога, пособившаго шведамъ за то, что они рѣшились ему помоклиться объ одолженіи враговъ, Римбертъ почелъ необходимымъ обратить это датское добро въ *безчисленныя сокровища*. Нѣтъ сомнѣнія, что куры припрятали себѣ все, что было получше изъ забраннаго ими добра у датчанъ. Этотъ эпизодъ прекрасно рисуетъ отношенія варяговъ-руси до такъ называемаго основанія русскаго государства къ чуди, литвѣ, словѣнамъ и кривичамъ, причемъ надо помнить, что по мѣрѣ удаленія отъ береговъ морскихъ варяги наши становились покладистѣе и умѣреннѣе, да и финны и литва-материковые, не говоря уже о славянахъ, были гораздо сильнѣе и многочисленнѣе куровъ, а славяне, особенно состоявшіе подъ хазарскимъ владычествомъ, были въ свою очередь гораздо сильнѣе первыхъ и подъ долготѣннимъ вліаніемъ отчасти еврейской и особенно мусульманской культуры, и гораздо развитѣе и культурнѣе, а слѣдовательно и варягамъ внушали большо почтенія. Гансъ Гильдебрандъ говоритъ: „У Снорри лагманъ Торгилъ на вѣчѣ напоминаетъ королю Олафу, что его прадедъ Эрикъ сынъ Эмундовъ, современникъ отца Гаральда Прекрасноволосаго, въ цвѣтущемъ возрастѣ, слѣдовательно почти въ половинѣ IX вѣка завоевалъ Финляндію, Карелію (Kirjalaland), Эстляндію и Курляндію и пр. и пр. Также Эрикъ увеличилъ свое государство, но во времена Олафа всѣ эти владѣнія на востокѣ пропали безслѣдно. (Olafs S. h. Helg. cap. 81, см. Hildebrand, Hans, Das heidn. Zeitalter in Schweden, übers. v. Mestorf. Hamburg. 1873. S. 176). Въ Эгиль-сагѣ разсказывается о несовсѣмъ удачномъ походѣ Эгиля и брата его Торольфа въ 925 г. у куровъ и тутъ же объ одномъ датскомъ плѣнникѣ, съ 2 сыновьями у куровъ. Послѣднимъ нерѣдко помогали противъ норманновъ эсты. Шведская королева Эстридъ съ своимъ сыномъ Олафомъ Триггвазономъ на шведскомъ кораблѣ ѣхала изъ Норвегіи въ Гардарикъ въ 966 г. На пути напали на корабль эсты, и людей частью умертвили частью забрали въ плѣнъ. Еписк. Вильгельмъ въ 1226 г., будучи въ Динамидѣ, видѣлъ цѣлую флотилію съ острова, ворочавшуюся съ плѣнниками и добычею изъ Швеціи. Hildebr. N. id. S. 131.

наго народа изъ многочислѣннѣйшаго въ Европѣ славянскаго племени. Но чѣмъ болѣе расширялись границы новыхъ владѣній Рюриковичей, тѣмъ болѣе расплывался и растворялся скандинавскій, сѣверно-германскій элементъ, постепенно теряя свою самостоятельность, языкъ и народность. Можно смѣло сказать, второе поколѣнне скандинавскихъ пришельцовъ становится уже двуязычнымъ, *bilingues*. Слѣдующія же поколѣнія князей варяжскихъ въ лицѣ Владиміра, Ярослава, по германскому сознанію сочинителей сагъ и современныхъ ученыхъ, представляются уже лицами болѣе или менѣе ничтожными и слабыми, не понимавшими своихъ задачъ. Такъ и новѣйшіе патріоты нѣмцы не перестаютъ осуждать наслѣдниковъ Петра III или Екатерины II за невѣрность ихъ задачамъ и за слабое попустительство разнымъ *slawischen Wühlereien*. Впрочемъ и первыя поколѣнья нашихъ варяговъ, не князей, а вольныхъ, охочихъ людей, думавшихъ не объ однихъ войнахъ и насиліяхъ, а занятыхъ, напримѣръ, торговлей, вступали въ дружескія связи съ славянскими торговцами. Отъ нихъ же они научались и славянскому языку и проложеннымъ путямъ и выработаннымъ приемамъ. Для славянскихъ торговцевъ скандинавы-торговцы не были ли первыми гостями, ни образцами и учителями. Раньше скандинавовъ они узнали болѣе образованныхъ и опытныхъ торговцевъ въ лицѣ евреевъ, арабовъ, персовъ и хазаръ. Нѣтъ сомнѣнія, что писавшій въ 847 г. о русскихъ купцахъ на востокѣ Ибн-Хордадъ-бѣ разумѣлъ и зналъ между ними не однихъ скандинавовъ, но и славянъ. Припомнимъ, что за Дунаемъ, на юго-восточномъ полуостровѣ, въ предѣлахъ Византійской имперіи съ конца VI, въ VII в. поселяются южные славяне, между ними упоминаются и анты,—наши южныя вѣтви—угличы, тиверци конечно, не прерывали сношеній со своими задунайскими соплеменниками. Тотъ же Ибн-Хордадъ-бѣ писалъ въ 887 г. о другомъ русскомъ торговомъ пути; но несомнѣнно эти свѣдѣнія его относятся къ болѣе раннимъ десятилѣтіямъ: „*Les Russes qui appartiennent aux peuples slaves, se rendent des régions les plus éloignées de Caklaba (le pays des Slaves) vers la mer romaine et y vendent des peaux de castor et de renard noir, ainsi que des épées. Le prince des Romains prélève un dixième sur leurs marchandises*“.

Этотъ торговый путь намъ извѣстенъ изъ извѣстнаго сообщенія Константина Порфиророднаго (IX гл. *De adm. imp.*). Греческій путь этотъ, какъ и путь хазарскій (до Багдада), былъ прежде открытъ славянами, и по ихъ указаніямъ и слѣдамъ, стали затѣмъ ходить и скандинавскіе торговцы. Не пираты-викинги, а смѣлые торговые люди

изъ скандинавовъ первые ознакомились съ внутренними частями славянскихъ земель между Балтійскимъ, Чернымъ и Азовскимъ морями. Начало этихъ мирныхъ сношеній восходитъ ко временамъ болѣе раннимъ, чѣмъ призваніе Рюрика, вѣроятно, къ 20—30 годамъ IX в. (ср. Берг. Л.). Знакомство нашихъ славянъ съ скандинавами завязалось гораздо раньше т. наз. основанія русскаго государства, до утвержденія власти варяговъ въ Ладогѣ, на Вѣлѣозерѣ и въ Изборскѣ. Только цѣлый рядъ мирныхъ сношеній славянъ съ отдѣльными партіями варяговъ могъ подготовить это призваніе и это утвержденіе варяжской власти среди чуди, веси, лютвы, словѣнъ и кривичей. Указываемое Иби-Хордадъ-ба знаніе *русскими* купцами языка славянскаго и участіе и помощь смольнянъ (кривичей) и новгородцевъ (словѣнъ) и другихъ славянъ на нижнемъ Днѣпрѣ, русскимъ купцамъ въ плаваніи по Днѣпру, о чемъ есть свидѣтельство Константина Порфиророднаго, говорятъ о давнихъ мирныхъ и дружелюбныхъ отношеніяхъ славянъ и скандинавскихъ торговцевъ. Славянскія названія пороговъ были, конечно, древнѣе скандинавскихъ. Это свидѣтельство взято или прямо списано съ какого-нибудь стараго греческаго донесенія, записаннаго лицомъ близко знакомымъ съ краемъ, если не въ половинѣ IX в., то не позже начала X в. Упомянутое же печенѣговъ, появившихся въ этихъ краяхъ не позже 914 года, могло быть занесено впоследствии, быть можетъ самимъ же Константиномъ Порф. Какъ бы то ни было, но эти плаванія и хожденія русскихъ купцовъ по Днѣпру, по Черному морю, въ устьяхъ Дуная, въ Констанцію (Костанцу, Кюстенджи), Варну и Месемврию были начаты сѣверными славянами задолго до варяговъ. У славянъ, оставшихся въ своихъ старыхъ поселеніяхъ на сѣверѣ отъ Дуная, при Днѣстрѣ, Днѣпрѣ и Бугѣ жила непрерываемая память о переселеніи ихъ родичей и земляковъ въ Мизию и Тракію. Эта память взаимно поддерживалась непрерывностью связей и сношеній славянъ сѣверныхъ съ южными. Такъ имѣемъ свѣдѣнія о торговцахъ русскихъ въ Переяславлѣ. Для исторіи старо-давнихъ сношеній сѣверныхъ славянъ съ задунайскими имѣютъ важное значеніе находимыя въ Россіи монеты Византійскія VI в. и позже. Къ сожалѣнію, по признанію нашихъ лучшихъ нумизматовъ, записи находимыхъ у насъ Византійскихъ монетъ не велись такъ исправно, какъ оно было съ монетами арабскими. Можно думать, что въ началѣ X в., да вѣроятно и раньше, русскіе торговцы черезъ Карпаты являлись въ Моравію, въ Венгрію, въ Чехію и Баварію. И въ Болгарію и въ Моравію варягамъ нашимъ также нужно было знаніе славянскаго языка. Бли-

зость и сознаніе единоплеменности нашихъ славянъ съ юго- и сѣверо-западными славянами помогали развитію торговыхъ сношеній, а возбужденіе нашихъ славянъ къ торговлѣ не могло не развиваться во время хазарскаго владычества. О томъ, что моравяне находились въ близкихъ сношеніяхъ съ хазарами и съ ихъ славянами еще въ 860-хъ годахъ, мы имѣемъ важное современное указаніе. О немъ скажемъ послѣ.

VIII.

Выходъ нашъ, т. е. русскихъ славянъ, изъ формъ племеннаго быта и соединеніе отдѣльныхъ племенъ подъ верховною властью одного государя или одной семьи (династїи) и ознакомленіе съ высшею культурою началось не въ половинѣ IX в., а идетъ съ конца VII в., когда наши славянскія племена начали платить дань хазарамъ и признавать верховную власть ихъ хагана. Въ VIII и до исхода IX в. значительная часть славянскихъ племенъ (древней Руси) составляла большую часть хазарскаго государства. Неизвѣстные намъ по именамъ хаганы хазарскіе (VIII—IX в.) были такими же нашими инородными государями, какъ и первые Рюриковичи вплоть до Владиміра. Сначала мы платили дань хазарамъ, потомъ стали платить варягамъ. Разница была только въ томъ, что Рюриковичи жили среди славянъ, а хаганы управляли издали; другая же разница, на которую мало обращаютъ вниманія, состояла въ томъ, что культура хазарская (еврейско-мусульманская) была гораздо выше культуры славянской и варяжской. Заслуга варяговъ по отношенію къ намъ заключается въ томъ, что они знакомятъ славянъ съ моремъ и своими нападеніями на Византію при Аскольдѣ и Дирѣ, Олегѣ, Игорѣ, невольно и безсознательно вводятъ ихъ въ новую сферу христіанскаго и греко-римскаго вліянія Византіи, особенно сильно проявленнаго въ двухъ крещеніяхъ Руси (862 и 989 г.), при Аскольдѣ и при Владимірѣ. Между этими двумя крупнѣйшими событіями варяжскаго періода произошло и частное крещеніе княгини Ольги, 945 г., имѣвшее сильное вліяніе на послѣдовавшее затѣмъ обращеніе въ христіанство ея внука Владиміра. Прибавимъ, источниками хазарскаго періода русской исторїи служатъ всѣ арабскія и византійскія свидѣтельства о хазарахъ, историки армянскіе (напримѣръ Гевондъ), а также и славянское житіе св. Кирилла и записка епископа Гавдерика, а можетъ быть и внесенное въ нашу лѣтопись, въ рассказѣ объ обращеніи кн. Владиміра въ христіанство, поученіе (Кирилла) Философа, наконецъ клады съ арабскими монетами исхода IX в.—862 г. не годъ основанія государства на Руси,

а годъ перваго крещенія Руси и введенія въ нее грамоты. Начатки же государственнаго строя положены были не Рюрикомъ, а неизвѣстнымъ по имени хаганомъ хазарскимъ, и слѣдовательно восходятъ къ концу VII в.; оба періода нашей древней исторіи занимали, каждый почти по ровну, по 150 лѣтъ, первый—хазарскій (съ конца VII в.— начало VIII в. до половины исхода IX в), второй варяжскій съ половины или собственно исхода IX в. — до конца X — начала XI в. Въ первомъ періодѣ страна и государство—русскихъ (впослѣдствіи) славянъ называлась Хазаріею или Хазары (*хазары*, какъ *греки*, *вмагы*, иде въ *греки*...), во второмъ періодѣ начинаетъ называться Русью, сначала собственно одно Кіевское княжество съ Переяславскимъ, а затѣмъ и всѣ прочія славянскія княженія или волости, въ отличіе отъ прочихъ не славянскихъ сожителей и ближайшихъ сосѣдей. У варяговъ долгое время было для этой страны одно названіе—*Gardhatriki*—*Гарзаритки*. Это слово буквально означало край, страну городовъ, городовъ, но въ дѣйствительности оно, кажется, ничто иное, какъ народное, скандинавское истолкованіе непонятнаго слова *Хазарии*. Такъ у насъ народъ истолковывалъ непонятное ему слово *Стокольмъ*—прозваніемъ этого города *Стокольною*, нѣмцы—прозваніемъ *Милана*—*Майландомъ* (*Mailand*). Тѣ же скандинавы и почти въ то же время непонятное имъ финское народное географическое названіе *Kainulaiset* передѣляли въ *Quinnaland*, т. е. страна жонцингъ. Алфредъ въ своемъ англо-саксонскомъ переводѣ Оролія страну амазонокъ Маркіана называетъ *Maegdalaland*. Что *Gardhatriki* не есть самостоятельное слово, а народная передѣлка словъ *Хазари*, *Хазарія* или *Хазары*, доказывается еще тѣмъ, что въ сагахъ нѣтъ слова, имени для народа и страны хазаръ. Не встрѣчая искомаго для хазаръ названія ни въ *Antiquités russes* Рафна, ни въ словарѣ Вигфусона, и не полагаясь на свои слабыя свѣдѣнія, по незнакомству съ подлинными сагами, я обратился съ письменнымъ вопросомъ и просьбою о помощи къ двумъ нашимъ знатокамъ скандинавской средне-вѣковой литературы и письменности г. Тиандеру и проф. Брауну,—и отъ обоихъ получилъ письменные же отвѣты. Первый мнѣ пишетъ: „Пересмотрѣлъ я *Ant. russes* и исторію Снорра, но ни малѣйшаго слѣда о хазарахъ не нашелъ. Также напрасны оказались и мои поиски въ главнѣйшихъ историческихъ сагахъ и въ сборникѣ *Fornaldarsögur*. И у Саксона я ничего не отырылъ. Вообще, насколько мнѣ помнится, я въ древне-сѣверныхъ текстахъ никогда не встрѣчалъ прямого названія хазаръ. Косвенно можетъ быть о нихъ

и сохранилась память. Вотъ, напримѣръ, Снорри въ введеніи къ своей исторіи заявляетъ, что „Svithiod холодную или „великую“ простирающуюся къ сѣверу отъ Чернаго моря, одни еще называютъ Serkland, а другіе Bláland.—Svithiod явилось вмѣсто Скивіи черезъ какую-нибудь форму *Skithjod*. *Serkland*—Африка отъ Serkir-саррацины. Но что такое *Bláland*—синяя страна и *blámenn*—синіе люди ¹⁾? Обыкновенно толкуютъ какъ—Эѳіопія. Но какъ оно могло попасть въ Россію, къ сѣверу отъ Чернаго моря? Можетъ быть тутъ посредствующую роль въ ассоціаціяхъ скандинавскихъ географовъ сыграли хазары или половцы. Не было ли у нихъ „синей“ орды, какъ были золотая, бѣлая и др.“?

Проф. Браунгъ мнѣ отвѣтилъ: „*О хазарахъ, насколько мнѣ извѣстно, сага ницѣ не упоминаетъ. Мнѣ даже положительно утверждать, что изъ тамъ нѣтъ и быть не можетъ. Больше ясныхъ географическихъ свѣдѣній о Россіи начинаются въ сагахъ только съ самаго конца X в. Изъ южно-русскихъ кочевыхъ народцевъ въ саги попали лишь печенѣги (мѣстность *Pétnavellir* на нижнемъ Дунаѣ въ *Heimskringla*, *Nákonarsaga herdibreids* с. 25) и можетъ быть, половцы (*Turkland*, *Turkir* въ *Eymundarsaga* с. 8)“.*

Принося глубокую благодарность обоимъ нашимъ ученымъ, я вижу въ этомъ отсутствіи въ сагахъ особаго названія для хазаръ только подтвержденіе моей догадки о *Gardhariki*. Не зная хазаръ и ихъ имени варяги не могли также, какъ турки, смѣшавшіе въ XV в. Византію и царства болгарское и сербское, не могли не знать ромеевъ, болгаръ и сербовъ. Всѣ славянскія племена, платившія дань хазарамъ до утверженія Олега въ Кіевѣ и отчасти до Святослава включительно—назывались общимъ именемъ хазаръ, точно также какъ впоследствии стали называться общимъ именемъ *Руси*. Такъ и страна отъ Дона до Днѣпра и далѣе на западъ носила прежде названіе Хазаріи, Хазаръ и у хазаръ и у арабовъ и персовъ и грековъ. Точно также у нихъ же потомъ, т. е. на востокъ, югъ и западъ эта же самая страна съ своимъ населеніемъ стала слѣть подъ именемъ Оросовъ, Урусовъ, Олосовъ, 'Росіа и *Russia*, *Ruscia*, *Ruthenia* и пр.

IX.

Отмѣтимъ еще одно обстоятельство, упущенное изъ виду Голубинскимъ, а также и Васильевскимъ, по поводу нападенія на Царь-

¹⁾ Вѣроятно *половцы*—у чеховъ, *Plavci*—нѣм., *falb*—слав. *плавый*, у серб. *плавка*, блондинка. У словяниц. *plav*—голубой (*blau*).

градъ 18 іюня 860 г. Они оба настаиваютъ на томъ, что этотъ походъ шелъ не отъ руссовъ Аскольда и Дира или вообще не отъ сѣверныхъ, средне-днѣпровскихъ руссовъ, а изъ какой-то южной-днѣпровской или азовско-таврической руси; то-есть, Васильевскій ведетъ этотъ походъ отъ готовъ-руси, а Голубинскій отъ варяговъ-руси, *слившись уже въ одно съ готами таврическими*. Обоиими нашими учеными при этомъ упущено изъ виду одно важное обстоятельство, а именно, для этого похода руси необходимы были большія приготовленія,—постройка новыхъ и починка старыхъ судовъ, заготовка сѣстныхъ припасовъ, наборъ людей. Могли ли эти приготовленія быть укрыты отъ грековъ, прѣвзжихъ изъ Цареграда или вообще изнутри имперіи, отъ грековъ и другихъ христіанъ туземныхъ? Положимъ, что руссы были одинъ народъ по происхожденію съ готами, но вѣдь ни всѣ руссы, нападавшіе на Константинополь, ни даже большая ихъ часть не были христіанами, тогда какъ всѣ таврическіе готы и тетракситы были старыми христіанами; неужели межъ нихъ не было людей, рѣшительно не одобрявшихъ этого злого замысла противъ святынь Цареградскихъ? И неужели они до того слились съ язычниками руссами, что одобряли и поддерживали всѣ ихъ предпріятія даже противъ своей вѣры? Или *слившись съ готами въ одно* руссы скрывали отъ готовъ и свои приготовленія и свои замыслы? И неужели имѣя своихъ представителей въ Херсонѣ (стратига со времени императора Теофила) и въ Босфорѣ епископа, правительство византійское не было бы своевременно предупреждено объ этихъ приготовленіяхъ руссовъ? Трудно допустимая небрежность со стороны официальныхъ лицъ была бы исправлена сообщеніями тѣхъ или другихъ греческихъ торговцевъ и моряковъ, всегда склонныхъ и готовыхъ разузнавать и разносить всякіе слухи и новости. Мы знаемъ, однако, что императоръ Михаилъ III въ маѣ 860 года отправился въ походъ съ войскомъ противъ арабовъ въ Каппадокію. Будучи у *Мавропотамонъ*, онъ былъ извѣщенъ Орифою начальникомъ флота о появленіи руссовъ передъ Константинополемъ (рѣка *Μέλας ποταμός*—турецкая Кара-су притокъ Сангарія, соединявшій эту рѣку съ озеромъ Собанджа, на западъ отъ Никомидіи (Исмида), какъ полагаетъ Рамзай (The hist. geogr. of Asia Minor), или рѣка Кара-су, *Μέλας ποταμός* въ Каппадокіи, вытекающая изъ подъ горы Аргея, въ 3 часахъ пути отъ Кесаріи, какъ думаетъ Васильевъ ¹⁾). Во всякомъ случаѣ императоръ почти за мѣсяць ничего

¹⁾ Византія и Арабы, с. 190 слд. и с. 155.

не зная о приготовляемомъ нашествіи руссовъ на столицу. Михаилъ съ трудомъ пробрался въ нее, такъ какъ руссы уже были передъ Константинополемъ. Такое тайное отъ грековъ и большое приготовленіе руссовъ къ походу на Царьградъ могло произойти лишь въ дали отъ грековъ на верхнемъ и среднемъ Днѣпрѣ. На нижнемъ же Днѣпрѣ или въ его устьяхъ не было возможности снарядить флотилію, за неимѣніемъ подъ рукой лѣсу. Съ верхняго или средняго же Днѣпра должны были исходить и нашествія руссовъ на Амастриду и Сурожь, если они дѣйствительно происходили.

X.

Предположеніе Голубинскаго о чрезвычайной близости языковъ и вообще двухъ германскихъ разновидностей—скандинавской и готской, очевидно, исходитъ изъ неправильнаго, уже брошеннаго въ наукѣ мнѣнія о тождествѣ готовъ шведскихъ областей Ostrogothia и Westergothia Адама-Бременскаго, назвавшаго и г. Бирку (при оз. Меларѣ) *oppidum Gothorum*. Эти такъ называемые впервые у Адама Бременскаго готы ни мало не однородны съ готами полу-баснословнаго Германариха, разгромленными налетомъ гунновъ, ни съ вестготами, ушедшими далеко на западъ въ южную Галлію, Испанію, наконецъ въ Африку вмѣстѣ съ вандалами, ни съ остготами Теодориха. Шведскіе готы правильно отлчаются Прокопіемъ, называвшимъ ихъ *гаутами* (Γαυτοί, въ отличіе отъ настоящихъ хорошо ему извѣстныхъ Гѣтѣи). Еще ранѣе Птолемей отмѣтилъ ихъ въ южной Скандіи подъ именемъ Γοῦται (Γαῦται), въ англо-саксонской былинѣ о Беовульфѣ они называются *Gēatas*, у исландца Снорри *Gautar*, а страна ихъ *Gauland* (*Eystra-G.*, *Vestra Gautland*).

Готовъ же прибалтійскихъ или правильнѣе привислинскихъ Плиній называетъ *Gulones*, Страбонъ *Γούτωνες*, *Γούτωνες*, Птолемей *Γούτωνες*, Тацитъ—*Gotones*, *Gothones*, англо-саксы—*Gotan*, сѣверные-германцы—*Gotar*. Собственное же имя готовъ сохранилось въ сложномъ словѣ *Guthiuda*.

Объ отношеніи сѣверо-германскаго языка къ языку готскому вообще, въ IX—X в. тѣмъ болѣе, судить очень трудно. Хотя переводъ библіи Ульфилію былъ совершенъ въ IV вѣкѣ, но до насъ дошли только отрывки этого перевода, отрывки нѣсколькихъ, ученаго характера, сочиненій (*Skeigrims*) и календарь въ рукописяхъ начала или половины VI вѣка, писанныхъ, какъ полагаютъ остъ-готами. Затѣмъ собственно говоря чисто готскихъ памятниковъ мы не имѣемъ, если не считать

нѣкоторыхъ хотя и древнихъ грамотъ и документовъ VI вѣка (изъ южной Італіи) съ именами готскими, но написанныхъ итальянцами. Затѣмъ собственныя имена встрѣчаются въ готской исторіи Іордана. Отъ IX вѣка дошелъ небольшой Ономастиконъ аббата Смарагда. Есть еще надпись изъ 2 словъ (*gutaniowi hailag*) на такъ называемомъ Букурештскомъ кольцѣ... Что же касается языка Крымскихъ готовъ, то имѣется изъ половины XVI в. нѣсколько готскихъ словъ, записанныхъ Бусбекомъ.

Въ какой степени сѣверо-германскій языкъ былъ близокъ къ готскому въ IX—X вѣкѣ, нужно судить по наведенію, весьма слабо обоснованному, потому именно, что о сканд. языкѣ IX—X вѣка можно составить довольно ясное понятіе, тогда какъ объ языкѣ Таврическихъ и Черноморскихъ готовъ нѣтъ никакихъ данныхъ. Знатокъ сѣверо-германскаго языка, Ад. Нореевъ на основаніи весьма немногословныхъ руническихъ надписей, съ I вѣка по Р. Х. до VI вѣка включительно, приходитъ къ заключенію, что прасѣверный германскій языкъ (*urnordisch*) принадлежитъ къ одному отдѣлу съ готскимъ, т. е. къ восточному, отдѣлу германскихъ языковъ, въ противоположность къ западному (всѣ остальные германскіе языки и нарѣчія). Но и въ это древнее, такъ сказать прасѣверное время, отличія между сѣвернымъ и готскимъ языкомъ выступаютъ рѣзче, чѣмъ сходства ⁴⁾. Нореевъ указываетъ только нѣсколько важнѣйшихъ и древнѣйшихъ различій, числомъ семь. Укажемъ лишь нѣкоторыя: 1) въ прасѣв. яз. сохраняется заключит. гласный въ основахъ на *a* и *i*. Основы въ им. ед. *dhazar*, *zastir*, *hlaiwa* и въ вин. ед. *staina*, *horna*, а въ гот. *dags*, *gasts*, *hlaiw*; *stain*, *haurn*. 2) прасѣв. род. ед. осн. на *a*—оканчив. на *as* *zodhazas*, въ гот. яз. на *-is-dagis*. 3) прасѣв. основ. на *an* въ род. ед. *thravinjan* и дат. ед. *halaibhan*, въ гот. на *ins*, *in*—*hanins*, *hanin*. 4) прасѣв. дат. ед. осн. *a* ок. на *e* :—*kurne*, гот. *au*—*kairna*. 5) прасѣв. дат. ед. осн. *u*—на *iu*—*kunimu(u)diu*, гот. *au*—*sunau*. 6) прасѣв. им. мн. основ.—г на *iR*—*dhohtrik*, гот. *dohtrjus*. 7) прасѣв. I л. ед. прош. слаб. глаг. на *o*—*lawidho*, гот. на *a*—*lawida*.

Что же касается такъ называемаго періода викинговъ (700—1050 г.), когда число намятниковъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ словъ и формъ значительно возрасло, то за это время сѣверо-германскій языкъ уже

⁴⁾ Indessen fallen schon in urnordischer Zeit die Diferenzen zwischen den gotischen u. nordischen Sprachen weit mehr in die Augen als die Uebereinstimmungen. (Grundr. d. germ. Phil. v. Pauli. Strassb. 1891. Ss. 417—420.)

замѣтно уклонился отъ прасъвернаго, такъ что Нореевъ насчитываетъ между ними 22 отличія. За этотъ же періодъ выступаютъ уже особенности сѣверныхъ диалектовъ. Вообще въ этотъ относительно короткий періодъ, по словамъ Нореева, характеръ языка почти совсѣмъ измѣнился (*d. Charakter d. Sprache fast ganz verändert wurde*).

Но за это же время должны были сильно измѣниться и давно возникшія, еще болѣе разошедшія другъ отъ друга и распавшіяся въ свою очередь на разные говоры въ Италіи и Далматіи, въ южной Франціи, Испаніи и Африкѣ, а въ половинѣ IX в. не немногіе изъ этихъ говоритъ готскихъ вост. и зап. нарѣчій уже начинали вымирать, вѣроятно еще въ VI—VIII вв. Языкъ крымскихъ готовъ (числомъ вѣроятно не свыше какихъ нибудь 25.000), — тетракситовъ (еще въ VI вѣкѣ около 3.000 д.), — окруженныхъ иноплемениками, могъ сохранити, по всей вѣроятности, нѣсколько архаизмовъ (какъ серболужицкино сохранили двойств. ч., формы аор.), за то должны были поспринять множество чужихъ словъ отъ своихъ сосѣдей.

XI.

Готы и скиндинавы IX вѣка не только въ этнографическомъ отношеніи, но и въ отношеніи языка, при всей своей единоплеменности должны были быть на столько далеки другъ отъ друга, что не только двадцати, тридцати, но можетъ и ста лѣтъ было бы мало, чтобы слиться имъ въ одинъ народъ. Понимать они другъ друга могли, но не вполне и не сразу. Готу же научиться говорить по викингски и икингу по готски конечно было очень трудно. Языкъ готовъ отъ языка викинговъ долженъ былъ въ половинѣ IX вѣка отличаться и фонетикою и морфологіею. Но не столько эти отличія должны были затруднять взаимное пониманіе, готовъ и варяговъ-русь, сколько множество готовыхъ словъ, (хотя бы и общаго съ сѣв. герм. языками происхожденія, уже получили совсѣмъ иное значеніе вслѣдствіе иной жизни и иного быта, иного географическаго положенія, а еще болѣе вслѣдствіе неминуемо большого количества словъ иностранныхъ, заимствованныхъ готами отъ иноплеменныхъ, окружавшихъ ихъ со всѣхъ сторонъ сосѣдей—грековъ, хазаръ, аланъ, угровъ,—языки коихъ не могли бы еще повліять на языкъ викинговъ, предположимъ, начавшихся въ 20 гг. IX в. рядомъ съ готами.

Если бы скиндинавы-русь слились къ 860 г. съ готами въ одинъ народъ, такъ что русское и готское стало будто синонимомъ, отчего

же готы не приняли имени росовъ?—ихъ было меньше, чѣмъ росовъ, и они были бы завоеваны или подчинены росамъ, а не росы имъ,— въ такихъ случаяхъ даже большинство принимаетъ имя побѣдителя, у насъ сначала поляне (числомъ ихъ было больше варяговъ руси), а потомъ и прочія славянскія племена стали называться русью въ отличіе отъ иноплеменниковъ. () готахъ говорить Рубруквисъ въ XIII в., говорить Бусбекъ въ XVI в., говорятъ и византійскіе и русскіе источники—до исхода XV в. Никто и ничто однако не проговаривается и не упоминаетъ о названіи готовъ-русью. Остатки готовъ въ Далматіи слились съ сербами и хорватами, и о томъ остались упоминанія и намеки (см. Тома Сплѣтскій), нѣкоторые роды знати сербской и хорватской носятъ имена германскія (готскія) и аварскія, такъ какъ авары также слились впоследствии съ сербами и хорватами. Остатки готовъ при нижн. Дунаѣ слились съ славянами болгарскими, и о томъ остались намеки въ бѣдной лѣтописани южно-славянской (сербской и особенно болгарской) письменности: „штѣ то-гожде племѣне *Гови, нарекомаго Влмарьскаго*“. Въ спискѣ епископовъ и епархій Льва Мудраго находимъ упоминаніе одного изъ военнскихъ епископовъ *Γορδοσέρβων*—кажется слѣдуетъ читать *Γοτθοσέρβων*. (Tafel. De provinc. regni Byzant. Tab. 1846 p. 46—47).

Что касается варяговъ-руси, будто слушавшихъ готское богослуженіе не только въ цареградской, но и въ кievской церкви св. Иліи, то это предположеніе, выводимое изъ предположенія объ азовско-черноморской руси, съ 20 — 30 гг. начавшей де сливаться и къ 860 г. уже слившейся съ готами Климатовъ и тетракситами, совсѣмъ не вѣроятно и потому еще, что варяги, живя на Руси (въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова), настолько знали уже по славянски, что легче могли понимать древне-славянскій языкъ IX в., въ переводѣ Константиновомъ, чѣмъ готскій языкъ IV в., въ переводѣ Ульфиліномъ. Какъ всякій русскій, читающій или мало мальски говорящій по французски или по нѣмецки, живя за границею, скорѣе пойметъ проповѣдь или рѣчь французскаго или нѣмецкаго проповѣдника или оратора на митингѣ и въ парламентѣ, чѣмъ любого оратора чеха, серболужичанина, поляка или словѣнца, если этотъ русскій славянскимъ языкамъ не учился, хотя бы недолго и побывавъ у нихъ.

XII.

Совершенно напрасно нѣкоторые у насъ полагаютъ, что первые христіане въ Кіевѣ вплоть до Игоря или Олега состояли почти исклю-

чительно изъ скандинавовъ, а никакъ не изъ славянъ. Наши варяги по крайности IX—X в. состояли главнѣйше, если не исключительно изъ шведовъ, а шведы позже норвежцевъ и датчанъ приняли крещеніе. Не смотря на раннія проповѣди въ ней Ансарія (съ перв. полов. IX в.) и позже другихъ, обращеніе собственной Швеціи въ христіанство состоялось собственно въ пол. XII в. ¹⁾, а Готландіи въ пол. XI в.

На Руси начинаются отдѣльныя лѣтописныя замѣтки или погодныя записи еще съ конца IX и начала X в., а отъ XI—XIII в. мы имѣемъ цѣлый рядъ очень хорошихъ лѣтописей, на народномъ языкѣ, тогда какъ шведы до XIV в. не имѣютъ собственной отечественной лѣтописи. Приведу слова хорошаго шведскаго ученаго Ганса Гильдебранта объ этомъ предметѣ. Указавъ на краткія извѣстія Юрнанда и Прокопія о Скандинавскомъ сѣверѣ,—на извѣстіе Плинія о поѣздѣ одного римскаго всадника въ страну янтара, о немногихъ словахъ Тацита о свеяхъ или шведахъ, Гильдебрантъ замѣчаетъ: „Тѣмъ не менѣе классическая литература даетъ намъ немного. Она передаетъ то и это по словамъ людей, едва имѣвшихъ средства самимъ собрать свѣдѣнія, и почти все изъ этого, прежде чѣмъ этимъ воспользоваться нашимъ историкамъ, подлежитъ разъясненіямъ и толкованіямъ, дающимъ большой просторъ личному воображенію, но мало увѣренности осторожному изслѣдователю. Поэтому я не придаю много значенія извѣстіямъ классическихъ писателей объ европейскомъ сѣверѣ и считаю за ошибку принимать ихъ въ основаніе или за точку отправленія. Боюсь, что въ удержаніи этой привычки еще сидитъ остатокъ стараго патріотическаго тщеславія, когда наши отцы чувствовали себя польщенными упоминаніемъ древнихъ авторовъ.

„Есть однако еще другіе источники, которые заслуживаютъ большаго вниманія, благодаря современности ихъ авторовъ и ихъ знакомству съ предметомъ. Такъ Эйнгардъ, историкъ Карла Великаго, сообщаетъ мимоходомъ нѣсколько извѣстій о сѣверѣ. Король англійскій Алфредъ приложилъ къ своему переводу Орозія описаніе двухъ путешествій на сѣверъ, одно изъ нихъ относится къ Швеціи. Наконецъ Адамъ Бременскій въ своей хроникѣ объ архіепископахъ Бременскихъ и еще болѣе въ приложеніи къ ней *De situ Daniæ* приво-

¹⁾ См. Geier, G. K. *Gesch. Schwedens*. Hambg. 1832. Ss. 139 ff. Въ верхней Швеціи (Упландѣ) христіанство утвердилось лишь при Эрихѣ Св. вскорѣ послѣ 1155 г., знач. во 2-й полов. XII в., а въ Готландіи гораздо раньше, именно въ XI в.

дить довольно много извѣстій о Швеціи, сообщенныхъ ему, по его признанію, королемъ Свеномъ Эстридсономъ, прожившимъ 12 лѣтъ въ Швеціи при королѣ Анундѣ. Но на показанія Адама нельзя всегда полагаться, ему часто недостаетъ знанія подробностей, при чемъ бываетъ иногда трудно отдѣлать его собственныя предположенія отъ настоящихъ фактовъ. Во всѣхъ этихъ письменныхъ источникахъ извѣстія очень скудныя и ограничиваются послѣднимъ языческимъ періодомъ—для воссозданія нашей старины всѣ эти письменные источники рѣшительно недостаточны.

„Саксонъ Грамматикъ (1189) вообще упоминаетъ рядомъ съ датскими королями и королей свеевъ и гутовъ (Svear и Götar), но его показанія совершенно недостаточны для нашей исторіи. Пытались, но безуспѣшно, добраться въ его сообщеніяхъ до того, что могло быть правдою и что во многихъ случаяхъ и дѣйствительно ею было. Это относится къ древнѣйшимъ отдѣламъ. Но относительно болѣе поздняго времени Саксонъ обнаруживаетъ такую рѣшительную предвзятость (партизанность) въ отношеніи къ Швеціи, что невольно можно подумать, что онъ намѣренно пренебрегаетъ говорить о Швеціи. Въ этомъ отношеніи къ Саксону нужно обращаться съ самою строгою повѣркою.

„Въ послѣднее время отъ Саксона мало получили свѣта для нашей исторіи. Мы имѣемъ иное богатство письменныхъ свидѣтельствъ, изъ коихъ правда не всегда на пользу было черпано много. Я не унижаю значенія исландскихъ сагъ. Напротивъ это драгоцѣнная кладовая для всѣхъ, желающихъ погрузиться въ крутооборотъ древне-скандинавской жизни, это—драгоцѣнное наслѣдье, доставшееся намъ отъ сильнаго, просвѣщеннаго народа, который объединился тысячу лѣтъ назадъ въ одно цѣлое на дальнемъ островѣ сѣвернаго моря. Но была ошибка эти саги приравнивать достовѣрной исторіи, каждый кусочекъ которой могъ бы служить основнымъ камнемъ великаго зданія. Давнія воспоминанія изъ прадревнихъ временъ сѣвера съ особеннымъ предпочтеніемъ были берегаемы въ Исландіи; но именно потому, что они старательно передавались изъ устъ въ уста, они сильно подвергались измѣненіямъ и украшеніямъ. Что касается до времени заселенія этого острова, то знанія исландцевъ не шли далѣе любаго изъ сѣверныхъ народовъ (скандинавовъ). Что же касается болѣе позднихъ временъ, то слѣдуетъ отмѣтить, что многіе исландцы, обыкновенно проживавшіе въ трехъ сѣверныхъ королевствахъ, имѣли случай наблюдать современныя имъ дѣла и положенія и по возвратѣ на родину сообщали землякамъ все ими видѣнное и пережитое; но только эти

отчеты обыкновенно записывались и были намъ переданы людьми, долго спустя послѣ нихъ жившими ¹⁾).

„Любовь къ приключеніямъ и всякаго рода похождениямъ долго сохранилась на сѣверѣ. Въ концѣ собственнаго вѣка сагъ онъ раскрывается въ попыткахъ продолжать творчество въ древнемъ стилѣ часто затѣмъ, дабы замолнить пробѣлы въ древней литературѣ. Эти искусственныя произведенія производили великое обаяніе на нашихъ старѣйшихъ историковъ, не имѣвшихъ вкуса къ простой, настоящей исторіи; или сказывается въ томъ Немезида, что имъ попали въ руки такія саги, какъ саги о Херраудрѣ и Бозѣ, Гаутрежѣ и Хрольфѣ, и Херварарсага? Теперь конечно онѣ уже отвергаются, какъ негодныя, изслѣдователями, цѣнящими источники, но у немногихъ еще живетъ склонность позднѣйшаго средневѣковья представлять до-христіанское время, какъ отчаянно грубое и дикое, хотя общая картина и бываетъ не безъ сентиментальной приправы.

„Даже прочія болѣе достовѣрныя или вполне достовѣрныя саги, мало пригодны въ смыслѣ источниковъ нашей исторіи. Изъ всего ихъ цикла только пять восходятъ къ IX в., именно сага—объ Эгиль Скаллагримсонѣ (860—1000), Ваттисдэла-сага (870—1000), Греттисъ-сага (872—1033), Лаксдэла-сага (886—1030), и о насельникахъ острова (Eirbyggja-saga—880—1030), рядомъ съ ними принадлежитъ почетное мѣсто еще слѣдующимъ произведеніямъ: Isländingabok свящ. Арфродъ и Landnamabuch, обыкновенно открывавшая родовые регистры для каждаго новаго насельника. И что же мы узнаемъ изъ этихъ сагъ о Швеціи? Эгиль-сага сообщаетъ, что Гаральдъ Прекрасноволосый соединилъ Вермландію до Кларэльфа и Вендезе съ Норвегіею, что сынъ его Гаконъ Добрый покорилъ Вестготландію и что король по имени Бьёрнъ сильно разгнѣвался на придворнаго своего скальда Браге, такъ что ему удалось спасти свою жизнь лишь сочиненіемъ похвальнаго стихотворенія королю.

„Изъ саги о людяхъ Vattendall'я мы узнаемъ, что сынъ ярла Инге-мунда въ Гэталандѣ былъ убитъ, какъ разбойникъ, что убійца его женился на его сестрѣ и сынъ ихъ съ другими викингами участвовалъ въ бояхъ въ шхерахъ Свеаланда. Изъ Греттисъ-саги узнаемъ,

¹⁾ Много и критически порабатанній надъ сагами Конрадъ Мауреръ замѣчаетъ: „vor dem letzten Viertel des 12 Jhrh. auf Island von einer Sagenschreibung, soweit einheimische Geschichtsstoffe in Frage stehen, noch keine Rede war“. (Ueb. die Hænnsathoris saga. München. 1871. (Abh. d. bayer. Ak. d. Wiss. I Cl., Bd. XII. II Abth. S. 3). Итакъ саги стали записываться не ранѣе послѣдней четверти XII в.

какъ одинъ пастухъ изъ долины Сильге въ Швеціи находитъ себѣ смерть въ Исландіи. Въ Эйрбиггя-сагѣ идетъ рѣчь о двухъ берзоркерахъ, посланныхъ Эрихомъ побѣдителемъ къ Гакону Великому въ Норвегіи, и нѣсколько замѣтокъ о битвѣ при Фризау (близъ Упсалы), гдѣ король Эрихъ побѣдилъ своего племянника Стирбьёрна. Исландигабокъ даетъ свѣдѣніи о битвѣ Свольдерской (anno 1000), говоря, что епископъ Гиссуръ провелъ зиму въ Гэталандѣ, и доводитъ родословный реестръ Инглинговъ отъ Ингве (Turk-König) до Арэ. Ланднамабухъ упоминаетъ короля Бьёрна въ Хангрѣ, дочь Эрика въ Упсалѣ Тору и тещу Элины, дочери Бурислейфа, короля Гардарики; конунга или ярла Салвара въ Гэталандѣ и одного лагманна, по имени Торгни, при множествѣ другихъ подробностей, касающихся частныхъ лицъ. *Вотъ все, что мы узнаемъ о Швеціи; притомъ прошло двѣсти лѣтъ по населеніи Исландіи, когда тамъ стали записывать свои сказанія.*

„Цвѣтущее время записи сагъ въ Исландіи основаны ко временамъ Снорре Стурлезона († 1241) и нѣсколько позже. Тогда и Швеція получила сагу о короляхъ, возводящую древнѣйшее время до самыхъ боговъ. Но такъ какъ Снорре жилъ *тысячу лѣтъ* спустя послѣ того времени, когда обыкновенно полагаются Инглинги, то понятно, что онъ самъ не можетъ считаться сколько нибудь достовѣрнымъ свидѣтелемъ. Надо держаться его источниковъ, но какъ въ прозаическихъ его сочиненіяхъ они не опознаваемы, то нужно держаться его пѣсенъ, вставленныхъ имъ безъ измѣненія въ его текстъ. Если признать даже, что эти пѣсни во многихъ случаяхъ подлинныя, все же можно ли признавать ихъ за нужный намъ матеріалъ, годный для исторіи нашей страны? Эта иллюзія должна пасть. Примемъ съ благодарностью, что даютъ намъ исландцы вмѣстѣ съ другими извѣстіями о послѣднемъ періодѣ нашего язычества; точно также мы обязаны благодарить исландцевъ за живительный, укрѣпляющій сѣверный духъ исландскихъ сказаній. Этимъ мы и должны довольствоваться“¹⁾.

В. Лаванскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Hildebrand H. D. Heidn. Zeitalt. in Schweden. 1873. Ss. 1—13.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССХХХХVІІ.

1903.
І Ю Н Ъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшее повелѣніе	61
II. Высочайшія награды	66
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	80
IV. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	89
V. Определенія ученаго комитета мин. нар. пр.	94
VI. Определенія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	99
VII. Определенія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	105
Открытіе и преобразование училищъ	106
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Двадцать четвертое присужденіе премій Императора Петра Великаго, учрежденныхъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія	107
II. В. Якубовскій. Земскіе привилегіи Великаго княжества Литовскаго, ч. II (<i>окончаніе</i>)	245
В. О. Миллеръ. Къ быліиѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ	304
А. II. Филипповъ. Незданный текстъ записки, представленной Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ бывшимъ герцогомъ Эрнестомъ-Іоганномъ Вирономъ	322
В. II. Ламанскій. Славянское житіе Ол. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XIII—XVII (<i>продолженіе</i>)	350

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

А. А. Кочубинскій. Частныя молдавскія изданія для русской школы. I—IV	389
Баронъ А. Мольде. Liv-,—Est—und Curländisches Privatrecht nach der Ausgabe von 1864 und der Fortsetzung von 1890 herausgegeben von H. von Broecker, Jurjew (Dorpat). 1902	418
А. II. Яцимирскій. Сборникъ статей, посвященныхъ учениками и попечителями академикъ и заслуженному профессору Ф. О. Фортунатову по случаю 30-лѣтія его ученой и преподавательской дѣятельности въ Московскомъ университетѣ. Варшава	430
В. В. Сиповскій. Проф. II. А. Шляккинъ. Изъ незданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. С.-Иб. 1903	444

См. 3-ю стр. обложки.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТІЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

(Критическія замѣтки).

XIII.

По непахожденію въ 20-хъ, 30-хъ гг. IX вѣка Азовско-Таврической руси, по небывавшему никогда сліянію этой руси съ готами тетракситами и таврическими, нигдѣ и никто не смѣшивалъ какъ въ IX, такъ и въ X вѣкѣ руси (Скандинавской) съ готами и обратно, а слѣдовательно *русское* и *готское* никогда *синонимами* не были.

(Слѣдовательно, слова житія Кириллова ²⁾ объ евангеліи и псалтири, писанныхъ *русскими письменами*, никоимъ образомъ не могутъ быть объясняемы — *готскими письменами*. Такъ какъ греки половины IX вѣка, а именно въ 860 г., считали и называли *русами* (Ρῥῶς) только скандинавовъ и съ хорошо и давно имъ знакомыми, православными готами, не отождествляли, то ясно, что ни Константинъ Философъ, ни его братъ Меѳодій не могли говорить, что бывшія въ рукахъ Константина въ Херсонѣ евангеліе и псалтирь были писаны *русскими письменами* ³⁾. На этомъ основаніи Бодянский, Куникъ

¹⁾ *Продолженіе*. См. майскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 годъ.

²⁾ Объ этомъ будетъ рѣчь дальше.

³⁾ Вотъ какъ патріархъ Фотій отзывался во второй своей бесѣдѣ вскорѣ послѣ паденія на Константинополь русовъ: „Народъ неизменяемый, народъ несчитаемый (ни за что ἀνάρητος), народъ поставленный наравнѣ съ рабами, неизвѣстный, но получившій имя со времени похода противъ насъ. незначительный, но получившій значеніе, униженный и бѣдный, но достигшій блистательной высоты и несметнаго бо-

и другіе уже давно рѣшили считать это мѣсто объ евангелии и псалтири, писанныхъ русскими буквами, позднѣйшею вставкою и относить ее къ тому времени, когда *славянскія евангелія и псалтирь* можно было называть и дѣйствительно называли *русскими*. Такъ въ известной (подлинной или подложной), всячески древней (не позже XI вѣка) буллѣ Іоанна XIII чешскому князю Болеславу объ учрежденіи пражскаго епископства 967 г. „ad ecclesiam vero S. Georgii congregatis sancti monialium, verumtamen non secundum ritus aut sectam Bulgarie gentis, vel Rusciae aut Selavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica ¹⁾.“

Если нельзя объяснить это мудреное мѣсто житія Кириллова предположеніемъ, что тутъ *русское=югославянское*, то едва ли нужно прибѣгать къ отсѣченію совершенно ненужному, т. е. къ объясненію этого мѣста позднѣйшею вставкою. Нельзя ли объяснить это мѣсто изъ самаго характера по крайности нѣкоторыхъ частей нашего памятника? Мы видѣли, что онъ далеко не всегда точно и вѣрно передаетъ известные факты, при чемъ не столько сочиняетъ и выдумываетъ, сколько лугаетъ и искажаетъ, а потому и невѣрно передаетъ дѣйствительно бывшее. Какъ тамъ (Сарацѣнская миссія, занятія Константина Философа еврейскимъ языкомъ), такъ и тутъ, быть можетъ, въ дѣлѣ съ евангелиемъ и псалтиремъ Константина Философа было передано „и такъ да не такъ, и то да не то“. Но нельзя относить это мѣсто (о русск. письменахъ) къ первоначальной редакціи Житія Кириллова, и

гательства, народъ идѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочующій, гордящійся оружіемъ, неожиданный, незамѣченный, безъ военнаго искусства такъ грозно и такъ быстро нахлынулъ на наши предѣлы, какъ морская волна“. Неужели Фотій ничего не могъ услышать и узнать о такъ хорошо известной лучшему историкъ нашей церкви Азовско-Черноморско-Таврической Руси къ 862 г., уже случившейся съ готами *въ одно*, такъ что русское и готское стали синонимами? См. прекрасный переводъ профессора Ловина 2 бесѣды патріарха Фотія (изд. Наука) Христіанское Чтеніе 1882 г. сентябрь—октябрь. „Въ 1 бесѣдѣ, сказанной во время осады, Фотій говоритъ: „неожиданное нашествіе варваровъ не дало времени молвѣ возвестить о немъ, дабы можно было придумать что-нибудь для безопасности, но въ одно и то же время мы и увидѣли и услышали и пострадали, хотя нашествіе и отдѣлены были (отъ насъ) столькими странами и природоначальствами, судожодными рыбами и неприступными морями (χώρας“ πόσαι ἐθνάρχαις τε καὶ ποταμοῖς ναυστοροῖς καὶ ἀλφειοῖς πελάγαις τῶν ἐπελασάντων διεργομένων). Ном. I, pag. 208. Photii Lexic Vindob., Nauk. Petropoli, p., 208).

¹⁾ Jaffé, Reg. pontif. I. Lipsiae 1885, 472-3. Erben, Reg. Boh. Pragae. 1885 p. 29.

здѣсь въ немъ видимъ не столько позднѣйшую вставку, сколько позднѣйшую передѣлку словъ первоначальнаго текста и намѣренное, тенденціозное его искаженіе.

Объясненіе этого мѣста предложу ниже, а теперь остановимся на вѣроятной причинѣ, на поводъ и времени отправленія византійскаго посольства къ хазарамъ.

Житіе, какъ мы видѣли; совершенно одинаково объясняетъ причины и поводъ сарацынской и хазарской миссіи. Сарацыны, не признавая святой Троицы, требуютъ у царя прислать мужей, которые бы имъ объяснили, какъ можно единого Бога представлять себѣ въ трехъ лицахъ. Тоже и отъ хазаръ приходятъ посланники съ просьбою и заявленіемъ—требованіемъ—прислать намъ „*мужа книжна*—да аще приприте еврея и срацины, вашу вѣру примемъ“.

Здѣсь вѣрно отличены хазары отъ сарацынъ; послѣдніе только мусульмане, хазары же не только мусульмане, но и евреи. Только еврей могъ быть хаганомъ, мусульмане же занимали второе мѣсто, по вѣрѣ, огромное же большинство населенія хазарскаго ханства состояло изъ язычниковъ и славянъ по преимуществу, такъ какъ владѣнія хазарскаго хагана простирались въ половинѣ IX вѣка отъ Дербента, отъ границъ Арменіи чуть не до границъ Моравіи Ростислава, почти до устьевъ Дуная и до Карпатъ. Хазарское хаганство на западѣ почти сосѣдило съ Моравскимъ княжествомъ Ростислава¹⁾. По словамъ любознательнаго, образованнаго и вполнѣ точнаго въ своихъ показаніяхъ епископа Гавдерника, князь Ростиславъ, узнавъ о томъ, что произошло въ Хазаріи, въ бытность въ ней Константина Философа и Меодія, обратился въ Константинополь съ просьбою о присылкѣ къ нимъ, уже крещенымъ мораванамъ, учителя христіанскаго, знакомаго съ языкомъ славянскимъ. Овладѣніе Кіевомъ и Польскою землею, т.-е. землею полянъ, ни до своего похода на Царьградъ въ 860 г., ни тѣмъ болѣе послѣ сильнаго ихъ пораженія подъ Царегородомъ, Аскольдъ и Диръ не владѣли ни сѣверою, ни древлянами, ни тѣмъ болѣе бужанами, волынянами (дубѣлами), сосѣдями Моравіи Ростислава, продолжавшими вплоть до Олега, до 80-хъ гг. IX вѣка, болѣе или менѣе признавать, по прежнему, за одно съ древлянами и др. власть хазарскую.

¹⁾ Григорьева, В. В. Полит. исторія хазаръ (Сборн. Россія и Азія, Григорьевъ). Васильевскаго, В. Г. Житіе І. Готскаго. Отт. с. 115 и слѣд. Хазарское ханство VII—IX в. было не только культурнѣе, но и сильнѣе политически и подубаснословнаго царства Германариха и княжества Олега и Святослава. Хазаръ нельзя приравнивать къ печенѣгамъ или половцамъ.

Нашъ памятникъ говоритъ, что въ Царьградъ пришли *посланници* къ царю отъ Козаръ съ объявленіемъ, что если онъ пришлетъ къ нимъ мужа книжна, „да аше прѣприте еврея и срацины, вашу вѣру примемъ.“ Это показаніе, если разумѣть подъ этими хазарами настоящихъ хазаръ и само хазарское хаганство, или государство, совсѣмъ не правдоподобно. Посланники этихъ хазаръ могли быть посланы лишь самимъ хаганомъ и его важнѣйшими совѣтниками и представителями правительства, а они были евреями и мусульманами. Ни евреи, ни мусульмане IX в., тѣмъ болѣе пользуясь полною свободою и облеченные властью, такихъ страшныхъ посольствъ посылать не могли, никогда бы не стали давать общаній принять христіанство, будо мужъ книжный изъ грековъ разувѣритъ ихъ въ истинности ихъ вѣры, еврейской и мусульманской. Очевидно, какъ мы уже видѣли, въ сарацанской миссіи начинъ шелъ не отъ сарацанъ. Такъ не могъ идти начинъ и отъ подлинныхъ хазаръ. Пріязню и союзомъ хазаръ стала дорожить Византія еще со времени Ираклія. Въ борьбѣ съ персами, въ 625 г. онъ привлекъ на свою сторону иверовъ, лазовъ и авазговъ, а въ 626 г. и хазаръ. Обращался къ помощи хазаръ и императоръ Юстиніанъ II (685 — 695), вторично (705 — 711 гг.), женившійся на дочери хагана, христіанкѣ Теодорѣ. Левъ Исаврянинъ женилъ своего сына и наследника Константина V Копронима на хазарской же принцессѣ Принѣ. Эта умная и способная, съ сильною волею, но бездушная женщина имѣла безъ сомнѣнія вліяніе и при мужѣ, по смерти же его около полвѣка она правила имперіею почти самовластно и при сыновьяхъ своихъ Львѣ IV (775—780 гг.) и Константинѣ VI (780—790 гг.), во время его малолѣтства, а по достиженіи имъ совершеннолѣтія была съ 792 г. его соправительницею, пока наконецъ не ослѣпила и не свергла его съ престола въ 797 г. Эта хазарка была наконецъ лишена власти въ 802 г. Отецъ Михаила III, царь Теофиль въ 833 г., по просьбѣ хазаръ, послалъ зятя своего, дядю Михаила III, спатарокандидата Петрона Каматера, съ цѣлою флотиліею и отрядомъ стоявшаго въ Пафлагоніи войска, для сооруженія на Дону крѣпости. По недостатку въ окрестностяхъ лѣсу и камня, Петрона съ своими солдатами и данными ему на помощь хазарами (между нихъ, конечно, могли быть и подданные или данники хагана, славяне, т. е. хазары язычники) долженъ былъ прежде всего заняться копаніемъ земли и изготовленіемъ кирпичей, вслѣдствіе чего все дѣло протянулось гораздо дольше, чѣмъ предполагалъ Петрона.

Такимъ образомъ за послѣднія сто, полтора ста лѣтъ, и благодаря

двумъ царицамъ хазаркамъ Теодорѣ и Иринѣ, не прерывавшимъ конечно сношеній съ своими родичами и помогавшими, какъ оно обыкновенно бываетъ, у царицъ изъ иностранныхъ принцессъ, своимъ приѣзжимъ и наѣзжавшимъ въ Цареградъ землякамъ и благодаря довольно продолжительному пребыванію умнаго и дѣловитаго Петрона въ сѣверозападной части Хазаріи, Византійское правительство, т.-е. военное,—морское и сухопутное,—вѣдомство, равно какъ и вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, а также и Цареградскій патріархъ располагали значительнымъ количествомъ довольно точныхъ данныхъ о состояніи Хазаріи, о платившихъ ей дань славянахъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ начавшихъ отрываться отъ хазаръ и объединяться подъ властью Рюриковичей. Какъ въ X вѣкѣ Византія видѣла въ прикочевавшихъ затѣмъ въ южныя наши степи печенѣгахъ важный противовѣсъ русамъ-варягамъ, такъ въ 30-хъ гг. IX вѣка она старается объ укрѣпленіи своей старой союзницы противъ персовъ и арабовъ. Хазаріи, уже противъ поваго возможнаго врага ея и Византіи — начинающихъ появляться съ сѣвера по Дону цѣлой партіей торговцевъ варяговъ съ своими товарищами и новыми пріятелями — славянами сѣверянами и вятичами. Сооруженіе крѣпости Саркель (*Астров ѡскіілов*), у насъ названной Бѣлая Вѣжа, имѣло цѣлью охранить Хазарію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и сѣверныя владѣнія имперіи отъ новаго, предусмотрѣннаго, врага. Но принявъ мѣры на Дону, Царьградъ ничего не предпринималъ на Днѣпрѣ. Повидимому, поляне продолжали спокойно платить дань хазарамъ и Цареграду не казались опасными. По записанному нашимъ первоначальнымъ лѣтописцемъ преданію киевлянъ, задолго до Аскольда и Дира, основателя Кіева „Кій княжаше въ родѣ своемъ“, „ходилъ Царьгороду“ и „велику честь приялъ отъ царя“. На обратномъ пути, придя къ Дунаю, Кій „взлюбилъ мѣсто, и сруби градокъ малъ, хотяше сѣсти съ родомъ своимъ, и не даша ему ту близъ живущи, еже и доныгѣ наричють Дунайци городище Киевецъ“. Если старики, родившіеся въ X вѣкѣ, вѣрили въ этотъ рассказъ, то считали возможнымъ, что лѣтъ за много, много до нихъ старики ихъ ходили за Дунай и бывали даже въ Цареградѣ, считали значить это дѣло не новымъ и не особенно труднымъ. Какъ бы то ни было, но неожиданное появленіе русскихъ ладей, 18-го іюня 860 г., въ Золотомъ Рогѣ,—ужасъ, объявшій цареградское населеніе, благодаря отъѣзду царя Михаила, въ Малую Азію, къ ранѣе отправленному войску противъ арабовъ и отходу флота въ Архипелагъ для защиты греческихъ острововъ отъ критскихъ арабовъ, живо намъ пере-

даны въ двухъ бесѣдахъ патріарха Фотія. Изъ занявшихся тамъ и сямъ на берегу грабежомъ, изъ успѣвшихъ вылавъ спастися во время бури немало, варяговъ руси попало тогда въ плѣнъ грекамъ. Не всѣ, конечно были перебиты и не немногіе переданы были въ руки властей. Нѣтъ сомнѣнія, какъ въ позднѣйшихъ походахъ на грековъ Олега, Игоря, Святослава участвовали съ варягами и разные славяне и чудь, такъ конечно и въ этомъ походѣ 860 г. было, надо полагать, немало славянъ ¹⁾).

Это внезапное нападеніе варяговъ-руси изъ такъ называемаго *Гарзарики* на столицу не могло не заставить задуматься свѣтскія и духовныя власти Царегграда ²⁾; въ числѣ первыхъ рѣшеній ихъ совѣ-

¹⁾ Въ Никон. Л. занесено извѣстіе объ Аскольдѣ и Дирѣ, ходившихъ изъ Кіева на Полоцкѣ, *-воевани и много зла сотвориша.* (Ник. Лѣт. 1767, с. 16). Если ходилъ на Полоцкѣ, то можно полагать, что смоляне и другіе кривичи признавали за одно съ полянами власть Аскольда, слѣд. могли участвовать въ походѣ 860 г.

²⁾ Вотъ нѣсколько словъ изъ двухъ бесѣдъ Фотія (по прекрасному перов. проф. Ловягина). „О городъ, царствующій почти надъ всею вселенной, какое войско, необученное военному искусству и составленное изъ рабовъ, глумится надъ тобою, какъ бы надъ рабочыи.. Все идетъ у тебѣ такъ худо, что и непреоборимая сила твоя испала до крайняго безсилія и слабый, уничтоженный и безчеловѣчнаго вида противникъ пытается на тебѣ показать силу руки и украситься славнымъ именемъ“. (1 бес.)... „приключившаяся бѣда... совершенно не похожа на другія нападенія варваровъ, но и нечеловѣчность намѣствія и необычайная быстрота его и безчеловѣчіе варварскаго племени, и жестокость дѣйствій и свирѣпость нравовъ (его) доказываютъ, что этотъ ударъ ниспосланъ былъ съ неба.—О какое бѣдствіе ниспослано намъ отъ Бога! не щадя ни человѣка, ни скота, не снисходя къ немощи женщинъ, не жалѣя нѣжности дѣтей, не уважая сѣдины старцевъ, не смилчавъ ни чѣмъ, отъ чего обыкновенно смягчались люди, даже дошедшіе до свойства звѣрей, но всякій возрастъ и полъ поражаютъ мечемъ. Можно было видѣть, какъ младенцы, отторгаемые отъ сосцовъ, лишены были молока и самой жизни и готовымъ гробомъ для нихъ были—увѣ! тѣ скалы, объ которыя они были разбиваемы, а матери жалостно рыдали и были закаланы вмѣстѣ съ разрывающимися и трепещущими предъ смертью младенцами; жалко было слышать, еще жалостнѣе было смотрѣть и гораздо лучше молчать, нежели говорить объ этомъ (варварствѣ), заслуженномъ болѣе совершавшимъ его, нежели потерпѣвшимъ. Эта свирѣпость простиралась не только на человѣчскій родъ, но жестоко умерщляла и всѣхъ безсловесныхъ животныхъ: воловъ и лошадей, птицъ и прочихъ (животныхъ), какія только попадались; лежалъ волъ и около него человѣкъ, дитя и лошадь получали общую могилу, женщины и дѣти обгадили кровью другъ друга. Все было наполнено мертвыми тѣлами, въ рѣкахъ вода превращалась въ кровь; источники и водоемы одни нельзя было распознать отъ того, что вмѣстѣ лица ихъ были завалены мертвыми тѣлами, отъ другихъ оставались совершенно неясныя слѣды прежняго вида, потому что брошенное въ нихъ наполняло остальныя ихъ части: мертвыя тѣла затопили нивы, стѣснили дороги, рощи одичали и сдѣлались

шими и покорными власти его (*affirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subditos et fidelissimos de cetero velle manere*). Отпуская же Философа съ великою честью, принесли они ему драгоценнѣйшіе дары, которыхъ онъ, какъ истинный философъ, не принявъ, а просилъ вмѣсто всѣхъ даровъ отпустить съ нимъ, сколько есть, чужеземныхъ плѣнниковъ. Сіе тотчасъ было исполнено¹⁾.

Упоминаніе Гавдерикомъ хазарь и его утвержденіе, что починъ этой миссіи принадлежить не Царьграду, а хазарамъ, заставляютъ признать въ этомъ случаѣ достовѣрность свидѣтельства славянскаго житія. Но, само собою разумѣется, настоящимъ, подлиннымъ хазарамъ, ихъ хагану и его правительству (еврейскому и мусульманскому) такая просьба о присылкѣ имъ духовнаго лица и такое объявленіе о готовности ихъ принять христіанство—не могли принадлежать. Здѣсь при словѣ *хазары* надо различать страну и народъ. Народъ, собственные хазары (хазари, козари), были турки и евреи, среди коихъ господствовали еврейскій и мусульманскій законы, если же между ними были христіане, изъ тюрокъ же и нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ, то уже давно крещенные. Но страна Хазарія заключала въ себѣ и цѣлый рядъ славянскихъ племенъ-язычниковъ. Свидѣтельство же житія Константина о томъ, что послы отъ хазарь просили Византію о присылкѣ имъ проповѣдника потому 1) что объ этомъ же говоритъ записка Гавдерика, 2) самъ патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи положительно утверждаетъ, что не только болгары приняли недавно христіанство, но и пресловутые и въ жестокости и убійствахъ превзошедшіе всѣхъ русы (Ῥῶς)..., поднявшіе руку противъ государства Ромейскаго,—промѣняли свое пражнее языческое (эллинское) и нечестивое ученіе на чистую вѣру христіанскую, ставши въ рядъ подданныхъ и друзей вмѣсто грабленія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и лобызаютъ вѣрованія христіанъ съ великимъ усердіемъ²⁾.

Эти слова патріарха Фотія относятся несомнѣнно къ тѣмъ хазарамъ, которые, по словамъ епископа Гавдерика и славянскаго житія Константина Философа, просили Византію о посылкѣ къ нимъ христіанскаго учителя. Это доказывается тѣмъ, что посольство это отъ руси Аскольдовой было отправлено вскорѣ послѣ нападенія на Кон-

¹⁾ Пользуюсь переводомъ протоіерея І. Григоровича, сдѣланнымъ для графа Н. П. Румянцова, см. *Викторовъ*, Кирилль и Меодій. М. 1865, с. 113.

²⁾ *Голубинскій*, Н. Р. ц. 1, п. 1, 1901, ч. 51.

стантинополь. Вѣроятно, оно прибыло въ столицу не раньше половины октября и не позже начала ноября 860 г., по византійскому лѣтоисчисленію, 861 г.

Имѣя въ виду необыкновенно удачно выбранный моментъ нападенія руси на Константинополь, когда византійское войско съ самимъ царемъ отправилось въ Малую Азію, и весь византійскій флотъ вышелъ изъ Дарданель, для защиты пролива отъ флота критянъ—на этотъ разъ абассиды соединились съ враждебными имъ омаядами, подъ властью коихъ находился Критъ,—нельзя не думать, что варяги Аскольдовы были натравлены и подкуплены азіатскими мусульманами для нападенія на Константинополь ¹⁾. Подстрекаемые мусульманскими агентами и купцами, хорошо знакомыми съ Хазаріею и съ варяжскимъ Gardhāgīki, уже много слыхавшіе о богатствахъ *Микмагарда* (Константинополя, великаго города) варяги увлеклись получоннымъ отъ нихъ золотомъ и увѣреніями, что богъ магометовъ Аллахъ поможетъ имъ противъ Ромейскаго бога. Подъ конецъ постигши русь бѣдствіи подъ Константинополемъ такъ сильно на нихъ подѣйствовали, что они разувѣрились и въ помощи своихъ родныхъ боговъ и въ помощи великаго Аллаха. Въ постигшемъ ихъ бѣдствіи они рѣшились прибѣгнуть къ покровительству страшно ихъ покаравшаго ромейскаго, христіанскаго Бога. Какъ подобаеть юнымъ, мало размышляющимъ варварамъ, они подъ вліяніемъ свѣжаго сильнаго впечатлѣнія, долго не думая, поспѣшили обратиться къ Византіи, съ обѣщаніемъ не слушать ни евреевъ (вѣроятно тоже подстрекавшихъ ихъ противъ христіанъ-ромеевъ), ни мусульманъ, такъ обманувшихъ русь въ великой милости и мощи своего Аллаха, и съ изъявленіемъ готовности покориться христіанскому Богу и христіанскому царству.

Принимая, вслѣдъ за великимъ проникательнымъ критикомъ Добровскимъ, показаніе Храброво о славянскихъ письменахъ и переводъ священныхъ книгъ Константиномъ Философомъ, позволяю себѣ утверждать, что славянскіе первоучители отпавились въ Хазарію уже со списками изготовленныхъ у нихъ переводовъ. Епископъ Гавдерики замѣчаетъ, что Константинъ Философъ отпавился въ Хаза-

¹⁾ Такъ, кажется, думали и въ Византіи. „*ποῦ νῦν βασιλεὺς ὁ φιλοχριστός; ποῦ τὰ στρατόπεδα; ποῦ τὰ ὄπλα, τὰ μηχανήματα, αἱ στρατηγικαὶ βουλαὶ τε καὶ παρασκευαί; οὐ βαρβάρων ἄλλων ἔφοδος ἐφ' ἑαυτήν ταῦτα πάντα μετέστησέ τε καὶ μεθεικύνεσσο*“, Phot. hom. I (Nauk, pag. 208).—Въ житіи Кирилловѣ посланники отъ хазарь (изъ Гардарики) говорятъ въ Византіи: „Срадины... миръ дающе и дары многи *стоужитопѣ нѣи* глаголюще: яко наша вѣра добрѣйши естъ всѣхъ языкъ“.

рію, т. е. въ *Гарзарики* съ хазарскими послами. Такимъ образомъ имѣя при себѣ евангеліе и псалтирь своего перевода, писанныя *словенскими письмами*, Константинъ Философъ не искалъ, не случайно обрѣлъ чловѣка, а имѣя своими спутниками посланцевъ Аскольда, одному или нѣсколькимъ изъ нихъ (руси) читалъ свой славянскій переводъ. Позднѣйшій редакторъ Житія Константинова, паннонецъ или мораванинъ родомъ, вставившій въ первоначальный текстъ житія вымышленную паннонскимъ или моравскимъ патріотизмомъ извѣстную басню о томъ, что изобрѣтена была азбука и начатъ переводъ Константиномъ вслѣдствіе посольства Ростиславова, передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію, *русинъ*, или *чловѣкъ глаголавшій русскою бестдою*, славянскаго житія или одинъ изъ сопровождавшихъ первоучителей пословъ записки Гавдерика (de provincia Cazarorum или его же gentis illius) далъ позднѣйшему редактору (паннонцу или мораванину) слав. житія Кириллова поводъ — взятыя съ собою Константиномъ Философомъ его славянскія евангелія и псалтирь обратить въ евангеліе и псалтирь *русьскими письмами писаны* и такимъ образомъ совершенно извратить дѣла. Эта ріа франз непадобилась для вставки извѣстной басни о составленіи Константиномъ Философомъ азбуки и перевода для мораванъ (863 г.).

Изъ Слова объ обрѣтеніи мощей св. Климента и изъ показанной въ немъ даты 31 (23) января 861 г. можно заключать, что Константинъ Философъ съ братомъ Меѳодіемъ прибыли въ Крымъ въ концѣ декабря или въ началѣ января 861 г. Предположеніе же Малышевскаго, что Константинъ Философъ прожилъ въ Херсонѣ чуть не три или два съ половиною года не выдерживаетъ критики и, не заслуживаетъ вниманія, по рѣшительной своей искусственности и натянутости. Малышевскій придумалъ это предположеніе для оправданія принятыхъ или допущенныхъ имъ показаній жизнеописателя объ изученіи Константиномъ Философомъ языковъ еврейскаго, самаританскаго, готскаго и т. д. Херсонъ былъ въ то время глухимъ, запущеннымъ городомъ, своего рода крѣпостью и мѣстомъ ссылки. Ожесточенный врагъ Фотія, Митрофанъ митрополитъ смирнскій, живя въ то время въ ссылкѣ, въ разсказъ своемъ Анастасію бібліотекарю о Константинѣ Философѣ въ Херсонѣ, не преминулъ бы конечно поставить въ вину Фотію, въ доказательство его жестокосердія, что онъ такъ надолго засадилъ столь близкаго къ нему Константина въ это дикое мѣсто и, сильно не любившій Фотія, Анастасій въ свою очередь не преминулъ бы повторить эти упреки Митрофана въ своемъ драгоцѣнномъ для насъ письмѣ къ епископу Гавдеріку.

ПОПРАВКА.

На стр. 360, вмѣсто строки 6—19 читать слѣд.

Позднѣйшій редакторъ Житія Кириллова вставилъ въ первоначальный его текстъ вымышленную моравскимъ или паннонскимъ патриотизмомъ басню объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о началѣ перевода Евангелія въ 863 г. передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію и, значитъ, совершенныхъ Константиномъ Философомъ исключительно для моравянъ. Для правдоподобія этой басни нужно было или совершенно устранить или передѣлать то мѣсто первоначальнаго текста Житія, гдѣ говорилось о славянскихъ евангеліи и псалтири, взятыхъ съ собой Константиномъ въ Хазарію и о чтеніи имъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ этихъ славянскихъ книгъ одному изъ русовъ изъ сопровождавшихъ его пословъ хазарскихъ. Нашъ редакторъ моравецъ или паннонецъ тенденціозно, но совсѣмъ неумѣло передѣлалъ это мѣсто. Славянскія евангеліе и псалтирь онъ превратилъ въ *русскія*, а это прилагательное (русскими письмены) ему было подсказано встрѣченнымъ имъ въ первоначальномъ текстѣ Житія. Словомъ *русь* или *русинъ* — обратился у него въ чловѣка, бесѣдованнаго на славянскою бесѣдою, которую были написаны имѣвшіяся при Константинѣ Философѣ славянскія чтенія евангеліе и псалтирь, а *русскою* бесѣдою. Константину Философу было важно знать, въ какой степени *славянское* нарѣчіе хазарскихъ славянъ было близко къ словѣнской рѣчи славянъ македонскихъ. Вникая въ произношеніе знавшаго *по славянски* руса, Константинъ Философъ скоро уразумѣлъ отличительныя особенности (гласныхъ и согласныхъ) русско-славянскаго языка. Такимъ образомъ *русскія* письмена служатъ уликою и доказательствомъ, что Константинъ Философъ съ Меодіемъ отправляясь въ Хазарію, ѣхали по благословенію патріарха Фотія къ той Руси, которая нападала на Константинополь и затѣмъ просила о посылкѣ къ нимъ христіанскаго учителя.

XIV.

Разъ твердо задумавъ (въ нач. 850-хъ г.) приступить къ выполнению своей задушевной, завѣтной мысли, Константинъ смотрѣлъ уже на это дѣло, какъ на главную свою задачу, какъ на долгъ свой передъ Богомъ и передъ людьми, наиболее близкими его сердцу и, конечно, посвящалъ ему все свободное свое время. Дѣло это было не легкое и не могло быть совершено въ теченіе нѣсколькихъ недѣль или даже мѣсяцевъ.

Показаніе мниха Храбра 855 г. отвергаютъ, говоря, что его дата (6363 г.) должна быть не византійскаго, а александрійскаго лѣтосчисления, такъ какъ византійцы Теофиль Сигріанскій († 818) и Никифоръ патріархъ Константинопольскій († 818), умершіе гораздо раньше, чѣмъ родился мнихъ Храбръ, слѣдовали александрійскому лѣтосчисленію¹⁾. Но почему же этотъ знатокъ старыхъ для него византійцевъ и подражавшій имъ въ ихъ лѣтосчисленіи александрійскомъ, вполне сознательно и ясно опредѣляетъ свою дату. Она же по византійскому счету (5508 г.) вполне сходится съ его точнымъ опредѣленіемъ этой даты: „въ лѣта царя Михаила и матери его Θεодоры“, сведенной съ престола и посаженной въ монастырь въ сентябрѣ 856 г. Если бы Храбръ разумѣлъ 863 г. (6363—5500), слѣдуя александрійскому лѣтосчисленію, то онъ бы не упомянулъ Θεодоры и, какъ человѣкъ довольно образованный, никогда бы не сдѣлалъ такой ошибки.

Такъ онъ прямо утверждаетъ: славянская де азбука святѣе и честнѣе греческой, потому что 1) ее сотворилъ святой мужъ, а греческую „еллины поганіи“, то-есть, эллины язычники, 2) если спросите „книгычія“, книжниковъ греческихъ, кто вамъ есть писмена устроилъ или книги преложилъ, или въ кое время, то мало ихъ вѣдятъ. Если же спросиши *словенскыѣхъ букварей*, „кто вамъ есть писмена сотворилъ и книги преложилъ, *то все вѣдять* и отвѣщаютъ: святѣи Константинъ Философъ нарицаемый Кирилъ, онъ намъ писмена сотворилъ и книги преложилъ и Меодъ братъ его епископъ Моравскій и аще вопросятъ въ кое время и отвѣдаемъ: во времена Михаила царя Греческаго и матери его Θεодоры иже правовѣрную вѣру утвердиша и поклоненіе честныхъ иконъ и а-ю недѣлю святаго поста православную закониста. по сѣмомъ соборѣ мѣ лѣта (и въ врѣмена Бориса князя Болгарска и Растица князя Моравска) въ лѣто ѿ созданія миру ѿгда

¹⁾ *Малышевскій.*

(6363)⁴ 1). Послѣднія три строки, по мнѣнію нашему, нѣсколько передѣланы позднѣйшими переписчиками. Въ подлинномъ текстѣ, полагаю, было послѣ слова: *оузакониста* (вм. неправ. ша)—въ лѣто ѿ созданія миру стѣг (6363) по семь соборѣ ѿд (44-го лѣта т.-е. 843 + 44 = 887 г.). Слова „и во времена Бориса — и Растица кн. Моравска“ принадлежатъ не Храбру, а переписчику, толковому.

Вотъ что и какъ сказано въ одномъ изъ многочисленныхъ списковъ важнаго памятника древней словѣнской письменности. Отвергали и отвергаютъ дату (6363—5508=855) Храбра за его хронологическія несообразности, а именно въ одномъ изъ списковъ прибавлено: „при патріархѣ Фотіѣ“, между тѣмъ Фотій сталъ патріархомъ лишь въ 857 г., въ другомъ: „при князѣ Блатепскомъ Коцелѣ“, тогда какъ Коцель сынъ Привины († 861) могъ стать княземъ лишь по смерти отца. Но есть списокъ и безъ всякихъ анахронизмовъ, какъ именно указываемый нами. Къ сожалѣнію, онъ остается неизвѣстнымъ не только русскимъ славистамъ, но и австрійскимъ. Между тѣмъ, по ироніи судьбы или исторіи, онъ изъ Аэона попалъ прямо въ Вѣнскую Императорскую бібліотеку и что забавно — благодаря стараніямъ ея бібліотекаря, главнаго поборника мнѣнія о томъ, что Константинъ Философъ составилъ азбуку и перевелъ священныя книги на словѣнскій языкъ прямо и именно для славянъ Паннонскихъ. Глубоко уважавшій Добровскаго, Копитаръ не прощаль ему ни его завѣтныхъ мечтаній о будущемъ Россіи, ни его главныхъ положеній, что языкъ перевода Кириллова—языкъ Македонскихъ славянъ (коихъ онъ иногда называлъ сербами), что азбука и переводы Кирилловы были уже готовы, когда явилось въ Царьградъ посольство Ростиславово. Согласно съ Генцомъ, Прокешъ-Остенемъ и ихъ начальникомъ и покровителемъ Метернихомъ, ненавидѣвшій русскихъ, сербскихъ и всѣхъ вообще восточной церкви поповъ и монаховъ, сильно недолюбливавшій Лютера²⁾, горячій словнивецъ Копитаръ представляетъ собою любопытный типъ западнаго славянина съ пламеннымъ до фанатизма патріотизмомъ

¹⁾ Въ русскихъ изводахъ ссѣмъ было принято за седьмь-седьмомъ *соборѣ*. Грамотѣи, знавшіе дату седьмого собора (788 г.) и не появивше значенія цифръ ѿд,— писали по *святымъ* соборѣ (т.-е. 788 г.) лѣ оѣ (67)—см. Хронографъ Новг.-Соф. библ. XVI в. (Поповъ, Хроногр. I, с. 218) ѿ 3-го собора (788 г.) до переложенія лѣ оѣ (67 л.), т.-е. 855, а въ Руси нача княжити Рюрикъ въ лѣ 866 (6370—862 г.). (Собств. первое крещеніе Русн).

²⁾ ego Lutherum nunquam potui amare sicut nec Fridericum II. (Письма Добровскаго и Копитара ред. Ягича, II, 25. 4 декабря 1820. Въ письмѣ къ Жупану).

австрійскимъ ¹⁾). При всемъ своемъ, впрочемъ довольно мелкомъ, волтеріанствѣ Копитаръ почиталъ и уважалъ іезуитовъ и папство и возлагалъ большія надежды на проведеніе церковной уніи у православныхъ славянъ Австріи, а затѣмъ и Турціи. Въ 1837 и 1843 гг. онъ совершилъ двѣ поѣздки въ Римъ. Во вторую особенно онъ, кажется, работалъ въ этомъ смыслѣ. Его отчеты въ Вѣну неизвѣстны, но благодаря академику И. В. Ягичу, такъ много сдѣланному не только для славяновѣдѣнія, но и для его исторіи, мы теперь знаемъ любопытную записку Копитара, по поводу пріобрѣтенія нѣсколькихъ славянскихъ рукописей изъ Аѳона для Вѣнской публичной бібліотеки и о необходимости экспедиціи на Аѳонъ для закупки греческихъ и славянскихъ рукописей. Представивъ краткій очеркъ разселенія славянъ въ восточной Европѣ VI—IX в. и распространенія среди нихъ христіанства въ IX в., Копитаръ замѣчаетъ: „расколъ церковный между Римомъ и Константинополемъ только что начинался; *впрочемъ св. Кириллъ былъ личнымъ противникомъ Фотія*“. Указавъ, что у хорватовъ и сербовъ началось печатаніе церковно-славянскихъ книгъ еще въ XV вѣкѣ, тогда какъ у русскихъ лишь въ 1564 году, онъ говоритъ: „Съ половины XVII вѣка и особенно

¹⁾ 24-го іюня Копитаръ писалъ Добровскому: „In Rücksicht unsers Südens machen wir's alle Tage ungeschickter, als wenn wir ihn den Russen par force in den Rachen jagen wollen. Beati simplices oder mit Huss—o sancta simplicitas; habent sibi.“—15-го іюня 1814. — Добровскому—сказавъ, что сербы обратились въ Петербургъ, quod Petropoliū iverit folium, ibi enim Ierusalom horum hominum, quos inepti hi nemci nec oajoler dignantur. Пер. Добровскаго, I, 365.—Въ 1842 г. 3-го декабря писалъ Копитаръ: „Oesterreich sollte vor allem Moldau u. Walachei nehmen pour toujours; dann fällt uns Bulgarien, Serbien u. Bosnien seiner Zeit von selbst zu.“—Еще недавно одинъ чешскій ученый краснорѣчиво, хотя для многихъ совсѣмъ неожиданно, доказывалъ, что чехамъ необходимо, чтобы Австрія завладѣла Македонією. Впрочемъ Римская имперія нѣмецкаго языка не только издавна поддерживалась крещеными Римомъ славянами, но и распространялась съ ихъ помощію.—Славянскіе эти патріоты только ошибались, что ихъ inepti Nemci не понимали дѣла. Они лучше славянъ-патріотовъ — понимали и пытались, да не успѣвали—силъ не хватало. См. хотя бы переписку Гр. Прокешъ-Остена съ Гейцомъ и Метернихомъ. (Aus d. Nachlasse d. Gr. Prokesch-Osten. Wien. 1881, I v. 180, 181 passim.). Да и въ 1853 г. Австрія рассчитывала навсегда занять Дунайскія княжества (нын. Румынское королевство) и, истративъ на ихъ занятіе слѣшкомъ 600 мил. гульд., вынуждена была навсегда ихъ очистить.—Дѣло значитъ не въ охотѣ и не въ пониманіи, а въ безсиліи. Во всякомъ случаѣ создавшіе Австрію нѣмцы всегда лучше слабыхъ славянъ разумѣли ея интересы и задачи. Іереміады славянъ-патріотовъ австрійскихъ à la Копитаръ возбуждаютъ въ постороннемъ наблюдателѣ лишь улыбку состраданія.

съ тайной посылки Петромъ В. Милорадовича въ Черную Гору греко-восточные славяне привыкли видѣть въ единовѣрной и постепенно усиливавшейся Россіи свой центръ. И въ настоящее время отчасти хорошо рассчитанною щедростію Россіи, частью благодаря естественному и добровольному предрасположенію въ ея пользу, всѣ церкви этихъ славянъ въ обиліи снабжены церковными книгами русской печати“.

„Ясно, настаиваетъ Копитаръ, что глубочайшія комбинаціи того требуютъ, да и было бы дѣломъ рѣшительной важности, возстановить законный церковный задупайскій текстъ для греко-восточныхъ южныхъ славянъ, уже 150 лѣтъ насквозь проникнутыхъ этимъ сѣвернымъ направленіемъ и доставить имъ ихъ духовную самостоятельность (избавивъ ихъ отъ обрусѣлаго славянскаго текста)“.

„Для этого же нужно собрать всѣ печатныя изданія южно-славянскихъ церковныхъ книгъ, а также и всѣ древнѣйшія церковно-славянскія рукописи и, опираясь на нихъ, начать успѣшную войну противъ русской порчи языка (духовной узурпаціи и иллегитимности)“.

„Понынѣ матеріальное преимущество было на сторонѣ русской“.

Копитаръ указываетъ на Остромірово евангеліе 1056 года и сербскую рукопись 1263 года, „но нѣтъ сомнѣнія, прибавляетъ онъ, при серьезныхъ поискахъ найдется также цисдунайскій кодексъ, если не (хотя очепь возможно) IX вѣка, самого Меодія, то по крайней мѣрѣ X или XI в., вслѣдствіи древнѣе 1056 года.“

„Обладаніемъ такихъ вещественныхъ правовыхъ средствъ (Rechtsmittel), южный славянскій патриотъ могъ бы предпринять послѣдовательно *философско* (sic)—*критическое* изданіе перваго церковно-славянскаго текста, при всей его древности гораздо болѣе близкаго къ нынѣшнему иллирскому языку, чѣмъ прокравшійся руссифицирующій (als der eingeschlichene, russifizierende), и такимъ образомъ этотъ древній текстъ возбудитъ живущее въ груди каждого чувство къ древнему, подлинному и родному, и такимъ образомъ онъ постепенно соберетъ южныхъ славянъ около отечественнаго, благопріятнаго Австріи, центра. Такимъ образомъ, умственно возвысивши надъ русскими бывшихъ ихъ приверженцевъ, можно будетъ заставить ихъ презирать русскихъ, а въ извѣстномъ случаѣ и сдѣлать ожесточенными ихъ врагами („und so stufenweise die Südslawen um einen vaterländischen, Oestereich günstigen Mittelpunkt sammeln u. sic dadurch aus Anhängern u. Bewunderern des Nordens zu ihm geistig überlegenen Verächtern u. eventuell seinen bittersten Feinden machen“).

Патріотически-филологическій проектъ Копитара о секретной экспедиціи на Аоонъ для покупки всѣхъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ греческихъ и славянскихъ рукописей не имѣлъ успѣха, но недорогое прошеніе его о покупкѣ 12 славянскихъ рукописей съ Аоона успѣхъ имѣло. Въ числѣ ихъ находится подъ № 3 (въ запискѣ Копитара) Палея, сборникъ русскаго письма, пожертвованный въ монастырь хиландарскій священно-іереемъ Козьмою Васильевичемъ, служителемъ храму успенія пречистой богоматере отъ богоспасаемаго храда (sic) Ковля (въ лѣто 313=1549, мѣсяца мая кв=26, индикта 3=7).

Занимаясь въ Вѣнской библіотекѣ въ 1862 году, я отмѣтилъ себѣ и эту рукопись (подъ № 9) и выписалъ изъ нея буква въ букву (л. 347 об.) статью Храбра: „Сътвореніе о писменехъ черноризца Кирилла Философа, како книги преведе ѿ Греческихъ на Словенскіи языкъ“.

Обыкновенно относятъ мниха Храбра къ X вѣку. Такъ Срезневскій помѣщаетъ его въ своемъ Перечнѣ южно-славянскихъ писателей и памятниковъ, послѣ Климента, Константина Болгарскаго, І. Экзарха и пр., между 927 и 950 г. Н. В. Ягичъ относитъ Храбра просто къ X вѣку. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сдѣлалъ важное замѣчаніе: „Перечисленіе всѣхъ князей, не только греческаго императора и болгарскаго князя, а также князей Ростислава и Коцела, исчезнувшихъ вскорѣ потомъ изъ памяти южныхъ славянъ, свидѣтельствуетъ о сравнительно раннемъ происхожденіи статьи. Поражаетъ только имя Моравскаго князя: вмѣсто Расти—или Ростислава, формы повторяющейся даже въ итальянской легендѣ и въ житіи Климента, здѣсь пишется Растиць—форма западно-европейскихъ лѣтописей. Трудно угадать причину этого страннаго факта: въ очень сбивчивомъ разсказѣ болгарскаго сборника королевской библіотеки пишутъ правильно: Растиславъ“.

Я назвалъ важнымъ это замѣчаніе Ягича, видя въ немъ попытку разгадать время писанія Храбромъ его разсужденія объ азбукѣ и переводѣ Константиновомъ. Миѣ кажется, что Храбръ послѣ обозначенія года сотворенія славянскихъ писменъ и предложенія книгъ своею прибавкою: „во времена царя Михаила и матере его Осодоры“, тѣмъ самымъ уже указалъ, что онъ вполне сознательно обозначилъ годъ *сотворенія* азбуки и переводовъ (855), такъ какъ Осодора была пострижена и отправлена въ монастырь въ сентябрѣ 856 г. Такимъ

²⁾ Перечиска Добровскаго и Копитара II, 370. (Сборн. II Отд. Импер. Академіи Наукъ. С.-Пб. 1897, т. 62).

обозначеніемъ окончательно устраняется совершенно не нужное обращеніе за помощью къ Александрійскому лѣтосчисленію. Мнихъ Храбръ не былъ лишень образованія, какъ видно изъ его переводовъ съ греческаго и ссылокъ на греческихъ грамматиковъ. Но пиша слишкомъ позже 855 г., напримѣръ въ 927—950 г., какъ полагалъ Срезневскій, или даже лѣтъ на двадцать раньше,—едва ли бы онъ сталъ дѣлать книжныя хронологическія справки о времени низложенія Θεодоры. Правда, мнихъ Храбръ могъ, напримѣръ, найти на одномъ изъ первыхъ списковъ того или другого перевода Константинова такое же обозначеніе года (6363 г.), съ такою же прибавкою: „въ лѣта Михаила и Θεодоры“... Эта дата могла быть сдѣлана самимъ переводчикомъ или однимъ изъ близкихъ къ нему *послѣшниковъ*, учениковъ — писцовъ. И слѣдовательно одно это обстоятельство еще не дастъ указанія на время написанія разсужденія Храброва. Но есть одинъ рѣзкій намекъ. Не только въ нашемъ, но и во всѣхъ почти извѣстныхъ спискахъ Константинъ Философъ называется святымъ Кирилломъ, тогда какъ Меодій святымъ не называется, не называется и покойнымъ, а просто Меодій Епископъ Моравскій. Нельзя ли изъ этого заключать, что Меодій въ годъ писанія Храбромъ его разсужденія или еще не умеръ или вѣсть объ его смерти не дошла еще до Храбра. Въ нашемъ спискѣ есть одна прибавка, замѣчаемая впрочемъ и въ другихъ спискахъ ¹⁾, а именно: послѣ имени Θεодоры, „иже правобѣр-

¹⁾ Она находится и въ другихъ русскихъ рукописяхъ, см. Ягичъ. Разсужденія старшии о церковно-славянскомъ языкѣ (въ Сборн. II Отд. Императорской Академіи наукъ подъ заглавіемъ Исслѣдованія по Русскому языку. С.-Пб. 1895). С. 307. Здѣсь въ основаніе взяты списки Синодальной библіотеки (рукопись № 354) и въ текстѣ же помѣщены варианты изъ рукописи Императорской Публичной библіотеки 2. XXVI. 2. („въ лѣтѣ“), и рукопись Императорской Публичной библіотеки QIXVI и рукопись Тихомирова. — Кое что здѣсь неясно. Такъ цифра 14 (примѣчанія) повторяется 4 раза, а въ подстрочномъ примѣчаніи подъ цифр. 14, сказано только: „2 этихъ словъ нѣтъ“. Но какихъ словъ — не ясно: 1) *при*, 2) патриархъ, 3) Фотія, 4) князя (Бориса). Затѣмъ въ редакціи напечатаннаго Ягичемъ списка сказано на вопросъ, въ кое время: „Отвѣщаемъ по седмю соборѣ“ [въ подлин. во времена Михаила и Θεодоры и затѣмъ при патриархѣ Фотіи, въ лѣто князя Бориса, Растига и Костеля (Костела Тихомир.)] и затѣмъ: въ лѣто ѿ созданія міру 5748 г. Очевидно, что этотъ текстъ не можетъ принадлежать автору, мниху Храбру, человѣку можно сказать образованному и умѣвшему различить годъ собора (842 или 843 г.) отъ года составленія азбуки (855). Приведа подобную же редакцію статьи Храбра (изъ позднѣйшихъ русскихъ рукописей и печат. книгъ), Добровскій замѣтилъ: „Dies wäre nun das Jahr 855, *wogegen nichts einzuwenden ist*, wenn gleich die übrigen (въ текстѣ) *Data nicht ganz richtig berechnet sind.*“ Сур. u. Meth. Prag. 1823. S. 43. При этомъ въ

ную утвердиста и 4-ю недѣлю святаго поста законниша (вмѣсто ста), по семь (седьмомъ) соборъ мѣ лѣта"... Что же это можетъ значить? Здѣсь разумѣется упомянутый соборъ, на которомъ было возстановлено почитаніе иконъ и, какъ сказано, введено празднованіе перваго въ великомъ посту воскресенья, или недѣли православія (χοριακή τῆς ὀρθοδοξίας). Этотъ же соборъ происходилъ въ 842 или, какъ теперь стали утверждать де Бооръ, Гельцеръ и Васильевъ, 11 марта 843 г.; но здѣсь сказано: по семь соборъ четыре десять четыре лѣта (т. е. или по семь соборъ четыредесять четыре лѣта прошли, истекли, или 44-го лѣта). Не есть ли это обозначеніе времени, когда Храбръ написалъ свое сочиненіе, а именно въ 887 г. или 886 г.? Не могъ же почтенный Храбръ полагать, что возстановленіе иконопочитанія и установленія празднованія недѣли православія при Михаилѣ и Θεодорѣ произошло послѣ седьмого собора (788) да черезъ сорокъ четыре года 842 или 843+44 г. Эта дата можетъ лишь относиться къ сочиненію Храбра, т. е. писалъ по прошествіи 44-хъ лѣтъ по семь соборъ (при Мих. и Θεод.), и тогда будетъ понятно, что въ 886—887 г. легко было далеко, напримѣръ, жившему отъ Моравіи Храбру не знать еще о кончинѣ Меѳодія (6 апр. 885) и объ его причтеніи къ лику святыхъ. Не называніе же Меѳодія святымъ и безъ того уже сближаетъ Храбра съ Іоанномъ Экзархомъ. Если Храбръ писалъ въ 887 или въ 886 г., то ему не нужно было говорить: „суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ“ (т. е. славянскихъ первоучителей), какъ имѣется въ одномъ спискѣ (Московской Духовной Академіи), хотя бы и списанномъ (а можетъ и нѣтъ) съ глаголическаго подлинника.

И. В. Ягичъ однако полагаетъ, что „точное хронологическое опредѣленіе года, когда были составлены славянская азбука, не внушаетъ конечно ни малѣйшаго доверія: въ болгарскомъ спискѣ XIV в. отмѣченъ годъ 874г, въ московскомъ текстѣ духовной академіи буква 8

текстѣ Добровскаго вырвалась опечатка насчетъ даты 7-го собора (831=44 годъ) послѣ 7-го собора (788 г.). Но эта дата (44 лѣта) относится къ написанію Храбра, и эта дата первоначально стояла послѣ г. 8363 и словъ Мих. и Θεодоры иже осв. и утв., какъ правильно стоитъ въ Вѣнск. сп. — Въ Рум. Хрон. (№ 453) 1493 г. л. 139 сб. „при сіи цѣткѣ (Михаила) 4. в лѣто цѣткѣ в крѣпости съ зѣла болгарскаа, и преложиша книги ѿ греческа языка на словянскимъ языкъ иже имашо съ Мѳодѣе а в лѣ 874гъ (8363 = 855 г.) при Борѣ болгарскѣ. лѣ 874 год (8374 = 862 г.) иже Волѣмиръ къ Грекъ“ (смѣшивается походъ Владиміра съ походомъ Аскольда). *Востоковъ*, Описание Рум. Муз., стр. 730.

пропущена, потому что въ глаголическомъ алфавитѣ нельзя было передать ее. По обыкновенному (т. е. Цареградскому) лѣтосчисленію 6363 даетъ 855 г. Въ этомъ смыслѣ поняли эту отмѣтку позднѣйшіе лѣтописцы, но въ новѣйшее время предпочитаютъ класть въ основаніе счета отъ созданія міра 5500 лѣтъ, *такимъ образомъ получается дѣйствительно 863 годъ. Это объясненіе нѣсколько сомнительно*“.

Съ послѣдними словами нельзя не согласиться, такъ какъ составленіе азбуки и переводъ евангельскихъ чтеній и псалтири невозможно разсматривать, какъ два независимыя другъ отъ друга дѣла. Не издавъ же Константинъ напередъ въ свѣтъ свою азбуку, въ видѣ пронисей, а потомъ началъ свой переводъ. Не отдѣляя этихъ двухъ работъ одну отъ другой ни Константинъ Философъ, ни писавшій о нихъ Храбръ. Въ одинъ годъ нашъ первоучитель не могъ многого сдѣлать, потому выше я и назначалъ его занятія этимъ дѣломъ—съ 850 до нач. 855. Полагать можно, что по возвращеніи своемъ изъ сарацинской миссіи, онъ безъ сомнѣнія сталъ продолжать свои переводы, на примѣръ, апостольскихъ чтеній, службъ утреннихъ, вечернихъ, обѣденъ и пр., если, на примѣръ, раньше у него только былъ готовъ переводъ чтеній евангельскихъ и псалтири. Но нельзя согласиться съ мнѣніемъ многоуважаемаго слависта, буде онъ подразумѣваетъ подъ точнымъ опредѣленіемъ года, когда составлена азбука—дату Храбра (855 г.) и о ней отзывается, что де она „не внушаетъ конечно ни малѣйшаго доверія“.

Позволю себѣ высказать догадку, что сочиненіе Храбра оканчивалось опредѣленіемъ этой даты, и выше указанная (по Вѣнскому списку) дата: „по семь соборѣ мѣ лѣта“ не дописана, востальныхъ спискахъ эта запись совсѣмъ выпущена или индѣ помѣщена, но и въ вѣнскомъ она едва ли въ цѣлости сохранилась. Имена же Бориса и Растица Вѣнскаго списка могли быть приписаны въ послѣдствіи однимъ изъ ближайшихъ къ нему по времени изъ толковыхъ писцовъ, ибо тутъ нѣтъ ничего несообразнаго. Но если бы эти два имени, особенно *Растица*, и принадлежали самому Храбру, то означенная форма имени Ростиславъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить свидѣтельствомъ будто бы Моравскаго или Паннонскаго происхожденія Храбра. У Болгаріи съ сосѣднею Моравією, у славянъ болгарскихъ съ мораванами, были близкія сношенія въ княженіе Бориса и Ростислава. Его войны съ нѣмцами, его обращеніе къ Цареграду и повѣдка къ нему славянскихъ первоучителей, его несчастный конецъ

не могли не занимать славянъ задунайскихъ, и несомнѣнно сложеныя о немъ мораванами гвѣси и всякаго рода рассказы легко и скоро могли распространиться въ Болгаріи и Македоніи къ 80-мъ годамъ, когда, можно полагать, писалъ Храбръ свое разсужденіе. Пиша его въ 886/887 г., онъ, конечно, могъ лучше насъ знать, въ 863 или въ 855 г. вышли въ свѣтъ переводныя труды Константиновы.

XV.

Что касается даты Храбра относительно славянскихъ писемъ и переводовъ Константина Философа, то мы имѣемъ еще другое въ пользу ея свидѣтельство. Въ синодикѣ болгарскомъ, описанномъ и изслѣдованномъ проф. М. С. Дриновымъ, въ числѣ статей Терновскаго собора 1211 г. читаемъ:

„Кириллу Философу, иже божественное писаніе отъ грѣческаго языка на болгарскомъ прѣложившому и просвѣщшоому българскій родъ, новому другому апостолу, въ царство Михайла и Теодоры православніе царице матери его, иже божественную црковь святыми иконами украсившихъ и православіе утвердившихъ, вѣчная память“.

Могутъ возразить, что эта дата могла быть заимствована отъ мнѣха Храбра, но она могла произойти и изъ общаго Храбру и собору источника—изъ преданія письменнаго и преданія устнаго. Если не самъ Константинъ Философъ, то Меоодій, если и не Меоодій, то одинъ изъ ихъ учениковъ могъ записать эту дату въ своемъ спискѣ одного изъ первыхъ переводовъ Константина. Наконецъ на соборѣ 1211 г. присутствовали представители чернаго и бѣлаго духовенства изъ многихъ старыхъ монастырей и приходовъ, и уроженцевъ не одной Болгаріи, но и Македоніи, гдѣ жизнью и трудами великаго земляка интересовались многіе, и греки и славяне. И эта дата (855) при упоминаніи царствованія Михайла сообщая съ его матерью Теодорою, удаленною въ монастырь въ сентябрѣ 856 г., и бывшаго при нихъ собора (843 г.) была такъ надежно, въ историческомъ отношеніи, оставлена, что и безъ письменнаго преданія (если бы его даже могло не быть, но оно было, какъ знаемъ изъ Храбра) легко могла удержаться въ соборной памяти или въ памяти такихъ соборныхъ единицъ, какъ старыя славянскія монастыри и приходы Болгаріи и Македоніи. Объ опредѣленіи собора относительно почитанія иконъ и празднованія педѣли православія само собой было своевременно со-

общепю въ свои епархіи всѣми помѣстными епископами. Слѣдовательно, не трудно было помнитъ, что черезъ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ послѣ этого собора Константинъ Философъ „сотворилъ письмена и преложилъ книги“.

Наконецъ яснымъ доказательствомъ того, что въ хазарской миссіи у Константина Философа были взятыя имъ съ собою *славянскія* книги, его переводы въ нѣсколькихъ конечно спискахъ, служатъ слова Гавдерика: „услыхавъ о томъ, что совершено было Философомъ въ землѣ хазаръ, князь Ростиславъ (*audiens... quod factum fuerat a Philosopho in provincia Casarorum*) послалъ къ императору посланниковъ, съ заявленіемъ ему, что его народъ хотя и отступилъ отъ почитанія идоловъ и желалъ соблюдать законъ христіанскій, но не имѣетъ такого учителя, который бы научилъ ихъ читать и пр. (*verum doctorem talem non habent, qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsam edoceat*). Сличая письмо Анастасія къ Гавдерика и его записку, такъ называемую итальянскую легенду, зная изъ житія же Константинова (Паннонскаго), что въ Римѣ епископъ Валлетрійскій видался съ Константиномъ Философомъ и Меоодиємъ, а также и съ ихъ учениками, умный, образованный, любознательный и точный итальянецъ, лишь съ полнымъ сознаниемъ дѣла и убѣжденіемъ въ его несомнѣнной истинѣ, могъ связать дошедшіе до Ростислава слухи о дѣйствіяхъ и успѣхахъ миссіи Константина Философа въ области (*provincia*) хазарской съ послѣдовавшимъ вслѣдъ за тѣмъ посольствомъ моравскимъ въ Константинополь. Не дойдя до Ростислава извѣстіе, и, по ея мнѣнію, достоверное, о томъ, что совершалъ и совершилъ Константинъ Философъ у хазаръ (въ *Gardhariki*), Ростиславъ и не отправилъ бы своего посольства къ царю Михаилу. Въ самомъ дѣлѣ онъ просилъ царя Михаила (надо полагать письменно) послать ему въ Моравію такого учителя — *doctorem talem*, — который бы научилъ моравянъ читать св. книги на своемъ славянскомъ языкѣ. Изъ давнихъ и постоянныхъ сношеній своихъ съ сосѣдними имъ славянами хазарскими, моравяне могли легко понять, что привезенныя съ собой Константиномъ Философомъ книги, будучи понятны славянамъ хазарскимъ, должны быть понятны и имъ, моравянамъ. Оттого Ростиславъ (*genti suae consulens*) и просилъ Михаила прислать такого учителя, который бы имъ привезъ такія же книги и научилъ и моравянъ читать по нимъ. Крепшіе уже въ 20-хъ гг. IX в., моравяне въ началѣ 60-хъ имѣли свое духовенство. Не немногіе изъ него, даже вѣроятно большая часть, знали конечно по славянски и могли успѣшно объяснять и толковать

народу христіанское вѣроученіе и церковныя молитвы и обряды. Если бы Ростиславъ и его мораване слышали только объ устной проповѣди Константина и Меодія, то имъ не было бы ни надобности, ни повода отправлять посольство въ Царьградъ и просить объ учителѣ, который бы научилъ ихъ читать... конечно славянскія книги, такъ какъ латинскіе попы (многіе сами славяне) давно начали и продолжали ихъ учить чтенію латинскихъ книгъ. Но желать же Ростиславъ—для своихъ мораванъ поповъ греческихъ, для того, чтобъ они выучили мораванъ читать еще греческія книги?

Если о дѣятельности Константина Философа у хазаръ слухъ дошелъ, и такъ скоро, до Ростислава, то надобно полагать, что нашъ первоучитель былъ не въ Босфоръ, не въ Кафъ, не въ Вѣлой Вѣжъ, а гдѣ-нибудь по-западнѣе Дона, Донца. Не усиливши ли свой военный эскортъ полученнымъ отъ хана отрядомъ хазарскимъ, не проѣхали ли греки—гдѣ Донцемъ на лодкахъ, гдѣ берегомъ Донца—до одного изъ болѣе крупныхъ поселеній въ той части воздвѣишей Руси, которая позже вмѣстѣ съ Кіевскою землею полянъ, или землею польскою, носила общее съ послѣднею названіе Руси, т.-е. въ воздвѣишемъ княжествѣ Переяславскомъ, куда, быть можетъ, прибылъ и самъ Аскольдъ или его посланцы. Не произошло ли тамъ гдѣ-нибудь, если не на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ, первое крещеніе Руси, о которомъ говоритъ Фотій? Но какъ же возможно такое предположеніе, когда нашъ *прекрасный источникъ*, такъ называемое Паннонское житіе Кириллово ничего объ этомъ не говоритъ?

XVI.

Это вѣрно, что о крещеніи Руси оно молчитъ и только проговорилось упоминаніемъ евангелія и псалтири, писанныхъ *рускимъ писмомъ*. Дѣйствительно авторъ Паннонскаго житія хотя и посвятилъ сравнительно много страницъ повѣздѣ нашихъ первоучителей къ хазарамъ и ихъ пребыванію у хана (какого только?), однако фактическаго мы узнаемъ очень немного: „въѣдъ же въ корабль поуті се ѣтъ козарскаго на мевтское озеро и капиская врата клавкаискихъ горъ“, а затѣмъ идетъ разговоръ сначала небольшой съ мужемъ лукавымъ, „подосланнымъ къ нему хазарами за *скопигъ*“ (какъ-бы развѣдчикъ, хитрый, лукавый). Гдѣ этотъ мужъ лукавый встрѣтилъ Константина, мы не знаемъ, какъ не знаетъ очевидно и самъ жизнеописатель или правильнѣе послѣдній редакторъ житія Ки-

рядлова. Но за то онъ хорошо знаетъ, о чемъ и какъ разговаривать съ нимъ этотъ лукавый мужъ, иже бесѣдою съиде съ и рече ему: (сказавъ о поставленіи царя, государя у хазаръ и у грековъ) и т. д. затѣмъ онъ приводитъ и отвѣты Константина. И когда послѣдній задалъ ему мудреный вопросъ: „аще ли еси поглытилъ всякую мудрость, то скажи ми кояко родовъ есть отъ Адама до Моисея и кояко лѣтъ которыяждо родъ держалъ есть? немогъ же къ сему отвѣщати оумлѣча“.

Этотъ вопросъ, по словамъ житія, былъ заданъ Константиномъ Философомъ лукавому мужу, только что объявившему, по словамъ того же очень не хитраго жизнеописателя, — „вы (христиане), книги дръжяще въ руку, отъ нихъ вся притѣчя глаголете, мы же не тако. нъ отъ прѣсѣвъ вся мудрости иже поглыщете я возносимъ, *испрѣдѣе сѣ о писаніи*“.

Этотъ вопросъ, вложенный жизнеописателемъ въ уста Константина, напоминаетъ нашихъ малограмотныхъ старовѣровъ начетчиковъ и доказываетъ лишь, какъ легкомысленно, чтобы не сказать больше, поступаютъ повѣншіе ученые, присваивая этой легендѣ чрезвычайную правдивость и ея автору или, можетъ быть вѣрнѣе ея авторамъ, или даже скорѣе позднѣйшему редактору, отличное знаніе и пониманіе личности и дѣятельности Константина Философа.

Нашъ авторъ не имѣлъ никакого представленія о странѣ хазарской и мѣстностяхъ, посѣщенныхъ Константиномъ. Разсказавъ о вышепомянутой бесѣдѣ лукаваго человѣка съ Константиномъ, онъ замѣчаетъ: „дошѣдъшу же ему *тамо*, сгда хотѣхоу сѣсти у кагана, вопросиша его, глаголюще: каа есть твоя чѣсть, да ты посадимъ на своемъ чиноу? онъ же (т.-е. Константинъ) рече: и дѣда имахъ велика славна зѣло, иже близъ царя стояше, и данную велию чѣсть отвергъ изъгнахъ бысть, и на страну земля шѣдъ обнища, и *тамо мя роди*; азъ же дѣдную чѣсть прежднюю ища, недостигохъ иная пріяти, а дамовъ бо есмь въпоужъ“. „Отвѣщаша же они: и достойно и право глаголеши, гости“.

Откуда жизнеописатель узналъ объ этой небольшой бесѣдѣ Константина Философа? Новѣйшій авторъ ученаго труда о жизни славянскихъ апостоловъ г. Пастрнекъ приводитъ эту бесѣду въ своемъ текстѣ. Должно быть, онъ полагаетъ, что самъ Константинъ записалъ ее въ своихъ запискахъ, переведенныхъ потомъ Меѳодіемъ. Но вѣроятно ли это? Возможно ли допустить, что Константинъ Философъ самъ записалъ свой случайный разговоръ съ кѣмъ-то изъ хазаръ передъ самимъ обѣдомъ у кагана, или записалъ ее Меѳодій? Трудно допустить,

чтобы ее сочинилъ самъ жизнеописатель, оно не въ его стилѣ. Вѣроятно же, что все это выписано изъ какого-нибудь позднѣйшаго славянскаго перевода одного изъ неизвѣстныхъ еще греческихъ сочиненій о преніяхъ съ сарацынами и евреями. Въ первоначальномъ текстѣ Житія Константина, буде оно было написано въ исходѣ IX или въ началѣ X в., такихъ извлеченій не могло еще быть. Вслѣдъ затѣмъ передаются двѣ обѣденныя здравицы. Началь каганъ—поднявъ чашу, онъ сказалъ: „пьемъ во имя Бога единого, сътворившаго всю тварь“. Затѣмъ философъ, приподнявъ чашу, сказалъ:— „пью во имя Бога единого и Слова Его, сотворившаго словомъ всю тварь, и *имже небеса утвердиши ся и животворящаго Духа, и имже вся сила изъ стоитъ*“.

Упомянувъ еще нѣсколько бесѣдъ о Св. Троицѣ и богочеловѣкѣ, жизнеописатель заключаетъ: „и тако разыдоша ся съ обѣда, нарекише днь, въ онъ же бесѣдоуютъ о всѣхъ сихъ“.

Затѣмъ новую бесѣду жизнеописатель начинаетъ такими словами: „Сѣдше же пакы съ каганомъ, рече философъ“ и т. д. Началь бесѣду Философъ, причѣмъ просилъ слушателей представлять ему вопросы, если чего не уразумѣютъ. Тутъ уже выступаетъ не каганъ, а вообще... *іудеи* (отвѣщаша же и рекоша). Длинная бесѣда въ 4 стр. слишкомъ, состоящая почти исключительно изъ текстовъ В. Зав., внезапно обрывается въ Житіи слѣд. замѣчаніемъ автора или позднѣйшаго его редактора: „отъ многа же убо се мы укрощше въ малѣ положихомъ селико, памяти ради, а *имже хочеть съръшенихъ сихъ бесѣдъ искати истыгъ, въ книгахъ его обръщеть я, елико прѣложу учитель нашъ архіепископъ Меѡдіе, раздѣль я ти осмь словесъ, и ту оузрети словесную силу*“...

Итакъ слѣдовало бы думать, что все, сообщаемое жизнеописателемъ Константина о бесѣдахъ его у хазарь, взято имъ исключительно изъ книгъ Константина, переведенныхъ Меѡдіемъ, а книги эти были чѣмъ-то въ родѣ отчета Константина Философа патриарху о хазарской миссіи. Правда, самъ жизнеописатель утверждаетъ, что онъ не переписалъ этотъ переводъ, а сократилъ его, и значить выбралъ изъ него наиболѣе, по его мнѣнію, интересное. Если оно такъ было, то во всякомъ случаѣ нашъ авторъ сократилъ неумѣло. Такъ приведя цѣлый рядъ вопросовъ и возраженій іудейскихъ и объясненій на нихъ Константина Философа, упомянувъ самъ іудевей, послѣ нѣсколькихъ словъ Философа въ отвѣтъ имъ и послѣ сейчасъ нами приведенной замѣтки своей о книгахъ Константина Философа и ссылки своей на переводъ Меѡдія нашъ авторъ прибавилъ: „ни-

челныи же мужіе, сладкаа его и подобна словеса слышавше, рекоша къ нему: богомъ еси само посланъ на създаніе наше, и вся книги отъ него навыкъ, все еси по чину глаголае, до сыти всеѣхъ ны наслаждѣ медоточныхъ словесъ отъ святыхъ книгъ, нъ мы есмы нескитжнаа чадъ (это іудѣи хазарскіе!), сему же вѣру имемъ, іако ты отъ бога еси, паче же аще хоцещи покои обрѣсти душамъ нашимъ, всьско исправи притчами... И тако разыдоша ся почтии⁴.

Собравшимся же на другой день, эти же іудѣи (?) и.. нескитжная чадъ говорятъ Философу: „покажи намъ, честный мужъ, притчами и умомъ вѣру, яже есть лучшии всѣхъ“. Послѣ нѣсколькихъ притчъ Философа, его внезапно прервалъ „единъ же отъ нихъ, сарацинскую злобу добръ вѣдыи“ и спросилъ его: „какъ же вы Магомета не держите? онъ очень хвалилъ Христа въ своихъ книгахъ, говоря, что онъ отъ дѣвы родился сестры Моисеевой, былъ пророкъ великій, мертвыхъ воскресалъ и всякія язвы исцѣлялъ великою силою“. Философъ на это отвѣтилъ: „да судить насъ каганъ, если Магометъ пророкъ, то какъ можемъ вѣрить Даніилу. Онъ сказалъ: „до Христа всяко видѣніе пророчества прѣстанеть“. Жившійся же по Христѣ Магометъ какъ можетъ быть пророкомъ? Если его назовемъ пророкомъ, то отвергнемъ Даніила. И сказали многіе изъ нихъ: „что говорилъ Даніилъ, то говорилъ духомъ божьимъ. Магомета же всѣ мы знаемъ, что онъ лживъ пагубникъ общему спасенію, „иже есть добрѣйшая бляди своя на злобу и студодѣяніе изблѣлъ“. А первый советникъ у нихъ (отъ нихъ) сказалъ пріятелямъ сарацинскимъ: „божьею помощію гость этотъ низвергъ на землю всю іорданію жидовскую, а вашу на тотъ берегъ рѣки перекинулъ (на онъ полъ рѣки прѣврже, какъ скверну)“. Сказалъ и всему народу („рече же и къ всѣмъ людемъ“): „какъ далъ Богъ власть надъ всѣми народами (языки) царю христіанскому и совершенную мудрость и вѣру (вѣроу въ нихъ) и безъ нея никто не можетъ достигъ вѣчной жизни. Богу же слава во вѣки ¹⁾“. Тогда же Философъ въ слезахъ обратился къ народу (къ всѣмъ): „братья, отцы и друзья (друзи) и дѣти (и чада): то даетъ Богъ всякое разумѣніе (ра-

¹⁾ Въ службѣ св. Кириллу, между прочимъ, читается: „вѣкъ приложьса свѣтъ мнѣса канитио же ѿ ка в философе инъ ко окрѣтѣса пакель дѣтлами прѣтѣкъ въса земю къ жзмицѣхъ свѣтлѣе паче лица слѣмъ бченныи бчителю елжне. акомъ прѣтѣрлѣ свѣрлѣ екрискыи ѿотоа словеса твоѣ елжне къ градѣхъ свѣрлѣи и козарѣхъ приложьтѣса ты ко апопество илжнѣи носѣче оучителю свѣти, яко Голнмда дѣдѣ къ поганыхъ“. Александрова, А. Служба св. слав. апост. Кир. и Мео. въ болг. сп. XIV в. Варшава. 1893 (Отт. изъ Р. Фил. Вѣсти. с. 10).

зумъ всякъ) и достойный отвѣтъ. Если еще есть, кто противится, да придетъ и переспорить (преприть) или будетъ побѣжденъ (прѣпренъ) или послушаетъ сего, да крестится во имя святой Троицы, а если кто не хочеть, то я тутъ не грѣшенъ (азъ есмь кромѣ сего грѣха), а онъ узритъ въ день судный, какъ судить будетъ ветхій деньми Богъ“. *Они отвѣчали:* „мы себѣ не вороги, но помалу, кто можетъ, такъ велимъ, да крестится волею, кто хочеть отъ сего дня. И кто изъ васъ на западъ кланяется или *по жидовски* молитву творить или *по сарацински* вѣру держать, скоро смерть приметъ отъ насъ“. И такъ разошлись съ радостью. Изъ нихъ крестилось до двухъ сотъ чадій (человѣкъ или семей), отвергнуши мерзости языческія и женитьбы беззаконныя. *Написалъ каганъ* царю такое писъмо (книги.. сицевы): „ты послалъ намъ, владыко, такого мужа, что раскрылъ (сказа) намъ вѣру христіанскую словомъ и дѣломъ (вещьми) сущую святую, и извѣстившись, что то вѣра истинная, повелѣли мы креститься волею, надѣмся и мы достигнуть того же. Вся же мы приятели твоему царству и готовы на службу твою, куда (насъ) потребуешь“ ¹⁾. Провожая же Философа, каганъ далъ ему много даровъ, но онъ не принялъ ихъ, говоря: „дай мнѣ, сколько имѣешь здѣсь *пльнниковъ*, это мнѣ больше всѣхъ даровъ“. „Собравши же ихъ до двухъ сотъ ²⁾, онъ выдалъ ему. И Философъ съ радостью пустился въ путь свой“.

Слѣдую непосредственно за замѣчаніемъ автора или позднѣйшаго редактора Житія о сокращеніи имъ сдѣланномъ изъ *книгъ Кирилловыхъ* (изъ переведеннаго Меодіемъ отчета Константина Философа), все это мѣсто довольно рѣзко отличается отъ предыдущаго разсказа о прініяхъ Константина съ евреями. Этотъ послѣдній разсказъ какъ будто не имѣетъ связи, ничего почти общаго съ предыдущимъ разсказомъ. Тамъ Константиновы собесѣдники и совопросники — еврей-книжники, а тутъ они — *некнижная чадь*. Въ началѣ является какъ бы каганъ хазарскій, еврейскаго исповѣданія, а здѣсь тоже каганъ только язычникъ, не еврей и не мусульманинъ. Первый разсказъ или лучше первая, значительнѣйшая часть сильно разитъ книгою, напоминаетъ очень распространенныя въ греческой и потомъ южно-славянской и русской

¹⁾ Сравни. слова посланія патр. Фотія: ἐν ὑπερήκων ἐξουτοῦ καὶ προβέχων ταῖς ἀντὶ τῆς πρὸ μικροῦ καὶ ἡμῶν λατρείας καὶ τοῦ μεγάλου τοῦ μὴ γινώσκοντος, ἀγαπητῶς ἐχρησάσθησαντες.

²⁾ Нельзя не отмѣтить, что *до двухъ сотъ чадій* были крещены Константиномъ Философомъ и *до двухъ сотъ пльнниковъ* было ему выдано и имъ отпущено на волю. Въ похв. Меод. „кр(сти)ста ѿ козаръ чыстымъ чади до двою сѣтоу развѣ женъ и дѣтви“. (Ред. Лаврова. М. 1898. С. 6), слѣд. отъ 600 до 800 л. по крайней мѣрѣ.

письменности пренія съ евреями. Въ первомъ разсказѣ слова происходятъ какъ будто во дворцѣ, въ покояхъ кагана хазарскаго. Во второмъ же разсказѣ, плохо связанномъ съ первымъ, и каганъ не еврейскаго исповѣданія и состоялъ доселѣ, какъ видно, совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ съ Византіею и ея царемъ. Первый изъ кагановъ хазарскихъ, бывшихъ давно союзниками и пріятелями имперіи при Иракліи, при Юстиніанѣ II, при Константинѣ Копронимѣ и его сыновьяхъ, когда хазарка Ирина, царица-супруга и мать играла такую преобладающую роль въ Византіи, и при царѣ Теофілѣ, отцѣ Михаила III, когда дядя послѣдняго строилъ для хазаръ крѣпость Саркель на Дону противъ русовъ. Къ этому кагану хазарскому, вѣроятно, и отправилось сначала посольство греческое, къ которому въ качествѣ миссіонеровъ присоединены были оба славянскіе первоучителя. Но съ этимъ каганомъ хазарскимъ не имѣ, солунскимъ братьямъ, хорошо по словѣски бесѣдовавшимъ, предстояло вести бесѣды, а настоящимъ посланникамъ, людямъ свѣтскимъ, военнымъ и дипломатамъ. Они вели разговоры съ каганомъ хазарскимъ не о вѣрѣ, не о св. Троицѣ, а о дѣлахъ житейскихъ, о той Руси, которая нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ нападала на Царьградъ, о томъ, какъ бы предупредить повтореніе подобныхъ, можетъ еще худшихъ, явленій, о томъ, чтобы каганъ придалъ свой военный отрядъ къ взятому имъ съ собою отряду греческому и помогъ имъ устроить гдѣ-нибудь свиданіе и переговоры съ тѣмъ княземъ или вождемъ Руси, который нападалъ на Царьградъ. *Каганъ* же второго разсказа былъ еще недавно врагомъ грековъ: у него выпрашиваетъ себѣ Константинъ Философъ двѣсти человѣкъ илѣнныхъ изъ грековъ. И языкъ второго разсказа—иной, чѣмъ языкъ перваго разсказа. Тамъ иудеи, здѣсь—*жидовская юрдыня, по жидовски* молитву творять. Тотъ разсказъ носитъ характеръ книжный, напоминаетъ переведенныя впоследствии по славянски греческія статьи о преніяхъ съ евреями и мусульманами. Тамъ въ гостяхъ у настоящаго кагана едва ли эти пренія были умѣстны и приличны, такъ какъ посольство греческое нуждалось въ хазарахъ и, конечно, должно было избѣгать всякихъ поводовъ къ ихъ раздраженію противъ грековъ. Второй же разсказъ, несомнѣнно сильно урѣзанный, переноситъ насъ въ совершенно другую атмосферу, на иную сцену. Здѣсь дѣйствіе совершается, разговоры ведутся не въ палатахъ, не во дворцѣ кагана, а скорѣе на вольномъ воздухѣ, какъ будто на берегу рѣки. Здѣсь каганъ не еврейскаго и не мусульманскаго исповѣданія, его первый совѣтникъ—такой же противникъ евреевъ, какъ и мусуль-

манъ. Вѣроятно, подкупленные ласками и дарами царскихъ посланниковъ, они оба, не принимая сами христіанства, уже громко признають его превосходство, разрѣшаютъ людямъ креститься сейчасъ же и грозятъ казнью исповѣдникамъ жидовства и мусульманства. Такимъ образомъ мы переносимся въ страну языческую, гдѣ однако проповѣдуются еврейство и мусульманство. Что же это за страна? Это была одна изъ областей обширной страны между среднимъ Дономъ и Днѣпромъ, Днѣстромъ и Бугомъ, населенная славянами, впоследствии русскими. Съ конца VII в. до первой половины IX в. почти включительно весь этотъ пространный край находился подъ властью хазаръ, у коихъ рядомъ съ еврействомъ господствовало и мусульманство, двѣ религіи единобожія, двѣ культуры оригинальныя, еще долго за тѣмъ во многомъ превосходившія и стоявшія выше средневѣковой латинской, а частью и греческой (особ. съ нач. XIII в.) образованности, можно сказать, почти до конца XIV в. Масса куфическихъ монетъ, найденныхъ въ нашемъ отечествѣ, на Готландѣ и въ Швеціи, указываетъ на большое развитіе торговли и широкое вліяніе арабской мусульманской образованности. Если припомнить, какъ сродна и свойственна семитамъ религіозная пропаганда, мы поймемъ, что арабы-купцы, узнавъ о славянствѣ большинства подвластныхъ хазарамъ народовъ, не преминули, конечно, воспользоваться тѣми славянами, которые съ исхода VII в. стали къ нимъ переходить изъ В. Имперіи большими партіями и принимать исламъ. Купцы арабы и персы-мусульмане все чаще и чаще стали, весьма вѣроятно, брать къ себѣ въ товарищи и прикащики своихъ согражданъ и единоплеменниковъ славянъ, для облегченія сношеній и сдѣлокъ съ славянами, данниками хазарскими. То, что нашъ первоначальный лѣтописецъ относитъ къ одному князю Владиміру, то правильно относится ко всему почти (русскому впоследствии) славянству съ конца VII в. до перваго крещенія Руси при патріархѣ Фотіѣ. Разумѣю представлявшійся Владиміру выборъ изъ нѣсколькихъ вѣръ. До появленія христіанскихъ проповѣдниковъ въ теченіе слишкомъ полтора ста лѣтъ шла въ этихъ земляхъ славянскихъ проповѣдь еврейская и мусульманская. Та и другая обличала и отвергала язычество, многобожіе и разглашала вѣру во единого всемогущаго Бога. Исповѣдники Іеговы и Аллаха ненавидѣли и презирали другъ друга и тѣмъ не мало мѣшали успѣху обоюдной своей проповѣди, за то одинаково будили, подымали и развивали религіозное чувство и сознаніе въ языческихъ племенахъ славянскихъ. Съ первой половины IX вѣка начинается пропикать къ нимъ съ сѣвера другой элементъ скандинавскій, вѣчно тревожа-

ный, бодрый, лихой и удалый. Онъ ищетъ подвиговъ, славы, богатства и власти. Равнины и большія рѣки облегчаютъ варягамъ распространеніе по громадной странѣ, а слабость власти хазарскихъ кагановъ безъ особаго труда позволяетъ имъ принимать вмѣстѣ съ титуломъ кагана и славянскія дани, прежде платимыя хазарамъ. Но чѣмъ дальше и скорѣе распространяютъ варяги свою власть, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе они лишаются своего національнаго отпечатка, тѣмъ больше они растворяются въ славянствѣ и тѣмъ легче, что вскорѣ становятся *bilingues*, полуславянами по языку. Подстрекательство и подкупъ мусульманскихъ купцовъ, агентовъ Багдадскаго правительства, для отвлеченія сухопутныхъ и морскихъ силъ Имперіи отъ М. Азій и Архипелага направляетъ привычныхъ къ морю варяговъ-руси Аскольда и возбуждаетъ ихъ молодецкую удаль и страсть къ грабежу. 18 іюня 860 г. нежданно, негаданно для жителей покинутой царемъ, арміей и флотомъ Византіи, явились передъ нею ладьи Аскольдовы... „Откуда пришла на насъ эта сѣверная и страшная гроза?“ восклицалъ Фотій въ своей 1-й бесѣдѣ... „Горе мнѣ, что я вижу, какъ народъ грубый и жестокий окружаетъ городъ и расхищаетъ предметія, все истребляетъ, все губитъ, пивы, жилища, пастбища, стада, женщинъ, дѣтей, старцевъ, юношей, всѣхъ поражаетъ мечемъ, никого не жалѣя, ничего не щадя; всеобщая гибель! Онъ какъ саранча на жатву и какъ плѣсень на виноградъ или лучше какъ зной или тифонъ или наводненіе или не знаю, что назвать, палалъ на нашу страну и истребилъ цѣлыя поколѣнія жителей“... „Помните ли вы—восклицалъ Фотій во 2-й своей бесѣдѣ вскорѣ по удаленіи Руси,—тотъ трепетъ и тѣ слезы и рыданія, которымъ тогда предавался весь городъ въ крайнемъ отчаяніи? Помните ли ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь всѣхъ насъ готова была закатиться вмѣстѣ съ закатомъ солнца и свѣтъ нашего бытія поглощался глубокимъ мракомъ смерти? Помните ли тотъ часъ невыносимо горестный, когда приплыли къ намъ варварскіе корабли, дышавшіе чѣмъ-то свирѣпымъ, дикимъ и убійственнымъ,—когда море тихо и безмятежно разстило хребетъ свой, доставляя имъ пріятное и вождельнное плаваніе, а на насъ воздымая свирѣпыя волны плаванія и свирѣпыя волны брани,—когда они проходили передъ городомъ, неся и выставляя пловцовъ, поднявшихъ мечи, и какъ бы угрожая городу смертью отъ меча,—когда всякая надежда человеческая оставила людей и городъ держался надеждою на единственное приближеніе у Бога,—когда трепетъ и мракъ объять умы и слухъ отсрзался только для одной вѣсти: „варвары уже перелѣзли черезъ

стѣны и городъ уже взятъ врагами“. Неожиданность событія и печальность нашествія какъ бы заставляла всѣхъ воображать и слышать это; обыкновенно эта слабость въ особенности бываетъ у людей и въ другихъ такихъ случаяхъ: чего они слишкомъ боятся, то по необходимости считаютъ дѣйствительнымъ, хотя того и нѣтъ, а чего и въ мысляхъ раньше не имѣли, то самовольно считаютъ далекимъ, хотя оно уже и наступило“ ¹⁾...

Это внезапное появленіе руси передъ Царьградомъ произвело на его жителей и на прочихъ современныхъ грековъ глубокое, неотразимое впечатлѣніе, потрясло умы и сердца византійцевъ. Въ эти дни и мѣсяцы страшныхъ оргій грабежа, насилій и убійствъ въ окрестностяхъ и въ нижнихъ частяхъ столицы, ея огромное населеніе, обыкновенно легкомысленное и въ значительной степени безжалостное и порочное, въ виду совершавшихся ужасовъ и въ ожиданіи близкой для себя катастрофы, пережило много чистыхъ порывовъ раскаянія и искренняго стремленія къ духовному обновленію. Патріархъ Фотій своими словами въ храмѣ и устраиваемыми имъ крестными ходами по стѣнамъ города съ византійскою святынею, покровомъ Св. Богородицы, возбуждалъ, поддерживалъ и подымалъ духъ населенія, стараясь укрѣплять это высокое настроеніе. Въ то же время въ толпахъ нахлынувшихъ на Византію варваровъ совершалось нѣчто для нихъ совершенно новое и необычное. Огромное изъ нихъ большинство (варяговъ и славянъ) никогда еще не видало такого громаднаго города, такихъ богатствъ и чудесъ образованности. Впечатлѣніе на нихъ онъ произвелъ потрясающее. Цѣлыхъ четыре мѣсяца и даже можетъ быть не менѣе года продолжались ихъ грабежи, злодѣйства и дикія оргіи. Всѣ погреба и склады винъ, фруктовъ и всякаго рода съѣстныхъ припасовъ, сластей и деликатесъ были опорожнены, все вынито и съѣдено съ жадностью и неуемностью ни въ чемъ не знающихъ удержу полудикарей; парчи и всякія никогда не виданныя матеріи, множество дорогихъ серебряныхъ и золотыхъ вещей изъ складовъ и лавокъ, изъ частныхъ домовъ и церквей были похищены и уложены въ

¹⁾ Есть основнія полагать, что осада Константинополя русью Аскольда протянулась съ годъ съ лишнимъ. Такъ полагалъ еп. Порфирій (указывавшій на снятіе осады 5-го іюня); въ Прол. на 7 авг. „Памѣ твориль... поданнаго намъ ѿ хл... снѣна ѿ всоуду по земли же и по морю шьстоумьшихъ ны безкожньхъ“ (ходатайствомъ преч. владыч. нашей сѣи). (Вост. Оп. Рум. М. NCCCXIX. С. 450). Г. Понадопуло-Керамевъ приготовилъ къ печати свои соображенія и доказательства о времени этой осады (годъ съ лишнимъ). Если это мнѣніе оправдается, тогда надо обрѣт. мощей св. Клим. Константиномъ Философомъ относить къ янв. не 861, а 862 г.

ладья. Пьянство, всякія физическія излишества, безпощадныя убійства (въ родѣ упоминаемыхъ патріархомъ Фотіемъ) въ короткое время сдѣлали этихъ побѣдителей неузнаваемыми другъ другу. Обычная и варварамъ извѣстная дисциплина и взаимныя товарищескія отношенія исчезли. Ссоры изъ за похищаемыхъ женщинъ, за полюбившіеся товары и вещи доходили до дракъ и убійствъ. Объ исправномъ содержаніи ладей, дававшихъ уже течь, не думали и продолжали ихъ нагружать всякимъ награбленнымъ добромъ. Все, что можно было стащить подъ стѣнами Миклагарда, было захвачено и унесено. Думать о приступѣ, объ овладѣніи хотя одной части стѣны было уже поздно. Дикими убійствами и всевозможною неумѣренностью нервы и желудки побѣдителей были разстроены такъ, что они не чувствовали ни охоты, ни силы на новыя бранныя подвиги, а разложеніе множества непохороненныхъ труповъ все болѣе умножало смертные случаи не среди лишь больныхъ, но и между здоровыми, болѣе воздержными варварами. Тупо и злобно глядѣли они на стѣны Царьграда и не разъ упрекали себя, что напрасно такъ много и долго занимались разбоями подъ его стѣнами, а не попытались въ самомъ началѣ прорваться въ верхній городъ, гораздо болѣе богатый. Было уже поздно. Все чаще и сильнѣе дули сѣверные и восточные вѣтры, а христіане все не переставали обходить стѣны въ своихъ церковныхъ процессіяхъ, съ хоругвями и пѣніемъ, съ патріархомъ и царемъ. Они молились своему христіанскому Богу и, не прибѣгая къ оружію, къ какому либо сопротивленію, вредили руся все больше и больше. Измученные, усталые, больные, въ виду усиливавшихся на морѣ и въ проливѣ волненій, варяги уже подумывали о возвратѣ домой. Случилась буря—въ иное время, при иныхъ обстоятельствахъ, опытные и безстрашные моряки, наши варяги избѣжали бы катастрофы,—но безпорядочно содержимыя ладьи были черезъ мѣру нагружены награбленнымъ добромъ; нравственно и физически ослабленные мореходы отдались наикъ, и значительная часть ихъ флотиліи съ экипажемъ погибла на глазахъ царьградскихъ жителей. Усгѣвшіе воротиться во-свояси, варяги еще на пути вѣроятно порѣшили, что ихъ поразилъ Богъ христіанскій, и ни мало не медля слѣдуетъ отправить посольство къ грекамъ и заявить ихъ царю, что они больше не будутъ слушаться ни евреевъ, ни мусульманъ, подарками склонявшихъ ихъ противъ вѣры и царства христіанскаго. — Соображенія чисто психологическія заставляютъ признать, что *аскоръ послъ* катастрофы варяги Аскольдовы отправили свое, упоминаемое патріархомъ Фотіемъ, посольство въ Византію. Это и было то самое посольство отъ хазаръ,

о комъ говорятъ записка еп. Гавдерика и славянское житіе Кириллово. Очень возможно, что Аскольдъ еще не доѣхалъ до Кіева, какъ его посольство уже отбыло къ грекамъ. Чѣмъ больше они бы раздумывали, тѣмъ болѣе это рѣшеніе становилось бы неисполнимымъ. Оставшіеся въ Кіевѣ варяги разсуждали иначе и никакой необходимости въ этомъ посольствѣ не видѣли. И такъ посольство русское въ Византію могло прибыть и прибыло не позже начала ноября, а во второй половинѣ декабря славянскіе первоучители отправились съ русскими послами въ Крымъ и дальѣ.

Но почему у Гавдерика и въ житіи Кирилловомъ идетъ рѣчь о хазарахъ и ни словомъ не помянута русь? Для Византіи вся эта обширная страна отъ Дербента на сѣверозанадъ до Кіева и дальѣ на западъ была Хазарія. Отъ оставшихся въ Цареградѣ въ 860 г. русовъ, на вопросъ, откуда они, греки узнали, что они изъ *Gardhariki*. Вѣрна-ли вышеприведенная догадка объ этомъ словѣ или нѣтъ, это въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. *Гарзаритки* для грековъ было то же, что *Χαζαρική* ¹⁾. Въ Византіи тѣмъ спокойнѣе остановились на этомъ объясненіи, что доселѣ Подиѣпровье они включали въ Хазарію. Да и *Русью*, до Олега по нашей лѣтописи, земля полянъ не прозывалась. Умолчаніе же Гавдерика и славянскаго житія Кириллова о *Руси* объясняется тѣмъ, что весь русскій эпизодъ отъ 18 іюня 860 по 862 г. тѣсно связанъ съ однимъ изъ важнѣйшихъ, великоисторическихъ подвиговъ патріарха Фотія. Итальянскому епископу и панионцу или мораванину, редактору Житія Кириллова, нельзя было говорить о Фотіи иначе, какъ съ осужденіемъ ²⁾. Для приписыванія же этого подвига патріарху Игнатію не пришло еще время: живы еще были современники, да и Гавдерикъ не былъ способенъ ко лжи. Довольно было съ него, что онъ умолчалъ. Въ Хазаріи же того времени не было иного края, кромѣ *польской земли* (съ Аскольдомъ), гдѣ бы населеніе могло тогда почувствовать какую либо потребность въ подобномъ посольствѣ въ Византію. Напомнимъ, что въ тогдашней Византіи *ὁ ἡγεμόνας τῶν Ῥῶς* назывался *καγάνος*.

¹⁾ Выпаденіе *ρ* внутри словъ передъ согл. и гласн. очень обычно въ древнемъ и средн. греч. из. Въ надписяхъ: *Φερμαστία*, вм. *Φερμαστρία*, *φатρίς* вм. *φатρία*,—въ панионцахъ: *ἀφροίτρφ* вм. *ἀφροίτρηφ*, *ὕβραγυρον*, вм. *ὕβραγυρον*, въ перев. Библии (въ св. Семид. толк.) *ἡρωδοταχόμενος* вм. *ἡρωδρο*, *ὀρίσας* вм. *ὀβρίσας*. Dieterich K. Unters. z. Gesch. d. griech. Spr. v. d. hellenist. Zeit. bis zum 10 Jahrh. n. Chr. Lpzg. 1898. Ss. 110—111 (Arch. Крумбахера).

²⁾ Папою Николаемъ преданный проклятію (анаемѣ) Фотій былъ провозглашаемъ восточу и западу, какъ *invador, ecclesiae homo scelestissimus*.

Вообще этотъ русскій эпизодъ (860 — 862) не достаточно оцѣненъ ни въ исторіи русской, ни въ исторіи Византіи. Это событіе, въ истинномъ смыслѣ слова чреватое высокими послѣдствіями. Въ средѣ первыхъ русскихъ христіанъ духовенства 862 г. долго считался годомъ знаменательнымъ и достопамятнымъ. Въ XII в. монахъ лѣтописецъ уже смѣшиваетъ первое крещеніе Руси со вторымъ, и считаетъ этотъ годъ началомъ русской исторіи и русскаго государства, начало котораго никто въ свое время не опредѣлялъ и никто опредѣлить не могъ. Въ это же время точно не знали, что варяги явились къ намъ раньше, и что въ 862 г. первое крещеніе Русь приняла отъ Константина Философа. Въ XII в. уже смѣшиваютъ и путаютъ отдѣльныя частности перваго и втораго крещенія. Такъ Философъ или Кириллъ Философъ яляется къ князю Владимиру отъ грековъ, а самъ Владимиръ спосится съ патріархомъ Фотіемъ. Истиннаго значенія 862 г. въ русской исторіи не признаетъ еще и русская наука, благодаря утвердившемуся у насъ мнѣнію 1) о полной достовѣрности яко бы важнѣйшаго историческаго источника—славянскаго житія Кириллова и неважности записки Гавдерика, 2) о высокомъ научномъ значеніи и несомнѣнности нѣкоторыхъ любимыхъ положеній западныхъ славистовъ отъ Шафарика (50-хъ гг.) до Ягича включительно и 3) благодаря господству столь же ошибочнаго мнѣнія относительно года перваго пашествія руси на Царьградъ (865 г. вм. 860 г.) и относительно года тѣсно съ нимъ связаннаго и вслѣдъ за нимъ послѣдовавшаго перваго крещенія Руси (866—867 вм. 861—862).

XVII.

Что въ Византіи и долго послѣ Константина VII Багрянороднаго († 959) жило преданье, было памятно объ участіи Константина Философа въ первомъ крещеніи Руси, доказывается извѣстною повѣстью, впервые изданною славнымъ южнымъ славяниномъ, собственно сербскимъ византинистомъ, знаменитымъ Дубровчаниномъ Ансельмомъ Бандури (род. въ 1671 г. † 1743 г.). Въ ранней молодости поступивъ въ орденъ Бенедиктинцевъ, онъ закончилъ свое высшее образованіе въ Неаполѣ и Римѣ. Оттуда переселился во Флоренцію, куда привлекли его великолѣпные памятники искусства и богатая бібліотека и просвѣщенное общество. Здѣсь онъ сошелся съ извѣстнымъ писателемъ Ант. Мальябекки и познакомился съ дукою Козьмою III. Пріѣхавши во Флоренцію, знаменитый Монфоконъ оцѣнилъ ученость

и дарованія Бандури и уговорилъ его поступить на службу во Франціи. Онъ сталъ хранителемъ знаменитой Парижской библіотеки и адъюнктомъ (agrégé) Академіи надшсей (1715). Ему принадлежать крупныя труды: Imperium Orientale (Парижъ. 1711) 2 t. in fol. (составляютъ 2 т. Парижскаго собранія писателей Византійскихъ) и Numismata Imperator. (отъ Траяна до Палеологовъ) (Парижъ. 1718) 2 т. in fol. и нѣк. др.

Въ приложеніяхъ и комментаріяхъ къ Константину Порфирородному Бандури издалъ по списку библіотеки Кольбера въ Парижъ вышеупомянутую византійскую повѣсть, но по списку неполному, безъ начала. Въ 1886 году русскому византинисту Регелю, ученику профессора Васильевскаго, удалось найти полный списокъ этой повѣсти на Патмосѣ въ монастырской библіотекѣ (св. Іоанна Богослова). Регель издалъ эту повѣсть въ своихъ Analecta byzantino-russica (Петербургъ. 1891, pp. 44—51) съ своими объясненіями, pp. XIX—XXXII. Полный русскій переводъ этой повѣсти сдѣланъ и помѣщенъ профессоромъ Голубинскимъ во второмъ изданіи Исторіи русской церкви, т. 1-ый пол. 1-ая, Москва, 1901, стр. 247—252. „*Это сказаніе, прибавилъ Голубинскій, не имѣетъ совершенно никакого историческаго значенія*“.

Издатель полнаго текста этого сказанія не соглашается съ этимъ приговоромъ. Онъ указываетъ на смѣшеніе въ этомъ разсказѣ трехъ различныхъ событій или собственно трехъ разныхъ сказаній, во-первыхъ, изъ сказанія о первомъ крещеніи русовъ патріархомъ Фотіемъ, во-вторыхъ, изъ разсказа о крещеніи Руси при Владимирѣ и въ-третьихъ, изъ легенды объ изобрѣтеніи славянской азбуки Кирилломъ и Меодіемъ.

Одна часть о крещеніи Руси при Владимирѣ въ 988 году представляетъ, говоритъ, Регель явное сходство съ извѣстіями русскихъ источниковъ, а именно съ житіемъ Владимира (см. у Макарія, Исторія русской церкви I, прим. II) и съ Русскою лѣтописью (Лавр. лит. II. С. Р. Л., I, 36 и сл.). Другая же часть этого греческаго сказанія, по его словамъ, состоитъ изъ бывшаго у грековъ сказанія о первомъ крещеніи при патріархѣ Фотіѣ. Регель писалъ въ 1891 г. и, слѣдуя Кунику, относилъ первое нападеніе Руси на Царьградъ къ 865 году. Испытавъ гнѣвъ Божій, говоритъ Регель словами продолжателя Теофана, русы воротились во свояси, и нѣсколько времени спустя прибыло отъ нихъ въ Константинополь посольство съ просьбой объ ихъ крещеніи, что и было уважено. Нѣтъ сомнѣнія, что это событіе относится не къ царствованію Михаила III, убитаго въ сентябрѣ 867 года, по приказу его соправителя Василія. Убѣдительно тому до-

казательство имѣемъ въ посланіи патріарха Фотія, гдѣ прямо сказано, что русы промѣняли свое еллинское и нечестивое ученіе на чистую вѣру христіанскую, любовно ставъ въ рядъ подданныхъ и друзей нашихъ, вмѣсто злочестиваго грабительства и дерзкаго на насъ нападенія. Затѣмъ Регель указываетъ на разсказъ продолжателя Теофана, въ данномъ случаѣ Константина Порфиророднаго, о крещеніи Руси, яко бы *при императорѣ Василии* и о посылкѣ въ Русь *патріархомъ Инатіемъ* архіепископа и о чудѣ, совершившемся у него съ евангеліемъ, брошеннымъ въ огонь. Этотъ разсказъ, замѣчаетъ Регель, повторенъ Кедриниомъ, Зонарою и Михаиломъ Гликою.

Авторъ вполне изданнаго Регелемъ сказанія имѣлъ передъ собою разсказъ Константина или вѣрнѣе Скилитцы или Кедрина (тожъ). Онъ смѣшалъ, по словамъ Регеля, первое крещеніе русовъ съ позднѣйшимъ крещеніемъ Владимира. При этомъ Регель помѣстилъ рядомъ три текста изъ Константина Порфиророднаго и Скилитцы (Кедрина), изъ чего ясно видно, что наше сказаніе почти буквально заимствовано изъ послѣдняго.

„Третья же часть нашего сказанія, говоритъ Регель, есть легенда объ изобрѣтеніи славянскои азбуки Кирилломъ и Меодіемъ, при чемъ послѣдній является здѣсь подъ именемъ Аванасія. Съ новымъ архіепископомъ, говоритъ сказаніе, императоръ Василій отправилъ къ русамъ двухъ знаменитыхъ славянскихъ апостоловъ. Они преподали народу начатки христіанскои вѣры. Видя, что русы не въ состояніи усвоить себѣ 24 греческихъ буквы, они изобрѣли имъ 35 буквъ съ цѣлю утвердить ихъ въ новомъ ученіи“.

Далѣе Регель занутился въ своихъ толкованіяхъ главнѣйше благодаря тому, что крѣпко держался мнѣнія Куника о датѣ перваго нашествія Руси на Царыградъ (865 г.), а не мнѣнія Голубинскаго, которому нельзя не воздать чести за то, что онъ первый изъ ученыхъ XIX в., послѣ Ассемани и Паги, отвергъ эту дату и стоялъ за 860 или 861 годъ. Почтенный и добросовѣстный ученый, съ обширными и глубокими знаніями, но изъ такъ называемыхъ тяжкодумовъ, ума не особенно остраго, Куникъ, при неособенной даровитости, былъ всежъ таки человѣкомъ оригинальнымъ, глубокоученымъ и ума самостоятельнаго. Сначала огнѣмеченный полякъ (Силезскій), потомъ обрусѣвшій нѣмецъ, искренне полюбившій русскую литературу, сверхъ обожанія своихъ варяговъ-Рѣ; и необыкновеннаго почитанія Рюриковъ и Олеговъ, онъ любилъ и чтилъ и славянскихъ первоучителей, сильно интересовался ихъ жизнью и дѣятельностью, никогда не поддаваясь папнско-мо-

равской теоріи. Но сорокъ слишкомъ лѣтъ защищая излюбленную имъ дату (865 г.) перваго нашествія Руси на Царьградъ, онъ не могъ дойти до признанія главнаго участія славянскихъ первоучителейъ въ скоро затѣмъ послѣдовавшемъ, первомъ крещеніи Руси. Точно также, какъ держась крѣпко одного изъ главныхъ положеній паннонско-моравской теоріи, поспѣшно отвергнувъ дату мниха Храбра въ дѣлѣ составленія славянской азбуки и славянскаго перевода богослужебныхъ книгъ и крѣпко держась совершенно, какъ увидимъ, недостовѣрнаго показанія паннонскаго житія Константина относительно азбуки и перевода (863 г.), проф. Голубинскій не могъ признать извѣстное историческое значеніе за переведеннымъ имъ легендарнымъ сказаніемъ, впервые изданнымъ Бандури и дополненнымъ впоследствии Регелемъ.

Въ чемъ же однако заключается интересъ и важность этого легендарнаго сказанія? Разсказавъ о посланныхъ княземъ Владиміромъ мужахъ, четырехъ въ Римъ и четырехъ въ Константинополь, легенда продолжаетъ ¹⁾: когда Владиміръ убѣдился изъ ихъ докладовъ о превосходствѣ греческаго христіанства, то онъ не медля отправилъ посольство къ царю Василию просить архіерея для наученія и крещенія его многочисленнаго народа. Василій послалъ въ Русь къ князю Владиміру архіерея и двухъ мужей Кирилла и Аонасія (вмѣсто Меодія), добродѣтельныхъ и мудрыхъ, исполнившихъ знанія божественнаго писанія, хорошо наученныхъ и вышней мудрости, какъ достаточно о томъ свидѣлствуютъ изобрѣтенныя ими письмена. Они, отправившись туда съ епископомъ (чудо съ евангеліемъ, брошеннымъ въ огонь), научили и крестили язычниковъ и привлекли къ благочестію христіанскому. Видя же, что этотъ народъ совершенно варварскій и невѣжественный ²⁾: эти ученые мужи не находили возможнымъ научить ихъ двадцати четыремъ письменамъ эллинскимъ, посему, чтобы опять не отклонились они отъ благочестія, начертали имъ и научили ихъ тридцати пяти письменамъ ³⁾, которыя называются: ἄς, μπούκη, βέτδ, γλαῶδ, допрῶ, γέεσι, ζηβήт, ζελῶ, ζεμπλέα, ἦζε, ἦ, хакω, λούδια, μη, νās, ὠν, покότη, ритзіт, σθλόρω, νтβέρδω, ἦх, φέρωт, хёр, ѿт, тзѣ, тзёрβη, сáа, σθία, γέος, γερῆ, γέс, γéат, γίου, γέους, γéа. Таковы—тридцать пять буквъ

¹⁾ Приведа переводъ проф. Голубинскаго, приложимъ и сдѣланныя имъ при семъ примѣчанія.

²⁾ βάρβαρον πάντη καὶ σόλοκον.

³⁾ Надѣмся, самъ читатель замѣтитъ оригинальное остроуміе автора: Кириллъ и Аонасіи потому начертали для русскихъ свои тридцать пять буквъ, что видѣли невозможнымъ научить ихъ двадцати четырьмя греческими. Прим. Голубинскаго.

росовъ, которыя и до сихъ поръ изучаютъ всё и хорошо знаютъ благочестіе“¹⁾.

Ошибочное (намѣренно или безсознательно) упоминаніе Константина Порфиродитя царя Василия I (867—886), вмѣсто царя Михаила (843—867), при первомъ крещеніи Руси, помогло автору этого сказанья смѣшать Василия I съ Василиемъ II (976—1025), а второе крещеніе Руси (988 г.) при Владимирѣ, современникѣ Василия II, смѣшать съ первымъ крещеніемъ Руси 862 года. Затѣмъ найдя въ какой-то рукописи древнее и болѣе или менѣе современное извѣстіе о главномъ участіи Константина и Меодія въ первомъ крещеніи Руси, онъ посѣвшиль соединить два сшитыя имъ въ одно сказанія 1) о посольствахъ Владимира въ Римъ и Царьградъ и 2) сказаніе Константина Порфиродита—въ пересказѣ Кедрина—о первомъ крещеніи Руси, дополнить третьимъ особымъ гдѣ-то найденнымъ имъ сказаніемъ объ участіи Константина Философа и Меодія (Анастасія) въ первомъ крещеніи Руси. Что касается имени Анастасія, то его можно объяснять двойкою: 1) или тѣмъ, что Кириллъ напоминалъ Кирилла Александрійскаго, а этотъ послѣдній тѣсно съ нимъ связаннаго Анастасія Великаго, 2) или тѣмъ, что по гречески воспитанные ученики Меодія, за борьбу его съ латино-нѣмецкими епископами и, при его жизни и по кончинѣ его, сначала сравнивали Меодія, а потомъ и прозывать стали Анастасіемъ Великимъ.

Полагая, что первое нашествіе Руси на Царьградъ происходило въ 865 году, Регель долженъ былъ, вслѣдъ за этимъ нашествіемъ послѣдовавшее, первое крещеніе Руси относить не иначе, какъ къ 866 и даже къ 867 году. Но какъ Константинъ Философъ и Меодій были въ это время уже въ Панноніи или на пути въ Римъ или даже въ самомъ Римѣ, то понятно, что Регелю казалось невозможнымъ признать и это сказаніе за сколько-нибудь цѣнный памятникъ.

Но такъ какъ первое нашествіе Руси происходило 18-го іюня 860 г., а первое крещеніе Руси никакъ не позже 862 г. и какъ съ другой стороны къ этому же 862 г. относится пребываніе

¹⁾ Этотъ греч. отрывокъ объ азбукѣ славянской любопытенъ тѣмъ, что въ немъ со знаніемъ дѣла перечислены 35 буквъ. Число (38 б.) Храбра принадлежитъ, конечно, не автору, а его переписчикамъ-цензорамъ (съ XIV в.), когда уже было больше знаковь, чѣмъ въ IX—X в. Въ греч. отрывкѣ послѣднія двѣ буквы — юсы (больш. и мал.), ѣтъ ѣ (а только ѣ), ѣтъ и и вообще іотиров. гласн. Ихъ ѣтъ и въ рукописи Самуиловой. Значить эта греч. запись не полная нач. или перв. пол. XI вѣка, когда уже являются іотированные гласные.

Константина Философа и Меодія у кагана, какъ мы видѣли, ни еврейскаго, ни мусульманскаго исповѣданія, а язычника, то позволительно и даже нужно полагать, что упоминаемое въ Житіи Константина Философа крещеніе имъ 2-хъ сотъ чадій и было первое крещеніе Руси, упоминаемое патриархомъ Фотіемъ. Очень возможно, что присоединяя къ своему второму, заимствованному у Кедрина сказанію, составитель Бандури-Регелевскаго или Парижско-Патмосскаго списанія, частью значительно укоротилъ начало и конецъ бывшаго передъ нимъ письменнаго свидѣтельства о дѣятельности Константина Философа и Меодія въ бытность ихъ у казаръ. Вѣроятно, что передъ составителемъ этого Парижско-Патмосскаго списанія, если не весь текстъ отчета Константина, то въ родѣ тѣхъ книгъ его, о коихъ упоминаетъ Панинское житіе, что онѣ были переложены (переведены) Меодиємъ и что авторъ съ замѣчаніемъ или позднѣйшій редакторъ житія сократилъ ихъ. Вѣрнѣе однако думать, что у составителя Парижско-Патмосскаго списанія было такое же сокращеніе этого отчета (книгъ Константина Философа), какое мы имѣемъ въ Панинскомъ житіи Константина. Но сокращенія и извлеченія изъ подлинниковъ дѣлаются каждымъ по своему (если они не сдѣланы разными лицами по общему, заданному имъ, плану). Такія сокращенія и извлеченія отдѣльныхъ, незнакомыхъ другъ другу лицъ, разныхъ странъ и народностей, разныхъ поколѣній никогда совпадать не могутъ. Средневѣковыя и позднѣйшія компиляторы служатъ тому лучшимъ примѣромъ. Возьмемъ ли мы нашего первоначальнаго лѣтописца и его рассказъ о Владимірѣ, мы увидимъ, что и онъ передаетъ рассказъ о Владиміровскихъ посланцахъ-испытателяхъ вѣрѣ — римской и греческой, и онъ какъ будто смѣшавъ крещеніе Владимірово съ первымъ крещеніемъ Руси 862 г. Такъ у него является къ Владиміру посланный отъ грековъ какой-то Философъ (въ Тверской и Воскресенской лѣтописи Кириллъ Философъ) и коротко и ясно излагаетъ ему событія и развитіе духовной жизни евреевъ ветхаго Завѣта и затѣмъ отъ пророковъ переходитъ къ явленію Христа, къ его земной жизни, страданіямъ и смерти, къ объясненію его божественнаго ученія ¹⁾. Здѣсь именно

¹⁾ Вообще у насъ на Руси долго смѣшивали крещеніе при Владимірѣ съ первымъ крещеніемъ Руси. Такъ въ Соф. Кормч. книгѣ XIII в. уставъ кн. Володиміра о церковныхъ судахъ начинается такими словами „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Се язъ, князь Василій, нарицаемый Володиміръ, сынъ Свитославль, вноукъ Игоревъ, блаженныи княгини Ольги, *вострѣилъ есмь свитое* крещеніе отъ грочскаго царя и *отъ Фотія патриарха царгородскаго.*“ (Доп. къ Акт. Ист. I, № I и Хра-

представлено то, что можно было и слѣдовало ожидать въ разсказѣ Панионскаго житія о бесѣдахъ Константина Философа у кагана (язычника). Между тѣмъ въ этомъ Житіи мы ничего подобнаго не находимъ. Здѣсь нѣсколько страницъ занято текстами изъ Ветхаго Завета и ничего почти не сказано ни о земной жизни Спасителя, ни объ Его страстяхъ, ни воскресеніи, ни ученіи, нигдѣ не указано, гдѣ, въ какой мѣстности происходило достигнутое Константиномъ Философомъ крещеніе двухъ сотъ чадій, безъ всякаго объясненія той новой вѣры, къ какой ихъ приобщилъ. Если первоначальный авторъ или позднѣйшій составитель извѣстной намъ редакціи житія имѣлъ дѣйствительно передъ собой тѣ переложенныя Меѳодіемъ книги Константина Философа, и если эти книги (какъ всѣ полагаютъ, и какъ иначе думать нельзя) были ибѣ что въ родѣ отчета патріарху Фотію и царю Михаилу о томъ, что было имъ сдѣлано у хазаръ, то нельзя не прийти къ заключенію, очень не лестному для этого компилятора. Странно просто и на минуту предположить, что Константинъ Философъ въ своемъ отчетѣ приводилъ Фотію всѣ хорошо извѣстные патріарху тексты изъ Ветхаго Завета, обращаемые христіанскими учителями противъ евреевъ, и ничего не говорилъ, о чемъ нужно было знать патріарху и церкви Цареградской и государственнымъ людямъ имперіи. И что это за каганъ, ни еврей, ни мусульманинъ, гдѣ онъ жилъ, гдѣ происходило крещеніе двухъ сотъ чадій, и кто они, случайно ли они тогда тутъ явились или то были мѣстные жители гдѣ именно? Словомъ въ Житіи, въ его сокращенномъ (между тѣмъ самое большое, самое пространное въ немъ мѣсто) пересказѣ, составленномъ, какъ въ немъ же сказано, изъ книгъ самого Константина, переведенныхъ Меѳодіемъ, и значить цѣлнвшимъ ихъ, ничего ибѣтъ, что было нужно знать пославшему ихъ Цареграду и всѣмъ будущимъ поколѣніямъ и вѣкамъ, для коихъ трудился нашъ первоучитель. Какъ же объяснить такой странный пробѣлъ и вмѣстѣ такое излишнее нагроможденіе текстовъ?

В. Ламанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

стом. р. пр. Владимірскаго-Буданова изд. 5. Вып. I, стр. 228 и см. выше замѣтку въ Рум. Хрон. № 453). Лѣтописецъ приводитъ довольно обширное наставленіе этого Философа (князю Владимиру) въ формѣ вполне приличной и подходящей миссіонеру. Любопытно, что не отысканъ ни подлинникъ греческій, ни славянскій списокъ этого наставленія ни въ одномъ изъ сборниковъ болгарскихъ и сербскихъ. У насъ же эта бесѣда Философа встрѣчается во многихъ рукописяхъ; конечно, она не принадлежить русскому автору и вполне заслуживала бы критическаго изданія.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССЛ.

1903.

ДЕКАБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именной Высочайшій указъ	37
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Распоряженіе, объявленное Правительствующему Сенату министромъ народнаго просвѣщенія	39
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	—
V. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	42
VI. Отъ управленія пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ	51
VII. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	52
VIII. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	59
Открытіе училищъ	70
A. С. Вязигинъ. Идейная и экономическая подготовка церковно-общественныхъ преобразованій XI вѣка. IV (продолженіе)	277
B. Ф. Залѣскій. Въ столѣтію Императорскаго Казанскаго университета (1804—1904). III—IV (окончаніе)	306
B. II. Ламанскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ исторической источникъ. XVIII—XXIII (продолженіе)	370
H. II. Ивановъ. Сябры-помѣщики	406
B. A. Турасель. Абиссинскіе свободные мыслители XVII вѣка	443

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

X. A. II. Загоревскій. Курсъ семейнаго права. Одесса. 1902	477
H. H. Смирновъ. Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Органъ за всестранно изучаване на этнографска България. Т. I—XVIII. София. 1889—1901	489
Ю. A. Кулаковскій. Маорикій. Тактика и стратегія. С.-Пб. 1903	525
H. B. Ястребовъ. Monumenta Vaticana res gestas Bohemicas illustrantia, т. V. Acta Urbani IV et Bonifatii IX. Pars I (1378—1396). Ed. C. Krofta. Pragaе. 1903	553
B. A. Богородицкій. Поправка къ рецензін проф. H. A. Бодуэн-де-Куртене на мое сочиненіе „Очерки по языковѣднію и русскому языку“ (1902)	556
— Книжныя новости	558

См. 3-ю стр. обложки.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТІЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾).

(Критическія замѣтки).

XVIII.

Оставленное намъ Фотіемъ живое описаніе грабежей и всякаго рода злодѣяній Аскольдовой руси, при ея нападеніи на Константинополь въ 860 г., можетъ быть еще дополнено двумя современными упоминаніями. Оба они принадлежатъ двумъ отчаяннымъ непріятелямъ Фотія, готовымъ было поставить ему въ вину какъ это, такъ и другія, постигшія тогда Византію бѣдствія, какъ наказаніе Божье за незаконное устраненіе патріарха Игнатія и незаконное избраніе патріарха Фотія. Папа Николай I въ одномъ изъ своихъ высококомѣрныхъ посланій къ императору Михаилу III полуиронически замѣчалъ, что онъ скорѣе бы себя прославилъ благостью и справедливостью, чѣмъ внушеніемъ угрозъ и страховъ ему, наслѣднику св. Петра ключедержца. „Вы не знаете, согласно Соломону, что принесетъ завтрашній день (Притчи, гл. 27. Не хвались о утрѣи, не вѣси бо, что родитъ находяй день)“. Припоминаемъ и слова псалма (32): „Господь разоряетъ совѣты языковъ, отменяетъ же мысль людей и отменяетъ совѣты князей“. Особенно теперь, когда между нами и вами произошелъ не малозначительный разрывъ, который ежедневно вызываетъ людей и народы, наносящихъ вамъ не мало обидъ и даже бѣдствій, слѣдовало бы вамъ позаботиться скорѣе объ отпущеніи имъ, чѣмъ намъ. Мы же, пока

¹⁾ Продолженіе. См. июньскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* за 1903 годъ.

живемъ, будемъ чтить наше званіе, заниматься управленіемъ, намъ вѣреннымъ, слѣдовать по стопамъ нашихъ предшественниковъ и нести бремя попеченія обо всѣхъ церквахъ для того, кто насъ подкрѣпляетъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ. Какъ свирѣпствуютъ люди и народы? какое зло мы совершили? Не мы конечно попали на Критъ, не мы загубили Сицилію, не мы захватили безчисленныя подчиненныя грекамъ провинціи: *наконецъ не мы, при умерщвленіи безчисленную множества людей, сожгли церкви святыя и предмѣстья Константинополя, почти подъ самыми его стѣнами?* ¹⁾ И тѣмъ не менѣе имъ нѣтъ отмищенія, имъ, язычникамъ и иновѣрцамъ, врагамъ Христа и рѣшительнымъ противникамъ служителей истины (т. е. приверженцевъ Игнатія). Намъ же, благодареніе Богу, христіанамъ, происшедшимъ отъ родителей христіанъ и католикамъ, вѣрующимъ въ ученіе той же самой вѣры, намъ, служителямъ Христовымъ, старающимся, по возможности, быть поклонниками истины, намъ же дѣлаются угрозы, творятся устрашенія, даже наносится немалыя огорченія. Такой порядокъ не похваленъ и такой поворотъ не достоинъ подражанія, при чемъ натворившіе много зла избѣгаютъ наказаній и ничего худого не сдѣлавшіе наказуются, и порочащіе Христа отпускаются, а славящіе Христа подвергаются угрозамъ. Но мы имѣемъ, къ Кому обратиться, имѣемъ, Кѣмъ утѣшиться. То же сотворили и іудеи, отпустивъ разбойника и удержавшіе Спасителя, оправдавшіе убійцу и осудившіе Животворца, освободившіе Варавву и предавшіе Христа смерти“.

Уподобившій Фотія Вараввѣ и Игнатія Спасителю папа Николай I воспользовался полученными имъ извѣстіями о грабежахъ руси отъ очевидцевъ-легатовъ, посланныхъ имъ на соборъ въ Константинополь. Куникъ полагалъ, что это посланіе (дошедшее до насъ безъ даты) было подписано папою въ одинъ изъ первыхъ дней сентября 865 г. и написано въ отвѣтъ на письмо императора Михаила, полученнаго папою Николаемъ въ исходѣ августа. Аскольдова же русь явилась-де передъ Цареградомъ въ іюнь или лѣтомъ 865 г. Но это

¹⁾ Де-Бооръ относитъ эти слова Николая I не къ русамъ, а къ критскимъ арабамъ. *Der Angriff d. Rhos auf Byzanz* (Byz. Ztschr. 1895. Ss. 460—461). Едва ли это справедливо. Критскіе арабы проникли однажды (до Прокописа), но противъ нихъ дѣйствовалъ греческій флотъ, тогда какъ русы, не встрѣчая сопротивленія со стороны послѣднего, могли безнаказанно грабить острова и побережье Мраморнаго моря ближе къ Босфору, а арабы грабили и тревожили острова и побережье ближе къ Дарданелламъ.

пространное посланіе Николая I (36 столбцевъ больш. 8° въ изд. Migne), довольно сложное, безъ сомнѣнія было не на скоро написано, много разъ перечитывалось и неоднократно исправлялось, и, какъ предназначенное императору, было переписываемо съ большою тщательностью, и, слѣдовательно, въ одну недѣлю папская канцелярія едва ли успѣла съ нимъ справиться. Наконецъ могли ли, при тогдашнихъ сообщеніяхъ, извѣстія константинопольскія доходить до Рима раньше 4—5 недѣль? Вѣдь не сразу же, по появленіи норманскихъ ладей 18-го іюня передъ Константинополемъ, сожжены были церкви, убито множество людей, выжжены его предмѣстья¹⁾... „Все это могло произойти не раньше какъ съ конца іюня по конецъ іюля. И слѣдовательно Куникъ былъ неправъ, настаивая такъ рѣшительно на 865 г., какъ единственно возможномъ годѣ пашествія руси на Царыградъ²⁾, и на 862 г., какъ на несомнѣнной датѣ такъ называемаго призванія варяговъ или, по его словамъ, Рюрика, что то же, по официальному мнѣнію, основанія русскаго государства не раньше, по имени въ 862 г. находка бельгійскаго ученаго Кюмона окончательно ниспровергла эту искусственную хронологию³⁾).

Другое современное свидѣтельство о варягахъ руси принадлежитъ Никитѣ Пафлагонскому, автору житія преп. Игнатія, бывшаго царьградскаго патріарха (2 раза): 1) 4-го іюля 846 г. — 23-го ноября 858 г., 2) 23-го ноябля 867 г. — 23-го октября 878 г. По ноябрь 867 г. патріархомъ былъ Фотій, онъ же затѣмъ, по смерти Игнатія, съ 878 до 886 г.⁴⁾.

Никита рассказываетъ, что въ исходѣ февраля 859 г.⁵⁾ стали

¹⁾ „Certe non Cretam invasimus, non Siciliam exterminavimus, non innumeras Graecia subjectas provincias obtinuimus: postremo non ecclesias sanctorum, interfectis numerosis hominibus, ac suburbana Constantinopolcos, quae et muris ejus pene contigua sunt, incendimus“. Migne, v. 119, p. 954.

²⁾ „Durch die Zahl 865 fällt nicht nur das Jahr 862 oder 864 als das des Abzuges Askolds von Rurik, sondern auch des J. 862, als das der Berufung Ruriks, die alle ohnehin, abgesehen von andern Gründen, nicht aufrecht zu erhalten wären, sobald man die Glaubwürdigkeit der traditionellen Nachricht zulässt, dass Ruriks Brüder zwei Jahre nach ihrer Berufung starben. S. darüber Галицко и Черноморская Русь, стр. 316. *Bullet. de l'ac. imp. St.-Petersb. T. XXVII. (1881), p. 356.*

³⁾ *Cumont. Franç. Anecdota Bruxellensia. Chron. byzant. du Manusc. 11316* въ *Recueil de travaux p. p. la Faculté de phil. et lettres de Gand. Fasc. 9.*

⁴⁾ *Ст. де-Вуора въ Byz. Zeitschr. Крѹмбахера. 1895. Ss. 446 и 448. Der Angr. d. Rhos auf Byzanz. Ss. 445—466.*

⁵⁾ *Ὁὐτω δὲ μετὰ τῆν χειροτονίαν διὸ μῆνες παρῆλθον (Migne 105, p. 513).* 25-го декабря 858 г. состоялось поставленіе Фотія въ патріархи.

преслѣдовать патріарха Игнатія, не желавшаго согласиться на свое отречение и на избраніе Фотія. Розыски, допросы, вымогательства сначала де происходили на островѣ Теревинтѣ, отсюда Игнатія перевезли на островъ въ Чарію, потомъ на Промитъ, затѣмъ по прошествіи нѣсколькихъ дней въ Нумера, гдѣ заключили его въ цѣняхъ въ темницу. Затѣмъ въ августѣ мѣсяцѣ (859 г.) ¹⁾ его отвезли на островъ Миталину (Лесбось). Здѣсь пробылъ онъ 6 мѣсяцевъ и былъ возвращенъ на островъ Теревинтъ, гдѣ подвергался преслѣдованіямъ со стороны друнгарія царскаго флота Никиты Орифы. „Тутъ же приключилась святому мужу и другая бѣда. Въ то время злоубійственный скинскій народъ, называемый русы (Русь), черезъ Экспнское море (Понтомъ) прорвались въ заливъ, опустошили всѣ (населенныя) мѣстности и всѣ монастыри, разграбили всю утварь и деньги, умертвили всѣхъ захваченныхъ ими людей. При томъ врывались и въ патріаршескіе монастыри съ варварскою пылкостью и страстью, забрали себѣ все найденное въ нихъ имущество и, захвативъ ближайшихъ служителей въ числѣ 22-хъ человекъ, на кормѣ одного корабля всѣхъ ихъ на куски изрубили топорами“ ²⁾.

Эти подробности о подвигахъ русовъ служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ свидѣтельству патріарха Фотія и вполне согласны съ достовѣрнѣйшими свидѣтельствами о подвигахъ нормановъ IX, X вѣковъ во времена ихъ грабительскихъ набѣговъ на Англію, Францію, Испанію и Италію. Есть у Никиты еще одно извѣстіе о землетрясеніи въ Константинополѣ. По его словамъ, оно началось, надо полагать, въ началѣ августа и продолжалось въ теченіе сорока дней. „Всякій домъ колебался и всякое сердце потрясалося страхомъ и каждый человекъ одержимый страхомъ смерти восклицалъ, что единственная причина этого землетрясенія ничто иное, какъ несправедливость и незаконность обращенія съ патріархомъ Игнатіемъ“. Относительно года этого землетрясенія есть два мнѣнія: одни относятъ его къ 860, другіе къ 861 г. Если оно приключилось въ 860 г., то на осаждавшую Константинополь русь Аскольдovu оно не могло бы не произвести сильнаго впечатлѣнія и даже должно бы было ускорить ихъ похожій на бѣгство возвратъ во свояси. И въ такомъ случаѣ слѣдовало бы

¹⁾ У Герсеппеттера въ 858 г. (Phot. I, 384), что не вѣрно.

²⁾ У того же Никиты тамъ же есть еще упоминаніе о разрушенной русами одной часовнѣ (Богоматери) на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ. Migne, P. gr. CV pp. 375 сл., 516, 525.

признать, что эта осада Цареграда русами продолжалась не годъ съ лишнимъ, а всего два мѣсяца съ небольшимъ (отъ 19-го іюня 6368 до конца августа 6368 г. или начала сентября 6369 г.). Какъ бы то ни было, но упоминаніе Никитой Пафлагонскимъ этого землетрясенія, происходившаго, положимъ, не въ 860 г., а въ 861 г., гораздо послѣ сообщенія имъ извѣстій о набѣгахъ и грабежахъ русовъ на Припчевыхъ островахъ, рѣзко обличаетъ полную ошибочность хронологическихъ толкованій Куника какъ относительно нашествія руси на Царьградъ не позже и не раньше 865 г., такъ и призванія Рюрика съ братьями и появленія Аскольда въ Кіевѣ (862, 863 и 864). Не лишено значенія, что, по словамъ Никиты Пафлагонскаго, вслѣдствіе этого же землетрясенія произошло примиреніе раскалывшагося кесаря Варды съ прежде гонимымъ имъ, до этого бѣдствія, Игнатіемъ. Варда освободилъ его и разрѣшилъ ему жить въ монастырѣ. „Тогда тотчасъ, прибавляетъ этотъ тупой и малообразованный пустосвятъ ¹⁾, прекратилось землетрясеніе. И болгаре тогда же, Божиимъ промысломъ пораженные сильнымъ голодомъ, положили оружіе и обратились къ святому крещенію“ ²⁾).

Это замѣчаніе Никиты о крещеніи болгаръ заслуживаетъ вниманія. Житіе патріарха Игнатія (ум. 23 окт. 878 г.) написано имъ, надо полагать, около 886 г., во всякомъ случаѣ скорѣе при началѣ, чѣмъ при концѣ втораго патріаршества Фотія (сент. 886 г.). Говоря о крещеніи болгаръ, Никита умалчиваетъ о почти одновременномъ крещеніи русовъ. О крещеніи этихъ обонхъ народовъ писалъ Фотій въ своемъ Окружномъ посланіи 866—867 гг., гдѣ, сказавъ о крещеніи болгаръ, вслѣдъ за этимъ непосредственно прибавилъ, что не только этотъ народъ, но и многократно у многихъ поминасмый, за свою алчность и кровожадность, такъ называемые русы, поработивъ окрестные народы и чрезмѣрно возгордившись, подняли руки и на Римскую державу, но теперь и они приняли чистую и непорочную вѣру христіанскую, такъ что получили епископа... — Такъ какъ крещеніе

¹⁾ Дошедшее до насъ сочиненіе Никиты Пафлагонскаго „Похвала св. Евстазію, Агалию, Оеописту и Оеопистѣ“ повторяетъ довольно древнее, такъ сказать апокрифическое, житіе св. Евстазія (при Траянѣ), напоминающее сказанія о воплощеніи Будды или Овидіевы превращенія. Здѣсь Христосъ два раза является Евстазію въ лѣсу въ видѣ прекраснаго оленя, говоритъ съ нимъ и затѣмъ возносится на небо. И такъ второе воплощеніе (да еще въ оленя) и второе вознесеніе.

²⁾ Migne CV ib.

болгаръ обыкновенно полагается, при разномѣннѣ разныхъ ученыхъ, въ 862 или въ 863 или наконецъ въ 864 г., то первое крещеніе русовъ, послѣдовавшее вслѣдъ за постигнутою ихъ катастрофою подъ Цареградомъ послѣ перваго ихъ нападенія, совершилось почти одновременно съ крещеніемъ болгарскимъ и даже еще раньше. Когда многіе, а не всѣ, относили нападеніе Аскольдовой руси на Царьградъ къ 866 или 865 г., то естественно и крещеніе русенъ надо было относить къ 866 или 867 г. и считать его состоявшимся послѣ крещенія болгарскаго. Но разъ мы теперь знаемъ навѣрно, что нападеніе русенъ на Царьградъ случилось 18-го іюня 860 г., то рѣшеніе вопроса о крещеніи руси зависить отъ точнаго опредѣленія времени русской осады и ея снятія, отъ извѣстности мѣсяца и года, когда потерпѣвшіе русы воротились домой и прислали въ Царьградъ своихъ людей съ просьбою о крещеніи. Разъ намъ извѣстно, что они подошли къ Цареграду 18-го іюня 860 г., и если упоминаемое Никитою Панафлагонскимъ начавшееся въ августъ землетрясеніе въ Константинополѣ и его окрестностяхъ происходило въ 860-мъ, а не въ 861 г., то оно могло бы быть одною изъ главныхъ причинъ отступленія русовъ и испытанной ими катастрофы. Слѣдовательно, можно бы было положить начало сентября 861 г. (по Визант. календарю—новый годъ начинался съ 1-го сентября) крайнимъ срокомъ отступленія руси. Но едва ли въ теченіе 11 дней іюньскихъ и въ теченіе іюля могли успѣть русы натворить столько зла и безчинствъ, столько грабежей и гибели. Едва ли однако продолжали они свои набѣги и разбѣды подъ Константинополемъ и въ окрестностяхъ въ теченіе августа, во все время землетрясенія. Въ своихъ бесѣдахъ Фотій нигдѣ не проговорился и не обмолвился объ этомъ стихійномъ погромѣ. Если же это землетрясеніе происходило не въ 860, а въ 861 г., то отступленіе русенъ могло бы произойти не такъ скоро, но всежь-таки раньше августа 861 г. Епископъ Порфирій сообщалъ изъ одного греческаго синаксаря (рукописи 1249 г.) замѣтку на 5-е іюня: „память объ избавленіи отъ нашествія поганыхъ молитвами пречистыя владычницы приснодѣвы Маріи“. Если это относится къ избавленію Цареграда отъ Аскольдовой руси, то отступленіе можно бы было относить къ началу іюня 861 г., тогда бы посольство отъ руси въ Царьградъ относительно крещенія могло явиться въ августъ или въ началѣ сентября того же года или, по византійскому счету, 6370—862. Отъѣздъ же русскихъ пословъ и греческихъ миссіонеровъ могъ случиться въ октябрѣ или ноябрѣ 861 г., а самое крещеніе состоялось бы уже въ 862 г.

XIX.

Прочія историческія свидѣтельства о нападеніи Аскольдовой руси на Царьградъ относятся къ X, XI и XII вѣку, болѣе подробныя принадлежатъ византійцамъ и одно или два латинскихъ, собственно венеціанскихъ.

Продолжатель Георгія Амартола ¹⁾, родившійся вѣроятно въ началѣ X вѣка, описываетъ царствованіе Михайла III, Василія Македонянина, Льва VI, Александра и Романа, и начало царствованія Константина Багрянороднаго, но лишь до 949 г. Человѣкъ свѣтскій, онъ былъ при Романѣ (919—944 гг.) логоотомъ, какъ историкъ отличается трезвостью взглядовъ, безпристрастіемъ. У него мы находимъ короткое извѣстіе о нападеніи Аскольдовой руси на Константинополь. Ознакомьтесь съ этимъ происшествіемъ нашъ авторъ могъ не раньше второй половины первой четверти X вѣка изъ устныхъ разсказовъ стариковъ-очевидцевъ или ихъ сыновей. Старики-очевидцы могли перзабыть и перепутать нѣкоторыя подробности, а сыновьямъ, какъ не очевидцамъ, и тѣмъ труднѣе было вѣрно передать главнѣйшія обстоятельства этого событія въ его началѣ и концѣ, съ различными подробностями. Но быть можетъ нашъ авторъ нашелъ современную записъ очевидца? Что же мы находимъ у продолжателя Георгія Амартола о нападеніи Аскольдовой руси?

Императоръ отправился противъ арабовъ, оставивъ въ столицѣ начальникомъ Орифу. Онъ сообщилъ императору, когда онъ былъ у Черной рѣки и не успѣлъ еще совершить ничего имъ задуманнаго. Онъ не совершилъ еще ничего царскаго и мужественнаго и отложилъ свой походъ. Ворвашіеся въ заливъ, русы причинили христіанамъ много зла и пролили (много) невинной крови. У нихъ было 200 ладей, они окружили столицу и много страху натворили жителямъ. Когда императоръ прибылъ, то едва могъ пробраться (въ столицу). Съ патриархомъ Фотіемъ онъ отправился въ Влахернскій храмъ Богоматери, дабы умолить Бога и выпросить прошеніе грѣховъ. Потомъ съ ижепопѣніемъ они вынесли святой покровъ Богоматери и омочили его въ морѣ. До тѣхъ поръ была полная тишь, но тутъ поднялся вихрь и волны дотолѣ спокойнаго моря до того разбушевались, что

¹⁾ Самъ Георгій былъ современникомъ Михайла III, но окончилъ свой почти исключительно компіляціонный трудъ на 842 г. Hirsch, *Frd. Byz. Stud. Lpzg.* 1876. Св. 3 ff. и 35 ff.

лады безбожныхъ русовъ погибли и немногія лишь избѣжали папаста⁴.

Это извѣстіе Логовета, продолжателя Георгія, почти буквально повторено закончившимъ свою всемірную лѣтопись въ 1013 г. Львомъ Грамматикомъ и Симеономъ магистромъ, по всей вѣроятности писавшимъ во второй половинѣ X вѣка, очень непорядочнымъ и недобросовѣстнымъ компиляторомъ (особенно въ изложеніи нелѣпнѣйшихъ басенъ о Фотіи и въ искаженіи множества датъ различныхъ событій съ полов. IX до нач. X в.)¹⁾.

Въ этомъ извѣстїи о нападенїи руси на Константинополь и о обѣе неудачѣ ни одна фраза, ни одна черта, ни одна подробность не позволяютъ приписать этотъ разсказъ очевидцу или вообще современнику. Такъ очевидцы или отъ нихъ слышавшіе не могутъ передавать того или другого происшествія. Оно не только неладно разсказано, но и отзывается выдумкою. Русь вступила въ Босфоръ. Орифа даетъ знать императору. Русь въ это время причиняетъ много зла христіанамъ. Императоръ бросаетъ войско и сибѣшитъ спасать столицу. Изъ Малой Азіи онъ едва попалъ на европейскій берегъ, отправляется въ верхній осажденный русью городъ, идетъ молиться въ Влахернскій храмъ Богоматери, взявъ съ собой патріарха Фотія и поручивъ ему взять съ собой хранившуюся въ этомъ храмѣ святыню, ризу Богоматери, спасшую, по народному и церковному преданію, Царьградъ отъ десятиро опаснѣйшаго одновременнаго нападенія на столицу персовъ съ юга и аваровъ со славянами съ сѣвера (626 г.). Съ этимъ чудотворнымъ покровомъ императоръ съ патріархомъ спускаются въ нижнюю часть города, къ морю, гдѣ, обмочивъ покровъ, производятъ такимъ образомъ великую бурю, при чемъ большая часть судовъ русовъ погибла, а остальные обратились въ бѣгство. Дѣло было такъ легко и просто: стоило лишь прїѣхать императору. Но сверхъ покрова и императора помогъ друнгарій царскаго флота, инархъ-градоначальникъ столицы Орифа. Онъ помогаетъ городу тѣмъ, что вызываетъ съ похода императора. Этотъ адмиралъ былъ даже безъ катеровъ—нѣсколько хорошихъ лодокъ съ греческимъ огнемъ было бы достаточно для немедленнаго истребленія всей флотилїи варваровъ-русовъ. Такъ, 80 лѣтъ спустя, въ 941 г., когда русь была гораздо сильнѣе и опытнѣе, чѣмъ при Аскольдѣ, флотилія Игоря однако была вся почти уничтожена, безъ особеннаго усилія и при совершенномъ отсутствїи

¹⁾ Hirsch. Byz. St. ss. 91 ff.

византійскаго флота, ушедшаго противъ сарацинъ. Въ этомъ отноше-
 нии очень поучителенъ разсказъ западнаго очевидца, вотчина извѣст-
 наго лангобарда Лиутпранда († 927), записавшаго его въ извѣстномъ
 своемъ *Antapodosis* (lib. V. 15), гдѣ переданы и его наблюденія о
 византійскомъ дворѣ, при коемъ этотъ Лиутпрандъ состоялъ послан-
 никомъ короля Беренгара въ 948—950 гг. „Часто я слыхалъ, гово-
 рить Лиутпрандъ, отъ моего вотчина, бывшаго въ Константинополѣ по-
 сланникомъ, о мудрости и любезности императора (Романа) и о томъ,
 какъ онъ разбилъ русовъ (*Rusios*). Этотъ сѣверный народъ называется
 у грековъ, по тѣлесному свойству, *Rúsios*, у насъ же, по мѣстополо-
 женію, нордманнами... У этого народа былъ король по имени Ингеръ.
 Онъ явился передъ Константинополемъ съ тысячею и болѣе судовъ
 (*navibus*). Императоръ Романъ отправилъ передъ тѣмъ всѣ свои мор-
 скія силы противъ сарацинъ и для охраны острововъ (Архипелага), и
 потому былъ очень озабоченъ. Онъ провелъ не мало бессонныхъ но-
 чей, а Ингеръ между тѣмъ разорялъ окрестное морское побережье
 (*ut... cuncta mari vicina diriperet*). Между тѣмъ императоръ услышалъ,
 что есть 15 полуразбитыхъ хеландій и заброшенныхъ по ветхости. Онъ
 призвалъ къ себѣ калафатовъ [*τοὺς καλαφάτας* (*sic*), *tus calafatas*, hoc est
navium compositores] и приказалъ имъ исправить всѣ имѣющіяся хе-
 ландіи и поставить огнеметатели (*argumentum, quo ignis proicitur*) не
 только на носу, но и на кормѣ и на обонхъ бокахъ. Когда хеландіи
 были приготовлены, какъ было приказано, онъ назначилъ на нихъ
 людей самыхъ опытныхъ и повелѣлъ идти на встрѣчу Ингеру. Они
 отправились. Увидавъ ихъ на морѣ, король Ингеръ приказалъ своимъ
 людямъ (*exercitui suo*) забирать непріятели въ плѣнъ, а не убивать.
 Но милосердый Богъ не только восхотѣлъ защитить почитающихъ Его
 и молившихся Ему, но и почтить ихъ побѣдою, послалъ полную тишь на
 море. Иначе было бы псудобно грекамъ метать огнемъ. Такъ ставши
 среди русовъ, они начинаютъ дѣйствовать огнемъ во всѣ стороны. Уви-
 дѣвъ это, русы бросаются въ море, желая лучше погрузиться въ воду,
 чѣмъ сгорѣть отъ огня. Другіе изъ нихъ, подъ тяжестью панцирей
 и шлемовъ своихъ, навсегда опускаются на дно морское; нѣкоторые
 же, пловучи, загараются на поверхности морской, но никто изъ нихъ
 въ этотъ день не спасся, если живымъ не достигъ берега. Ингеръ
 послѣ страшнаго пораженія воротился во свояси. Побѣдители греки
 весело вступили въ Константинополь, везя съ собою много плѣнни-
 ковъ. Императоръ Романъ въ присутствіи посланника короля Гугона,
 моего вотчина, приказалъ имъ отрубить головы“.

Нѣтъ сомнѣнія, что будь въ 860 г. въ Константинополѣ Орифа начальникъ флота, онъ бы сумѣлъ набрать съ десятокъ старыхъ хеландій, и съ помощью своего огня греки, сами отличные моряки, еще легче бы справились съ ладьями Аскольда, чѣмъ справились ихъ внуки съ ладьями Игоря, такъ какъ ихъ было гораздо больше, чѣмъ у Аскольда. Итакъ приведенное извѣстіе объ отраженіи Аскольдовой рати не только дурно изложено, но и едва ли правдиво и вѣроятно. Странная роль возлагается на инарха въ столицѣ: онъ извѣщаетъ императора о нападеніи на нее варваровъ и самъ ничего не дѣлаетъ, а только дожидается императора. Странную роль играетъ и патріархъ Фотій. Нужно было пріѣхать Михаилу, чтобы Фотій отправился съ нимъ въ Влахернскій храмъ и, взявъ чудотворный покровъ Богоматери, пошелъ съ императоромъ въ нижнюю часть города обмакивать этотъ покровъ въ море. Голубинскій прекрасно отмѣтилъ эту невѣрность показанія объ опущеніи ризы въ море ¹⁾. „Изъ бесѣдъ Фотія мы знаемъ, что патріархъ безъ императора устраивалъ крестные ходы съ этимъ покровомъ по стѣнамъ города“. „Когда ризу Богоматери всѣ до одного носили вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ и защиты осажденныхъ и усердно совершали прилежныя моленія и лѣтні, тогда, по неизреченному человѣколюбію, при матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Божество преклонилось, и гнѣвъ его утихъ, и помиловалъ Господь достоиніе свое. Посилась она вокругъ этихъ стѣнъ, и непріятели неостановимо какъ обрацали тылъ свой; покрывала она городъ, и ихъ насыль ²⁾ разсыпалась какъ бы по данному знаку; пріосѣняла она осажденныхъ, и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія, коимъ они укрывались. Какъ только дѣвственна риза эта обнесена была по оной стѣнѣ, варвары спяли осаду города, и мы избавились отъ угрожающаго плѣна и сподобились печальнаго спасенія“.

Неупоминаніе Фотіемъ ни въ первой, ни во второй бесѣдѣ (послѣ удаленія непріятеля) ни объ императорѣ, ни объ Орифѣ позволяетъ отрицать достовѣрность показаній Логовета, Льва грамматика и др. съ упоминаемъ о присутствіи въ столицѣ, при ея осадѣ русью, императора Михаила и Орифы ³⁾. Что касается друнгарія Орифы, то, по словамъ

¹⁾ Ист. Р. п. I, 1, с. 50.

²⁾ Ibid. 51. „О древнемъ обычаѣ брать осаждаемые города посредствомъ насыпей или насыпи къ ихъ стѣнамъ см. у Свиды въ Слов. подъ сл. Хѣла“. (Прим. Голубинскаго).

³⁾ Де-Бооръ хотя и не признаетъ, по нашему, несправедливо, исторической цѣн-

Никиты Пафлагонскаго, онъ былъ въ столицѣ въ маѣ 861 г. во время низложившаго патр. Игнатія собора. Переодѣтый Игнатій бѣжалъ изъ Константинополя и укрывался на Припчевыхъ островахъ, а Фотій де тщето разыскивалъ его по всѣмъ монастырямъ, по всему городу и окрестностямъ. Тогда, добывъ царскій указъ, Фотій посылаетъ друнгарія Орифу съ шестью скороходами обыскать всѣ острова и все побережье, дабы найти и захватить Игнатія. Изъ этого показанія Никиты можно заключить, что въ маѣ и въ началѣ іюня 861 г. русовъ уже подъ Константинополемъ не было. Впрочемъ можно ли полагаться на показаніе Никиты? Въ другомъ мѣстѣ, передъ самымъ упоминаніемъ о набѣгахъ и грабежахъ руси на островахъ (слѣдовательно въ 860 г.) Никита восклицаетъ: „Какое слово изобразитъ, сколько врагъ злоумышлялъ противъ него (Игнатія), сколько обидъ и огорченій напосилъ ему, изъ угожденія Фотію и предержащимъ властямъ, друнгарій царскаго флота Орифа!“¹⁾ Какъ будто выходитъ, что Орифа обижалъ и огорчалъ Игнатія въ бытность русовъ подъ Константинополемъ. Но неумолимый и озлобленный врагъ Фотія, Никита писалъ эти строки двадцать слишкомъ лѣтъ спустя и въ своей поспешной и совершенно некритической головѣ могъ многое спутать и перемѣшать. Точности и опредѣленности отъ такихъ тупыхъ и злыхъ фанатиковъ, да еще стариковъ, нельзя и ожидать. До Игнатія ли было главному его гонителю Вардѣ, а также Фотію и Орифу во время осады Константинополя русью? И потому изъ словъ Никиты можно лишь заключать, буде только вѣрно его показаніе, что Орифа разыскивалъ Игнатія со своими скороходами на Припчевыхъ островахъ и по побережью—въ маѣ и въ началѣ іюня 861 г., — можно, говорю, заключать, что въ это время русы уже ушли во свояси, и слѣдовательно указанная преосв. Порфиріемъ замѣтка синаксаря на 5-ое іюня не относится къ руси.

XX.

До обнародованія бельгійскимъ ученымъ Кюмономъ (въ 1894 г.) съ точно опредѣленною датой извѣстія о нашествіи руси на Царьградъ можно еще было придавать значеніе вышеприведенному извѣ-

ности за бесѣдами Фотія, однако изъ словъ II бес. 22 былъ принужденъ однако заключать объ отсутствіи императора въ столицѣ при удаленіи руси изъ подъ столицу. „Eine solche Hervorhebung der eigenen Person, während der Kaiser mit in den Gesamtbegriff der *πάρα πόλις* einbezogen wäre, würde schwerlich irgend ein Patriarch, am wenigsten der feine Hofmann (?) Photios sich erlaubt haben“ (Byz. Zschr. 1895. 460).

¹⁾ Изъ житія патр. Игнатія Ник. Пафл. (Migne CV).

стію о прїѣздѣ императора Михаила изъ Малой Азіи въ Константинополь, какъ только онъ получилъ отъ Орифы увѣдомленіе о прибытіи викинговъ къ Царьграду. Но насъ не мало удивляетъ, что самый молодой византистъ-арабистъ Васильевъ въ 1900 г. призналъ возможнымъ допустить, впрочемъ вслѣдъ за почтеннымъ ученымъ де-Бооромъ, эту поѣздку Михаила изъ Малой Азіи въ Константинополь, при первомъ слухѣ о появленіи русовъ на Босфорѣ. Удивляемся Васильеву, такъ какъ онъ самъ хорошо сопоставилъ рядъ данныхъ, трудно согласимыхъ въ данный моментъ съ прїѣздомъ Михаила въ столицу.

„Императоръ, говоритъ онъ, находился у Мавропотамонъ, когда Орифа оновѣстилъ его о появленіи русовъ ¹⁾). Это извѣстіе заставило Михаила тотчасъ возвратиться еще до какихъ-либо серьезныхъ столкновеній съ арабами. Надо полагать, что императоръ вернулся *безъ войска, которое осталось ожидать его возвращенія* (1). *Онъ подошелъ* ²⁾ *къ началу іюня мѣсяца 860 г.* ³⁾, *потому что вскорѣ, 18-го іюня, когда русы впервые явились передъ Константинополемъ, императоръ долженъ былъ уже прибыть въ столицу.* Конечно этотъ безрезультатный походъ Михаила не тождественъ съ тѣми малочисленными, серьезными столкновеніями византийцевъ съ арабами, которыя надаютъ на лѣто того же 860 г., и о которыхъ мы узнаемъ изъ точныхъ арабскихъ источниковъ. *Очевидно, что императоръ, отразивъ русовъ, снова отправился въ походъ противъ арабовъ: это становится совершенно яснымъ изъ сопоставленія источниковъ*“ ⁴⁾). Мы въ данномъ случаѣ подтверждаемъ предположеніе де-Боора, который говоритъ слѣдующее: „пораженіе въ 859 г. побудило императора къ новому походу въ 860 г.; дорогою онъ узналъ объ опасномъ положеніи Константинополя и поспѣшилъ *въ половинѣ іюня къ столицѣ одинъ, безъ войска. После отступленія русовъ онъ снова отправился въ походъ*“ („Der Angriff d. Rhos“, S. 158).

¹⁾ Вѣронтао, авторъ хотѣлъ сказать, что доносеніе Орифы получено было Михаиломъ въ началѣ іюня 860 г.

²⁾ „Къ началу іюня“—значитъ Михаилъ узналъ о русахъ еще до прибытія ихъ къ Константинополю (18-го іюня), когда они еще плыли по Черному морю! Значитъ Орифа узналъ о движеніи русовъ чуть ли не въ концѣ мая!!!

³⁾ Васильевъ. Византия и арабы. Спб., 1900 г. С. 193—4.

⁴⁾ И 18-го іюня не половина іюня, Михаилъ могъ бы выѣхать только въ концѣ іюня: пока прискакалъ курьеръ съ извѣщеніемъ Орифы и пока самъ (царь) добѣжалъ до Константинополя, прошло же *несколько* (не менѣе 15—16) дней за эти двѣ поѣздки курьера и поѣздка императора Михаила изъ подъ Токата до Константинополя.

„И такъ, продолжаетъ Васильевъ, послѣ удаленія русовъ, которые, какъ извѣстно, были отражены отъ стѣнъ столицы, Михаилъ возвратился къ оставленному войску, состоявшему изъ 40 тысячъ человекъ, въ составъ которыхъ входили войска оракисійской, македонской и другихъ оемъ ¹⁾).

„Противъ него шелъ мелитинскій эмиръ Омаръ съ 30 тыс. войска. Императоръ, пройдя по сѣверной части Малой Азіи, занявъ крѣпость Дазимонъ, современный Токать, въ округѣ Сивась, и расположился лагеремъ въ плодородной, обильной травой долигѣ Келларимъ. Эмиръ же, вмѣсто того, чтобы идти по обыкновенной дорогѣ на Зелису, что соотвѣтствуетъ вѣроятно современному городку Зела, на западъ отъ Токата, свернулъ въ сторону къ Хопаріонъ, который находился, очевидно, вблизи византійскаго лагеря. Здѣсь произошло сраженіе. Императоръ былъ разбитъ и обратился въ бѣгство; но, проскакавъ шесть миль, въ виду крайняго изнуренія лошадей и разбитаго войска, а также вслѣдствіе невыносимаго зноя, Михаилъ рѣшился остановиться на крутой, недоступной скалѣ Анзесъ, гдѣ его и осадилъ эмиръ. Положеніе византійцевъ, несмотря на подобную позицію, было критическимъ; но въ это время арабы изъ за недостатка воды и корма для лошадей отступили отъ Анзеса и расположились въ долигѣ Дора. Императоръ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ, успѣшно удался съ Анзеса, бѣжалъ въ теченіе цѣлаго дня и только тогда былъ въ безопасности. Эмиръ вывелъ изъ этого лѣтняго похода 7 тыс. плѣнннхъ. *Лѣтомъ же этого года (860!) Корбеасъ сдѣлалъ нападеніе и захватилъ въ Али-уби-Нхъ ал-Армени также 5 тыс. человекъ и около 10 тыс. лошадей, вьючныхъ животныхъ и ослонъ. Удачный набѣгъ сдѣлалъ Балъкаджуръ. Фадъ-уби-Каримъ съ двадцатью кораблями опустошалъ прибрежныя страны и захватилъ крѣпость Анталію“ ²⁾.*

¹⁾ „Genes. p. 91—93, откуда Cont. Theoph., p. 177—179. С. 24. Кедринъ, давая весьма краткій разсказъ объ этомъ походѣ, заимствованный имъ у продолжателя Теофана, опускаетъ всѣ географическія указанія послѣдняго (Edr. II, p. 162—163); то же дѣлаетъ и Зонара (ed. Diid. vol. IV p. 10, XVI, с. 3). Генесій говоритъ, что этотъ походъ былъ черезъ два года послѣ пораженія подъ Самосатой: *εἰτὰ χρόνον δύο περὶπερὶντων*, это можно примирить съ показаніями арабскихъ историковъ, если считать время до конца 246 г. Хиджры=28-го марта 860 по 16-е марта 861 г. См. объ этомъ походѣ Ramsay, The historical geography of Asia Minor. London. 1890. p. 329^а. Васильевъ. Виз. и Ар. I, 191. Пр. 1.

²⁾ Значитъ пребываніе русовъ подъ Константинополемъ продолжалось какъ разъ меньше даже 2 недѣль—съ 18-го іюня по конецъ іюня или начало іюля. Но

„Вся эти событія, заключающія Васильевъ, должны приходить на самое лето 860 г., то есть, вѣроятно всего, на июль мѣсяцъ“. Тутъ же въ примѣчаніи онъ добавляетъ: „*Михаилъ не могъ возвратиться въ Малую Азію къ войску послѣ удаленія русовъ раньше конца іюня или начала іюля*“¹⁾.

„Въ этомъ же году (860), по нашему мнѣнію, почти одновременно съ нападеніемъ русовъ, флотъ критскихъ арабовъ, состоявшій изъ двадцати кумбарій, семи галей и нѣсколькихъ сатуръ, опустошалъ Киклады и доходилъ даже до Прокониса. Какія мѣры были приняты византійскимъ правительствомъ противъ этого нападенія, не извѣстно“.

Эти строки Васильева прекрасно изображаютъ трудное и печальное положеніе Византійской Имперіи лѣтомъ 860 г. Военная дѣйствія малоазійскихъ и критскихъ арабовъ сошлись очевидно не случайно съ нападеніемъ русовъ, и нѣтъ сомнѣнія, оно входило въ общій планъ арабовъ. Арабы, конечно высшія ихъ власти, могли знать о норманнахъ и въ эти годы имѣть уже довольно опредѣленные о нихъ свѣдѣнія, когда они незадолго передъ тѣмъ появились въ Хазаріи, среди ея славянскаго населенія, на среднемъ Днѣпрѣ. Посѣщали ли тогда этотъ край торговцы греческіе, оно болѣе, чѣмъ сомнительно; что же касается до торговцевъ мусульманскихъ, то они уже не первые десятки лѣтъ постоянно въ немъ бывали. До 860 г. и византійское правительство и часть общества и народа греческаго имѣли нѣкоторое свѣдѣніе о пиратахъ—норманнахъ въ Западной Европѣ. О набѣздахъ викинговъ на Саксонію, Фрисландію, Фландрію, Англию, Шотландію и Ирландію въ началѣ первой половины IX вѣка они могли еще не знать, но о нападеніяхъ на побережье монархін Карла Великаго, на Францію (вдоль по Луарѣ въ 843 г.), по Сенѣ въ 846, 845, 857 г. (Руанъ и Парижъ), на южныя части Испаніи, на Се-

императоръ, получившій извѣстіе не раньше конца іюня, могъ прибыть изъ Токата въ Константинополь не раньше 10—12 іюля.

¹⁾ Прим.с. 195—„Вэйль (Gesch. d. Chalif. II, S. 366) видитъ здѣсь Антиохію на р. Сарусъ, теперь Seihun, въ древней Киликіи недалеко отъ Тарса“. Васильевъ иб. замѣчаетъ, что „здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ городѣ на южномъ берегу Малой Азіи *Анталіи*. Итальянцы въ средн. вв. пишутъ ея названіе Satalia, Setalia, Satalies. Анталія была одной изъ главныхъ станцій на пути къ Константинопольскому проливу и обладала прекрасной гаванью. См. *Tomasehek. Zur hist. Topographie r. Kleinaasiens im Mittelalter.* (Stzber. d. Wien. Ak. Hist. Phil. Cl. B. 124, 1891, S. 583). Русскій паломникъ Даниилъ называетъ Анталію *Саталія*“, (ib. с. 195—196).

вилью, Кадисъ (въ 40-хъ годахъ) и нѣсколько позже на сѣверную Испанію (Астурію въ 850 г.) ¹⁾ византійское правительство и общество не могло не имѣть болѣе или менѣе опредѣленныхъ извѣстій.

При императорѣ Теофилѣ (829—842), отцѣ Михаила III, въ концѣ 30-хъ годовъ византійское правительство имѣло случай ознакомиться съ нѣсколькими представителями норманновъ, прибывшихъ изъ нынѣшней Россіи и назвавшихъ себя росами или русами. Воспользовавшись предстоявшею отпавкою пословъ византійскихъ къ императору Лудовику, императоръ Теофилъ препроводилъ ихъ съ ними къ Лудовику въ Ингельгеймъ, написавъ ему, что вмѣстѣ съ своими уполномоченными Θεодосіемъ, Халкидонскимъ епископомъ, и спадаріемъ Теофаномъ онъ посылаетъ къ нему и нѣкихъ неизвѣстныхъ людей, которые себя, то-есть, свой народъ называютъ *русамі*. Они про себя говорили, что ихъ дружбы ради послалъ въ Константинополь король ихъ (*rex illorum*) по имени *Chacanus* (*Хаганъ* или вѣрнѣе *Гаконь*). Восточный императоръ просилъ западнаго, чтобы онъ соблаговолилъ помочь и облегчить имъ возвратъ ихъ на родину, такъ какъ онъ не желалъ бы, чтобы они возвращались тѣмъ же путемъ, какимъ они пробрались въ Константинополь, ибо онъ занятъ варварскими и дикими, свирѣпыми народами, и потому они, послы, могли бы подвергнуться опасности. Лудовикъ, какъ можно старательнѣе разслѣдовавъ причину ихъ прихода, нашелъ, что они (эти русы) роду шведскаго, и предполагаетъ, что они скорѣе лалутчики ихъ (Θеофилова и его Лудовикова) царствъ, чѣмъ искатели ихъ дружбы, заявивъ при этомъ, что онъ считаетъ нужнымъ задержать ихъ у себя, пока въ точности не убѣдится, что имъ можно довѣрять. Объ этомъ онъ не замедлилъ извѣстить письменно Теофила и черезъ его пословъ, и что онъ послѣднихъ принялъ любезно изъ дружбы къ императору Теофилу, и буде онъ найдетъ, что они (русы) люди вѣрные, удовлетворитъ ихъ и поможетъ имъ возвратиться спокойно на родину; въ противномъ же случаѣ, онъ ихъ отправитъ обратно съ византійскими послами, и пусть самъ царь тогда рѣшаетъ, что съ ними дѣлать“ (Ann. Bert.).

Таково было первое знакомство Византіи съ варяго-русамі.

Можно почти навѣрное сказать, что Византія почти ничего въ свое время не знала о томъ, что затѣмъ въ 40—50-хъ годахъ IX вѣка творилось на далекомъ отъ нея сѣверѣ, въ историческихъ

¹⁾ Munch. P. A. Die nord. germ. Völker übers. v. Claussen, II, 18 ff. Lübeck.—Depping, Histoire des expéditions marit. des Normands, I, pp. 102 et. Keary, The Vikings in Western Christendom, Ldn. M^{CC}XCI, pp. 212 ff.

впослѣдствіи земляхъ Новгородской и Исковской. Немного больше успѣла, если успѣла, узнать Византія о появленіи толпы варяговъ-руси, съ Аскольдомъ и Диромъ во главѣ, въ Кіевѣ, судя по словамъ патріарха Фотія, изъ обѣихъ ого бесѣдъ, первой—во время осады Константинополя русью и второй—послѣ удаленія русовъ. Изъ этихъ бесѣдъ видно, что появленіе русовъ 18-го іюня 860 г. въ Босфорѣ передъ стѣнами столицы было совершенно печальное, никѣмъ не ожиданное и не предвидѣнное. Никакихъ мѣръ предварительныхъ не было принято. По своему положенію, Фотій могъ и долженъ былъ знать все, что зналъ бы ипартхъ города Орифа. И, конечно, Орифа ничего также не зналъ о приготовленіяхъ руси къ походу и увѣдалъ объ ихъ появленіи въ Босфорѣ не раньше и не позже патріарха и остальныхъ жителей столицы ¹⁾. Сами по себѣ варяги-русь не могли быть страшны Византіи ни на сушѣ, ни на морѣ. И въ предъидущіе вѣка, и въ настоящемъ (IX) вѣкѣ, и въ вѣка послѣдующіе (X—XI) Византія одна въ цѣломъ христіанствѣ обладала строго-организованною арміею и прекраснымъ флотомъ. Ея пѣхота и кавалерія, ея флотъ съ его греческимъ огнемъ были наилучшими за всѣ эти столѣтія. Ея полководцы, адмиралы, капитаны и матросы превосходили образованіемъ и опытностью всѣхъ современныхъ европейцевъ. Русь Аскольдова напугала и унизила Византію не своею храбростью и искусствомъ, а своимъ внезапнымъ, неожиданнымъ появленіемъ въ то время, когда вся армія съ императоромъ во главѣ находилась въ Малой Азійи на войнѣ съ халифатомъ, а весь флотъ ушелъ въ Архипелагъ на защиту острововъ и Дарданеллъ отъ критскихъ арабовъ. Критъ былъ завоеванъ испанскими арабами въ 825 году и послѣ неоднократныхъ, неудачныхъ попытокъ былъ наконецъ отвоеванъ греками въ 960 году. На русь-варяжскую, на норманновъ-пиратовъ греки смотрѣли, какъ на „войско, необученное военному искусству и составленное изъ ра-

¹⁾ ...ἔτι βαρβάρων ἀπίστος ὄρεμος οὐκ ἔδωκε τῇ φήμῃ καίρῳ ἀγγελίας, ὡς ἂν τις ἀσφαλεία περισηθῆι, ἀλλὰ σύνδρομον ἔσχεν ἡ θεὰ τὴν ἀκοήν και τό πεπονηθῆαι... Nauck. Lex. Vindob. p. 208, 3 (I Sec.). „...ὁ βασιλεὺς πόλεων βασιλῶν, πολλὰς μὲν σωμαχίας ἐξαρπάσαα κινδύνων, πολλὰς δὲ ἐπιτόνου κλιθείσας ἀνορθώσαα τοῖς ὄπλοις, εἰς προνομήν δὲ νοτι προκεμμένη και τῶν συνεπικουρόντων ἐξηπορημένη“ (ib. p. 211, 10. 63). „ὅσφ δὲ ξένη και δεινὴ ἀπετος τοῦ καταρραγέντος ἔθνους ἡ ἐφοδὸς, τοσοῦτφ τῶν πλημμεληθέντων ἡ ὑπερβολὴ διελέγχεται. ὅσον δὲ πάλιν ἀφανὲς ἀσχημον και μηδὲ μέχρι τῆς καθ' ἡμῶν ἐπελεύσεως γινωσκόμενον, τοσοῦτον ἡμῖν ὁ τῆς αἰσχύνης ὄγκος ἐπιγράφεται και τῶν ὑπερδυσμῶν ὁ θρίαμβος αἴρεται...“ (ib. p. 217, 15—17, II Sec.). „ἀπροσδόκητος ἐπίστη ἡ ἐφοδὸς τῶν ἐχθρῶν, ἀνέλπιστος εἰδείχθη ἡ ἀναχώρησις αὐτῶν“ (ib. p. 223, 17—18).

бовъ“. „О городъ, украшенный добычами (трофеями) многихъ народовъ, какой народъ вздумалъ обратить тебя въ свою добычу!“ „Все идетъ у тебя (въ Византіи), говорятъ Фотій въ своей I бесѣдѣ, такъ худо, что и непреоборимая сила твоя испала до крайняго безсилія, и слабый, униженный и безчеловѣчный на видъ, противникъ пытается на тебѣ показать силу руки и украситься славнымъ именемъ“.

Нѣтъ, извѣститъ императора въ началѣ іюня не могъ Орифа о приближающейся къ Царьграду варяжской флотилии, такъ какъ, по свидѣтельству Фотія, никто въ столицѣ ея не чаялъ, да и ясно такое извѣстіе не могло побудить Михаила остановить свой походъ и бросить армию, направленную противъ врага сильнаго, опаснаго, много разъ испытаннаго и давно имперіи страшнаго. Дабы рѣшиться на такой шагъ, императору пужно было имѣть подробныя и точныя извѣстія объ этомъ новомъ, никѣмъ еще невиданномъ неприятелѣ. Надо было узнать Михаилу хотя о части тѣхъ убійствъ и грабежей, которыя были совершены русами до написанія и во время писанія первой бесѣды Фотія. Они не могли быть совершены иначе, какъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, по крайности въ теченіе двухъ-трехъ недѣль. А за все это время Фотій имѣлъ же основаніе говорить и писать: „Гдѣ теперь царь христілюбивый? Гдѣ воинство? Гдѣ оружіе, машины, военные совѣты и припасы? Не другихъ ли варваровъ (арабовъ) нашествіе удалило и привлекло къ себѣ все это? Царь переноситъ продолжительные труды (значить не только что уѣхалъ изъ столицы), а насъ изнуряетъ очевидная гибель и смерть, однихъ уже постигшая, а къ другимъ приближающаяся“.

Итакъ императоръ не могъ пріѣхать въ Константинополь, какъ замѣтилъ Васильевъ, еще въ началѣ іюня, слѣдовательно до появленія русовъ въ Босфорѣ. Не могъ онъ прибыть въ столицу и въ началѣ іюля. Если курьеръ, посланный Орифою съ болѣе или менѣе подробнымъ отчетомъ о всѣхъ грабежахъ и убійствахъ руси, отправленъ былъ такимъ образомъ не раньше первыхъ чиселъ іюля, то достигъ Черной-Рѣки, притока Кизиль-Ирмака, въ Капшадокіи, не могъ ранѣе второй недѣли іюля. Императору нужно же было сдѣлать извѣстныя распоряженія по арміи,—измѣнялся цѣлый плачь похода,—и потому едва ли удалось ему выѣхать раньше 14—15 іюля, и слѣдовательно онъ бы прискакалъ въ Константинополь не раньше конца второй, даже начала третьей недѣли. Странно тоже полагать, что пріѣздъ императора въ столицу немедленно повлекъ за собой и удаленіе отъ нея русовъ. Не могъ же императоръ и въ такомъ даже случаѣ не

остаться въ столицѣ одинъ, другой лишній день, хотя бы для отдыха. Но какъ же онъ бы успѣлъ доѣхать до Черной-Рѣки, гдѣ, по словамъ Васильева, армія остановилась ждать императора, и затѣмъ повести армію отъ Черной-Рѣки, взять крѣпость Дазимонъ (нынѣшній Токатъ) и затѣмъ расположиться съ своею арміею въ долину Келарионъ. Битва съ арабами произошла близъ Хопариона, недалеко отъ упомянутой долины. Михаилъ былъ разбитъ и обращенъ въ бѣгство; „проскакавъ 6 миль, въ виду крайняго изнуренія лошадей и разбитаго войска, а также вслѣдствіе невыносимаго зноя, Михаилъ рѣшилъ остановиться на крутой, недоступной скалѣ Анзесъ. Эмиръ явился въ слѣдъ за нимъ, но вскорѣ за недостаткомъ воды и корма для лошадей, отступилъ отъ Анзеса и расположилъ свое войско въ долину Дора. Тогда Михаилъ успѣшно удалился отъ скалы Анзеса. Этотъ Анзесъ находится на востокъ отъ Амасіи и на сѣверо-востокъ отъ Токата“.

Все это происходило въ теченіе іюля мѣсяца, съ полною увѣренностью утверждаетъ Васильевъ. Но, если даже считать Мавронъ-Потамонъ, то-есть, Черную-Рѣку не за притокъ рѣки Кизиль-Ирмака, а за болѣе близкую къ побережью Мраморнаго моря рѣку Кара-су (Черную рѣку), то-есть, за притокъ рѣки Сангарія (въ Нафлагоніи), то и тогда можно и должно будетъ признать, что Михаилъ могъ гораздо раньше прибыть въ Константинополь, но за то въ такомъ случаѣ ему гораздо труднѣе было бы дойти съ арміею до Токата. Слѣдовательно, ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не могло быть сраженія съ арабами въ іюль мѣсяцъ. Пораженіе же Михаила, не особенно вдалекѣ отъ Токата (на востокъ отъ него) несравненно достовѣрнѣе, чѣмъ его поѣздка съ Черной-Рѣки и его побѣда надъ русами, которые оставались всячески гораздо долѣе мѣсяца подъ Константинополемъ. Оба эти происшествія несомнѣстимы, и одно изъ нихъ должно быть отринуто. За первое говорятъ точныя извѣстія Генесія и арабскихъ источниковъ. Отвергнуть ихъ также нельзя, какъ и положительнаго свидѣтельства I-ой бесѣды Фотія объ отсутствіи императора въ Константинополѣ и рѣшительнаго умолчанія II-ой его бесѣды объ его присутствіи въ столицѣ, при удаленіи руси во своеси.

Удивительно, что де-Бооръ въ своей статьѣ о нашествіи руси хотя самъ же высказалъ полную невозможность допускать умолчаніе Фотія о присутствіи императора при удаленіи руси, тѣмъ не менѣе настаиваетъ на своемъ предположеніи, что она удалилась вслѣдствіе полного ея разгрома пріѣхавшимъ въ Константинополь Михаиломъ.

„Такое возвеличеніе собственной особы и включеніе императора въ общее выраженіе *πῶς πόλις*, едва ли бы могъ позволить себѣ какой либо патріархъ, всего менѣе тонкій придворный (?) Фотій“.

Тонкій придворный!—былъ ли имъ Фотій или нѣтъ, это еще вопросъ, но умнымъ человѣкомъ онъ былъ безспорно. Зналъ, какъ велико число его враговъ и какъ сильна ихъ злоба на него, онъ никогда бы не рѣшился умолчать о пріѣздѣ въ столицу императора и не преминулъ бы воздать ему должную честь за одно даже появленіе его въ столицѣ въ такую роковую минуту, тѣмъ менѣе онъ умолчалъ бы о побѣдѣ его надъ врагомъ. Будь онъ тонкимъ придворнымъ, II-ая бесѣда состояла бы изъ одного панегирика императору и въ томъ даже случаѣ, если бы и вовсе никакой побѣды не было. Де-Бооръ однако настаиваетъ, что побѣда была и была одержана никѣмъ инымъ, какъ самимъ Михаиломъ, на походѣ узнавшимъ объ опасномъ положеніи Константинополя, „*поспѣвшимъ*, по словамъ де-Боора, *въ половинѣ іюня къ столицѣ* одинъ, безъ войска. *Послѣ отступленія русовъ онъ снова отправился въ походъ*“.

Узнать дорогою объ опасномъ положеніи столицы Михаилъ не могъ раньше конца 20-хъ чиселъ іюня, не могъ и прибыть въ нее раньше 7—8 дней, слѣдовательно еще до появленія I бесѣды Фотія, а въ ней прямо сказано: „Гдѣ теперь царь христілюбивый?.. Онъ переноситъ продолжительные труды“. Въ первую недѣлю своего пребыванія подъ Константинополемъ русы не успѣли бы натворить тѣхъ бѣдствій, о коихъ говоритъ Фотій въ I бесѣдѣ. Во II бесѣдѣ, сказанной послѣ предполагаемой побѣды Михаила надъ русами и послѣ ихъ отступленія—мы между прочимъ читаемъ: „Чѣмъ страшнѣе и неожиданнѣе нашествіе нахлынувшаго народа, тѣмъ болѣе обличается чрезмѣрность (нашихъ) согрѣшеній; и съ другой стороны, чѣмъ онъ наименѣе, незначительнѣе и неизвѣстнѣе до нашествія на насъ, тѣмъ *большая падаетъ на насъ тяжесть посярменія и болышій воздвигается памятникъ безчестія и тяжчайшую боль причиняютъ удары этого бича. Ибо, когда слабѣйшіе и презираемые одолюваютъ повидимому славныхъ и необоримыхъ по силѣ, тогда удары бываютъ нестерпимыми, несчастіе становится безутѣшнымъ, память о бѣдствіяхъ остается неизлечимою*“. „Тѣ, для коихъ нѣкогда одна молва о ромеяхъ казалась грозною, подъяли оружіе противъ самой державы ихъ и восплескали руками, неистовствуя въ надеждѣ взять царственный городъ, какъ птичье шельдо. Они разграбили окрестности его и разорили предмѣстія, жестоко поступили съ захваченными и дерзновенно расположи-

лись вокругъ всего этого (города), выказавъ такую отвагу и надменность отъ вашего нерадѣнія, такъ что жители не смѣли и смотрѣть на нихъ прямыми и неробкими глазами, но отъ чего слѣдовало бы имъ гораздо мужественнѣе сражаться съ врагами, отъ того самаго ослабѣвали и падали; избіеніе ихъ единоплеменниковъ варварами должно было бы произвести справедливый гнѣвъ и требовать такого же возмездія съ основательными надеждами (на успѣхъ), а они, оробѣвши и струсивши, растерялись, принявъ страданія плѣненныхъ за собственное плѣненіе, тогда какъ отъ нихъ, спасшихся—слѣдовало быть отмщенію за подвергшихся несчастью... Такъ мы сдѣлались игрушкой варварскаго племени и вообразили угрозу его неотвратимою и намѣреніе неотразимымъ“. „Никто не могъ бы изобразить словомъ постигнуую насъ тогда пядю бѣдствій! Кто же, видя это, не призналъ бы, что на насъ излилась до дна чаша, которую приготовилъ гнѣвъ Господень, восплѣвшій отъ нашихъ грѣховъ! Кто, припоминая и обдумывая это, не сталъ бы проводить въ горѣ и слезахъ всю жизнь до наступленія ея заката. О какъ все тогда разстроилось и городъ едва, такъ сказать, не былъ поднять на копьѣ! Когда легко было взять его, а жителямъ невозможно защищать, то очевидно, что отъ воли непріятелей зависѣло пострадать ему или не пострадать; если же спасеніе города находилось въ рукахъ враговъ и сохраненіе его зависѣло отъ ихъ великодушія, то, по моему мнѣнію, немного лучше или точнѣе гораздо хуже было городу не сдаваться, нежели скорѣе сдаться, ибо въ послѣднемъ случаѣ непродолжительность страданія, можетъ быть, оставила бы неизвѣстною причину *нескорого плѣненія*, а въ первомъ—съ продолженіемъ времени возвышается челоуѣколюбие непріятелей—такъ какъ городъ не взять по ихъ милости и присоединенное къ страданію безславіе отъ этого великодушія (непріятелей) усиливаетъ болѣзненное чувство плѣненія“.

Въ эти тяжелые дни и немногія недѣли, проведенныя жителями Константинополя въ томительномъ ожиданіи самаго ужаснаго конца, легкомысленное и сильно испорченное населеніе всѣхъ классовъ пережило много, отъ рѣзкой критики государственныхъ и общественныхъ порядковъ до строгаго самоосужденія и самобичеванія, обращеннаго чуть не каждымъ къ своей личной жизни и дѣятельности. Охарактеризовавъ этотъ моментъ покаяніемъ всенароднымъ, Фотій въ заключеніи своей бесѣды говорить: „Когда же... мы поставили совѣсть непреклоннымъ судьей грѣховъ своихъ и обличаемые (ею) признали обвинительное рѣшеніе противъ насъ справедливымъ, когда умоляли

Бога литіями и пѣснопѣніями, когда съ сокрушеніемъ сердца приносили покаяніе, когда, воздѣвая руки къ Богу во всю ночь, просили у него помилованья, возложивъ на него все свои надежды, тогда мы избавились отъ несчастія, тогда сподобились отъѣны окружающихъ насъ бѣдъ, тогда мы увидѣли разсѣяніе грозы и узрѣли отступление гнѣва Господня отъ насъ; ибо мы увидѣли вразовъ нашихъ удаляющихся и городъ, которому угрожало расхищеніе, избавившихся отъ разоренья, тогда... *Когда же? Когда мы, оставшись безъ всякой защиты и не имѣя помощи отъ людей, воодушевились надеждами на Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына.., къ Ея покрову прибѣгали, какъ къ стѣнѣ перушиной, умоляя Ее сокрушить дерзость варваровъ, смирять (ихъ) гордость, защитить отчаявшійся народъ за собственную ея паству... Ея одѣянье для отраженья осаждающихъ и огражденія осаждаемыхъ носилъ со мною весь городъ и усердно мы возносили моленія и совершали литіи; оттого, по неизреченному челоуѣколюбію, при матерномъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Богъ преклонился, и гнѣвъ (Его) отступилъ, и помиловалъ Господь достоиніе свое. По истинѣ эта пречестная риза есть одѣяніе матери Божьей; она кругомъ обтекала стѣны и непріатели необъяснимымъ образомъ показывали тылъ: она осаждала городъ и ограда непріателей разрушалась какъ бы по данному знаку; она облекала его, и непріатели обнажались отъ той надежды, которою окрылялись. Ибо, какъ только эта дѣвственная риза была обнесена по стѣнѣ, варвары принялись снимать осаду города, а мы избавились отъ ожидаемаго ильня и сподобились неожиданнаго спасенія. Такъ воззрѣвъ Господь не на грѣхи наши, а на покаяніе... Несчастью было наше, неожиданно совершилось и удаленіе ихъ, чрезмѣрно негодованіе (Божіе) по неизреченна и мнлостъ“.*

И такъ нигдѣ ни слова объ императорѣ, ни единого намека на какое-нибудь сраженіе и битву, на сухопутное или морское пораженіе непріателя. Не могъ же Фотій скрыть и умолчать о чемъ-либо подобномъ. Тысячи и тысячи людей обличали бы его въ злонамѣренномъ искаженіи и въ недобросовѣстномъ замалчиваньи всѣмъ извѣстнаго событія.

Но отвергая, что, разсѣпалась небольшими партіями по обширному побережью, русы тамъ и сямъ бывали нерѣдко избиваемы жителями во время ихъ грабежей и разбоевъ, мы полагаемъ, что не греки ихъ разбили, а разбили и поразили они себя сами. Продолжительная въ теченіе многихъ недѣль и по большей частн безваказанно совершае-

мья кражи, грабежи, разбой и убійства, разнузданный разгуль и всевозможныя излишества, непогребенныя трупы животныхъ и людей, сильно разрѣдили эти шайки воровъ и разбойниковъ, пиратовъ-викинговъ. Остановливаясь на современныхъ западныхъ извѣстіяхъ о наѣздахъ викинговъ IX-го же вѣка на разные края западной Европы, мы замѣчаемъ, что викинги обыкновенно долго нигдѣ не останавливаются, не засиживаются въ одномъ мѣстѣ: наворовавъ, награбивъ, сжегши и разрушивъ, гдѣ могли, церкви и монастыри, избѣвъ до смерти много жителей и забравъ много съ собой женщинъ, дѣтей въ работу себѣ или на продажу, они спѣшили удалиться во свояси или, если городъ былъ при устьи большой рѣки, то спускались по ней (Луарѣ, Сенѣ) внутрь страны. Вообще они спѣшили удалиться изъ той мѣстности, гдѣ много набѣдили. Ворами, убійцами, къ чести человѣческой совѣсти, всегда претить продолжительное пребываніе на мѣстахъ ихъ подвиговъ, и ихъ бессознательно что-то влечетъ вонь изъ нихъ. Я уже выше (XIII) указывалъ, что послѣднее удаленіе Аскольдовой руси изъ подъ Цареграда, похожее на бѣгство, объясняется чисто внутренними побужденіями и частью лишь такими внѣшними причинами, какъ физическое и нравственное разстройство пиратовъ, появившаяся сильная смертность въ ихъ рядахъ. Если греки ихъ и испугали, поразили подъ конецъ, то не внѣшнюю свою силою, а своими духовными процессіями по стѣнамъ осажденнаго города. Мало религіозны въ смыслѣ внутреннемъ, викинги были суевѣрны, — своимъ богамъ, воинственнымъ и жестокимъ, они обыкновенно приписывали свои бранныя успѣхи. Бранныя неудачи ихъ съ христіанами еще въ IX вѣкѣ часто приводили викинговъ къ быстрой, хотя не прочной рѣшимости принятія христіанства и отверженія родныхъ боговъ Одина и Тора. Наилучшимъ доказательствомъ, что не только греки, но и сами русы въ концѣ концовъ полагали, что они не побѣдили христіанъ, а были поражены ими, служитъ то, что, вскорѣ послѣ отступленія своего отъ Цареграда, они прислали пословъ просить о крещеніи, какъ о томъ говорятъ и окружное посланіе патріарха Фотія, и одно изъ лучшихъ византійскихъ же свидѣтельствъ.

XXI.

Де-Бооръ вполне основательно замѣтилъ, что открытое Кюмономъ византійское свидѣтельство о руси подъ Цареградомъ (въ неважномъ вообще хронографѣ XI в.) важно не только точною своею датою, но

и обозначеніемъ, хотя очень краткимъ, подробностей объ ихъ отступленіи „18-го іюня, 8-го идиакта, въ 6368 г. отъ сотворенія міра и въ 5-й годъ царствованія императора Михайла“ (т. е. 18-го іюня 860 года), „приняли русы въ двухъ стахъ судахъ, номощью всепѣтой Богородицы они были одолѣны христіанами, всеильно поражены и удаллись“.

„Не надо забывать, говоритъ де-Бооръ, что объ бесѣды Фотія не историческій разсказъ (Darstellung), а риторическое произведеніе. Оно имѣеть совершенно опредѣленныя цѣли пробудить въ сокрушенныхъ сердцахъ покаяніе, и именно истинное покаяніе съ перемѣною настроенія и образа жизни. Очень возможно, что внезапностью нападенія, при видѣ опустошенія подъ стѣнами города (передъ воротами, vor den Thoren, говоритъ де-Бооръ) и сильныхъ матеріальныхъ потерь, многіе жители могли прійти въ ужасъ и отчаяніе, но трудно допустить (ist kaum anzunehmen), чтобы кто-нибудь, не смотря на отсутствіе императора и войска, могъ серьезно бояться, что сильныя, многониспытанныя стѣны города могли быть легко заняты экипажемъ нѣсколькихъ сотенъ легкихъ пиратскихъ судовъ безъ осадныхъ машинъ. Варвары легко могли проѣхаться на своихъ судахъ передъ городомъ, издѣваясь и грозя, но этимъ морскимъ кочевникамъ (diesen Nomaden des Meeres) едва ли могло прійти въ голову тратить время на попытки взобраться на неприступныя стѣны, вмѣсто того, чтобы безъ труда и опасности грабить открытую, неспособную къ сопротивленію страну. И такъ описаніе спасенія становится чѣмъ-то совершенно легендарнымъ. Риза Дѣвы Маріи проносится въ глазахъ непріятели, и едва она показалась, какъ оказывасть на него свое дѣйствіе (II, 23). Что это спасеніе могло быть совершенно естественнымъ, такъ какъ непріятель вовсе не думалъ о приступѣ на Византію, о томъ патриарху не приходитъ въ голову, или онъ умолчалъ о томъ, такъ какъ оно противорѣчило бы цѣли его проповѣди“.

Ссылаясь на требованія *здоровой* критики, де-Бооръ считаетъ необходимымъ допустить, что „человѣкъ энергическій, принимавшій участіе во всѣхъ важныхъ походахъ, большой охотникъ до спорта и храбрый до бѣшенства, императоръ Михайлъ III, прибывъ въ Константинополь, немедленно собралъ и вооружилъ какія только могъ найти суда и послалъ ихъ на непріятеля. Такимъ образомъ, при поднявшейся бурѣ, опасной для легкихъ варварскихъ судовъ, русы, при уходѣ своемъ, дѣйствительно были разбиты византійскимъ флотомъ“.

Это предположеніе де-Бооръ считаетъ необходимымъ допустить въ оправданіе вышеприведеннаго показанія хроникъ (Кюмона) о полномъ пораженіи русовъ, при ихъ отступленіи ¹⁾.

На это нельзя не возразить, что присутствіе императора Михаила въ Константинополѣ въ это время болѣе, чѣмъ сомнительно. Фотію не было никакой причины и надобности замалчивать о дѣйствіи византійскаго флота, о распорядительности Михаила или Орифы, о храбрости и подвигахъ греческихъ моряковъ. Фотійъ былъ не только служитель церкви, лицо духовное (съ декабря 858), но за два года до этого занималъ постоянно гражданскія и военныя должности, большую часть жизни посвящалъ наукѣ, не былъ и не могъ быть пристрастенъ къ сословію духовному и глядѣть съ высока на другія сословія. Великій почитатель греческой философіи и исторіи, Фотійъ былъ и великимъ патриотомъ грекомъ, византійцемъ, дорожилъ могуществомъ и славою Византіи. Для чего бы онъ сталъ скрывать о подвигѣ родныхъ же ему моряковъ, если бы имъ удалось разбить флотилію русовъ? Развѣ бы онъ не могъ возблагодарить промыслъ Божій и *всеплуную Богородицу* (πανόμνητον θεοτόχου) за оказанную помощь (προσβείας) въ пораженіи варваровъ. Какъ бы Фотійъ славолубивъ ни былъ, не могъ же онъ промолчать о вѣсѣмъ извѣстномъ и тысячами людей видимомъ подвигѣ греческихъ моряковъ, буде такой подвигъ совершился. Фотійъ слишкомъ хорошо зналъ, какъ слѣдятъ его многочисленные враги за каждымъ его словомъ и выраженіемъ. И конечно на соборахъ (въ Римѣ и Кполѣ 869 г.) игнатіане и римляне не преминули бы поставить въ вину и его великое самохвалство, и намѣренное умолчаніе о подвигѣ царя и греческаго флота.

Ошибка де-Боора въ томъ, что онъ въ данномъ случаѣ не припомнилъ себѣ психологіи массы въ моменты неожиданныхъ бѣдствій, внезапнаго появленія какой-нибудь страшной болѣзни, голода, землетрясеній, нежданнаго и негаданнаго непріятеля. Нельзя же забывать, что у страха глаза велики, что ужасы воображенія, по словамъ великаго поэта, бываютъ сильнѣе дѣйствительныхъ ²⁾. Надо наконецъ принять во вниманіе, что религіозныя процессіи со святынею Цареградскою по стѣнамъ города, въ виду обступившихъ варваровъ, производили глубокое впечатлѣніе и имѣли сильное дѣйствіе и на жителей столицы и на варваровъ-пиратовъ, желавшихъ ее ограбить. Эта святыня давно

¹⁾ ...οἱ διὰ προσβείων τῆς πανόμνητου θεοτόχου κατεχορεύθησαν ὑπὸ τῶν χριστιανῶν καὶ κατὰ κράτος ἠττήθησαν τε καὶ ἠφρανίσθησαν.

²⁾ ...Present fears are less than horrible imaginings. (Macbeth. A. I, Sc. III).

читалась въ народѣ за спасеніе столицы отъ несравненно опаснѣйшихъ непріятелей, персовъ и союзниковъ ихъ аваровъ, въ 626 г., при царѣ Пракліѣ. Ношеніе ея съ церковнымъ пѣніемъ по стѣнамъ патріархомъ съ духовенствомъ, въ сопровожденіи большихъ народныхъ массъ подымало духъ и возвышало помыслы столичнаго населенія и бесспорно удержало испорченную его часть отъ соблазна помочь непріятелю ворваться въ городъ и вмѣстѣ съ нимъ предаться грабежу. Физически и нравственно ослабѣвшіе отъ всякаго рода излишествъ, учиненныхъ ими грабежей и убійствъ, суевѣрные варвары, при видѣ этихъ странныхъ и непонятныхъ процессій по стѣнамъ, съ долетавшимъ до ихъ слуха пѣніемъ, постепенно приходили къ убѣжденію, что всѣ ихъ неудачи въ попыткахъ взять городъ приступомъ, умножавшіяся ссоры между ними и возрастающая среди нихъ смертность (отъ разлагавшихся и не закрытыхъ труповъ) происходятъ отъ направленныхъ противъ нихъ непонятныхъ чаръ и заклинательной силы христіанскихъ процессій и молитвъ. Утомленнымъ, извѣрившимся въ себѣ и въ силу своихъ боговъ, не разъ уже помышлявшимъ о возвратѣ на родину, викингамъ довольно было совпаденія ввизанно подивнагося сильнаго вѣтра и волненія на морѣ съ проклятою для нихъ процессіею на стѣнахъ города, чтобы ударить отбой и броситься въ беспорядкѣ къ своимъ ладьямъ, при чемъ много викинговъ и не мало ихъ ладей, особенно не въ мѣру нагруженныхъ наворованнымъ добромъ, пошло ко дну.

Патріархъ Фотій съ населеніемъ освобожденной столицы вполне искренно приписали ея спасеніе старой византійской святынь. Въ томъ же смыслѣ написалъ свою замѣтку и извѣстный византіецъ: 18-го іюня въ 6368 г. отъ сотворенія міра и въ 5-й годъ царствованія Михаила пришли русы въ двухъ стахъ судахъ, помощью Богородицы побѣжденные христіанами ¹⁾, сильно разбитые, они удалились (во свояси). Эти слова нисколько насъ не обязываютъ прибѣгать къ обвиненію патріарха Фотія въ умолчаніи о небывалой побѣдѣ не прибывавшаго, по всей вѣроятности, изъ Малой Азіи въ столицу Михаила. Но до-Бооръ несомнѣнно правъ, утверждая невѣрность показанія вообще весьма почтеннаго древняго венеціанскаго лѣтописца Іоанна Дьякона (писавшаго въ самомъ началѣ XI вѣка) о томъ, что норманны, подошедши къ Константинополю въ 369 ладьяхъ, не могли взять его, сильно повоевали его предмѣстья и погубили много народу и затѣмъ побѣдоносно (cum triumpho) воротились во свояси. Если подъ триумфомъ разумѣть

¹⁾ Здѣсь разумѣется не побѣда греческаго кулака, а рука христіанскихъ въ смыслѣ: „сильна молившихся рука“.

добычу, то конечно часть благополучно воротившейся домой руси привезла съ собою не мало награбленнаго, но при этомъ однако многихъ и многихъ викинговъ не доставало и не мало ладей пошло ко дну съ наворованнымъ добромъ.

Такимъ образомъ въ извѣстїи Іоанна Дьякона преувеличены какъ число ладей (350 вм. 200), такъ и успѣхъ этого морского набѣга на Византію.

Целью вполнѣ согласиться и съ слѣдующимъ замѣчаніемъ де-Боора. „Позднѣйшее поведеніе русовъ было бы трудно объяснимо, если бы они дѣйствительно воротились домой вполнѣ невредимыми и съ богатою добычею. Послѣ такого доказательства безспія византійцевъ, надобно полагать, страсть русовъ къ грабежамъ только бы усилилась, и они бы опять взяли за новые на нее грабительскіе набѣды. Напротивъ мы видимъ, что *вскорѣ затѣмъ было отъ нихъ отправлено посольство въ Византію для заключенія мира принятія христіанства*“. Такъ говоритъ онъ ниже (стр. 463). А выше (на стр. 459) онъ тѣмъ не менѣе замѣчаетъ: и съ датою (860 г. вм. прежней 865 г.) совпадаютъ (вѣриѣе согласуются) и извѣстія о принятїи русами христіанства. *При прежней датѣ*, мнѣ давно казалось сомнительнымъ, что Фотій, въ 866 г. говоря объ обращенїи дикихъ русовъ въ христіанство, прибавилъ, что они такъ далеко пошли, что уже приняли епископа и ревностно посѣщаютъ христіанское богослуженіе. Сколько бы тутъ ни было преувеличенія, все же останется сомнительнымъ противуположность русовъ 860 г. и описанныхъ въ посланїи Фотія 866 г.; однако тотъ фактъ, что епископъ былъ къ нимъ отправленъ и христіанское богослуженіе у нихъ было введено, надо теперь признать, не былъ выдумалъ. *Если же прошло шесть лѣтъ между нападеніемъ Руси (на Константинополь) и свидѣтельствомъ Фотія объ ихъ крещенїи, то это показанїе патріарха уже менѣе невѣроподобно*“. Изъ того, что въ окружномъ посланїи патріарха Фотія 866 г. говорится между прочимъ о крещенїи болгаръ и руси и первое поставлено раньше второго, еще вовсе не слѣдуетъ, что крещеніе руси происходило позже крещенїя болгаръ. Но близости болгаръ къ Византіи и по начавшемуся уже вмѣшательству Рима въ церковныя дѣла болгарскія, вопросъ о христіанствѣ у болгаръ былъ для восточной церкви гораздо важнѣе и современнѣе вопроса о крещенїи мало тогда извѣстной христіанскому востоку и далекой отъ него руси. У русовъ христіанство было принято не княземъ, а небольшою кучкою изъ дружины и населенія, тогда какъ у болгаръ крестился ихъ

государь (съ большою властью), ихъ ханъ Богорисъ съ своею семьею и силою заставившій своихъ вельможъ (болядовъ), главныхъ чиновъ своей орды—принять христіанство, уже распространенное въ странѣ, населенной издревле греками (въ приморьи) и влахами (олатинскими оракііцами, бессами), давнымъ давно принявшими христіанство; къ нимъ въ той же странѣ присоединились впоследствии, въ IV вѣкѣ по Р. Хр., готы, не ушедшіе въ Италію съ Оеодорикомъ, наконецъ прибывшіе въ VI—VII вѣкѣ славяне, тоже мало по малу принимавшіе христіанство еще до утвержденія надъ ними власти тюрко-болгарской орды (въ концѣ VII вѣка). Понятно, что для Византіи въ IX вѣкѣ, и въ политическомъ и въ церковномъ отношеніи, вопросъ болгарскій былъ гораздо ближе и несравненно важнѣе вопроса русскаго. Оттого и Фотій упомянулъ о крещеніи русовъ послѣ крещенія болгаръ, хотя оно по всей вѣроятности совершилось или одновременно или даже нѣсколько раньше крещенія болгаръ. И въ своемъ посланіи Фотій о болгаряхъ говоритъ гораздо больше, чѣмъ о руси.

Какъ разъ наоборотъ де-Бооръ полагаетъ, что тотчасъ послѣ неудачнаго своего пашествія на Царьградъ русь Аскольдова никонмъ образомъ не могла просить грековъ о крещеніи, а будто по прошествіи такъ годовъ шести, вѣроятно по разсужденіи зрѣломъ, она додумалась до посольства къ грекамъ съ просьбою о крещеніи, хотя самъ же де-Бооръ утверждаетъ, и совершенно справедливо, не потерни варяги крушенія въ 860 г., они бы не отправили такого посольства къ грекамъ. Изъ этого, кажется, и слѣдовало бы заключить, что это посольство явилось въ Царьградъ очень скоро послѣ возвращенія русовъ во свояси, такъ какъ русы рѣшились признать Бога христіанскаго подъ сильнымъ именно впечатлѣніемъ понесеннаго ими пораженія и подъ вліяніемъ не менѣе, быть можетъ, сильнаго озлобленія на своихъ боговъ—Одина и Тора, не сумѣвшихъ де помочь въ ихъ предпріятіи противъ христіанъ. Не только шести, но одного года было достаточно, чтобы ихъ гнѣвъ на родныхъ боговъ смѣнить на старую къ нимъ милость. Чѣмъ дольше бы они раздумывали, тѣмъ невозможнѣе было бы имъ снарядить такое посольство въ Константинополь, о коемъ говоритъ Фотій.

XXII.

Послѣ слишкомъ уже длиннаго отступленія о пашествіи Аскольдовой руси на Царьградъ, мы должны воротиться къ такъ называемой хазарской миссіи Константина Философа и брата Меодія. Выше

(XVII) было высказано предположеніе, что посольство *хазарь* въ Константинополь, упоминаемое Гавдерникомъ и авторомъ славянскаго житія Константина Философа, было на самомъ дѣлѣ не посольствомъ *хазарь*, а тѣмъ посольствомъ *русовъ*, о коемъ упоминаетъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи къ восточнымъ архіепископамъ.

За вѣрность этого предположенія ручаются четыре несомнѣнныхъ свидѣтельства прямыхъ и косвенныхъ, одно отрицательное и три положительныхъ: 1) полное молчаніе всѣхъ современныхъ и позднѣйшихъ византійскихъ источниковъ, особенно же молчаніе всѣхъ сохранившихся до насъ писемъ, посланій и бесѣдъ патріарха Фотія о какомъ либо при немъ крещеніи хазарь и объ основаніи тогда же епископства въ Хазаріи; 2) несомнѣнное свидѣтельство царьградскаго патріарха Николая Мистика (901—907 г. и вторично 911—915 г.) о томъ, что до него хазары своего епископа не имѣли и о назначеніи имъ особаго епископа они просили этого патріарха; 3) свидѣтельство Фотія въ окружн. его посланіи 866—867 г. о посольствѣ русовъ съ прошеніемъ объ ихъ крещеніи и о назначеніи имъ епископа; 4) свидѣтельство списка епархій патріарховъ, митрополитовъ автокефальныхъ, изданное де-Бооромъ (по списку Пар. библ. 1555 А. fol. 23-й и сл.). По мнѣнію де-Боора, принятому Гельцеромъ, этотъ списокъ (Notitiae episcopatum) составленъ позже списка (Notitiae) Эпифанія, въ началѣ VIII вѣка, и раньше седьмаго вселенскаго собора, времени первыхъ иконоборцевъ, 788 года. Въ этомъ спискѣ читаемъ: 645. λή Ἐπαρχία Γοτθίας. 646. α. Δόρος μητρόπολις. 647. β. ὁ Χοτζήρων. 648. γ. ὁ Ἀστήλ. 649. δ. ὁ Χουάλης. 650. ε. ὁ Ρατέγ. 651. ζ. 652. ζ. ὁ Οὔνων. 653. η. ὁ Τομάταρχα.

Въ концѣ этого списка читаемъ 819. λζ. Ἐπαρχία Γοτθίας. 820. α. ὁ Χοτζήρων συνεγγὺς Φούλων καὶ τοῦ Χαρασίου ἐν ᾧ λέγεται τὸ μάβρον ναϊρῶν. 821. β. ὁ Ἀστήλ ἐν ᾧ λέγεται ὁ Ἀστήλ ὁ ποταμὸς τῆς Χαζαρίας ἔστιν δὲ κάστρον.

И такъ епархія готская имѣла митрополита въ Дорѣ или Дорахъ, ему были подчинены епископы: хоцирскій, астилскій, хвалисскій, реттскій ¹⁾, гунскій и *тмутараканскій*. Иначе слово *Τομάταρχα* понимается быть не можетъ: слѣдуетъ читать *Τὰ Μάταρχα*.

И такъ появленіе епископа въ Тмутаракани нельзя приписывать патріарху Фотію, какъ полагалъ было глубокій знатокъ исторіи русской церкви, Голубинскій ²⁾, ибо тмутараканскій епископъ упоминается

¹⁾ Слово Реттгъ напоминаетъ *Редедю* Касожскаго князя, побѣжденнаго Святославомъ. Не смѣшало ли преданіе имя мѣстное съ именемъ личнымъ?

²⁾ Ист. р. ц. I, с. 47—48.

еще въ VIII вѣкѣ (до 788 г.), какъ подчиненный дорскому митрополиту въ готской епархіи ¹⁾. Слѣдовательно, подъ епископомъ, по свидѣтельству патриарха Фотія, имъ самимъ посланнымъ къ русамъ, нельзя разумѣть ни епископа хазарскаго, ни епископа тмутараканскаго. Первый появляется при патриархѣ Николаѣ Мистикѣ, до него же христіанская община въ Хазаріи была подчинена епископу херсонскому. Второй—тмутараканскій упоминается еще въ VIII вѣкѣ (до 788 г.). Последнее обстоятельство служить лишь новымъ опроверженіемъ впервые высказанному Шлецеромъ и вновь повторенному Голубинскимъ мнѣнію о томъ, что нашествіе руси на Царьградъ (860 г.) было направлено не изъ средняго подиѣпровья, а изъ черноморской области (Тмутаракани), гдѣ въ то время никакихъ русовъ не было и быть не могло. Куникъ рѣшительно отвергалъ эту догадку и приписывалъ это нашествіе Аскольду и кievской руси, но относилъ его не къ 860—861 г., какъ настаивалъ Голубинскій (въ слѣдъ за Ассеманн и Паги), а къ 865 г. И, по обнаруживаніи находки Кюмона, Куникъ не хотѣлъ признавать вѣрности этой даты (860 г.). Куникъ и Голубинскій, вслѣдъ за Шлецеромъ, строго держались 862 г., какъ точной даты такъ называемаго основанія русскаго государства, а потому Аскольдъ не могъ де явиться въ Кіевъ раньше Рюрика въ Ладогѣ, и слѣдовательно Аскольдъ не могъ нападать на Царьградъ въ 860 г., и потому если русь нападала на него въ 860 г., то не аскольдова, а если нападала аскольдова, то не въ 860, а въ 865 гг. Но кто въ то время зналъ и кто могъ опредѣлить годъ появленія и утвержденія или признанія словѣнами и дѣяніями власти Рюрика?

Высказанное мною предположеніе о томъ, что свидѣтельство патриарха Фотія о крещеніи руси совпадаетъ со свидѣтельствомъ славянскаго житія Константина Философа объ его миссіи хазарской, уже

¹⁾ Впрочемъ въ приведенномъ выше извлеченіи изъ Списка епархій VIII вѣка изд. де-Буоромъ упоминается епископъ въ одной части Хазаріи, подчиненный митрополиту дорскому въ готской епархіи (въ Крыму). Достоинно вниманія упоминаніе другого епископа, какъ будто тоже хазарскаго, *ὁ Χοτζήρων*—близъ Фульѣ. Григоровичъ (В. И.) въ статьѣ своей „Историческіе наметки въ VIII, IX и X стол.“ предпологалъ, что порученіе (патр. Николая Мистика въ перв. четверти X в.) Херсонскому архіепископу поставить епископа просияшему о томъ народу, относилось къ западной Хазаріи, что нынѣшнія Екатеринославская и Херсонская губерніи. Въ этой области осѣдлыми были славяне, кочующими угры и печенѣги. Можно съ вѣроятностью предположить, что поставленіе епископа относилось къ осѣдымъ, именно къ славянамъ. Тутъ же Григоровичъ указываетъ въ примѣчаніи на изслѣдованіе Х. Бруна

было какъ будто высказываемо Лекъеномъ ¹⁾). Впрочемъ онъ на этомъ мигънѣи не остановился и согласился съ Болландомъ въ томъ, что Константины былъ посланъ все жъ таки не къ хазарамъ, а къ русамъ, не Фотіемъ однако, а патриархомъ Игнатіемъ и императоромъ Михаиломъ. Во всякомъ случаѣ я очень радъ этому совпадению, такъ какъ я приведенъ былъ къ этому предположенію совершенно инымъ путемъ, а именно разборомъ мигънѣи Голубинскаго и Васильевскаго о черноморскихъ русахъ и о тождествѣ русскаго и готскаго языка, яко бы подтверждаемомъ странною догадкою Шафарика о томъ, что *русскія письма и евангеліе, ими писанное*, найденное Константиномъ Философомъ въ Херсонѣ,—ничто иное, какъ письма готскія, какъ готское евангеліе.

Посланный къ русамъ патриархомъ Фотіемъ епископъ, или основанная имъ для руси епархія должна быть не иное что, какъ Рѣѣца, впервые упоминаемая въ росписи епархій, или Νέα ταχτικά Льва VI Мудраго (886—911), а никакъ не хазарская и не тмутараканская.

XXIII.

Благодаря находкѣ Кюмона, мы знаемъ теперь относительно чреватаго послѣдствіями нашествія Аскольдовой руси на Царьградъ его terminus a quo, но по прежнему остаемся въ недоумѣннѣи относительно его terminus ad quem. Иначе говоря, намъ извѣстно, когда подошли русы къ Константинополю, но мы не знаемъ, когда они отступили и удалились во свояси. Если вѣрить найденной преосвященнымъ Порфиріемъ замѣткѣ въ греческомъ синаксарѣ объ отступленіи русовъ

„Слѣды древняго рѣчнаго пути изъ Дѣлѣра въ Азовское море“—„заключаетъ остроумную догадку объ Угличахъ, которою воспользуется наука“.

¹⁾ Лекъенъ, приведе слова Фотіа изъ его окружн. посл. о крещеніи болгаръ и русовъ, прибавилъ: At Russos Photius appellat communi nomine illos quos Chazaros alioqui vocabant, Chersonnesi Tauricae accolae, quot ambo vitae SS. Moraviae apostolorum Cyrilli et Methodii scriptores latini Michaelē Theophili et Theodorae filio Imperatore, ab eodem Cyrillo, cui tunc Constantino nomen erat, ad Christi fidem adductos tradunt. Quamobrem Bollandus, in annotationibus ad Cyrilli vitam, recte censet, Constantinum non a Photio, sed ab Ignatio Patriarcha Michaelē Imp. nutu ad Chazaros esse missum. Ac certe, quum Photii ad Patriarchas epistola Michaelē Imp. in vivis superstite scripta sit, extra dubium est, Russorum illam conversionem male a Graecis auctoribus aliis, ac Constantino praesertim Porphyrogenito, illi tempori assignari, quo Basilius Macedo perempto Michaelē solus imperabat. (Oriens Christ. I, pp. 108—109).

5 іюня, то нужно бы допустить, что эта осада русами Константинополя продолжалось слишкомъ 11 мѣсяцевъ. Ибо если они пришли 18 іюня 860 г., а ушли во свояси 5 іюня, то, значить, ихъ отступление произошло уже въ 861 г. Мы уже видѣли, что посольство русское въ Константинополь съ просьбою объ отправленіи къ нимъ учителя христіанскаго должно было отправиться очень скоро послѣ возвращенія руси во свояси, иначе бы наши викинги успѣли оправиться и раздумать ¹⁾). Положимъ посольство ихъ прибыло въ сентябрѣ—октябрѣ 861 г. Тогда мы должны допустить, что назначенные къ нимъ патриархомъ Фотіемъ миссіонеры должны были выѣхать въ октябрѣ—ноябрѣ того же года (861). Предполагая же, что эти миссіонеры были Константинъ Философъ и Меодій, его братъ, мы должны оговорить, что эта дата не сойдется съ датой Слова Константина Философа объ обрѣтеніи мощей св. Климента въ Херсонѣ, гдѣ отмѣченъ январь 861 г. Если же эта дата вѣрна, то надо отказаться отъ сейчасъ же предполагаемой нами даты снятія русами осады Константинополя лишь 5 іюня 861 г. Нельзя допустить, чтобы византійское правительство рѣшилось отправить славянскихъ первоучителей къ кому бы то ни было будь то къ хазарамъ или къ русамъ, но Чернымъ моремъ и въ Крымъ, въ то самое время, когда пираты были подъ стѣнами столицы и легко могли ограбить, захватить и убить византійскихъ пословъ и миссіонеровъ. Да и время ли тогда было думать о какомъ либо посольствѣ, тѣмъ болѣе на сѣверъ и моремъ? И такъ только устранить предполагаемую дату Синаксаря—5 іюня 861 г., слѣдовательно признавъ, что осада Константинополя продолжалась мѣсяца два и вѣсечки не свыше трехъ мѣсяцевъ, можно допустить, что въ ноябрѣ или въ началѣ декабря 860 г., по порученію императора Михаила и по благословенію патриарха Фотія, отправились съ хазарскими посланн, къ кагану хазарскому, по свидѣтельству Гавдерика и автора Славянскаго Житія, Константинъ Философъ и Меодій или (неизвѣстный или неизвѣстные) намъ учителя и миссіонеры къ русамъ, конечно не знакомые съ языкомъ сѣверо-германскимъ, скандинавскимъ, но надо предполагать, знакомые съ господствовавшимъ на среднемъ подіевровѣѣ языкомъ славянскимъ, болѣе или менѣе понятнымъ русамъ Лескольдовымъ. Нѣтъ сомнѣній, что эти учителя и миссіонеры хазарскіе, по однимъ, и русскіе, по другимъ свидѣтелямъ, выѣхали едино-

¹⁾ У Норманновъ въ IX в. было въ обычаѣ, послѣ пораженія ихъ христіанами, просить крещенія или обѣщать, что примутъ христіанство.

временно изъ Константинополя и вмѣстѣ пріѣхали въ Тавриду съ посланцами русскими, по однимъ, или съ хазарскими по другимъ.

Но не странно ли совпаденіе такихъ двухъ посольствъ и миссій? Что русы, послѣ великой своей неудачи, извѣрившись въ помощи своихъ боговъ, обратились къ Византіи, оно понятно и естественно. Но почему вдругъ и вскорѣ послѣ удаленія руси изъ подъ столицы такъ понадобилось хазарамъ такое же посольство? И отчего патриархъ Фотій умолчалъ въ своемъ окружномъ посланіи о крещеніи (Константиномъ Философомъ) части хазаръ, если нѣтъ славянскій первоучитель былъ у хазаръ, а не у русовъ? Житіе Константина Философа говоритъ о крещеніи имъ 200 простой чади (съ женами и дѣтьми) у хазаръ. Неужели у русовъ было крещено при Фотіѣ гораздо большее число людей, чѣмъ при немъ же у хазаръ, и потому патриархъ ничего не сказалъ о хазарахъ? Но если Константинъ Философъ былъ у хазаръ, а не у русовъ, отчего же въ позднѣйшее время въ Византіи было хорошо извѣстно, что Константинъ, изобрѣтатель славянскаго письма былъ при первомъ крещеніи русовъ и свое славянское письмо, а слѣдовательно и свои славянскіе переводы (Бандури-Регелевскій или Парижско-Патмосскій отрывки) передалъ русамъ точно также, какъ болгарамъ и мораванамъ.

Если бы однако Константинъ Философъ былъ не у хазаръ, а у русовъ, съ какой бы стати, какъ бы согласилъ, и епископъ Гавдерикъ и славянскій жизнеописатель Константинъ Философа говорятъ объ его обращеніи въ христіанство хазаръ, а не русовъ?

Въ 867—868 г. епископъ Гавдерикъ и нѣкоторые изъ учениковъ, взятые съ собою Константиномъ Философомъ и Меводиємъ, встрѣчались въ Римѣ, и между ними посредственно или непосредственно состоялось какъ бы тайное соглашеніе (*tacitus consensus*) не называть руси, а замѣнить это слово хазарами. Среднее Поддѣиуровье еще незадолго до этого входило въ составъ Хазаріи, и подвластныя ей кагану славянскія земли у иностранцевъ (и у грековъ) назывались Хазарією. Замѣна руси не была прямою ложью и обманомъ, а была цензурною, дипломатическою поправкою, была сдѣлана *per euphemiam*. Крещеніе руси того времени было неразлучно связано съ именемъ Фотія. Мы уже вспоминали, что былъ Фотій для только что умершаго владыки Рима и западнаго христіанства, Николая I († 13 ноября 867 г.). Не будучи игнатіанцами, славянскіе апостолы уже узнали въ Римѣ о смерти Михаила III († 23 сентября 867 г.) и о низверженіи глубокопочитаемаго ими, особенно Константиномъ Философомъ, патриарха Фотія,

(25-го сентября 867 г.). Въ исх. 868 или въ нач. 869 г. ¹⁾ пришли въ Римъ унизительныя письма императора Василя и вновь поставленнаго патріарха Игнатія (отъ декабря 867 г.). Послы императорскіе привезли съ собою въ Римъ и акты собора 867 г., на коемъ былъ осужденъ папа Николай I. Одинъ изъ пословъ византійскихъ митрополитъ Іоаннъ въ присутствіи папы Адріана и собранія прелатовъ бросялъ на полъ книгу (сборникъ дѣлній собора 867 г.) съ слѣдующими словами: „ты проклятъ въ Константинополѣ, будь проклятъ и въ Римѣ; тебя сочинилъ служитель сатаны Фотій, новый Симонъ, изобрѣтатель всякой лжи; тебя повергаетъ на землю служитель Христа, Николай, новый Петръ, другъ истины“... Другой посоль синаорій Василій сталъ топтать книгу ногами и ударить мечомъ, приговаривая: „я думаю, что въ пемъ сидятъ дьяволъ, который устами своего товарища Фотія осмѣлился говорить то, чего не дерзалъ сказать самъ“. Папа поручилъ рассмотреть эти акты на предстоящемъ соборѣ. Присутствовалъ ли Константинъ Философъ, если не умеръ въ 868 г., хотя бы на одномъ предварительномъ совѣщаніи, мы не знаемъ, но, безъ сомнѣнія, онъ бы не могъ не знать объ этихъ подвигахъ своихъ соотечественниковъ—игнатіанъ. Такая ихъ низость умственная и духовная, такое поругательство надъ его великимъ учителемъ, наставникомъ и духовнымъ начальникомъ, безъ сомнѣнія, ускорили кончину славянскаго апостола, принадлежавшаго вмѣстѣ съ Фотіемъ къ величайшимъ дѣятелямъ Византіи не одного IX вѣка. Буде же онъ скончался 14-го февраля 869 г., Константинъ Философъ не могъ и вѣроятно не хотѣлъ дожить до собора, открывшагося въ іюнѣ 869 г. На этомъ соборѣ акты собора 867 г., патріархъ Фотій и всѣ лица, ихъ подписавшіе, были преданы анаемъ, соборъ этотъ былъ уравненъ съ соборомъ разбойничьимъ въ Эфесѣ (449 г.). Акты собора Фотія (867) положено было уничтожить. На ступеняхъ храма Петра, куда вышли отцы собора—книга соборныхъ дѣлній была сожжена. Предварительно впрочемъ каждый епископъ топталъ эту книгу ногами; затѣмъ она была брошена на костеръ и, по словамъ біографа папы Адріана II, горѣла съ большимъ зловоіемъ; несмотря на сильный дождь, пламя все разгоралось, ибо дождевыя капли дѣйствовали де подобно маслу. Это чудо привело сердца присутствовавшихъ латинянъ и грековъ къ прославленію Бога и святѣйшаго папы Николая I, а съ нимъ и Адріана II ²⁾.

¹⁾ Iaffé Reg. Pont. 1885. p. 370—371.

²⁾ Mansi. Conc. XV. Vita Hadr. II. XVI, Conc. Spol. Hergenröther Photius,

Два собора, созванные императоромъ Михаиломъ и Фотіемъ, объявлены богоубійственными и, слѣдовательно, подлежатъ отмігнѣн и осужденію. Фотій же, хотя и былъ уже преданъ анафемѣ, передается ей снова за покушенія на права апостольской кathedры, за распространеніе вредныхъ ученій (противъ латинянъ между прочимъ и въ томъ окружномъ посланіи Фотія, гдѣ говорится о крещеніи болгаръ и *руссовъ*). Впрочемъ было прибавлено, если Фотій повинится и раскаяется, устно и письменно подчинится требованіямъ папъ Никеолая и Адріана, то ему не будетъ отказано въ причащеніи на правахъ мірянина. Всѣ посвященія и поставленія Фотія (какъ патріарха) должны считаться недѣйствительными.

Соборъ этотъ былъ открытъ рѣчью папы Адріана II, въ ней были намѣчены главныя задачи собора. Отвѣчать папѣ поручено было епископу Веллетрійскому Гавдеріку, тому самому, что написалъ прекрасную, хотя, къ сожалѣнію, очень короткую записку о Константиинѣ Философѣ. Съ нимъ познакомился Гавдерікъ въ Римѣ ¹⁾ и возымѣлъ о немъ очень высокое мнѣніе. Онъ зналъ о близости Константина къ Фотію, зналъ и прямо говорить, что Философъ (*ob mirabile ingenium, quo ab incunte infantia mirabiliter claruit, veraci agnomine Philosophus est appellatus*) былъ въ Константинополѣ посвященъ въ санъ іерейскій (*insuper magna et prudentia praeditus*); когда явилось посольство отъ хазаръ, то императоръ, согласившись съ патріархомъ, отправилъ Философа съ послами хазарскими и съ своими въ Хазарію, вполне полагаясь на его мудрость и краснорѣчіе (*optime confidens de prudentia et eloquentia eius*). При рѣчи о Моравской миссіи Гавдерікъ упоминаетъ только объ одномъ императорѣ и умалчиваетъ о патріархѣ Фотіи, который конечно и тутъ, что понималъ отлично самъ Гавдерікъ, принималъ гораздо больше участія, чѣмъ Михаилъ. Изъ знакомства съ Константиномъ Философомъ и его братомъ Гавдерікъ могъ вынести и разумѣется вынесъ живое представленіе и высокое мнѣніе о патріархѣ Фотіи; конечно этихъ трехъ грековъ не ставилъ

II, 53, 23 — 75. Лебедевъ, Исторія разд. церквей въ IX—XI вв. Москва. 1900, стр. 110 сл.

¹⁾ По свидѣтельству Славянскаго Житія Константина Философа, въ Римѣ по повелѣнію папы Адріана II два епископа, Формозъ и Гавдерікъ, посвятили словѣнскихъ учениковъ, и во время посвященія, была отслужена (нѣтъ) литургія въ церкви святаго апостола Петра „словѣнскимъ языкомъ“ „римляне же не прѣстаахоу идоуще къ нему и вопрошающе его и всемъ о съказанье соугоубъ и трыгоубъ приимахоу отъ него“ (Константинъ Философа).

онъ на одну доску съ жалкими игнатіанами, бывшими въ то время въ Римѣ. Презрѣнная роль, ими сыгранная на соборѣ, еще болѣе возвышала образъ Фотія въ глазахъ умнаго и образованнаго Гавдерика. Но одинъ изъ салонниковъ римской церкви и призванный сыграть извѣстную роль на соборѣ римскомъ 869 г., Гавдерикъ, вмѣстѣ вѣроятно съ немногими другими латинскими прелатами, считая невозможнымъ „противъ рожна прати“, не отказался, едва ли и могъ, отъ непріятной назначенной ему роли на соборѣ отвѣчать папѣ на его вступительную рѣчь: отвѣтъ былъ заранѣе составленъ и утвержденъ. Прежде всего отблагодаривъ его за ревность о сохраненіи церковныхъ преданій, онъ сказалъ или повторилъ слова папы, что папа не могъ оставить безнаказанными оскорбленія, нанесенныя папѣ Николаю, что соборъ Фотіевъ 867 г. равняется собору Эфесскому, что принимавшіе въ немъ участіе и защищающіе его опредѣленія заслуживаютъ отлученія, и если они устно и письменно не произнесутъ анаемы на постановленія этого собора, то не могутъ быть приняты въ церковное общеніе даже въ качествѣ мірянъ.

Гавдерикъ не могъ не сознавать тягостнаго положенія Константина Философа и Меодія въ Римѣ. Изъ его записки видно, что онъ умѣлъ быть деликатенъ съ ними и въ частныхъ бесѣдахъ конечно старался по возможности обойти и даже смягчить, сколько было возможно, всѣ эти поношенія. Собственно говоря и данныя имъ Фотіемъ уполномочія и порученныя имъ миссіи теряли всякій законный характеръ и, по настоящему, должны были быть кассированы, какъ испещренія отъ незаконнаго патріарха, отъ еретика, заслуженно преданнаго анаемѣ, отъ чловѣка, *недостойнаго называться христіаниномъ*. Гавдерикъ все это хорошо понималъ. Умирая, Константинъ Философъ просилъ брата исполнить волю матери, не оставлять его праха въ Римѣ, но похоронить его на родинѣ, и умолялъ брата не покидать начатаго ими дѣла въ Моравіи и Панноніи (не мози горы ради оставить ученія своего). Это нежеланье обоихъ братьевъ покидать начатое ими дѣло въ Моравіи и Панноніи и заставило ихъ явиться въ Римъ. Оно же заставило обоихъ братьевъ терпѣливо выносить всѣ низости и нелѣпости ихъ соотечественниковъ, совершенныя на ихъ глазахъ въ Римѣ, и всѣ злобныя ругательства римлянъ надъ чтимымъ ими Фотіемъ. Такъ приходилось Константину Философу не долго, а много его пережившему брату его Меодію, еще долго молчать передъ неправдою и нерѣдко кривить душой, скрѣпя сердце, выказывая уваженіе и повинновеніе властнымъ людямъ, не любимымъ и не уважаемымъ.

Гавдерикъ понималъ это настроеніе и положеніе великихъ грековъ, и между ними состоялось мало по малу соглашеніе объ одномъ умалчивать, о другомъ говорить не настоящими словами. Ученики братьевъ апостоловъ съ греческимъ образованіемъ были посвящены въ эти дружественныя отношенія съ Гавдерикомъ и хорошо понимали ихъ, ученики же изъ Моравіи и Панноніи не могли ни ясно понимать, ни живо чувствовать трагизмъ положенія ихъ учителей. Эти отношенія нашихъ апостоловъ и ихъ учениковъ къ Гавдернику всего лучше объясняютъ поразительное сходство нѣкоторыхъ мѣстъ записки Гавдерика и славянскаго житія Константина, писаннаго ученикомъ несомнѣнно съ греческимъ образованіемъ. Потому неумѣстны и безцѣльны все предположенія о томъ, кто отъ кого заимствовалъ, авторъ славянскаго житія Константина Философа у Гавдерика или послѣдній у славянскаго жизнеописателя въ тѣхъ мѣстахъ ихъ воспоминаній о великомъ человѣкѣ, гдѣ оба они такъ близко сходятся въ своихъ показаніяхъ о славянскомъ апостолѣ.

В. Ламанскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІ.

1904.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Высочайшіе приказы по вѣдомству мнп. пар. пр.	3
II. Высочайшія награды по вѣдомству мнп. пар. прося.	6
III. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	7
IV. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	10
V. Опрежденія ученаго комитета мнп. пар. пр.	17
VI. Опрежденія особаго отдѣла ученаго комитета мнп. пар. пр.	22
VII. Опрежденія отдѣленія ученаго комитета мнп. пар. пр. по техническому и профессиональному образованію	29
Отъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	31
Н. Д. Чечулинъ. Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Очеркъ I	1
С. П. Розановъ. Замѣтки по вопросу о русскихъ хронографахъ	92
В. П. Ламапскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXIV—XXV	137
А. А. Шахматовъ. Новая хронологическая дата въ исторіи русской литературы	174

К Р И Т И К А И В И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

Н. Н. Смирновъ. Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина. Органъ за всестранно изучаване на етнографска България. Т. I—XVIII. София. 1889—1901 (окончаніе)	180
М. Г. Понруженко. С. А. Бьлюкуровъ. Юрій Крижаничъ въ Россіи. Москва. 1902.	221
В. П. Венешевичъ. А. П. Алмазовъ, проф. Каноническіе отвѣты Іоасафа, митрополита Ефесскаго. (Малопозвѣстный памятникъ права греческой церкви XV в.). Текстъ и переводъ съ предварительныхъ очерковъ и примѣчаній. Одесса. 1903.—Неизданные каноническіе отвѣты патріарха Луки Хрисоверга и митрополита Нила. Одесса. 1903.	231
Н. Д. Драгановъ. <i>Vesel in Askere</i> . Ruska Antologija. 1902.	244
— Книжныя новости	245

См. 3-ю стр. обложки.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТИЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

(Критическія замѣтки).

XXIV.

Если вѣрно, что русь, нападавшая лѣтомъ 860 г. на Константинополь, была не какая-то Черноморская или Тмутараканская, а русь Кіевская, Аскольдова, то слѣдуетъ, что она и получила себѣ, по словамъ Фотія, епископа и вступила де охотно (любовно—ἀγαπητῶς) въ ряды нашихъ подданныхъ и союзниковъ (ἐν ὑπηκόων ἐαυτοῦς καὶ προξένων τάξει, ἀντὶ τῆς πρὸ μικροῦ καθ' ἡμῶν λεηλασίας καὶ τοῦ μεγάλου τολμήματος, ἀγαπητῶς ἐκχатаστήσαντες), вмѣсто недавняго грабительства и великой противъ насъ наглости.

Но если Аскольдова, Кіевская русь съ своими полями или полянами получила крещеніе въ 861 г., то отчего же, спрашивается и спрашивали, нашъ первоначальный лѣтописецъ (конца XI начала XII вѣка), сохранившій не мало историческихъ данныхъ объ Олегѣ, Игорѣ, Ольгѣ и Святославѣ, ничего не говоритъ о христіанствѣ въ Кіевѣ при Аскольдѣ? Вѣдь „водвореніе епископа и слѣдовательно учрежденіе настоящей частной церкви, какъ всякій понимаетъ, есть такое событіе, которому весьма трудно было бы совершенно безслѣднымъ образомъ исчезнуть изъ памяти народной. А между тѣмъ мы видимъ, что такого преданія въ Кіевѣ вовсе не было. Лѣтописецъ знаетъ

¹⁾ См. декабрьскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1903 годъ.

объ Аскольдѣ и Дирѣ изъ мѣстныхъ преданій только то, что они пришли въ Кіевъ изъ Новгородѣ и болѣе ничего“ ¹⁾).

На это нельзя не замѣтить, что нашъ первоначальный лѣтописецъ (XI—XII вѣковъ) имѣлъ передъ собою не одни устные сказанія, а и письменные памятники-договоры съ греками и довольно древнія лѣтописныя записи. Въ Гардарики или въ наши восточно-славянскія земли въ IX вѣкѣ являлись норманскіе конунги съ шайками головорѣзовъ за тѣмъ и съ тѣмъ же, что и въ западныя страны въ Саксонію, Фризію Австразію и Нейстрію, наконецъ, въ Британію или Англію. Съ конца VIII до конца IX в. всѣ эти страны, особенно же цыгнѣшія Франція и Англія, подвергались непрерывнымъ нападѣніямъ этихъ отчаянныхъ пиратовъ и мародеровъ, особенно жестоко расправлявшихся съ духовенствомъ, такъ какъ въ монастыряхъ и церквахъ они наиболѣе находили серебра, золота, драгоценныхъ вещей и парчей. Со второй половины VIII в. въ Скандинавскихъ земляхъ—Швеція, Норвегія и Данія, вслѣдствіе недостатка земли и сравнительно густаго населенія, при жалкомъ состояніи тогдашняго земледѣлія, укрѣпляется обычай выселенія: — старшіе сыновья конунговъ (ихъ было много) и ярловъ (и того болѣе) получаютъ отъ отцовъ землю, а младшимъ предлагается море-окіанъ для добыванія себѣ славы, богатства, женъ и геройской смерти; падшихъ въ бою витязей ожидаетъ вѣчная радость и веселье въ Валгаллѣ въ пріятномъ общеніи съ Однимъ и другими богами, за пѣтьемъ съ ними пива изъ широкихъ череповъ. Въ

¹⁾ Голубинскій, Ист. Р. ц., I, 1, 37—38. Прибавимъ, что и Карамзинъ уже останавливался на подобной же мысли: „Татищевъ думалъ, что кіевляне построили въ новѣйшія времена церковь надъ могилою Аскольда въ знакъ его христіанскаго благочестія: *догадка сомнительная. Если бы въ древнемъ Кіевѣ было преданіе о христіанской вѣрѣ сего князя, то Несторъ сохранилъ бы оное въ своей лѣтописи*“ (Кар. Н. г. Р. I, прим. 295). Но тотъ же Карамзинъ (въ I т. гл. IV) замѣтилъ, — что приносить честь его даровитости. — „Вѣроятно, что проповѣдники для лучшаго успѣха въ дѣлахъ (о первомъ крещеніи руси), тогда же ввели въ употребленіе между кіевскими христіанами и новыя письмена славянскія, изобрѣтенныя Кирилломъ съ Моравіи (sic!)“ — (Карамзинъ относилъ нападеніе руси на Царьградъ къ 866 г.). Крещеніе Руси онъ готовъ былъ отнести къ патриаршеству Игнатія. Карамзинъ же рѣшительно не соглашался съ мнѣніемъ Шлецера, недавно у насъ возобновленнымъ, о томъ, что нападала на Царьградъ русь Тмутараканская. Шлецера, какъ извѣстно, смущала хронологія — основаніе русскаго государства въ 862 г., — въ 864 г. Аскольдъ и Диръ уходятъ въ Кіевъ и въ 866 г. нападаютъ съ большими силами на Константинополь. Карамзинъ и на это замѣтилъ основательно: „древняя хронологія нашего лѣтописца подвержена сомнѣнію“.

цвѣтушую эпоху викинговъ (съ конца VIII по конецъ IX в.) норманны заставили говорить о себѣ всю Европу, сѣверъ и югъ, западъ и востокъ. За это время они успѣли обзавестись болѣе или менѣе прочными владѣніями во Франціи и въ Англіи, гдѣ послѣ пораженія (871—878 гт.) великимъ Алфредомъ они, казалось должны были исчезнуть, но съ конца X вѣка норманскій элементъ въ лицѣ тѣхъ же датчанъ снова сталъ утверждаться въ Англіи, пока наконецъ не смѣнился, съ Вильгельмомъ Завоевателемъ, норманнами Галліи, уже въ то время христіанами и офранцузенными.

Въ восточныхъ славянскихъ земляхъ, будущей Россіи, завоеванія норманновъ имѣли тотъ же характеръ, что и на западѣ Европы, въ странахъ германскихъ и романскихъ. Но первый же походъ варяговъ-руси изъ средняго Поднѣпровья на Константинополь положилъ начало новымъ вліяніямъ, сначала только нѣскольکو стѣснявшимъ завоевателей, а потомъ быстро и рѣшительно помогшимъ завоеванному славянскому населенію сократить, смягчить силу и наглость завоевателей, а затѣмъ и растопить ихъ шайки въ морѣ славянскомъ.

Крещеніе руси при Аскольдѣ повело къ появленію въ Киевской области епископа и къ образованію маленькой общины христіанской. Убѣдившись въ никогда еще ими невиданномъ могуществѣ и богатствѣ Византійской имперіи, признавая свою слабость передъ нею, варяги-русы, по обычаю норманскому, просятъ о крещеніи и заявляютъ о желаніи своемъ служить въ арміи и во флотѣ византійскомъ, рассчитавъ, что при хорошемъ жалованьи они могли бы еще добыть себѣ много добра въ походахъ на богатыхъ сарацингъ и даже, не состоя на службѣ, а проживая въ Византіи, въ качествѣ купцовъ, могли бы нажиться торговлей мѣхами, кожей, рыбою и другими товарами изъ новозавоеванныхъ земель славянскихъ.

Отправляясь въ болѣе или менѣе продолжительное плаваніе для добычи себѣ славы и богатства, викинги обыкновенно брали съ собою скальдовъ для воспѣванія подвиговъ минувшихъ и предстоящихъ.

Прошло лѣтъ двадцать послѣ крещенія руси при Аскольдѣ и Дирѣ; является передъ Киевомъ Олегъ съ Игоремъ и съ большою ратью изъ варяговъ, словѣнъ новгородскихъ, кривичей, веси, чуди, мери, забравшею передъ тѣмъ Смоленскъ, городъ кривичей, и Любечъ, городъ сѣверянъ.

Внесенный въ первоначальную лѣтопись, весь рассказъ объ Олегѣ записанъ несомнѣнно не въ концѣ XI и не въ началѣ XII вв., а гораздо раньше. Онъ, можно сказать, распадается на двѣ и даже на

три части. Первая двѣ части состоятъ: 1) изъ свѣдѣній, часто погодныхъ, объ убійствѣ Аскольда и Дира и занятіи Кіева, о завоеваніи Олегомъ древлянъ, сѣверянъ и радимичей, объ его войнѣ съ угличами и тиверцами, о проходѣ угровъ мимо Кіева (сказаніе о Константинѣ Философѣ и Меодин—ноздѣйшая вставка не раньше XI—XII вѣковъ), 2) извѣстій о походѣ Олега на грековъ и объ его смерти, 3) изъ краткаго пересказа перваго договора Олега съ греками и цѣлаго почти списка втораго его договора съ греками. Частный пересказъ перваго и списокъ втораго договора могли быть внесены и впоследствии, хотя возможно, что Олегъ самъ приказалъ внести ихъ въ начавшуюся при немъ лѣтопись.

Если вторая часть носитъ характеръ чисто норманскій, сильно отзывается хвастливыми преувеличеніями скандинавскихъ сагъ, то рассказъ о смерти Олега основанъ на чисто сказочномъ мотивѣ, встрѣчаемомъ въ сагахъ. Первая же часть этихъ сказаній написана почти современникомъ Олега и несомнѣнно славянскимъ, а слѣдовательно и христіанскимъ, такъ какъ язычникъ славянинъ, писавшій въ Кіевѣ въ исходѣ IX вѣка и не позже первой четверти X вѣка, не могъ знать грамоты и не сталъ бы ничего записывать. Вторая же часть (собственно рассказъ о походѣ на Константинополь) характера норманскаго писана тоже славянскимъ, быть можетъ по рассказамъ или разсказу варяжскому, хотя между участниками и очевидцами этого похода были и славяне.

Вообще наша первоначальная лѣтопись, особенно за періодъ норманскій, носитъ строго-офіціальнѣйшій характеръ. Норманны любили славу и желали оставить по себѣ память.

Славянамъ-христіанамъ въ Кіевѣ, съ приходомъ и воцареніемъ въ немъ Олега и съ убійствомъ Аскольда и Дира, было на первыхъ порахъ безъ сомнѣнія очень жутко. Какіе бы ни были счеты и несогласія у полянъ съ древлянами, сѣверянами и пр., но все же эти славянскія племена были гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ къ находившимъ и насильникамъ-варягамъ. Каковы бы ни были варяги Аскольдъ и Диръ, но къ нимъ поляне уже успѣли попривыкнуть. Внезапно же нагрянувшій на Кіевъ Олегъ открываетъ свою завоевательную дѣятельность коварнымъ убійствомъ Аскольда и Дира. Можно быть увѣрену, что у побѣжденныхъ кіевскихъ славянъ и особенно у ставшихъ, за двадцать лѣтъ до появленія Олега, христіанами приходъ и воцареніе Олега съ новыми шайками варяговъ должны были считаться великимъ бѣдствіемъ, такъ какъ вели за собой цѣлый рядъ обидъ и

насилій, какими обыкновенно сопровождалось появленіе современныхъ норманскихъ викинговъ въ другихъ частяхъ Европы. Нигдѣ они не чинились съ мирнымъ населеніемъ странъ, куда бы они ни вторгались. Въ домахъ туземцевъ, гдѣ они заказывали себѣ наилучшее угощеніе, они располагались какъ у себя дома, заставляя хозяевъ стоять передъ ними и служить имъ, молча и терпѣливо выносить ихъ наглое поведеніе съ женами и дочерьми хозяевъ. Ни за что не платя, они забирали изъ домовъ все, что имъ нравилось. За всякій отказъ или малѣйшее сопротивление туземцевъ они жестоко мстили, расправлялись безпощадно. Ничего подобного мы не находимъ въ нашей лѣтописи, и не потому, что, при завоеваніяхъ Олега, все совершалось тихо и гладко, мирно и любовно, а потому, что лѣтопись наша, особенно норманскаго періода, была официальная. Люди писали подъ страхомъ, оглядываясь по сторонамъ и опасаясь, какъ бы не раздражить насильниковъ. Сказавъ о томъ, какъ, подплывая къ Кіеву и остановясь подъ Угорскимъ, спрятавъ своихъ воевъ въ ладѣ, онъ послалъ сказать Аскольду и Диру, прибыли де гости (торговцы), идемъ въ Грецію отъ Олега и Игоря княжича. Когда же Аскольдъ и Диръ пришли, они всѣ повыскакали изъ ладей, и Олегъ имъ сказалъ: „вы не князья и не княжескаго рода, а я рода княжескаго“, потомъ вынесли Игоря, и Олегъ сказалъ: „а онъ сынъ Рюриковъ“. И убили Аскольда и Диру и понесли ихъ тѣла на такъ называемое Угорское, гдѣ (нынѣ) Олминъ дворъ; на той могилѣ поставилъ Олма церковь св. Николы; а Дирова могила за святою Ориною. И сѣлъ Олегъ княжить въ Кіевѣ, и сказалъ Олегъ: „се буди мати городомъ рускимъ“.

Такъ опасно, осторожно, боясь, какъ бы не проговориться и не сказать чего отъ себя, говоритъ лѣтописецъ-христіанинъ и славянинъ о великомъ переворотѣ Олега, заявившаго при этомъ о неизвѣстныхъ Кіеву правахъ на него столь же неизвѣстнаго ему Рюрика. Не редактору свода, а первому же официальному лѣтописателю Олегову принадлежитъ конечно и разсказъ о вторичномъ призваніи варяговъ-руси съ знаменитыми словами: „земля наша велика и обильна, но нѣтъ наряду, придите володѣть нами“. Олегъ старался выдѣрить въ умы покоренныхъ славянъ о занятомъ варягами положеніи среди нихъ. Старанія его увѣнчались успѣхомъ. Еще въ XIX вѣкѣ наши историки строго держались этого *призванія*. Какъ бы въ утѣшеніе своимъ, первый лѣтописатель влагаетъ въ уста Олега про Кіевъ: „се буди мати городомъ рускимъ“. *Мати городовъ*—этотъ буквальный переводъ греческаго *μητρόπολις* встрѣчается въ древнемъ славян-

скомъ переводѣ наремеишка, и конечно это выраженіе взято отсюда, дабы скрыть затаенную, но утѣшительную мысль, что Кіевъ съ областью станетъ со временемъ вполне христіанскимъ и его епископъ (автокефальный епископъ) или митрополитъ будетъ со временемъ митрополитомъ всѣхъ русско-славянскихъ племенъ. Только въ одномъ мѣстѣ позволилъ себѣ лѣтописецъ намекнуть на варяжскія насилія: „поча Олегъ воевати на древлѣны, и *примучивъ* я, поча на нихъ дань имать по чернѣ кунѣ“. Замѣтка о проходѣ угровъ мимо Кіева должна была быть записана не лѣтописцемъ конца XI и начала XII вѣка, а гораздо раньше. Что же касается второй части, т. е. сказаній о походѣ Олега на грековъ и объ его смерти, то первое сказаніе записано конечно не очевидцемъ. Записавшій его могъ развѣ видѣть отъѣздъ Олега и его рати къ Константинополю. Впрочемъ весь этотъ рассказъ о дѣйствіяхъ флотиліи Олега подъ Царегородомъ и о *множествѣ* влѣтыхъ имъ съ собою „варягъ, словѣнъ и чуди и кривичей и мери и полянъ и сѣверы и древлѣнъ и радимичей и хорватовъ и дулѣбовъ и тиверцевъ, и что „съ сѣми всѣми понде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ“, числомъ послѣднихъ было де 2.000, весь этотъ рассказъ внушаетъ очень мало довѣрія, такъ какъ византійскіе историческіе источники совершенно умалчиваютъ о побѣдахъ Олега и слѣдовательно о вновь постигшихъ Византію отъ *безбожной руси* бѣдствіяхъ. Въ нашемъ же рассказѣ говорится, что Олегъ вышелъ на берегъ и, повелѣвъ воюмъ стащить ладьи на берегъ, сталъ воевать около города, при чемъ „*многю* убиство створи грекомъ и полаты многы разбиша, а црквы пожгоша“, а захваченныхъ жителей въ плѣнъ однихъ порубили, другихъ мучили, иныхъ разстрѣляли, а другихъ въ море побросали: „и ина многа зла творяху русь грекомъ, елико же ратнии творять“. Но Олегъ этимъ не удовольствовался, а приказалъ воюмъ изготовить колеса и поставить ладьи (въ лѣтописи корабли) на колеса и, благодаря попутному, дувшему въ паруса вѣтру, онъ быстро двинулся къ городу. Увидавъ это, греки испугались и просили Олега не губить города, обѣщая уплатить дань, какую захочетъ. Олегъ остановилъ своихъ воевъ (и свои парусные корабли на колесахъ), а греки вынесли брашно и вино, но Олегъ этого не принялъ: „бѣ бо устроено съ отравою“. Убоялись греки и сказали: „это не Олегъ, а св. Димитрій, посланный на насъ Богомъ“. И приказалъ Олегъ выдать ему окупъ — на 100 или 200 кораблей ¹⁾, по

¹⁾ Въ сп. Арх. Ком. на 100, 200 кор., въ Толст. на 100.

12 гривенъ на человѣка, а въ каждомъ кораблѣ было по 40 человѣкъ, и того 8 или 16 тысячъ человѣкъ (по 12 гривенъ на каждого). Греки обязались де уплатить и начали просить мира, только бы Олегъ не воевалъ греческой земли.

Молчаніе греческихъ источниковъ объ этомъ позорномъ для императора Льва VI происшествіи тѣмъ удивительнѣе, что главный византійскій историкъ его царствованія (продолжатель Теофана) относится къ нему крайне враждебно, называя его правленіе дурнымъ и несчастнымъ. Относительно виѣшнихъ дѣлъ его царствованія онъ говоритъ иногда подробно, отмѣчая почти исключительно неудачныя для грековъ, за исключеніемъ впрочемъ морской побѣды Имерія надъ арабами, и умалчивая объ успѣшныхъ дѣлахъ, о коихъ говорятъ сами арабскіе источники. Гиршъ указалъ ¹⁾ при этомъ на четыре удачныя экспедиціи грековъ противъ арабовъ, извѣстныя намъ лишь изъ арабскихъ источниковъ. Продолжатель Теофана очень хорошо знакомъ со всѣми придворными происшествіями въ царствованіе Льва VI, слѣдовательно долженъ былъ близко знать, что происходило въ Константинополѣ, и конечно не преминулъ бы рассказать о блестящемъ походѣ Олега и полномъ униженіи Льва VI.

Эти подробности и данныя нашего лѣтописнаго разсказа отличаются чисто сказочными чертами и хвастливыми преувеличеніями скандинавскихъ сагъ. Во Франціи и у насъ конечно викинги нерѣдко перетаскивали или перекатывали свои ладьи по суху отъ рѣки до рѣки, но конечно варяги Олеговы не ставили на колеса свои корабли да еще съ парусами, и корабли ихъ на парусахъ конечно не подкатились къ городу. Одна подробность нашего лѣтописнаго сказапня очень любопытна, а именно, что испуганные греки будто говорили: „это не Олегъ, а св. Димитрій Солунскій, посланный на насъ отъ Бога“. Эта подробность позволяетъ думать, что часть Олеговыхъ варяговъ уже была на службѣ у грековъ въ Солуни, быть можетъ еще въ 904 г., во время осады и взятія ея арабами. Если царградскіе греки (напримѣръ, патриархъ Николай Мистикъ въ своей проповѣди по поводу этого взятія Солуни) говорили: „Гдѣ св. Димитрій, непобѣдимый союзникъ! Какъ предалъ ты на разрушеніе свой городъ“?, то жители солунскіе въ негодованіи на слабую помощь отъ Византіи вѣроятно грозили Византіи, что ее накажетъ св. Димитрій. Такъ бывало миланцы передъ разрывомъ съ Венеціею тайно наклеивали на стѣнахъ ея дворцовъ и

¹⁾ Hirsch, *Frd. Byzant. Stud.* I. p. 170. Ss. 68—69.

храмовъ записочки: „Берегись св. Марко, тебя прогонитъ св. Амвросій“. Если вѣроятно, что русы побывали въ Солуни въ 904 г., то нѣтъ никакой надобности утверждать, что русы стали приниматься на службу византійцамъ, какъ полагаетъ Васильевъ ¹⁾, лишь съ 907 г., съ похода Олега и *подготовительнаго* съ нимъ договора 907 г. Русы несомнѣнно стали служить Византіи еще съ 866—867 г., когда Фотій писалъ, что они обѣщали вступить въ ряды подданныхъ и союзниковъ (τῶν ὑπηκόων καὶ προξένων) имперіи. Вообще въ нашемъ лѣтописномъ сказаніи объ олеговомъ походѣ смѣшаны происшествія разнородныя и разновременныя. Такъ упоминаніе о взятіи Олегомъ съ собою конницы относится несомнѣнно къ другому году и къ другому времени. Можетъ Симеонъ Болгарскій нанималъ русовъ, когда задумывалъ идти на Солунь, или подкупалъ ихъ Левъ VI, чтобъ они угрожали Симеону и тѣмъ удержали его отъ этого предпріятія, или тутъ разумѣется то время, когда Николай Мистикъ писалъ Симеону ²⁾, что Византія будетъ принуждена обратитъ противъ него русовъ, печенѣговъ и аланъ съ сѣвера и мадьяръ съ запада, но это уже было при Игорѣ.

Всячески вѣрній Олегъ не былъ легкомысленъ и безразсуденъ, какъ его предшественникъ Аскольдъ или преемникъ Игорьъ, такъ неудачно окончившіе свои походы на Царьградъ. Отрицать безусловно его плаваніе подъ Константинополь нельзя, но нельзя и принимать его въ томъ видѣ и смыслѣ, какъ онъ представленъ въ лѣтописномъ сказаніи. Конунгъ Олегъ былъ вполнѣ самовластенъ надъ поддавшимся ему славянскимъ населеніемъ, но подъ его рукою были тоже конунги, сидѣвшіе въ городахъ Черниговѣ, Переяславлѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ и Любечѣ, и многочисленныя ярлы, жившіе въ Кіевѣ и во всѣхъ этихъ городахъ. Тѣ и другіе далеко не считали себя настолько же подвластными Олегу, насколько были подвластны ему имъ покоренные и покорившіеся славяне. Мы знаемъ изъ сагъ, какъ малые конунги и ярлы относились къ великому конунгу и какого вниманія они отъ него къ себѣ требовали ³⁾. Получивъ себѣ города (Черниговъ, Пере-

¹⁾ *Васильевъ*, Византія и арабы (867 — 959 гг.). Слб. 1902 г., стр. 166 и слѣд. Нельзя согласиться, что подготовительный договоръ русовъ съ греками 907 г. былъ подтвержденъ письменно въ 911 г. И договоръ 907 г. былъ конечно письменный, только цѣликомъ не сохранился.

²⁾ Migne P. gr. Ep. XXIII.

³⁾ Въ сагѣ Heimskingla (Snorri Sturlason'a) Торпніи говоритъ Олафу конунгу шведскому въ присутствіи младшихъ конунговъ и ярловъ: „Все сидѣвшіе встали съ своихъ мѣстъ и стояли, чтобы слушать его: tunc primum exstitit strepitus et

иславль и пр.) въ кормленіе подручные князья и менѣе надѣленные ярлы, проводя жизнь въ извѣстномъ довольствѣ и праздности, забавляясь охотою и пирами, развѣзжали по селеніямъ, гдѣ забирали все и вся, что и кто (изъ дѣвушекъ и женщинъ) имъ нравился, все-жъ таки скучали и, какъ герои-романтики, буржуазнымъ счастьемъ не довольствовались. Мечтая о славѣ и богатствѣ (серебрѣ, золотѣ, нарчахъ), они съ жадностью и завистью слушали рассказы о богатствахъ сарацынскаго и греческаго юга отъ наѣзжавшихъ купцовъ мусульманъ и своихъ, торговавшихъ въ Греціи, варяговъ. Они слышали, что въ Греціи ихъ мало уважають и притѣсняютъ, что, при иныхъ условіяхъ, и торговлею и службою въ войскѣ и во флотѣ императорскомъ они бы могли гораздо больше нынѣшняго заработать себѣ и серебра и золота. Сознавая опасность скуки и праздности своихъ варяговъ, вѣщій Олегъ не могъ не внять созрѣвавшей въ нихъ мысли о необходимости набѣга на Грецію. Походъ Олеговъ дѣйствительно былъ, но непременно въ 907-мъ году или нѣсколько раньше или нѣсколько позже, конечно нельзя сказать съ увѣренностью, но всячески онъ

fremitus armorum. Наконецъ воцарилось молчаніе". Торгій заговорилъ: про своего дѣда, служившаго у Эйрика, сына Эймундова, конунга Унсальскаго: „будучи еще въ цвѣтущемъ возрастѣ этотъ конунгъ (приводимъ латинскій переводъ Рафна) *evocatis quavis aetate copiis expeditionem in varias terras facere, et Finniam, Kirialos, Estoniam, Curlandiam multasque partes Orientis subegisse et etiamnum cernere licet terreneas illas arcas aliaque amplissima monumenta quae facienda curavit; neque tamen adeo erat fastu inflatus, ut aures non praerbet hominibus, si de rebus necessariis cum eo colloqui vellent*". Далѣе Торгій вспомнилъ своего отца, долгое время сообщавшагося съ сильнымъ же конунгомъ Нјёрне, который де тоже *erga amicos facilem se praebuit*. Самъ, наконецъ, Торгій привоинилъ лично ему знакомаго „*Giricum victoriosum*", сопровождалъ де его во многихъ походахъ—и *hic imperium Sveionum amplificavit fortiterque defendit; at ille consiliis nostris faciles aures praebuit; qui vero nunc est rex, nemini libertatem permittit secum colloquendi, nisi solummodo de his, quae ipsi placeant, atque hoc summa contentione urget; provinciis vero tributariis se spoliari potitur propter inertiam et ignaviam; Norvegiae regnum sub sua potestate tenere cupit, quod nemo ex regibus Sveionum ante eum appetivit; quao res multis hominibus molestiam facessit; jam nostra colonorum voluntas est, ut pacem cum Olavo crasso, rege Norvegiae, facias, et Ingigerdam filiam tuam in nuptum des; quod si provincias Orientis, quas cognati majoresque tui ibi possederunt, recuperare cupis, te omnes ad hanc rem sequi volumus; sin vero dietis nostris aures praebere nolueris, impetum in te faciemus atque te interficiemus, neque turbari a te pacem legesque violari patiemur, sic prisci majores nostri fecerunt, qui quinque reges, eodem, quo tu in nos, fastu antea inflatos, comitis Mulensibus in unam paludem praecipitarunt. (Raffn. Antiquités russes I. 316—317).*

быль не таковъ, каковымъ его представилъ варяжскій скальдъ или славянскій лирикъ, передававшій или почти что продиктовавшій свой рассказъ о немъ записавшему его въ Кіевѣ неизвѣстному писателю, грамотному славянину христіанину. Очень вѣроятно, что этотъ рассказъ сообщенъ очевидцемъ же. Не надо забывать, что умѣнье точно и достовѣрно передать извѣстное событіе является у народовъ не сразу. Оно развивается медленно. И теперь о какомъ-нибудь чрезвычайномъ или даже простомъ фактѣ, но происшедшемъ въ совершенно новой и поразительной для рассказчика обстановкѣ, простой человѣкъ съ поэтической способностью, съ развитымъ на сказкахъ, былинахъ и думахъ воображеніемъ, передастъ этотъ простой фактъ такъ, что тутъ же съ нимъ бывшіе и все видѣвшіе и слышавшіе, люди развитые и къ анализу привыкшіе бываютъ перѣдко готовы обвинить этого простого человѣка въ преднамѣренной хитрости и въ сознательномъ лукавствѣ. Правда, тутъ есть ложь и обманъ, но совершенно искренній, исходятъ не изъ испорченнаго сердца и не изъ хитраго ума; это ложь присущая всякому поэтическому представленію, это „насъ возвышающій обманъ“ художника. Рассказчикъ передавалъ добросовѣстно то, что ему представлялось и что въ немъ одновременно объяснялось и обдумывалось, что въ немъ запечатлѣвалось и наконецъ, по прошествіи извѣстнаго времени, окончательно запечатлѣлось и сложилось. Такимъ образомъ и самое сказаніе объ Олеговомъ походѣ могло быть записано еще при жизни Олега и всячески не позже первой четверти X вѣка. То же самое надо сказать и о вошедшемъ въ нашу лѣтопись, поэтическомъ преданіи о смерти Олега. И въ памяти варяговъ, и въ памяти славянъ, и въ памяти огромнаго большинства язычниковъ, и въ памяти небольшой кучки тогдашнихъ христіанъ лицо Олега было окружено почетомъ и уваженіемъ. Язычникъ, онъ не преслѣдовалъ христіанъ и даже оцѣнилъ великую пользу книжнаго и письменнаго ихъ знанія; понимая, что они лучше неграмотныхъ его скальдовъ передадутъ потомству объ его подвигахъ, онъ привлекалъ грамотныхъ славянъ христіанъ и къ участию въ заключеніи имъ письменныхъ договоровъ съ греками. Благодаря Олегу, мы имѣемъ на русскомъ языкѣ и позднѣйшіе съ ними договоры Игоря и Святослава, руководившихся въ этомъ случаѣ уже примѣромъ Олега. Благодаря Олегу, такъ какъ не безъ его участія христіане изъ славянъ стали въ его правленіе вести лѣтописныя замѣтки,—мы русскіе получили въ концѣ XI и въ началѣ XII в. лѣтописца Нестора или Сильвестра, справедливо называемаго—редакторомъ лѣтописнаго свода, первая за-

писи коего восходятъ къ исходу IX вѣка. При преемникахъ Олега: Игорѣ, Ольгѣ, Святославѣ, Владиміръ, записи увеличиваются количествомъ и объемомъ.

Эти мелочныя подробности приведены нами для возможно-лучшаго отвѣта на поставленный въ началѣ предыдущей главы вопросъ: „отчего въ начальной нашей лѣтописи ничего не говорится о такъ называемомъ первомъ крещеніи Руси?“ (6369—6370 г. или 861—862 г.).

XXV.

Начатки нашей лѣтописи, какъ и значительной части лѣтописной западно-европейскихъ, совпадаютъ съ начатками христіанства и государственности. Первые наши лѣтописныя записи были официальнаго характера. Онѣ были начаты въ исходѣ IX вѣка, лѣтъ черезъ двадцать послѣ перваго крещенья Руси славянскими первоучителями, Солунскими братьями Константиномъ философомъ и Меѳодіемъ, въ 855 г. составившими славянскія письмена и переложившими на славянской языкъ рядъ молитвъ и нужныя для богослуженія Евангельскія и апостольскія чтенія. Крещено ими было въ такъ называемой хозарской (русской) миссіи двѣсти человекъ простой чади съ женами и дѣтьми. Съ тѣмъ вмѣстѣ было основано патріархомъ Фотіемъ епископство для крещеной Руси. При выраженной тогдашними правителями Аскольдомъ и Диромъ терпимости и даже доброжелательности къ христіанамъ, эта маленькая христіанская община, съ появленія на Русь епископа, за двадцать лѣтъ своего существованія успѣла нѣсколько устроиться, при церкви обзавелась и школою, гдѣ сверхъ чтенія и писма славянскаго, способнѣйшіе ученики пріѣзжими, съ епископомъ, греками или южными славянами греческаго образованія, обучались и греческому языку. Для Царяградскаго патріархата и имперскаго правительства этотъ постъ въ обширной завоеванной русами славянской землѣ, незадолго передъ тѣмъ давнишия себя знать Византіи, имѣлъ очень важное значеніе. Дорожили имперія и патріархатъ какъ успѣхами христіанства въ этой новооткрытой для нихъ странѣ, такъ и всѣми мирными отношеніями ея населенія къ Византіи и успѣхами какъ въ развитіи торговыхъ сношеній русовъ съ Византією, такъ и въ поступленіи ихъ на службу въ ея флотъ и въ армію. Можно думать, что Царьградъ выбиралъ людей особенно годныхъ и способныхъ для охраненія и развитія недавно основанной на далекомъ отъ него сѣверѣ общины христіанской.

Эта внимательность къ ней особенно должна была усилиться съ совершеннаго Олегомъ переворота въ Кіевѣ и убійствомъ первыхъ привителей русскихъ, наладавшихъ на Константинополь и потомъ искавшихъ его покровительства. Карамзинъ совершенно вѣрно замѣчалъ, говоря: „Вѣроятно, что сношеніе между Константинополемъ и Кіевомъ не прерывалось со времени Аскольда и Дира; вѣроятно, что цари и патріархи греческіе старались умножить число христіанъ въ Кіевѣ и вывести самого князя изъ тьмы идолопоклонства; но Олегъ принималъ можетъ быть священниковъ отъ патріарха и дары отъ императора, вѣрилъ болѣе всего мечу свосму, довольствовался мирнымъ союзомъ съ греками и терпимостью христіанства. Мы знаемъ, по византійскимъ извѣстіямъ, что около сего времени Россія считалась 60 архіепископіею ¹⁾ въ спискѣ епархій, зависѣвшихъ отъ главы константинопольскаго духовенства; далѣе Карамзинъ привелъ не относящіяся къ дѣлу данныя въ пользу совершенно впрочемъ вѣрнаго положенія, что русы находились на службѣ Византіи въ первыхъ годахъ X вѣка ²⁾).

¹⁾ Объ этомъ у насъ рѣчи будетъ ниже,—оно не совсѣмъ такъ.

²⁾ Карамзинъ Эян. с. 78. Васильевъ, Византія и арабы. II. С.-Пб. 1902, стр. 163 и сл., указала, что прежде морскую экспедицію Имерія невѣрно относили къ 902 г., затѣмъ къ 903, даже къ 906, 907, 908 годамъ. тогда какъ она произошла въ 910 году. Константинъ Порфирородный, не обозначая времени этой экспедиціи, говоритъ, что въ ней участвовало 700 человекъ русовъ. Но эта экспедиція Имерія относится несомнѣнно къ концу 909 или къ началу 910 года. Изъ этого впрочемъ еще не слѣдуетъ, что до этого года русы не вступали на службу Византіи. Изъ словъ патріарха Фотія (объ изъявленномъ русами желаніи креститься и встать въ ряды ел τῶν ἁγίων καὶ προσηύον) можно заключать, что еще до Олега русы искали и просились на службу Византіи. Постоянно нуждался въ пушечномъ мясѣ, она охотно принимала къ себѣ разныхъ варваровъ, достигая этимъ, между прочимъ, повода и права вытѣпываться при случаѣ въ дѣла пхъ странъ и возвышать въ нихъ свой авторитетъ. Нельзя согласиться съ соображеніями Васильева о походѣ Олега на Константинополь, какъ будто выбраннаго удачную минуту для нападенія. Но Олегъ лѣтомъ 907 года не могъ знать объ измѣнѣ Андроника (весною 907 г.) и могъ лишь въ концѣ 907 или въ началѣ 908 года услышать о блестящей побѣдѣ Имерія (6 октября 907 г.). Лѣтомъ же Византія 907 года вовсе не находилась въ такомъ критическомъ положеніи, какъ, напримѣръ, лѣтомъ 860 года. Что русы ходили въ Византію и до 907 года, видно изъ условій этого же года, гдѣ между прочимъ читаемъ: „аще приидуть Русь бес купле, да не взимають мѣсячины; да запрятитъ князь людемъ своимъ, приходящимъ Руси здѣ, да не творять пакости в селехъ и въ странъ нашей“. А въ договорѣ 911 года: „на удѣржаніе и на извѣщеніе отъ многихъ лютъ мсжу Христіяны и Русью бывшую любовь“ (внимательный надежъ вмѣсто роди-

Нельзя не считать совершенно вѣрнымъ соображеніе Карамзина, что Византія сносилась съ Олегомъ и, благодаря особенно насажденнымъ уже начаткамъ христіанства, желала ладить съ нимъ. Судя по заключеннымъ имъ договорамъ съ греками (907 и 911 г.), Олегъ въ своемъ походѣ преслѣдовалъ уже другія цѣли, чѣмъ Аскольдъ и Диръ, хотѣвшіе только поворовать и пограбить. Онъ снарядилъ свою флотилію и поплылъ къ Константинополю, дабы занять и развлечь своихъ подручныхъ конунговъ, свою и ихнюю дружину, быть можетъ даже спустить и устроить часть варяговъ въ Греціи, взять съ Византіи побольше поминковъ за будущую дружбу къ ней, за обѣщаніе впредь не позволять своимъ русамъ грабить царскія земли, хотѣлъ наконецъ добиться увеличенія платы за наемную службу русовъ у грековъ, улучшенія положенія русскихъ торговцевъ въ Греціи и расширенія торговыхъ съ нею сношеній. Наконецъ умный Олегъ хотѣлъ самъ посмотреть Византію и ея порядки. Очень вѣроятно, что его конунги и яры не упустили случаевъ, гдѣ можно было, поворовать и пограбить. По свидѣтельство договоровъ и совершенно иное положеніе Византіи въ 907—911 гг., чѣмъ въ 860 г., наконецъ самый умъ Олеговъ, не позволяютъ придавать его походу хищническаго, пиратскаго значенія походовъ Аскольда и Игоря. Неупоминаніе въ Олеговыхъ договорахъ о русахъ-христіанахъ и упоминаніе о нихъ въ договорѣ Игоря, кажется, показываетъ, что христіанская община въ Кіевѣ состояла преимущественно изъ славянъ или по крайности русы-христіане при Олегѣ, не такъ, какъ при Игорѣ, въ Константинополѣ не хаживали ¹⁾. При заключеніи договора Олега съ греками присягаютъ русы только по язычески, тогда какъ договоръ Игоря обязательно скрѣпляется христіанскою присягою русовъ-христіанъ и языческою русовъ язычниковъ. Въ лѣтописи читаемъ, что, по заключеніи этого договора, пришли въ Кіевъ съ послами Игоревыми и послы греческіе, объявившіе Игорю, что его послы присутствовали при присягѣ цари нашего, мы же посланы царемъ привести тебя къ присягѣ (ротѣ). И на другой день послалъ Игорь за послами и пошелъ на холмы, гдѣ

толького). Да и разныя условія 907 года указываютъ уже на сложившіяся, а не на только что возникшія, отношенія и связи руси и грековъ.

¹⁾ И еще ускочить челадникъ отъ Руси, понеже приидуть въ страну царства нашего, я отъ святаго Мамы, и аще будетъ и обрящется, да поимуть и; аще ли не обрящется,—да на роту идуть *наши крестыяная Русь*, а не хрестыяни и по закону своему: ты тогда взимають отъ насъ итну свою, якоже уставлено есть преже, 2 *наволоць* за челадникъ. (Дог. Иг.).

стоялъ *Перунъ*, и положили они оружья свои и щиты и золото, и ходилъ Игорь къ ротѣ (присягѣ) и мужи его и *елико поганые русы; а хрестыянню Русь водили въ церковь св. Ильи...* При этомъ въ лѣтописи прибавлено, очевидно, позднѣйшею рукою: „се бо бѣ съборная церква, мнози бо бѣша варязи хрестыяни“.

Передъ *Перуномъ* ли или *Одиномъ* присягалъ Игорь съ своими единовѣрцами? Кто могъ помѣшать тогдашнимъ варягамъ поставить на тѣхъ же холмахъ и *Одина* и *Тора*? Поклонялись ли они уже въ это время богамъ завоеванныхъ? Или авторъ записи (сохраненной въ первоначальной лѣтописи) называлъ истукана скандинавскаго *Перуномъ*? Последнее вѣроятнѣе и можетъ представить лишь новое доказательство, что авторъ лѣтописныхъ замѣтокъ, не только при Олгѣ, но и при Игорѣ, былъ изъ славянъ-христіанъ. Слѣдующая затѣмъ позднѣйшая прибавка выражаетъ какъ бы особое удовольствіе. Только что прочитавъ, что христіане-варяги присягнули „въ церкви св. Ильи, *яже есть надъ ручьемъ, концы Пасынцы бесѣды и Козарѣ*“, переписчикъ и можетъ быть ближайшій продолжатель не могъ воздержаться и не прибавить съ чувствомъ удовлетворенія: „се бо бѣ съборная церква, мнози бо бѣша варязи хрестыяни“.

Если бы церковь св. Ильи въ Кіевѣ была варяжская и богослуженіе въ ней происходило на готскомъ языкѣ, то всѣ первоначальныя лѣтописныя замѣтки, вошедшія въ сводъ Нестора или перваго нашего лѣтописца, а также и договоры съ греками—были бы писаны на готскомъ языкѣ или по-славянски, но готскими буквами. *Мнози бо бѣша варязи хрестыяни*. Слѣдуетъ ли изъ этихъ словъ, что въ то время въ Кіевѣ были христіане только варяги, и грамотные изъ нихъ читали и писали по готски? Тогда слѣдовало бы признать, что славянъ-христіанъ въ Кіевѣ, за время Олега и Игоря, т. е. до половины X вѣка, или вовсе не было, или, если были, то они тоже понимали по готски? Но небольшая толпа норманскихъ завоевателей у насъ и вездѣ въ Европѣ принимала языкъ побѣжденныхъ, а не прививала имъ свой языкъ. Такъ норманны приносили и привнесли нѣкоторое количество словъ въ языкъ французскій ⁴⁾ занятой ими части Франціи; она и понынѣ носитъ названіе Нормандіи. Точно также первое завоеваніе Англіи норманнами внесло въ англійскій языкъ цѣлый рядъ словъ датскихъ и норвежскихъ, а второе ея завоеваніе уже офранцузженными норманнами—порядочное количество словъ французскихъ.

⁴⁾ Depping, Hist. des Normands. Paris, 1826, II, 228 ss., 237 ss.

Внесли норманны, преимущественно если даже не исключительно шведы, известное число своихъ словъ и въ нашъ языкъ, передали и свое имя (Рось, Русь) сначала Киевской области, а потомъ и всему славянскому племени, а затѣмъ и всему населенію нашего края и нашего государства. Какъ бы мы ни увеличивали количества нашихъ норманскихъ завоевателей въ IX в., однако все же они въ занятомъ ими краѣ составляли незначительный процентъ населенія, потому должны были мало по малу обучиться языку славянскому и со второго поколѣнія стать *bilingues*, при чемъ эти *bilingues* только уже съ третьяго поколѣнія, и то вѣроятно не всѣ, могли уже свободнѣе владѣть языкомъ славянскимъ, чѣмъ скандинавскимъ.

Первоначальныя лѣтописныя записи объ Аскольдѣ и Дирѣ и о правленіи Олега и Игоря, равно какъ и ихъ договоры съ греками, служа наилучшимъ подтвержденіемъ свидѣтельства мниха Храбра о появленіи кирилловской азбуки и появленіи главнѣйшихъ переводовъ Константина Философа въ 855 г. и представленнаго нами объясненіи хазарской миссіи славянскихъ апостоловъ, заставляютъ насъ признать, что въ періодъ времени отъ начала 60-хъ гг. IX вѣка до половины X вѣка, т. е. отъ перваго крещенія Руси при Аскольдѣ до частнаго крещенія княгини Ольги ¹⁾, большинство христіанъ въ Киевѣ состояли изъ славянъ, изъ побѣжденныхъ, а не изъ варяговъ побѣдителей. Житіе Константиново говоритъ о *крестившихся простой чаді* съ женами и дѣтьми—да и проповѣдь христіанская на родномъ или близко-родственномъ языкѣ была понятнѣе и доступнѣе славянамъ русскимъ, униженнымъ и оскорбленнымъ, чѣмъ русамъ-варягамъ, ихъ завоевателямъ и оскорбителямъ, въ то время мало еще и понимавшимъ по славянски. Въ сохранныхъ нашимъ первоначальнымъ лѣтописцемъ или редакторомъ древнихъ записяхъ—замѣткахъ объ Олегѣ, Игорѣ нѣтъ ни слова сожалѣнія о погибшихъ отъ руки Олега Аскольдѣ и Дирѣ,—первые же наши христіане не могли ихъ не жалѣть и не чтить ихъ намяти за ихъ терпимость и за вызовъ христіанскихъ проповѣдниковъ. Воздержаніе отъ выраженія негодованія или сожалѣнія о гибели Аскольда и Дира, равно какъ и молчаніе нашей лѣтописи о первомъ крещеніи Руси и его ближайшихъ послѣдствіяхъ—явленіи енискона и осно-

¹⁾ Впрочемъ съ Ольгой въ Константинополь была многочисленная прислуга, вѣроятно и большая часть бывшихъ въ ней изычниковъ тоже была крещена, какъ была вѣроятно крещена и ключница Ольгина, рабыня, конечно не норманка, Малуша, сестра Добрынина, мать Владимірова.

внѣніи небольшой христіанской общины объясняются официальнымъ характеромъ этихъ начатковъ русской лѣтописи, веденныхъ, въ теченіе ста съ небольшимъ лѣтъ, въ правленіе строгихъ язычниковъ первыхъ князей варяжскихъ, Олега, Игоря ¹⁾, Святослава и Владимира до его крещенія. Всякая рѣчь о первомъ крещеніи Руси при Фотіи напоминаетъ бы Аскольда и Дира, убитыхъ Олегомъ быть можетъ и не за одно то, что они были не княжескаго рода. Епископъ, его ближайшіе служители монахи и послушники изъ грековъ и первые священники, если не чистые греки, то все же люди съ греческимъ образованіемъ, вѣроятно изъ славянъ, учениковъ братьевъ-апостоловъ, должны были въ это время особенно заботиться о сохраненіи и воспитаніи небольшой христіанской общины, постоянно уговаривать и предостерегать ее старшихъ отъ всякихъ рѣзкихъ и неосторожныхъ поступковъ по отношенію къ господствовавшему, вокругъ горсти христіанъ, язычеству, какъ между туземцами славянами, такъ и между находниками варягами, представителями власти и высшихъ классовъ. Византія и непосредственно много помогла сохраненію, укрѣпленію и распространенію христіанства въ Кіевѣ за этотъ тяжелый варяжскій, столѣтній слишкомъ періодъ. Поощряя и развивая мирныя торговыя сношенія съ варягами-русью, принимая и вызывая цѣлыя ихъ отряды къ себѣ на службу, пріучая ихъ къ культурной жизни, незамѣтно прививая имъ высшія понятія и привычки, Византія давала понятъ русскимъ князьямъ, что ихъ выгоды въ общеніи съ имперією будутъ возрастать, по мѣрѣ ихъ благопріятнаго отношенія къ греческому епископу на Русѣ и его паствѣ. И мы видимъ, что христіанская община постепенно росла и пріобрѣла наконецъ извѣстное значеніе въ завоеванномъ варягами-русью краѣ. Такъ, при заключеніи договоровъ съ греками, повелители варяги-язычники прибѣгаютъ къ помощи славянъ-христіанъ переводчиковъ. Славянскій языкъ принимается норманскими завоевателями, какъ ихъ языкъ официальный. Рядомъ съ этимъ подъемомъ славянскаго и христіанскаго его элемента мы замѣчаемъ постепенное распаденіе и даже вырожденіе элемента варяго-русскаго.

Вслѣдъ за могучимъ, вѣщимъ Олегомъ проходятъ неспособный, злой и нечестивый Игорь, сильно разбитый греками и убитый древля-

¹⁾ Предположеніе о томъ, что Игорь былъ внутреннимъ христіаниномъ, неспроста, какъ ип на чемъ не основанное. Ольга приняла христіанство уже значительно послѣ своей дикой расправы съ древлянами и, при жизни Игоря, пользовалась несомнѣнно большимъ вліяніемъ, но христіанкой не была.

нами за обиды и насилія, хитрая и коварная (потому и названная современниками мудрою) княгиня Ольга съ сердцемъ и перлами Брунегильды, хладнокровно и усмѣхаючись совершившая страшную кровавую мѣсть надъ дrevлянами, эта желѣзная натура, достойная сродница героинь старой Эдды не могла однако избѣгнуть сильнаго нравственнаго осужденія отъ кого-то изъ христіанской общины Кіевской. Въ ней пробудилось сокрушеніе, сознаніе своихъ злодѣяній—и она, не рѣшаясь открыто принять христіанство, принимаетъ его тайно у себя дома. Уѣхавъ затѣмъ въ Константинополь, гордая и надменная норманка пускаетъ слухъ, что она крестилась въ Константинополь и самъ царь былъ ея воспріимникомъ. Сытъ ея Святославъ, прямой, честный, правдивый воинъ, но лишенный способностей правителя, не можетъ выносить ни правилъ, ни поступковъ отца и матери: ему претитъ его семья, ему не любъ Кіевъ. По благородному сердцу болѣе матери христіанинъ, онъ стремится вонъ изъ завоеваннаго его предками края и находитъ себѣ смерть на чужбинѣ. Его сыновья Ярополкъ и Олегъ, личности слабыя, ничтожныя орудія въ рукахъ нелюбимыхъ въ странѣ кознопдѣевъ—ярловъ—воеводы Свѣисльда у Олега и воеводы Блуда у Ярополка. Братъ ихъ, третій сынъ Святослава, повидимому любимый внукъ Ольгинъ, былъ храбръ, хороній воинъ и дѣльный правитель; но не въ отца, а въ бабуку, хитрый и лукавый Владимиръ подкунаетъ Блуда на убійство брата Ярополка, затѣмъ надуваетъ нанятыхъ имъ варяговъ, помогшихъ ему вмѣстѣ съ Блудомъ убить Ярополка и овладѣть Кіевомъ. Когда эти варяги стали напоминать Владимиру объ обѣщанной платѣ, онъ сначала проситъ ихъ подождать съ мѣсяць, пока соберутъ куны. Прошелъ мѣсяць, а они ничего не получаютъ. Тогда они прямо ему говорятъ: „надулъ ты насъ (сольстилъ еси намъ), по крайности отпусти и снаряди въ Грецію“. Избравъ изъ этихъ варяговъ людей наиболѣе ему пригодныхъ, или какъ льстиво, но эпически, выражается официальный лѣтописецъ, „мужей добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ“, роздалъ имъ города (но умалчиваетъ, попали ли въ это число убійцы Ярополка), а всѣхъ прочихъ спустилъ въ Грецію, отправивъ передъ тѣмъ тайно отъ варяговъ своихъ посланцевъ къ царю съ предупредженіемъ и просьбой: „се идутъ къ тебѣ варязи, не мози ихъ держати въ городѣ, или то створять ти въ градѣ, яко здохъ (sic), по расточни я раздно, а сѣмо не пуцаѣ ни единаго“.

Такъ надвигалась ликвидація варяжскаго владычества отъ собственной руки правнука Олегова (не по родству, а по времени) и единокровнаго внука Игоря и Ольги, сына благороднаго и прямого

Святослава,—сму опротивѣлъ Кіевъ и тяжело было вспоминать объ отцѣ и слушать наставленія повообращенной Ольги, можетъ и не потому только, что она уговаривала его креститься. Вслѣдъ за выше приведеннымъ разсказомъ о разрывѣ Владимира съ его благопріятелями варягами, лѣтописецъ переходитъ къ главнымъ дѣламъ княженія Владимира, причѣмъ сообщаетъ о кумирахъ, имъ воздвигнутыхъ въ Кіевѣ, и о множествѣ его наложницъ, при этомъ деликатно выражается: „Бѣ же Володимиръ побѣжепъ похотью женскою“, словно главная вина падала на побѣдительницъ, а не на побѣжденнаго. Тутъ же перечисляются сначала его жены (болѣе важныя), числомъ 6, все разныхъ народностей, отмѣчено, какихъ онъ имѣлъ дѣтей отъ той или другой изъ нихъ, а затѣмъ приводятся круглыя цифры его наложницъ, по 300 въ Вышгородѣ и Ыльгородѣ, 200 на Берестовомъ. Само собою этимъ цифрамъ довѣрять нельзя; если бы и производилась перепись въ гаремахъ князя, то записавшему близкому по времени къ Владимиру лѣтописцу эта перепись не была бы доступна. Вслѣдъ за тѣмъ идетъ несомнѣнно позднѣйшая вставка (вѣроятно редактора лѣтописнаго свода), цѣлое разсужденіе о сходствѣ и несходствѣ князя Владимира съ Соломономъ: одинъ де былъ мудръ и наконецъ погибъ, другой былъ невѣголъ, наконецъ обрѣлъ спасеніе. Зло, говорилъ де покаявшійся Соломонъ, въ женской прелести, и затѣмъ приводятся изреченія Соломона о злыхъ и добрыхъ женахъ. Далѣе идутъ въ лѣтописи погодныя древнѣйшія записи (совершенно въ такомъ же стилѣ, какъ и всѣ подобныя предыдущія, еще болѣе древнія) о походахъ Владимира на ляховъ и объ отнятій у нихъ червенскихъ городовъ (съ позднѣйшею прибавкою: иже суть и до сего дня подъ Русью), о двухъ подъ рядъ походахъ на вятичей (заратишася вятичи, послѣ перваго похода, „и иде на ня Володимиръ, и побѣди я вѣторое“) о походѣ на лтвяговъ, потомъ на радимичей. Словомъ Владимиру пришлось вновь завоевывать тѣ самыя племена славянскія, чтѣ были покорены еще Олегомъ. Какъ не одновременно рождались у Владимира сыновья и дочки, хотя въ предыдущей записи они всѣ поименованы заразъ, даже четыре сына отъ одной Рогнѣды, какъ не одновременно и не заразъ устроились и такъ полно обставились его гаремы, точно такъ же не одновременно соорудилъ Владимиръ въ Кіевѣ цѣлыя пантеоны славянскихъ боговъ. Лѣтописная замѣтка говоритъ: „И нача княжити Владимиръ въ Кіевѣ одинъ, и постави кумиры на холму вѣ двора теремнаго: *Щеруна деревяна, а голова его серебряна, а усъ золотъ, и Хорьса и Дажьбога и Стрибога и Симарыла и Мокошь*“.

Можно думать, что эти истуканы были трофеями походовъ Владимира на вновь покоренныхъ имъ вятичей и радимичей, а можетъ и на славянскихъ ятвяговъ. Высказанное Владиміромъ пренебреженіе къ варягамъ и удаленіе значительной ихъ части изъ Руси какъ бы знаменуютъ наступленіе новаго періода въ завоеванной странѣ, именно въ ея отношеніяхъ къ бывшимъ ея завоевателямъ и ихъ потомкамъ. Рубичичъ, сынъ Малушинъ, князь Владиміръ хочетъ быть и слытъ въ народѣ славяниномъ. Онъ замышляетъ создать изъ Кіева славянскую языческую митрополию, въ замѣнъ варяжско-языческой, дабы тѣмъ крѣпче связать съ своею столицею недавно вновь завоеванныхъ имъ славянъ. Но созданіе новаго языческаго капітолія въ Кіевѣ вноситъ раздраженіе и смуту въ его населеніи и порывастъ непрочныя, но уже сложившіяся мирныя отношенія между языческою и постепенно выраставшею за послѣднія 120 лѣтъ христіанскою частью его населенія. И вотъ, совершенно, надо думать, неожиданно для Владиміра, происходитъ смута въ Кіевѣ. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ о ней свѣдѣніе въ пересказѣ позднѣйшаго редактора, а не современнаго автора лѣтописныхъ замѣтокъ. Разумѣемъ убійство двухъ христіанъ варяговъ, отца и сына. Есть основаніе предполагать, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ оно намъ передано. Къ сожалѣнію, всѣ мѣста нашей лѣтописи, имѣющія какое-либо отношеніе къ крещенію Владимірову, представляютъ большія затрудненія и давно ждутъ подробнаго критическаго разбора, такъ какъ современныя замѣтки сильно передѣланы и дополнены отрывками изъ древнѣйшаго славянскаго, нѣсколько передѣланнаго, памятника (бесѣды Константина Философа) и явно выдуманнаго впоследствии разсказа о приходѣ къ Владиміру другихъ учителей вѣры и затѣмъ о посланіи Владиміромъ своихъ пословъ для изученія римской и греческой вѣры.

Такъ и въ разсказѣ объ убійствѣ двухъ варяговъ. Идетъ рѣчь о томъ, что по возвращеніи съ похода на ятвяговъ Владиміръ пріѣхалъ въ Кіевъ и сталъ творить требу кумирамъ съ людьми своими; и сказали старцы и бояре: мечемъ жребій на отрока и дѣвицу, на кого падеть, зарѣжемъ его богамъ. Былъ варягъ одинъ, былъ дворъ его, гдѣ теперъ (въ др. сп. гдѣ была) церковь св. Богородицы, построенная Владиміромъ. Этотъ же *варягъ* (прибывшій де изъ Цареграда), по одному списку, *держалъ въ тайнѣ вѣру христіанскую*. И былъ у него сынъ „красенъ лицомъ и душою“, и, по зависти дьявола, на него палъ жребій. Посланные къ варягу объявили объ этомъ отцу его: „избрали его себѣ боги, да сотворить требу богамъ“. Ва-

рягъ же имъ сказали, что это не боги, а дерево, они дѣланы руками изъ дерева, сѣкирою и ножомъ, а „Богъ одинъ есть, ему же служатъ гѣбци“. Посланные объявили о томъ людямъ, и они, взявъ оружье, пошли на этого варяга—и убили его съ сыномъ. „Бяху бо человекѣи тогда невѣгласи и погани; и дьяволъ радовашеся сему, не видя, яко близъ поибель хоташе быти ему“.

Это кіевское происшествіе, какъ отмѣчено внизу страницы въ одномъ изъ списковъ нашей лѣтописи, *убиеніе хрестьянина Ивана и сына его*, отнесено въ ней къ 983 году, хотя быть можетъ и даже вѣроятно случилось нѣсколько позже. Вслѣдствіе едва ли было простою случайностью почти одновременное съ нимъ возстаніе датчанъ и лютичей противъ введеннаго у нихъ христіанства. Датчане возстали противъ своего короля Гаральда, христіанина и вассала императора (Оттона II); родной его сынъ Свенъ былъ во главѣ возстанія, направленнаго противъ христіанства и противъ саксовъ. Устроенные Оттономъ, пограничные остроги были сожжены, саксонскіе въ нихъ отряды вырѣзаны. Саксонскій герцогъ Бернгардъ съ трудомъ защищалъ шлезвигскую марку ¹⁾. За одно возстали и лютичи на Гаволѣ и нижнемъ Одерѣ. При его устьѣ былъ извѣстный въ сагахъ Iomsburg, сѣверная Сѣчь Запорожская со сбродомъ изъ пиратовъ и головорѣзовъ датчанъ, шведовъ, норвежцевъ и славянъ (вендовъ) ²⁾; 29 іюня войско лютичей явилось передъ Гавельбергомъ, городъ былъ взятъ, саксонскій гарнизонъ вы-

¹⁾ Giesebrecht, W. Gesch. d. d. Kaiser. 1860, I, 602—603. Thietmari Chron. III, 17—18. По раззореніи монастыри св. Лаврентія—„nostros sicuti fugaces servos insequerantur; nostra etenim facinora nobis formidinem et his suggerebant validam mentem“.

²⁾ Giesebrecht, L. Wend. Gesch. I, 203 ff. Про этотъ городъ Юмю говорятъ Адамъ Бременскій (пис. въ 1075 году): In cujus ostio (Oddarae), nobilissima civitas Iumne celeberrimam praestat stationem barbaris et Graecis, qui sunt in circuitu... Est sane maxima omnium quas Europa claudit civitatum, quam incolunt Sclavi cum aliis gentibus, Graecis et barbaris. Nam et advenae Saxones parem cohabitandi legem acceperunt, si tamen christianitatis titulum ibi morantes non publicaverint. Omnes enim adhuc paganis ritibus oberrant, ceterum moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inveniri. Urbs illa mercibus omnium septentrionalium nationum locuples, nichil non habet iocundi aut rari... Ab ipsa urbe vela tendens quartodecimo die ascendes ad Ostrogard Russiae. (Новгородъ). Cuius metropolis est Chive, aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Graeciae. (Шк. пзд. Mon. Germ. II sp.). Здѣсь *Graeci* прежде всего обозначаетъ нашихъ варяговъ-трехниговъ и словянъ новгородскихъ православныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что между скандинавами и позднѣйшаго времени, какъ шведами, норвежцами, такъ вѣроятно, и датчанами встрѣчаются христіане восточные. У исландель-монаховъ XII—XIII вв., встрѣчаемъ отзывы о грекахъ самые сочувственные (см. Rafn. Ant. r. I, 124). Мон. Оды и его лат. пер. свящ. Strimerfrode († 1215), житіе Озера Tryggvason.

рѣзанъ, епископская церковь разрушена. Три дня спустя напали лютичи въ полночь на городъ Бранденбургъ (Браниборъ). Епископъ и гарнизонъ бѣжали, всѣ оставшіеся изъ духовенства были перебиты или взяты въ плѣнъ, золотая и серебряная церковная утварь разграблена, могила второго епископа Бранденбургскаго раскопана и трупъ покойника сожженъ вмѣстѣ съ дорогими украшеніями его одежды. Возстали и бодричи не столько противъ христіанства, которое въ нихъ удержалось, сколько противъ саксовъ. Князь ихъ Мстивой пошелъ на монастырь св. Лаврентія и сжегъ его. Мстивой пошелъ потомъ на Гамбургъ, городъ былъ подожженъ и ограбленъ. Присутствуемъ при поразительномъ явленіи—почти одновременномъ взрывѣ языческаго фанатизма противъ христіанства у скандинавовъ въ Даниіи и у сѣверо-западныхъ славянъ на Одерѣ съ одной стороны и у скандинавовъ и славянъ на Диѣврѣ съ другой. Разница только въ томъ, что сѣверо-западные славяно въ извѣстной части своего края поклоняются богамъ скандинавскимъ—Воддану, Тору и Фриггѣ. Не только въ XVI, но еще въ XVIII вѣкѣ, простонародье въ Мекленбургѣ молило охотника Водена о добромъ урожаѣ, когда онъ въ зимнія ночи рыскалъ съ своими охотничьими собаками по полямъ. Между тѣмъ у насъ на Диѣврѣ скандинавы присягаютъ Перуну и приносятъ жертвы Хорсу, Дажьбогу и пр. Тамъ видимъ возстаніе язычества противъ христіанства, насильственно вводимаго саксами, а здѣсь—взрывъ злобы господствовавшаго язычества на небольшую общину христіанъ, принявшую, сто лѣтъ съ небольшимъ назадъ, крещеніе отъ двухъ греческихъ учителей, принесшихъ съ собою славянскія книги и письма съ новымъ ученіемъ.

Ограничился ли кіевскій взрывъ фанатизма стараго благочестія убіеніемъ отца и сына, варяговъ-христіанъ, и какъ отнесся къ нему князь Владиміръ? мы не знаемъ.

Едва ли онъ принималъ въ этомъ дѣлѣ живое участіе и одобрялъ это убійство, и не потому, чтобы онъ сочувствовалъ христіанству, а потому, что и къ язычеству онъ былъ довольно равнодушенъ. Можно предполагать, что если при этомъ не было другихъ убійствъ, то было совершено не мало безчинствъ и съ прочими христіанами и ихъ имуществомъ. Князю стало ясно, что его эстетическая и политическая затѣя языческаго пантеона для вящаго объединенія всѣхъ подвластныхъ ему племенъ была неудачна. Христіане кіевскіе несомнѣнно жаловались ему отъ лица своихъ старшинъ и духовенства и, вѣроятно, дали знать обо всемъ этомъ патриарху и царю христіан-

скому въ Константинополь. Бывавшіе въ Кіевѣ купцы изъ сосѣднихъ и дальнихъ странъ и русскіе купцы (изъ христіанъ), ѣздившіе уже въ это время и въ Чехію, и въ Баварію, разнесли конечно извѣстіе объ этомъ случаѣ въ Кіевѣ даже съ прикрасами и преувеличеніями. Вслѣдствіе же этого въ Константинополѣ стали считать князя Владиміра своимъ врагомъ ¹⁾, и надъ русью, проживавшею въ имперіи или пріѣзжавшею въ нее съ своими товарами, начались репрессалии. Потерпѣла и торговля съ западными странами, такъ какъ не только христіане, но и евреи стали бояться кіевлянъ, вслѣдствіе этой кровавой расправы въ угоду новымъ истуканамъ, воздвигнутымъ волею князя. Раньше Ярославъ, Русь своей монеты не имѣла, но она уже давно пережила періодъ исключительной мѣнновой торговли. Прежде, благодаря хазарамъ, арабскія деньги были порядочно распространены и у насъ и въ Скандинавіи, но благодаря разгрому хазарскому при Святославѣ, они стали теперь рѣдки, а благодаря заминкѣ въ торговлѣ съ Византією и съ западными странами остановился и приливъ въ Русь монеты византійской и западной. Но какъ Византія нуждалась въ товарахъ сѣверныхъ, то теперь многіе изъ нихъ пошли къ ней другимъ путемъ отъ болгаръ волжскихъ черезъ Воспоргъ и Крымъ. Надо полагать, что во время похода болгарскаго и въ тихомъ плаваніи по Волгѣ Владиміръ съ Добрыней въ долгихъ бесѣдахъ своихъ переговаривали о многихъ дѣлахъ, помянули и данный ими промахъ въ неудавшемся опытѣ возстановленія древняго славянскаго благочестія, надъ которымъ такъ некстати потрудились Владиміръ въ Кіевѣ, а Добрыня въ Новѣгородѣ. Безъ сомнѣнія, на Владиміра произвели сильное впечатлѣніе послѣднія рѣчи и насильственная смерть обонхъ христіанъ, вспоминались ему часто и рассказы его бабки о Цареградѣ, его дворцахъ и храмахъ, много слышалъ онъ о греческомъ царствѣ и объ одномъ изъ лучшихъ его царей Іоаннѣ Цимисхи отъ воеводы Свѣльда и другихъ стариковъ, бывшихъ вѣрными Святослава. Нельзя забывать, что Владиміръ и Добрыня, при всей своей безграмотности, были люди умные, много видѣвшіе и слышавшіе, словомъ люди бывалые, съ большимъ здравымъ смысломъ. Записанныя въ лѣтописной, почти современной замѣткѣ, слова Добрыни Владиміру проливаютъ свѣтъ на думы и предметы, ихъ обоимъ занимавшіе въ походѣ болгарскомъ ²⁾: „сглядахъ колодникъ, и суть

¹⁾ *В. Розена. II. Василій Болгаробойца. С.-Пб. 1883. С. 23.*

²⁾ Нельзя согласиться ни съ Соловьевымъ, ни съ Голубинскимъ, полагавшими,

вси в сапозѣхъ, симъ дани намъ не даяти, поидемъ искать лапотниковъ“. Добрыня выходилъ на берегъ осмотрѣть отрядъ торковъ, шедшихъ берегомъ и захватывавшихъ, гдѣ было можно, разныхъ болгаръ, осмотрѣлъ и ихъ, и сообщилъ князю свое заключеніе: съ болгарамн намъ не сладити, они образованиѣ нашъ, мы можемъ имѣть успѣхъ лишь въ борьбѣ съ лапотниками. Такое элогическое заключеніе привело ихъ къ часто и прежде уже затрогиваемой мысли, что съ Греціею де намъ порывать нельзя и небольшая часть нашихъ христіанъ куда де умѣе и образованиѣ нашихъ поклонниковъ Перуна и Хорса. И затѣмъ вспоминались многочисленные, въ разное время слышанные ими рассказы о могуществѣ и богатствѣ грековъ, о томъ, что въ сосѣднихъ западныхъ странахъ многое чище и лучше, чѣмъ въ странѣ лапотниковъ. Останавливались по разъ наши собесѣдники и на книжномъ умѣнии христіанъ, магометанъ и евреевъ. Можетъ быть, Владимиръ и остановился бы наконецъ на рѣшеніи искать примиренія съ греками и на средствѣ, какъ его вѣрнѣе достигъ. Быть можетъ онъ уже и подумывалъ о походѣ на грековъ въ родѣ Олеговскаго съ цѣлью поугатъ ихъ и вынудитъ ихъ къ выгодному миру. Ему было, конечно, извѣстно, что дочь царя Никифора Фоки (967—969 г.) выдана была замужъ царемъ Іоанномъ Цимисхіемъ (969—

въ слѣдъ за Татищевымъ, что Владимиръ ходилъ на болгаръ дунайскихъ (по Голубиному въ 985 году). Въ 985 году, говоритъ онъ, часть Болгарскаго государства, между Дунаемъ и Балканами (нынѣшная Болгарія) была во власти грековъ. (Ист. русской церкви I, 1, 167 прим.). Но въ 986 году (17 августа) императоръ Василій II пошелъ жестокою пораженіемъ отъ Самуила. Вудь Болгарія дунайская тогда въ рукахъ грековъ, Василій легко могъ бы Чернымъ моремъ усилить греческіе отряды въ дунайской Болгаріи и сдѣлать такимъ образомъ диверсію противъ Самуила. Да и Самуилъ считалъ себя совершенно обезпеченнымъ съ сѣверной стороны и направляетъ всѣ свои военныя силы на юго-западъ—въ Македонію, въ Плирику (южный) и въ сѣверную Грецію. Только въ 1000 г. греческіе полководцы патрикіи Феодороканъ и протосааварій Никифоръ Ксифи овладѣваютъ Мисією (т. е. сѣверною Болгаріею), только города Видина не удалось имъ взять. Видинъ былъ взятъ лишь въ 1002 г. Василіемъ II послѣ восьмимѣсячной осады. Очевидно, что вскоре по смерти Іоанна Цимисхія († 976 г.), сѣверная Болгарія была греками утрачена. Голубинскій, впрочемъ, полагаетъ, что нынѣшніи Валахія и Молдавія, тоже частью заселенны болгарами, въ значительномъ объемѣ принадлежали въ то время Болгаріи, и эта де часть въ 980 годахъ была или оставалась „за болгарскими государями или же объявила себя самостоятельной“. „Часть сей то части владѣній“ (болгарскихъ ли государей или самостоятельной) „и хотѣлъ, какъ нужно думать, подчинитъ своей власти Владимиръ въ 985 году“ (ib. 107, прим.). Но въ то время тамъ уже расположились печенѣги, и едва ли бы спузлся туда Владимиръ да еще съ торками.

976 г.) за наслѣдника пѣмцакаго, позже императора Оттона II (978—† 983), и что эта молодая вдова Теофанія была правительницею пѣмцакаго царства, но малолѣтству своего сына—наслѣдника престола и императора. Владимиръ много разъ слыхаль отъ своихъ варяговъ, что его Гардарики не меньше Германін, и зналь, что, напримѣръ, арабы и другіе на востокъ, даже христіане, называютъ его царемъ русовъ¹⁾. Если бы можно было относить херсонскій походъ Владимира къ 986 году, то я бы остановился на немъ, какъ на остановившейся мысли Владимира объ исправленіи его отношеній къ грекамъ. Возможно также, что начавшій отчаянную борьбу съ императоромъ Васи́лемъ, Самуиль Болгарскій если и не звалъ къ себѣ въ Болгарію Владимира, потому что поминилъ, сколько ей затрудненій и бѣдъ причинилъ отецъ его Святославъ, то подстрекаль, быть можетъ, Владимира учинить диверсію нападеніемъ на греческія владѣнія въ Крыму. Такая диверсія могла быть очень полезна Болгаріи. Но на счастье Владимира и Руси положеніе императора Васи́лія II было очень критическое въ это время. Въ 986 году обращенный въ бѣгство Самуиломъ, Васи́лій потеряль военный обозъ, свою палатку и съ опасностью жизни достигъ столицы. Не успѣвъ еще оправиться отъ этого пораженія, какъ услыхаль Васи́лій о возстаніи въ Малой Азіи отличнаго полководца Никифора Фоки, провозгласившаго себя императоромъ, и въ то же время Самуиль Болгарскій, съ успѣхомъ подвигался на крайній западъ полуострова, началъ свои завоеванія на счетъ Албаніи и земель сербскихъ, а сарацыны заняли и грабили Калабрію. Положеніе императора было отчаянное.

Императоръ Васи́лій II нашель себя вынужденнымъ обратиться за помощью къ врагу грековъ и христіанъ (такъ въ то время смотрѣли на русовъ въ Царьградѣ), князю Владимиру. Быль заключенъ договоръ Византіи съ Русью, при чемъ, кромѣ конечно извѣстной суммы денегъ,—Владимиръ потребоваль руку принцессы Анны (царскаго происхожденія), а она съ свою очередь—крещенія Владимира. Русскій отрядъ несомнѣнно былъ отправленъ, и успѣшными дѣйствіями въ Малой Азіи и оказалъ имп. Васи́лію II большую услугу¹⁾. Какъ и гдѣ совершилось крещеніе Владимира, о томъ точно не знали и въ первой половинѣ XII вѣка, не знаемъ мы и теперь. Трудно сказать что-нибудь опредѣленное и объ упоминаемомъ нашею лѣтописью походѣ Владимира на Корсунь, какъ объ его датѣ, такъ и объ его

¹⁾ *Розенъ, ib.*, с. 23 и сл.

цѣли и связи съ оказанною Владиміромъ помощью грекамъ. Имѣются пока объ этомъ болѣе или менѣе сомнительныя или болѣе или мѣнѣе вѣроятныя предположенія. Но насъ занимаетъ не этотъ, а другой вопросъ, а именно: какимъ образомъ можно себѣ объяснить не принудительное и даже болѣе или менѣе насильственное крещеніе народа Владиміромъ въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ и Добрышею въ Новгородѣ, оно понятно и естественно: хотя еще незадолго до этого великій князь въ Кіевѣ, а его дядя въ Новгородѣ, утверждали древне-языческое благочестіе. Мы видѣли, что эта ревность о древнемъ славянскомъ благочестіи была для тогдашней руси уже неумѣстной и запоздалою. Она пришла, надо думать, съ запада и вызвана была тогдашнимъ взрывомъ фанатизма у датчанъ и поодерскихъ славянъ. Все это легко объяснимо и понятно. Но необъяснимо и непонятно, какъ изъ пяти-семи-лѣтнихъ ребятъ, крещенныхъ съ своими отцами и матерями по приказу княжескому, въ 990-хъ гг., могъ черезъ 30—40 лѣтъ явиться на Руси цѣлый рядъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ дѣятелей христіанской культуры, письменности и литературы: переписчики древне-славянскихъ рукописей, какъ Упырь Лихой, переписавшій для князя Владиміра Ярославича въ Новгородѣ книги пророковъ съ толкованіями въ 1047 г., или дьяконъ Григорій, писецъ Остромирова Евангелія, въ 1057 г. Кто рѣшится утверждать что такихъ писцовъ въ половинѣ XI вѣка было очень и очень мало? ¹⁾ Въ сказаніи Нестора о Борисѣ и Глѣбѣ († 1015 г.) говорится о чтеніи Борисомъ житій и мученій святыхъ, а въ болѣе раннемъ сказаніи

¹⁾ Сохранился цѣлый рядъ рукописей XI в., наиримѣръ, Студійскій уставъ, Сбор. Святославовъ, Арханг. Ев., Служебныя мшени (за сентябрь—ноябрь) и пр. Срезневскій, Древн. пам. русск. письма и языка (X—XIV в.) 2 изд. С.-Пб. 1882. Стр. 11—37. Все сохранившееся дошло до насъ совершенно случайно, и значительнѣйшая часть рук. XI в., конечно, до насъ не дошла. Но вѣрное пониманіе медленнаго роста и развитія человеческой культуры заставляетъ, на основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ русской христіанской культуры XI в., предполагать цѣлый слѣдъ развитія. Такъ въ одно или въ два поколѣнія писцовъ и книжниковъ не могли сложиться такой русско-славянскій или славяно-русскій языкъ, стиль, правописаніе, какія мы видимъ, наиримѣръ, въ Служ. Мшенихъ, или у первыхъ нашихъ писателей. На Симеоновъ вѣкъ болг. писм. странно указывать. Подъ крещеніемъ болгаръ въ IX в. надо разумѣть тогдашнихъ болгаръ-тюрковъ, а не подвластныхъ имъ славянъ, начавшихъ принимать христіанство съ конца VI в., въ VII в. Да и языкъ кирилловскихъ переводовъ былъ роднымъ нарѣчіемъ этихъ славянъ, прожившихъ уже слѣдкомъ два вѣка въ землѣхъ культурныхъ, въ государствѣ образованныхъ. Сербы и хорваты крещены были еще въ первой половинѣ VII в. и чѣмъ осталось отъ ихъ письменности XI в.?

Іакова—помнито, что онъ помышлялъ о мученіи и страсти св. Пикты Готскаго и св. Вячеслава чешскаго. Упомянутое Іаковомъ житіе чешскаго святого важно тѣмъ, что оно было, значить, извѣстно на Руси еще въ концѣ X вѣка, и пришло къ намъ не изъ Болгаріи, гдѣ оно было неизвѣстно, а непосредственно изъ Чехіи, можетъ быть еще въ половинѣ X вѣка, слѣдовательно до крещенія Руси Владиміромъ. Въ нашей лѣтописи говорится о князѣ Ярославѣ († 1054), что онъ любилъ церковныя уставы, любилъ поповъ и черноризцевъ, и *книгамъ примыжа*, читая ихъ днемъ и по ночамъ. Онъ собралъ *многихъ писцовъ* и самъ переводилъ съ греческаго на словѣнское письмо (на славянскій языкъ). И *стисами* (у него) книгъ много. Правда и уставы Ярослава, по свидѣтельству древней Новгородской лѣтописи, были даны новгородцамъ еще въ 1019 г., слѣдовательно еще раньше были имъ написаны (по сей грамотѣ ходите, *якоже писашъ вамъ*). Несомнѣнно Ярославъ обучался грамотѣ съ дѣтства, быть можетъ еще до крещенія Владимірова.

Говорятъ, что тотчасъ по крещеніи Руси, при Владимірѣ начались поученія народу, постройки и освященія церквей, выписаны были духовныя лица изъ Греціи и Болгаріи. Но греки славянскаго языка хорошо не знали и могли ему выучиться хорошо, и то далеко не всѣ, не иначе, какъ по прошествіи добраго десятка лѣтъ, а Болгарія многихъ учителей и писцовъ дать намъ не могла. Болгаре исхода X вѣка не могли охотно ѣхать въ Русь, такъ какъ русы Святослава оставили въ ней дурную память. Болгаре не могли не глядѣть на нее, какъ на страну и народъ имъ враждебные, да и такъ ли богата была Болгарія людьми книжными, чтобы отпускать ихъ въ чужія страны?

Греки могли быть и несомнѣнно были полезны Руси конца X вѣка и начала XI вѣка, какъ епископы, зодчіе, иконописцы, учителя пѣнія, греческаго языка, какъ преподаватели и руководители юношей княжескаго и боярскаго рода, такъ сказать для высшаго образованія (напримѣръ, кн. Ярослава, митр. Иларіона).

Но привившихъ крещеніе при Владимірѣ простыхъ горожанъ и поселянъ могли лишь съ успѣхомъ обучать одни русскіе священники, дяконы, псаломщики, вообще воспитанники и члены старой христіанской общины, выросшей не на готскомъ (!), а на славянскомъ богослуженіи и воспитанной не готскою и не греческою, а славянскою грамотою. Если бы, напримѣръ, наши договоры съ греками (время Олега, Игоря и Святослава) были первоначально написаны готскими или греческими, а не славянскими письменами, то несомнѣнно

въ нихъ правописаніи остались бы нѣкоторыя улики и слѣды этихъ письменъ, сказавшіеся бы въ тѣхъ или другихъ промахахъ правописанія, какъ остались въ нихъ слѣды извѣстнаго и совершенно естественнаго неумѣнья владѣть письменнымъ языкомъ, что всегда замѣчается, особенно при желаніи какъ можно ближе держаться греческаго подлинника въ первыхъ опытахъ письменности всѣхъ юныхъ народовъ. Вообще мы недостаточно вдумались въ языкъ и слогъ первыхъ нашихъ писателей (XI вѣкъ). Многіе и теперь пожалуй думаютъ, особенно въ духовенствѣ, что искусственный языкъ митрополита Филарета гораздо выше простаго языка Пушкина, не предполагая, что эта простота пушкинской прозаической рѣчи и есть верхъ развитія нашего литературнаго языка. Такъ и произведенія митрополита Иларіона служатъ лишь свидѣтельствомъ его богословскаго образованія и личнаго дарованія. Но простыя писанія на чисто-русскомъ языкѣ новгородскаго архіепископа Луки Жидяты служатъ доказательствомъ, что у насъ въ половинѣ XI вѣка были люди, умѣвшіе писать не только языкомъ славянскимъ, по возможности *обрусѣлымъ*, но и на чисто народномъ языкѣ вполнѣ хорошо и свободно. Такая же выработка письменнаго, т. е. извѣстное *обрусѣніе* древне-славянскаго и свободное и умѣлое обладаніе чисто-русскимъ, народнымъ языкомъ несомнѣнно указываетъ на цѣлый рядъ единоличныхъ опытовъ въ старѣйшихъ поколѣніяхъ, т. е. не только отцовъ, но и дѣдовъ Упыря Лихого, переписчиковъ Остромирова Евангелія, Сборника Святославова 1073 и нѣсколько болѣе позднихъ служебныхъ Миней Новгородскихъ и нашихъ первыхъ, до насъ болѣе или менѣе случайно дошедшихъ писателей—Іакова, Нестора, Θεодосія, Иларіона, Луки Жидяты. Эта опытность и извѣстная легкость и самоувѣренность въ письмѣ и въ языкѣ заставляютъ насъ возводить начатки русской письменности, — какъ она дошла до насъ отъ XI в., — не только къ началу X в., а даже къ исходу IX в. Всѣ эти указанія заставляютъ насъ признать, что при первомъ крещеніи Руси (въ 861 г.) были принесены къ намъ и славянское письмо и славянское богослуженіе. Безъ славянскаго богослуженія, а при готскомъ (очень проблематическомъ) и греческомъ богослуженіи, христіанство не могло бы имѣть въ древней Руси такого уснѣха и получить такое распространеніе, какихъ нельзя не признать, въ виду хотя бы сильнаго распространенія отшельничества и монашества еще въ первой половинѣ XI вѣка. Довольно вспомнить первыхъ извѣстныхъ подвижниковъ Кіево-Печерской Лавры—Антонія, еще до 1050 г. онъ

уходитъ на Афонъ и остается тамъ, не годъ и не два, Пикиту, постригаго Феодосія въ 1055—1056 гт., Варлаама, уходившаго въ Константинополь въ Студійскій монастырь. Прожившая въ христіанствѣ 15 лѣтъ († 969 г.), княгиня Ольга, уже христіанка, вѣдила въ Константинополь и представлялась императору съ многочисленною дворнею, конечно тоже крещеною. Княгиня Ольга разумѣется молилась не по нормански-росски, а по славяно-русски, слушала богослуженіе не готское и не греческое. Насильственно отстранившій Аскольда и Дира, — при коихъ состоялись такъ называемая хазарская миссія Константина Философа и такъ называемое первое крещеніе Руси, — Олегъ признавалъ славяно-русскій, а не готскій и не скандинавскій языкъ — официальнымъ языкомъ своего княжества. Договоры Олега 907 и 911 гт., какъ и договоры Игоря (944—945 гт.) и Святослава съ греками, имѣли два законныхъ, официальныхъ текста, одинъ греческій, а другой не готскій, а славянскій. И оно понятно, наши варяги, особенно во 2-мъ и 3-мъ поколѣніи, не могли не знать лучше по славянски, чѣмъ по готски. Такъ не только Екатерина II, но и Петръ III и Анна Леопольдовна лучше понимали по русски, чѣмъ, напримѣръ, по вѣнски или по баварски. Да и въ Константинополь IX—X вѣковъ между чиновниками патріархата и вѣдомства иностранныхъ и военныхъ дѣлъ было конечно больше распространено знаніе славянскаго, чѣмъ готскаго языка. Въ тогдашней Византійской имперіи готскій языкъ былъ пожалуй еще большею рѣдкостью, чѣмъ языкъ сербо-лужицкій или кашубскій въ современной Германіи. Славянская стихія въ тогдашней Византійской имперіи имѣла значеніе несколько не меньшее, чѣмъ въ нынѣшней Австро-Венгеріи. Договоры съ греками съ нѣкоторыми лишь болгаризмами (аще, прич. наст. на *и* въ косв. над. вм. *и*) писаны чисто-русскимъ языкомъ, и официальные переводы ихъ съ греческаго были сдѣланы не болгарамъ, а русскими славянами, такъ какъ вполнѣ ославянившихся варяговъ при Олгѣ, по крайности, допустить трудно. На этомъ основаніи нельзя допустить, будто первое наше знакомство съ славянскими письменами и съ славянскими богослужебными книгами идетъ отъ моравянъ. Тогда надо было бы признать, что первое крещеніе Руси пошло не отъ Византіи, не отъ патріарха Фотія, а изъ Моравіи. Не отрицаемъ, что во второй половинѣ IX вѣка могли быть и были сношенія русскихъ славянъ съ Моравіею, могли доходить изъ нея и должно было попадани къ намъ и кое какія славянскія книги и нѣкоторыя духовныя лица съ Кирилло-Методіевскими преданіями, особенно нѣсколько позже, послѣ разгрома Мадьярскаго

(906 г.). У мораванъ Ростислава и Святополка своихъ священниковъ, писцовъ и писателей было мало и не шли они въ Русь, такъ какъ имъ было много дѣла и у себя дома, гдѣ ихъ скорѣи не хватало, чѣмъ былъ избытокъ, какъ недавно у чеховъ относительно преподавателей-классиковъ. Не мораване и были у насъ первыми насадителями христіанства со славянскимъ богослуженіемъ. Не отвергая достовѣрнаго свидѣтельства мнѣха Храбра о 855 г., какъ годъ появленія славянской азбуки и первыхъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ, столь же достовѣрнаго свидѣтельства патріарха Фотія о крещеніи Руси и о назначеніи русамъ епископа вскорѣ послѣ отступленія руси изъ Царьграда и ново-найденнаго (Кюмономъ) извѣстія о нашествіи руси (не Тмутараканской, а Аскольдовой, Кіевской) не въ 865 г., а въ 860 г., не отвергая важности полигійшаго умолчанія Фотіемъ о какой-либо хазарской миссиі и о хазарскомъ епископѣ, не отвергая, что Фотіиі, а не кто либо иной посылалъ Константина Философа съ его братомъ Меоодиємъ въ сѣверскую страну, гдѣ онъ и крестилъ 200 душъ *простой чади* съ женами и дѣтьми, не отвергая этихъ свидѣтельствъ, нельзя не признать, что первымъ апостоломъ и крестителемъ Руси въ 861 г. былъ никто иной, какъ Константинъ Философъ. Отъ него она получила и славянское письмо и славянское богослуженіе. Изъ дѣтей, крещеныхъ славянскимъ апостоломъ въ числѣ этой *простой чади*, и вышли потомъ переводчики первыхъ договоровъ Руси съ греками (907—911 гг.). Проникши къ намъ христіанство въ 861 г. на греческомъ языкѣ, оно бы не имѣло усгѣховъ, и основанная при Фотіѣ въ 861—862 гг. христіанская община не пустила бы корней. Между тѣмъ мы видимъ, что при Олегѣ являются грамотные люди—они ведутъ лѣтописныя записи, переводить съ греческаго на русскіи языкъ договоры Олега съ греками 907 и 911 гг., при Игорѣ продолжаются эти записи, являются переводы съ греческаго на русскіи языкъ договора Игоря съ греками 944—945 гг. По несомнѣнному современному свидѣтельству, сохраненному нашею лѣтописью, при отправкѣ русскихъ пословъ и гостей въ Царьградъ, князь Игорь вмѣсто печатей золотыхъ и серебряныхъ сталъ *посылать* съ послами и гостями „грамоту къ цсарьству нашему“. „Иже посылаемъ бывають послы и госте, да *приносятъ грамоту, пишуще сѣце*, яко послахъ корабль селико и отъ тѣхъ да увѣмы и мы, еже съ миромъ приходять“. При Игорѣ упоминается въ Кіевѣ церковь св. Пліи, въ которой русскіе послы изъ христіанъ присягали передъ греческими послами о соблюденіи заключеннаго договора съ греками. Принявшая христіан-

ство черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ страшной, дикой расправы съ древлянами въ отмщеніе за убійство ея мужа, княгиня Ольга ѣздила въ Царьградъ и была торжественно принята императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ въ 957 г. Самъ подробно описавшій ея пріемъ, Константинъ Багрянородный упоминаетъ, что при ней были 20 пословъ, ея племянникъ и 6 родственницъ съ 18 служительницами, ея священникъ-духовникъ Григорій, три переводчика, изъ коихъ одинъ княгининъ. Безъ сомнѣнія, если не всѣ изъ этой дворни и свиты Ольгиной, то значительное большинство было крещено. Такъ росла постепенно христіанская община въ Кіевѣ. Только при Владимірѣ, въ 983—984 гг. проявился взрывъ языческаго фанатизма противъ христіанъ въ Кіевѣ. Можно полагать, что жертвами его были не одинъ варягъ Ивалъ съ сыномъ. Позднѣйшій составитель лѣтописнаго свода, для сохраненія доброй памяти о князѣ Владимірѣ, почелъ нужнымъ опустить разныя другія подробности о тогдашнемъ преслѣдованіи христіанъ. Быть можетъ, тогда же былъ изгнанъ изъ Кіевской Руси (изъ Кіева или Переяславля?) и тогдашній ея епископъ или митрополитъ, послѣдній преемникъ поставленнаго патріархомъ Фотіемъ русскаго епископа. Очень вѣроятно, что за такое изгнаніе епископа и считали въ Византіи Владимира врагомъ грековъ, т. е. христіанъ. Оттого и заслуживаетъ вниманія принятое и Соловьевымъ извѣстіе Никоновской лѣтописи о томъ, что въ Корсунъ „явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять *новою* русскою церковію (sic),— извѣстіе очень вѣроятное, потому что Константинопольская церковь не могла медлить присылкою этого лица столь необходимаго для утвержденія *нового* порядка вещей на сѣверѣ“ ¹⁾. Съ этими словами Соловьева нельзя не согласиться, но конечно не безъ извѣстнаго ограниченія. Такъ *новый* порядокъ вещей на сѣверѣ, *новал* русская церковь съ крещенія князя Владимира, эти два выраженія допустимы лишь въ томъ смыслѣ, что русская христіанская община и слѣдовательно русская церковь возникла у полянъ при Аскольдѣ, еще въ 861 г., вслѣдъ за неудачнымъ его походомъ на Царьградъ и его же посольствомъ къ императору Михаилу, въ патріаршество Фотія, благодаря проповѣди Константина Философа ²⁾, крещенію имъ 200 простой

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Р. съ др. вр. С.-Пб. Изд. Т-ва Общ. П. I, 168.

²⁾ Хазарская миссія Константина Философа была собственно русская миссія, ибо хазары о крещеніи просить въ Царьградъ никого не посылали, а посылали русы въ 860—861 гг. (6868—6869 гг.), и патріархъ Фотій избралъ именно Константина Философа для Руси, такъ какъ зналъ, что тутъ живетъ самая многолюдная отрасль

чади съ женами и дѣтьми и введенію имъ и его братомъ въ тогдашнюю Русь славянскаго богослуженія и славянской грамоты. Слѣдовательно, новая русская церковь и новый порядокъ вещей на сѣверѣ, собственно говоря, появились еще за 120 слѣшкомъ лѣтъ до крещенія Владимира и до отправленія изъ Константинополя въ Русь митрополита Михаила: первый для Руси епископъ (митрополитъ) былъ поставленъ еще патріархомъ Фотіемъ. Новыми же русская церковь и порядокъ вещей на сѣверѣ съ крещенія Владимира могутъ быть названы лишь въ томъ смыслѣ, что при немъ *впервые* на Руси представитель верховной власти и тогдашній ея официальный мѣръ не только присоединились къ христіанству, но и стали принуждать и обязывать къ нему все языческое населеніе. Владимира наши древніе писатели и іерархи сравнивали съ Константиномъ Великимъ. И тутъ, *si licet parva comperere magnis*, если можно приравнивать древнюю Русь отъ Аскольда до Святослава и Владимира (перваго его періода) съ древнимъ греко-римскимъ міромъ III и начала IV вѣка, есть извѣстная доля правды. Пока Константинъ Великій строго держался Миланскаго эдикта 313 г., дѣятельность его была благотворна для христіанскаго просвѣщенія, но когда онъ сталъ покровительствовать христіанамъ мѣрами государственными, то церковь и христіанское просвѣщеніе, благодаря внѣшнему покровительству и ряду стѣснительныхъ мѣръ противъ иномыслящихъ и иновѣрующихъ, начали много терять въ своемъ благотворномъ вліяніи на возвышеніе духа и полетъ мысли, на очищеніе общественныхъ нравовъ и на проникновеніе христіанскими началами гражданскихъ и государственныхъ законовъ и порядковъ. Съ того времени, когда императоры стали христіанами и начали христіанству покровительствовать, весь придворный, окружавшій ихъ мѣръ, всѣ государственные люди и чиновники, военные и гражданскіе, быстро становятся христіанами не столько изъ внутренняго убѣжденія, сколько изъ-за и для карьеры. Такимъ образомъ мало-помалу христіанство становится вѣрою государственною. Оно обязательно для каждаго подданнаго Римской имперіи не изъ-за внутренняго своего значенія, а изъ-за того, что Римъ (первый и второй) и его императоръ признали христіанство своею религіею. Дѣятельность преемниковъ Константина Великаго и всѣхъ византійскихъ императоровъ была вполнѣ

славянскаго племени. Славянское же письмо и первоначальные переводы Константина Философа (и Меодія) были уже готовы въ 855 г., о чемъ хорошо было извѣстно не только мнѣху Храбру, но и патріарху Фотію.

согласна „съ общимъ характеромъ“ римскаго государственнаго права. „Точно также все уголовное право съ его страшными казнями, съ его свирѣпыми пытками, съ его безправственными судами и разрядами преступленій, было наслѣдіемъ того Рима, который себя опредѣлилъ еще прежде отдѣленія Восточной имперіи. Точно то же должно сказать и о всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и о всѣхъ ихъ мертвящихъ формахъ; точно то же и о всей общественной жизни, съ ея играми, торжествами (кромя церковныхъ), съ ея триумфами, съ ея гордостью, съ ея самоупоеніемъ и со всею этою позолоченною ветошью языческаго міра, которая обхватывала всѣ общественные нравы и была узаконена государственнымъ правомъ. Христіанство не могло разорвать этой сплошной сѣти злыхъ и противухристіанскихъ началъ; оно удалилось въ душу человѣка; оно старалось улучшить его частную жизнь, оставляя въ сторонѣ его жизнь общественную и произнося только приговоръ противъ явныхъ слѣдовъ язычества; ибо самые великіе дѣятели христіанскаго ученія, воспитанные въ гражданскомъ понятіи Рима, не могли еще вполне уразумѣть ни всей лжи римскаго государственнаго права, ни *безконечной трудной задачи общественнаго построенія на христіанскихъ началахъ*. Ихъ благодѣтельная сила разбивалась о правильную и слитную кладку римскаго зданія. Единственнымъ убѣжищемъ для нихъ осталась тишина созерцательной жизни. Лучшія, могущественнѣйшія души удалялись отъ общества, котораго не смѣли осуждать и не могли споспеть. Всякое свѣтлое начало старалось спасти себя въ уединеніи“ ¹⁾.

Въ этихъ словахъ Хомякова много правды. Но нельзя скрывать, что „чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала“, хранившаяся, по его словамъ, „въ ученіи школъ духовныхъ“, въ монастыряхъ—не только иногда, но всегда почти была обязательно требуема отъ императора и его сотрудниковъ, ближнихъ и дальнихъ, а они, въ свою очередь, обязывались охранять эту чистоту и цѣльность просвѣтительнаго начала во всей имперіи и нѣкомъ образомъ не допускать и не давать жить и развиваться разномыслию и иновѣрію, не давать ходу, на примѣръ, на службѣ государственной, военной или гражданской, такимъ людямъ, которые, какъ бы даровиты и честны они ни были, заявили себя или заподозрѣны были въ томъ или другомъ еретическомъ мнѣніи касательно ли лицъ св. Троицы или почитанія чудотворныхъ иконъ. Въ Византіи съ IV до XV вѣка монастыри (за

¹⁾ Соч. Хомякова. М. 1861, I. 218 и сл.

немногими, можетъ быть, исключеніями) съ жаромъ отдавались политикѣ, тѣмъ болѣе, что императоры нерѣдко наказывали своихъ политическихъ противниковъ насильственнымъ постриженіемъ, иногда даже съ оскотпленіемъ, сдачею ихъ въ монастырь, что, впрочемъ безъ оскотпленія, употреблялось и у насъ какъ въ московскомъ, такъ и въ петербургскомъ періодѣ. Нѣкоторые изъ византійскихъ монастырей особенно славились своею нетерпимостью—да и въ не немногихъ изъ нихъ господствовали обычные монастырямъ всѣхъ странъ грѣхи и не порядоки—и самую безпощадную борьбу съ лучшими иногда императорами (напримѣръ, иконоборцами). Таковъ былъ, напримѣръ, монастырь Студійскій, гдѣ назрѣвалъ планъ полнаго подчиненія верховной государственной власти—власти ни отъ кого не зависимаго и выше всѣхъ смертныхъ стоящаго епископа. Такъ какъ въ Византіи не было для нея почвы, то студиты съ своими надеждами и внушеніями обратились къ Риму и не мало, съ своей стороны, помогли развитію властолюбивыхъ притязаній папства. Строго-логическое развитіе христіанскаго ученія было, конечно, желанно и его сохраненіе въ цѣлости и чистотѣ могло и должно было быть внутренне-обязательно для каждаго христіанина, для церкви въ особенности, но оно не могло и не должно было быть для каждаго лица внѣшне-обязательно и принудительно, на подобіе законовъ гражданскихъ, государственныхъ, пока они дѣйствуютъ и законодательною властью не отмѣнены. Внутреннія же отношенія души христіанской къ Богу составляютъ тайну и никакому надзору и попеченію внѣшней власти не подлежатъ. Этой простой истинны Византія не признавала. Были въ ней во всѣ времена одинокія личности, болѣе или менѣе ясно сознававшія свободу вѣры и сомнѣній, но онѣ не могли провести этого начала ни въ общественной, ни, тѣмъ болѣе, въ государственной жизни.

Совершенно вѣрно замѣчаніе Хомякова, что Византіи „не было суждено представить исторіи и міру образецъ христіанскаго общества. Но ей было дано великое дѣло уяснить вполне христіанское ученіе. Сама имперія падала все ниже и ниже, истощая свои нравственныя силы въ разладѣ общественныхъ учрежденій съ нравственнымъ закономъ, признаваемымъ всѣми; но въ душѣ *лучшихъ ея дѣятелей и мыслителей*, въ ученіи (слѣдуетъ прибавить: нѣкоторыхъ) школъ духовныхъ сохранялась чистота и цѣльность просвѣтительнаго начала“.

Къ числу такихъ дѣятелей Византіи принадлежали великіе славянскіе апостолы, солунскіе братья Константинъ Философъ и старшій

его братъ Меодій. Они сознавали общественное безсиліе Византіи и возлагали свои надежды на обновленіе дряхлаго міра привлеченіемъ къ христіанству свѣжаго и бодрого, многочисленнаго племени славянскаго: съ языкомъ и правами его они ознакомились еще съ дѣтства. Они нашли себѣ сильную опору въ мужѣ великаго ума и твердаго характера, патріархѣ Фотіи, провидѣвшимъ грядущее зло для христіанскаго просвѣщенія въ возраставшемъ влеченіи римскаго епископа къ самовластью римскаго самодержца и старавшемся отвлечь отъ его вліянія и опеки заповѣдавшее европейскій востокъ славянское племя, такъ какъ занятые народами романскими и германскими югъ и западъ Европы привыкли уже издавна покоряться еще языческому Риму. Византія, правительство и общество, особенно же монашество, не прощавшее Фотію его широкаго образованія и не сословно-монашескаго направленія, не умѣли и не могли понять и оцѣнить Фотія. Для сверженія его они вступили въ союзъ съ Римомъ и такимъ образомъ не мало помогли разрушенію великаго дѣла славянскихъ апостоловъ и Фотія въ славянскихъ земляхъ на западѣ.

Дѣло же великаго патріарха въ просвѣщеніи Руси не пропало, и благодаря посланнымъ имъ учителямъ миссіонерамъ, насажденное ими христіанство (въ 861 г.) среди горсти людей въ одной изъ областей величайшаго впоследствии изъ всѣхъ народовъ славянскихъ, пришло прочно и постепенно, хотя и медленно, развивалось въ теченіе 120 лѣтъ съ лишнимъ. Если вслѣдъ за тѣмъ, когда князь Владимиръ съ своимъ дядей Добрынею, крестившись сами, стали потомъ погонять кievлянъ и новгородцевъ въ Днѣпръ и Волховъ для того же, черезъ двадцать-тридцать лѣтъ послѣ такого принудительнаго введенія въ страну ученія благодати и свободы, явился въ ней такой сравнительно отраднѣй разцвѣтъ юной христіанской образованности, какой замѣчается на Руси съ половины XI вѣка, то его нельзя не приписать болѣе раннему и умѣлому, волюнѣ свободному, единственно соотвѣтственному завѣту благодати, введенію христіанства. Благодарность русскаго народа князю Владимиру красному солнышку, окруженному, въ народной памяти, богатѣями русскоіи земли, волюнѣ понятна и естественна, но историческая наука твердо знаетъ, что ничто новое и великое въ жизни народовъ не является внезапно, тѣмъ болѣе по приказу и по мановенію властной руки, какъ бы она сильна ни была, а напротивъ готовится медленно, растетъ въ тиши и въ тайнѣ. Разъ уже сдѣлано было сравненіе Владимира князя съ Константиномъ Великимъ, то признаемъ же, что если нельзя приписывать императору Констан-

тину разцвѣтъ христіанскаго просвѣщенія IV—V вѣка съ его великими отцами и учителями церкви, такъ и великому князю нашему Владимиру далеко не преимущественно обязаны всѣ ростки нашей младенческой (сравнительно съ древне-культурными странами Греціи, Малой Азіи, Египта и Италіи) культуры XI вѣка.

У
 Результатомъ, послѣдствіемъ этой проповѣди славянскихъ апостоловъ въ землѣ полянъ (въ 861 г.) было основаніе христіанской общины, появленіе славянскаго богослуженія и славянской грамоты, сохраненіе до позднихъ временъ и во многихъ спискахъ исключительно у насъ на Руси бесѣды и наставленія Константина Философа или даже Кирилла Философа или просто Философа ¹⁾. Эта бесѣда редакторомъ лѣтописнаго нашего свода была внесена въ нашу первоначальную лѣ-

¹⁾ Объ этомъ словѣ Философа „чего ради Богъ съниде на землю“ приведемъ цѣнный отзывъ Срезневскаго. Это краткое припомнаніе судьбы рода человѣческаго отъ сотворенія міра и паденія перваго человѣка до Спасителя и его учениковъ. Напоминаніе своимъ содержаніемъ сказанія древнихъ хроникъ византійскихъ, оно отличается и древностью языка: такимъ образомъ нѣтъ никакой причины усомниться, что оно было дѣйствительно извѣстно Владимиру. Подлинникъ былъ греческій, какъ видно по нѣкоторымъ выраженіямъ. Переводъ мѣсть изъ Св. Писанія отличенъ отъ сохранившагося древняго перевода. (Др. пам. Р. из. С.-Иб. 1863, С. 7.). Голубинскій, въ передачѣ лѣтописнаго разсказа о крещеніи Владимира, говоритъ: въ пространной рѣчи Философа „подробно излагается вся священная исторія ветхаго и новаго завіта отъ начала до конца, отъ сотворенія міра до вознесенія Іисуса Христа и проповѣди апостоловъ. Показавъ такимъ образомъ планъ божественнаго домостроительства о спасеніи людей или то, для чего Богъ сходилъ на землю, Философъ заключилъ свою рѣчь: „Предуставилъ же Богъ день, въ который хочетъ судить, пришесть съ неба, живыхъ и мертвыхъ и воздать каждому по дѣламъ его—праведникамъ царство небесное.. и жизнь вѣчную, а грѣшникамъ безконечную муку“. (П. Р. Ц. I; 1. 108). Давъ Философу дары многіе, Владимиръ отпустилъ его съ честью великою. Въ одной изъ лѣтописныхъ замѣтокъ Владимиръ принимается христіанство отъ патриарха Фотія. Словомъ Владимирово крещеніе сѣтъшивается съ первымъ крещеніемъ (861 г.) и миссіонеру греческому у Владимира приписывается то, что входило въ первоначальный текстъ житія Константинова, при разсказѣ объ его хазарской (т. е. русской) миссіи и что въ дошедшемъ до насъ текстѣ житія именно и отсутствуетъ. Отмѣтимъ, что въ письмѣ Анастасіи къ Гавдеріку читаемъ: „Perhibebat (Митрофанъ митрополитъ Смирскій) quod idem Constantinus philosophus a Michaelo imperatore in *Gasaram* pro divino praedicando verbo directus, cum *Cersonam* quae *Chazarorum* terrae vicina est pergens ac rediens frequentaret“. Здѣсь одна ли случайно какъ бы отдѣляется страна *Gasara* отъ народа *Хазаръ*. *Газар(а)* очень напоминаетъ *Gardhariki*. Только съ Олега, говоритъ наша лѣтопись, пошло прозваніе Руси, и долго Русью звалась лишь одна область полянъ. Въ 860—1 г. и до смерти Аскольда и Дира и появленія въ Кіевѣ Олега, Русью она не звалась.

топись и приписана неизвѣстному философу греку, современнику князя Владимира. Не могли же точно знать кievскіе христіане IX—X в.: что христіанскій просвѣтитель, грекъ философъ, хотя бы нѣкоторымъ и извѣстный подъ именемъ Константина, и есть тотъ самый св. Кириллъ, которому славяне болгарскіе и моравскіе приписывали славянскую азбуку и славянскій переводъ священныхъ книгъ. Не братья же было простодушнымъ нанять грамотѣямъ монахамъ конца XI—XII в. за разысканія о времени появленія славянской азбуки на Руси. Этого вопроса не задавали у насъ и не ставили строго говоря и въ XIX вѣкѣ. Чуть ли не одинъ у насъ покойный Куникъ подымалъ этотъ вопросъ (да и то лишь въ частныхъ бесѣдахъ). Онъ здраво глядѣлъ на свидѣтельство мниха Храбра и на найденное Гильфердингомъ извѣстіе о Брегалницѣ, по его упорство въ отиссеніи нападенія Аскольда на Царьградъ къ 865 г. не позволяло ему признать настоящей смыслъ хазарской миссіи Константина Философа. Только „узнавъ о томъ, что было сдѣлано Философомъ въ этой хазарской провинціи, князь Ростиславъ, заботясь о своемъ племени, послалъ къ императору (Михаилу) пословъ, говоря, что народъ его оставилъ идолопоклонство и желалъ соблюдать христіанскій законъ; но они (мораване) не имѣютъ такого учителя (doctorem talem), который бы научилъ ихъ читать и обучилъ ихъ совершенно закону (qui ad legendum eos et ad perfectam legem ipsam edoccat: rogare se ut talem hominem ad partes illas dirigat, qui pleniter fidem et ordinem divinae legis et viam veritatis populo illi ostendere valeat), и онъ (Ростиславъ) проситъ (императора), чтобъ онъ направилъ въ его край такого человѣка, который бы сумѣлъ исполнить (ясно) раскрыть этому народу вѣру и порядокъ закона божьяго и путь истинны“. Въ Моравіи уже дѣтъ съ тридцать передъ тѣмъ явилось христіанство, съ латинскимъ духовенствомъ. Оно безъ сомнѣнія учило дѣтей и взрослыхъ моравянъ грамотѣ латинской, а Ростиславъ желалъ имѣть такихъ священниковъ и учителей для своего народа, которые бы учили его читать на понятномъ ему языкѣ, съдовательно славянскія книги. Князь Моравскій могъ запросить у императора такого учителя, лишь услыжавъ, что есть такія славянскія книги. Въ бытности же ихъ онъ убѣдился послѣ того, какъ узналъ, что было сдѣлано Константиномъ Философомъ въ хазарской провинціи или области. Слухъ объ этомъ скоро дошелъ до него, по относительной близости этой области и его княжества и благодаря взаимнымъ сношеніямъ обоюднаго населенія. Это важное свидѣтельство записки

Гавдерика рѣшительно говоритъ въ пользу того, что 1) Константинъ Философъ былъ не у собственныхъ хазаръ, а у руси, т. е. въ недавней Хазаріи или въ прозванной варягами *Gardhariki*, а по письму Анастасія, въ *Газарь*, 2) Константинъ Философъ привезъ съ собою славянскія книги и письма. Оба же эти вывода получаются и изъ другихъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга данныхъ.

В. Ламанскій.

1904

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СССІІ.

1904.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВТЕЛЪСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Высочайшія повелѣнія	41
II. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	49
III. Правила и положенія, утвержденныя министерствомъ народнаго просвѣщенія	75
IV. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	88
V. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. . .	91
VI. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	101
И. К. Козминъ. О послѣдней редакціи поэмы М. Ю. Лермонтова „Демонъ“	189
С. А. Шумиковъ. Темные пункты исторіи русскаго права	206
В. П. Ламянскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религиозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXVI—XXVIII	215
И. П. Аммонъ. „Новѣдомое“ въ поэзіи Тургенева	240

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

И. П. Коробка. Итоги Гоголевской юбилейной литературы. I	295
И. П. Ланин. Витебскій центральный архивъ и его изданіе	326
А. П. Соболевскій. <i>Zachodni-europejskie postanowienia rokutne w języku cerkiewnosłowańskim. Napisał dr. Wacław Vondrák. W Krakowie. 1904</i>	367
И. А. Миксимейко. Къ вопросу о литовско-русскихъ сеймахъ . . .	370
Г. А. Ильинскій. По поводу рецензіи ак. Соболевскаго	388
— Книжныя новости	393

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

В. П. Фармаковскій. Дѣятельность министерства народнаго просвѣщенія въ области начальнаго народнаго образованія въ послѣднее десятилѣтіе	1
В. А. Латышевъ. Экзамены въ начальной школѣ	62

Отзывы о книгахъ: А. Гукель, Школьный ботаническій атласъ.— С. Павловъ, Вулканы.— Ф. Мартинъ, Три царства природы.— К. А. Ивановъ, Востокъ и мном.— И. И. Ивановъ, Разказы о ста-

См. 3-ю стр. обложки.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТИЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

(Критическія замѣтки).

XXVI.

Четыре послѣднія строки XXII гл. нашего изслѣдованія должны быть замѣнены слѣд. словами: „Къ вопросу о возникновеніи русской епископіи и русской митрополіи мы еще воротимся, такъ какъ онъ представляетъ не мало трудностей“.

Языкъ договоровъ съ греками 907 и 911 г., и лѣтописныя замѣтки к. IX в. (напр. о появленіи угровъ передъ Кіевомъ и пр.) свидѣтельствуютъ о бытности въ Кіевѣ въ первые годы X-го вѣка нѣсколькихъ христіанъ изъ мѣстныхъ славянъ знакомыхъ съ греческимъ, а также и съ церковно-славянскимъ языкомъ ²⁾. Случайное же упо-

¹⁾ См. январскую вѣстку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1904 годъ.

²⁾ Вообще языкъ договоровъ—русскій, но не безъ церк.-словѣнскихъ или болгарскихъ, напр. *сѣщанія* (род. п.), отъ всѣхъ.. *сущихъ* Руся, *лавы*, *потчимся*, *любовь непревратну*, *несблазнену* и *непреложну*, *аще* (passim), *дондеже*, *обрящеться*, *обряцють*, *преждереченную*, *обряцеться*, *годящихъ* и *удолжающихъ*, *возвратится*, отъ Бога *суще*, такому *сѣщанію*, *бывающаго*. Вообще языкъ договоровъ обличаетъ въ переводчикѣ природнаго русскаго словѣнника (а не юго-западнаго, не болгарскаго), знакомаго съ древне-церк. словѣнскимъ языкомъ и къ нему привычнаго. Можно безъ колебанія предполагать въ переводчикѣ туземнаго, кіевскаго христіанина, знакомаго съ языкомъ слав. богослужебныхъ книгъ. Неправильное же написаніе скандинавскихъ норманскихъ именъ подтверждаетъ, что договоръ писанъ славянскимъ, а не варягомъ. (Kunik. *Beruf. d. schw. Rodsen. S. Ptsb. 1845. SS. 153—194*).

миланіе въ княженіе Игоря соборной (приходской) церкви св. Иліи въ Кіевѣ заставляетъ признать, что эта церковь, если не какая еще другая, была въ Кіевѣ еще при Олегѣ, и не только въ к. IX в., но и раньше, еще при Аскольдѣ. О крещеніи руси при патриархѣ Фотіи и царѣ Михаилѣ III въ 861 г. вслѣдъ за нападеніемъ ея на Константинополь (лѣтомъ 860 г.) мы имѣемъ достовѣрное свидѣтельство самого великаго патриарха (866—867) и довольно древнее русское указаніе. Оно сохранилось въ Румянц. прол. XIII—XIV в., гдѣ говорится о привезенномъ изъ Цареграда княгинею Ольгою крестъ: иже иныиъ стоитъ въ Кіевѣ въ св. Софіи въ олтари на деснѣиъ странѣ, имѣиъ писмена:—*обновися въ Рѣшъстѣиъ земли крестъ ѿ О'вы блотърныиъ княцини мѣре Стославле*. Обновленіе креста въ Руси княг. Ольгою намекаетъ на первое, упоминаемое Фотіемъ, крещеніе руси.

Совершенное же молчаніе патриарха Фотія о крещеніи въ его время хазарь и упоминаніе въ одной изъ старыхъ описей (VIII в.) епархіи (*ταχτικά* или т. наз. *potitiae episcopatum*) подвѣдомыхъ цареградскому патриархату епископовъ хазарскихъ и тмутараканскаго ¹⁾ заставляетъ съ одной стороны отвергать миссію Константина Философа съ братомъ его Меодіемъ 861 г. къ хазарамъ, съ другой—не искать ни въ Хазаріи, ни въ Тмутаракани того епископа, о которомъ упоминаетъ патриархъ Фотій, при чемъ разумѣеть и упоминаетъ лишь русовъ. Какъ нападеніе руси 860 г. на Царьградъ пошло не изъ Тмутаракани, а изъ Кіева, то и первое крещеніе руси происходило не на сѣв. пост. Черноморья, а на среднемъ Подгіуровья и всего вѣрнѣе въ самомъ Кіевѣ, гдѣ въ первомъ десятилѣтїи X в. являются уже переводчики

¹⁾ De Boor, C. Nachträge zu d. Not. episc. (Ztschr. f. Krchng. XII, 1891). Τὰς προκαθεδρίας τῶν ἁγιότατων πατριάρχων μητροπόλεων καὶ αυτοκρατορῶν. См. №№ 645 и сл. въ епархіи Γοθίας—съ Δόρος μητρόπολις—епископы β—ὁ Χοτζήρων и η—ὁ Τομάταρχα. С. Мартенъ хазарь отождествлялъ съ акацтрами и агацтрами. Hist. du bas Emp. Lobeau. Paris. MDIIIXXX t. 6, p. 163, p. 426 и t. 11, p. 115.

Въ Прол. II. Соф. 6—кн № 1328 (въ 6—кн Пет. дух. ак.) въ донѣ святыхъ мученикъ съ Стефаномъ св. иконахъ мученикомъ. „Мнози тогда въ воинѣ правотѣ ѣни соузе не терпѣице прѣти святыхъ иконъ попраомъ, отречеиъ ся воинства, быша мниси и поклапихоуся святыхъ иконамъ. Слышавъ же о нихъ законопреступный царь, пославъ и приведе я, и много мучивъ, оуби я, ибо единого славна соуца именеиъ Васильмъ поноуди попрапи иконы. Онъ же поклапѣшеса имъ, и повелъ забости ему очи; посемъ прорѣзаша *подпутии* его и извлекоша чрева его, и пагнавъ оумро со многою болѣзнию. И посемъ призва *Собонимъ* затворнива и много мучивъ и носа емоу оурѣзавъ и въ *Корсоуи* поточи его, оубити и хотяхоу. Онъ же *отбѣжа* въ *Козары*, тамо епископомъ поставленъ бысть и въ старости добръ скончася“.

(съ греческаго) и шестцѣ договорѣ съ греками 907 и 911 г., и авторы первыхъ лѣтописныхъ замѣтокъ съ конца IX в., слѣдовательно христіане изъ русскихъ славянъ, знакомые съ славянскою грамотою и съ древне-славянскимъ церковнымъ языкомъ. Славянская же грамота и церк.-славянскій языкъ проникли значитѣльнѣе въ Кіевъ съ первымъ крещеніемъ руси, т. е. въ 861 г., когда впервые возникла въ *матери* городовъ русскихъ маленькая христіанская община, постепенно разраставшаяся въ теченіи ближайшихъ ста тридцати лѣтъ. Этотъ тихій, но прочный ростъ обязанъ былъ преимущественно введенію славянскаго богослуженія и славянской книги въ первое крещеніе руси, т. е. въ 861 г. Славянское же богослуженіе и славянская грамота проникли слѣдовательно къ намъ не изъ Моравіи и не изъ Болгаріи, а изъ Царьграда, отъ христіанской миссіи, отправленной къ руси патріархомъ Фотіемъ и императоромъ Михаиломъ III. Такой выводъ заставляеть признать, что такъ называемая хазарская миссія Константина Философа и его брата Меодія и была собственно русскою миссію, которая немедленно воспослѣдовала за упоминаемымъ въ окружномъ посланіи Фотія 866—867 г. русскимъ посольствомъ, явившимся въ Царьградъ вскорѣ послѣ нападѣнія на него руси (18 іюня 860 г.)¹⁾. Явно иска-

¹⁾ Въ запискѣ Гавдерика читаемъ: „L'ost haec (по открытіи мощей Св. Климентя 30 янв. 861 г.) praedictus Philosophus iter arripiens, et ad gentem illam, ad quam missus fuerat, veniens, comitatus Redemptoris omnium Dei praedicationibus et rationibus eloquiorum suorum, convertit omnes illos ab erroribus, quos tam de Saraceno- rum quam de Iudaeorum perfidia retinebant. Unde plurimum exhilarati, et in fide catholica corroborati atque docti, gratias referebant omnipotenti Deo et famulo ejus Constantino philosopho. *Litteras insuper Imperatori cum multis gratiarum actionibus transmiserunt; quia eos studio suo ad verum et catholicam revocare studuerit fidem; affirmantes se ob eam rem imperio ejus semper subditos et fidelissimos de cetero velle manere*“. Послѣднія строки совершенно согласны съ словами Окр. посл. Фотія о руссахъ послѣ ихъ крещенія: „ἐν ὀπάρχων ἑαυτοῦς καὶ προξένων τάξει, ἀντὶ τῆς πρὸ μικροῦ καθ' ἡμῶν λεηλασίας καὶ τοῦ μεγάλου τολμήματος ἀγαπητῶς ἐγκαταστήσαντες. καὶ ἐπὶ τοσοῦτον αὐτοῦς ὁ τῆς πίστεως πόθος καὶ ζήλος ἀνέφλεξεν. ὥστε καὶ ἐπίσκοπον καὶ ποιμένα δεῖξασθαι καὶ τὰ τῶν χριστιανῶν θρησκευήματα διὰ πολλῆς σπουδῆς καὶ ἐπιμελείας ἀσπάζεσθαι“. Слова Гавдерика совершенно не идутъ къ хазарямъ, старымъ, давнишнимъ знакомцамъ и союзникамъ Византіи, и рѣшительно напоминають слова Фотія о руссахъ. Кто *πρὸ μικροῦ* совершенно отвѣчаетъ 861 году *хазарской* миссіи Константина Философа (30 янв. 861 г. обрѣтеніе мощей св. Климентя), послѣдовавшей вскорѣ по пріѣздѣ посольства русскаго въ Константинополь, состоявшагося также скоро послѣ неудачнаго нападѣнія Руси на Константинополь (18 іюня 860 г.). О крещеніи же хазарь и епископъ хазарскомъ ничего не говорятъ ни посланія Фотія, ни другіе современныя византійскіе источники. Византійское же свидѣтельство о крещеніи Руси Константиномъ Философомъ

жонное мѣсто славянскаго житія Кириллова—якобы объ обрѣтеніи Константиномъ Философомъ въ Херсонѣ „евангелія и псалтири, писанныхъ де *русьскими писемны и человека млаюуща тою бесѣдою*“ служить однимъ изъ важныхъ уликъ въ пользу именно *русской*, а не *хазарской* миссін Константина Философа ¹⁾. Совершенно невѣроятное и недопустимое (хотя и многими въ сожалѣнью принято) предположеніе Шафарика о томъ, будто бы византійцы половины IX в. считали варяговъ русовъ, отчаянныхъ пиратовъ и язычниковъ, за одинъ народъ съ давно крещеными, мирными и тихими, таврическими готами, хорошо Византіи извѣстными и давно ей подвластными въ церковномъ и политическомъ отношеніи, вообще странное утверженіе, будто *русское и готское* было для византійцевъ IX—X в. синонимами, не заслуживааетъ ни малѣйшаго вниманія. Критикъ тутъ остается только разводять руками. Это искаженное мѣсто славянскаго житія означаетъ лишь, что Константинъ Философъ ѣхалъ въ позднѣйшую Русь или въ тогдашнюю еще Хазарію или вѣрнѣе Gardhariki съ русскими посланцами (какъ о томъ и говоритъ Гавдерикъ). Узнать, что одинъ изъ нихъ хорошо знаетъ по славянски, Константинъ Философъ, взявшій съ собою свои славянскіе переводы (уже приготовленные съ 855 г.), сталъ прочитывать съ этимъ варягомъ или славяниномъ нѣкоторыя мѣста своего перевода евангелія и псалтири. Константину Философу конечно желательно было узнать, на сколько македонско-славянское нарѣчіе

и его братомъ (въ 861 г.) дошло до насъ въ позднѣйшей передѣлкѣ (Вандурк—Регелевскій списки), авторъ которой сознательно послѣдовалъ династической передержкѣ имп. К—на Б., который завѣдомо честь перваго крещенія Руси отнялъ отъ императора Михаила III и патріарха Фотія и облыжно присвоилъ патріарху Игнатію и дѣду своему Василю I, убійцѣ Михаила III и основателю новой династіи Македонской.—Тому же псказителю этого вѣрнаго свидѣтельства (о крещеніи Руси 861 г.) принадлежить и рассказъ о чудѣ съ нестаряемымъ евангелиемъ.

¹⁾ Гавдерикъ говоритъ по припадѣ въ Константинополь пословъ хазарскихъ (*legati Sazarogum*) и объясненія ими своего желанія, — *Tunc Imperatori simul cum Patriarcha consilio habito, praefatum Philosophum advocans, simul cum legatis illorum ac suis, honorificentissime transmisit illuc, optime confidens de prudentia et eloquentia ejus.* Вотъ съ однимъ изъ этихъ посланцевъ, наилучше знавшимъ по славянски (т. е. по *русски*), и *млаюуща тою бесѣдою*, и прочитывалъ Константинъ Философъ отдѣльные мѣста своего перевода Евангелія, дабы узнать, какаѣ есть разницы въ гласныхъ и согласныхъ славяно-русскаго нарѣчія съ славяно-македонскимъ, почти вторымъ роднымъ языкомъ Константина Философа и его брата. Это мѣсто слав. житія, передѣланное слишкомъ неумѣло, имѣло цѣлью поддержать позднѣйшую вставку объ изобрѣтеніи Константиномъ Философомъ слав. азбуки и переводѣ евангелія на славянскій языкъ передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію.

близко къ русско-славянскому и чѣмъ они оба между собою разнятся. Что у славянскихъ первоучителей въ такъ называемую хазарскую миссію были взяты съ собою славянскія книги и затѣмъ оставлены въ Кіевѣ, доказывается тѣмъ, что въ Кіевѣ к. IX и нач. X в. является уже славянская грамота, пишутся лѣтописныя замѣтки, договоры Олега съ греками (907 и 911 г.) на русскомъ (славянскомъ) языкѣ съ церковно-славянизмами. Что съ первымъ крещеніемъ Руси введено было и славянское богослуженіе, подтверждается постепеннымъ ростомъ маленькой, основанной въ 861 г., христіанской общины. Ни греческое, ни готское (какъ иные предполагали) богослуженіе въ церкви св. Ильи не могло бы привлекать къ христіанству ни пришлыхъ варяговъ, ни туземнаго населенія Кіева. Появленіе славянскихъ книгъ въ Кіевѣ, въ первое крещеніе Руси, подтверждая положеніе, что т. наз. хазарская миссія славянскихъ первоучителей была миссія русская, подтверждается въ свою очередь запискою Гавдерика. Такъ онъ говоритъ, что Ростиславъ, „услыхавъ о томъ, что было совершено Философомъ въ провинціи хазарской, и заботясь о своемъ народѣ, отправилъ пословъ къ императору (Михаилу), съ такимъ завлеченіемъ, что народъ его хотя и отступилъ отъ идолопоклонства и желалъ соблюдать законъ христіанскій, но не имѣетъ такого учителя, который бы научилъ ихъ читать (*verum doctorem talem non habent, qui ad legendum eos ad perfectam legem ipsam edoceat*)“ . И такъ въ Моравію Ростислава проникъ слухъ о томъ, что въ провинціи хазарской или въ т. наз. Гарзарики, куда прѣѣзжалъ Константинъ Философъ съ братомъ, былъ такой учитель, что научилъ читать (священныя книги) жителей хазарской провинціи. Но такъ какъ у этихъ хазаръ никакихъ своихъ книгъ не было (если бы онѣ были, то жители этой провинціи для чтенія ихъ не могли бы нуждаться въ чужомъ изъ за тридевять земель пришломъ учителѣ), то очевидно (по мнѣнію или по свѣдѣнію Гавдерика) Константинъ Философъ съ братомъ привезъ съ собою эти книги въ провинцію хазарскую. И что эти привезенныя ими книги и были славянскія богослужебныя книги, видно изъ того, что Ростиславъ, узнавъ объ этомъ, и просилъ, по возвращеніи Константина Философа въ Константинополь, императора прислать ему такого учителя, который бы привезъ къ нему, въ славянскую Моравію, такія же славянскія книги и научилъ бы его мораванъ читать ихъ. Сносившійся съ хазарскими и варяжскими славянами на сѣверо-востокъ, съ болгарскими и греческими славянами на югъ, Ростиславъ и его дружина знали хорошо, что языки тѣхъ и другихъ сосѣдей Моравіи моравянамъ вразумительны, а слѣдовательно и церков

ныя книги и службы, понятныя для первыхъ, будутъ вразумительны и для его моравягъ, уже лѣтъ сорокъ, съ князя Моймира, крещеныхъ и знакомыхъ съ церковною, но непонятною латинскою, службою.

XXVII.

Такимъ образомъ являются праздными всѣ измышленія Фридриха по поводу молчанія Гавдерика объ изобрѣтеніи Константиномъ Философомъ славянской азбуки ¹⁾. Установленіе славянской азбуки явилось вмѣстѣ съ переводами священныхъ книгъ. То и другое было въ значительной степени изготовлено за нѣсколько годовъ до такъ называемой хазарской миссії. Увидимъ ниже, что рассказъ житія Кириллова объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о началѣ перевода евангелія передъ самую поѣздку въ Моравію принадлежитъ къ несомнѣннымъ баснямъ, моравскимъ властенецкимъ интерполяціямъ. Благодаря лишь авторитету Шафарика, при всѣхъ великихъ его заслугахъ, не мало нагрѣшнѣшаго какъ въ защитѣ явныхъ подлоговъ (отрывки ев. Іоанна, Судъ Любушингъ), такъ и въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ о паннонизмахъ и моравизмахъ въ древнеславянскихъ памятникахъ Кирилло-Методіевскаго періода, эта басня къ сожалѣнію была принята австро-венгерскими славистами за точку отправленія въ изслѣдованіяхъ о дѣятельности славянскихъ первоучителей. Подчиняясь ихъ авторитету, и нѣсколько позднѣйшихъ русскихъ авторовъ книгъ и статей о жизни и дѣятельности Кирилла и Методія стали строго держаться 863 г., года появленія первыхъ славянскихъ богослужебныхъ книгъ и отвергать 855 г., т. е. якобы критики не выдерживающее показаніе мниха Храбра. Это печальное уклоненіе отъ разумнаго и строгаго критическаго направленія Добровскаго ²⁾ только запутало, за-

¹⁾ Friedrich. Ein Brief d. Anastasius biblioth. an d. Bischof Gaudericus v. Veletri üb. die Abfassung. d. „Vita cum translat. s. Clementis papae“. Eine neue Quelle zur Cyrillus u. Methodius Frage. въ Sitzber. d. philos.-philolog. u. d. hist. Cl. d. k. b. Ak. d. Wiss. München. 1893. Ss. 393 etc.

²⁾ Method's Bibelsprache ist nicht Unterstelerisch oder Windisch, aber ihr doch näher als dem Mährischen. Als Method nach Rom ging (861) liess er slaw. gottesdienstl. Bücher zurück—allein nach Mähren kamen sie (die Bücher u. die Apostel selbst) aus d. Bulgarey, aus Macedonien, Servien u. immediate aus Constantinopel. *Es ist nur eine Verwirrung in der Geschichte dieser Männer.* Den grossten Lärm und Aufsehen machte die slaw. Literatur in Mähren u. Pannonien, weil es den deutschen Priestern anstössig war. *In griechischen Provinzen verbreitete sie sich im*

темнило и извратило представленія и понятія о жизни и дѣятельности славянскихъ апостоловъ. Справедливость требуетъ впрочемъ отмѣтить, что не только Добровскій, но еще раньше Лекъенъ, и болѣе близкіе къ намъ ученые, Горскій, Гильфердингъ и Куникъ, уже не разъ подходили было къ истинѣ. Лекъенъ высказывалъ, что миссія хазарская была собственно миссіею русскою. Горскій, Гильфердингъ и Куникъ тоже приближались къ этому же, вѣрно замѣчая, въ слѣдъ за Горскимъ, что извѣстное мѣсто славянскаго житія объ евангеліи, писанномъ русскими буквами, есть несомнѣнно позднѣйшая вставка или передѣлка первоначальнаго текста.

Слова Лекъена были приведены нами. Свою догадку въ сущности вѣрную онъ самъ испортилъ и сдѣлалъ ее неприемлемою, отнеся эту такъ называемую хазарскую миссію Константина Философа къ царствованію императора Василия I (867—886) и ко второму патриаршеству Игнатія (867—878). Прибавимъ, что начало царствованія Василия относится къ 23-му сентября, а начало второго патриаршества Игнатія къ 23-му окт. 867 г. Такимъ образомъ Константинъ Философъ могъ бы получить назначеніе въ Хазарію не раньше половины ноября 867 г., а извѣстно, что въ это самое время Константинъ Философъ съ братомъ Меодіемъ только что подъѣзжалъ къ Риму и прибылъ къ нему черезъ нѣсколько дней по смерти вызвавшего ихъ къ себѣ папы Николая I († 13-го ноября 867).

Такія же хронологическія недоразумѣнія помѣшали Гильфердингу и Кунику прийти къ вѣрному опредѣленію хазарской миссии и къ настоящей оцѣнкѣ извѣстнаго мѣста житія о русскомъ евангеліи, яко бы найденномъ въ Херсонѣ, и объ обрѣтении также Константиномъ Философомъ челоуѣка „глаголюща тою же бесѣдою“, т.-е. русина.

Надо замѣтить, что Гильфердингъ еще въ 1862 г. очень близко

Stillen schon früher—so dass es dem Rastislaw in Böhmen zu Ohren kam. Privina war kein slavisch bethender Fürst; anfangs auch sein Sohn Herilo nicht. A. 865 weihte noch der Salzburger Erzbisch. eine Kirche in seinem Gebiete. Nach dieser Zeit etwa 867 oder 68 kam Method auch nach Pannonien aus Mähren, schon als Erzbischof u. verscheuchte den Erzpriester Richbald, etwa 873 oder 871. (Писмо Добр. и Копят. подъ ред. Ягича. С.-Пб. 1885. I, с. 189. Prag. 30 jun. 1811).—Въ 1900 г. Ягичъ писалъ: Den Ausgangspunkt der ganzen Frage bildet die Berufung der beiden Apostel nach Mähren... Man muss sich.. an den Wortlaut der pannonischen Legende halten, die den Ausgangspunkt für die slawische Mission der beiden Brüder in dem Rufe nach Mähren erblickt. Zur Entstehesch. d. ksl. Spr. (Dnkschr. f. k. Ak. d. W.) Wien 1900. (Ss. 3—4).

подходилъ въ вѣрному пониманію хазарской миссіи славянскихъ апостоловъ. Приведу его слова:... „въ ханствѣ козарскомъ, также точно и въ тогдашней имперіи Византійской, славянская стихія была многочисленна, вѣроятно, многочисленнѣе всѣхъ другихъ ¹⁾. Вотъ, стало быть, посредствующее звѣно между обоими государствами, элементъ славянской; вотъ языкъ, на которомъ византійскій христіанинъ могъ проповѣдывать евангеліе при дворѣ кагана козарскаго и между его подданными,—языкъ славянской, *вотъ почему для миссіи въ Козарію избраны были люди, посвятившіе себя обращенію славянъ, люди, которые несли съ собою славянскія письма и славянской переводъ евангелія* ²⁾. Иначе эта миссія казалась бы мнѣ не только необъяснимою, но даже безцѣльною. Въ моихъ глазахъ повѣдка Кирилла и Меодія къ козарамъ предполагаетъ непременно, что они предварительно сдѣлались извѣстными въ Константинополѣ попыткою персдать ученіе Христово на языкѣ славянскомъ, и это, скажу мимоходомъ, служить для меня новымъ и сильнымъ подкрѣпленіемъ моей мысли, что изобрѣтеніе славянскихъ писменъ совершилось прежде повѣдки въ Козарію, т.-е. до 858 г. Извѣстно, что Кирилла записалъ (разумѣется, по гречески) содержаніе преній съ магометанами и евреями у козаръ, и что Меодій перевелъ это сочиненіе по славянски: къ чему бы служилъ такой переводъ, если бы Меодій не имѣлъ въ виду оставить козарамъ, исповѣдывавшимъ частію магометанство, частію іудейство, и подвластнымъ

¹⁾ „Разумѣется въ европейской части имперіи“. (Гильф.).

²⁾ На это есть даже положительное указаніе въ одномъ древнемъ прологѣ, гдѣ сказано, что Кирилла упросилъ Меодія сопутствовать ему къ казарамъ, *зане умьяше языкъ словѣньскъ*. (Водянской о пр. происх. слав. писем., 73). Разумѣется однако, что это мѣсто не можетъ быть принимаемо въ томъ смыслѣ, будто самъ Кирилла не зналъ по славянски. (Гильф.). Прибавимъ, что въ Прилукскомъ прол. (нынѣ въ Пет. дух. ак.) на 11-е апрѣля (к. 106) читается: „Въ тѣ дѣи наша пришаго оца нашѣ Шофодѣи (sic) зина Шо-ракыска обчѣла рѣсьскаго“. Здѣсь тоже читаемъ: „Кирилла же обмоли ерѣта своего Шофодѣи (sic) око обчѣлаше языкъ словѣньскъ“. Выше же говорится: „егда же къ лѣ... постави (царь) его княземъ словѣньнымъ (вм. скымы) і прѣкъ тамо лѣ і (10) изыче словѣньскомъ языкъ і словеса ерѣковна сложиста съ кратомъ“. Замѣтимъ, что этотъ прекрасный прологъ к. XIV или сам. нач. XV в. въ 2-хъ частяхъ въ лѣсть, на пергам., съ л а н ы, съ строго проведеннымъ русскимъ правописаніемъ имѣетъ довольно много русскихъ статей, несомнѣнно переписанъ съ оригиналовъ болѣе древнихъ, гдѣ пшбудъ въ сѣв. Руси, и слѣд. проложное житіе Меодія было взято изъ рукописи XIII, даже XII в. Потому его завѣстіе: *о сложении словесъ буквенныхъ*, какъ совмѣстномъ трудѣ обонхъ братьевъ, вслѣдствіи заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ сказаніе житія Кириллова (о сл. писем.) въ рукописи конца XV вѣка. Свидѣтельство этого пролога напоминаетъ и подтверждаетъ сказанье о Брѣгальницѣ.

имъ славянамъ, на письмѣхъ доводы, которыми Кириллъ въ бесѣдахъ и преніяхъ своихъ опровергалъ ученіе муллъ и раввиновъ? Вѣдь переводъ такого сочиненія для другихъ славянъ, особенно въ ту эпоху, не имѣлъ бы никакой цѣли, и конечно Меодій не взялся бы за него впоследствии ни въ Болгаріи, гдѣ ему приходилось проповѣдывать христіанство язычникамъ (и отчасти, можетъ быть, противодѣйствовать христіанскимъ же, но еретическимъ, толкамъ), ни въ Моравіи, гдѣ опять-таки нужна была не полемика съ жидами и магометанами, а работа для искорененія языческихъ вѣрованій и борьба съ западнымъ духовенствомъ“.

Остановимся на толкованіи Гильфердингомъ извѣстнаго мѣста славянскаго житія о русскомъ евангелии... „Преданіе это (sic), какъ извѣстно, подало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и догадкамъ; но, по моему мнѣнію, оно есть не болѣе, какъ перешедшее въ область легенды воспоминаніе о томъ, что Кириллъ, встрѣтившись, по прибытіи изъ Константинополя въ Крымъ, съ русскимъ ¹⁾ славяниномъ (или вѣрнѣе съ русскими славянами) и готовясь въ Херсонѣ къ поѣздкѣ въ козарскія владѣнія, старался въ это время примѣнить свое нарѣчіе и свой переводъ священныхъ книгъ къ языку подвластныхъ козарамъ славянъ: а это разумѣется, въ ту эпоху, было еще весьма легко“ ²⁾... „Недаромъ также на Руси столь упорно держалось мнѣніе, что Кириллъ изобрѣлъ грамоту для русскихъ, что онъ на русскій языкъ переложилъ священныя книги: это мнѣніе имѣло то же основаніе, какъ

¹⁾ „Разумѣется, русскими этп славяне въ то время еще не назывались, и я употребляю это названіе только для краткости, вмѣсто того, чтобы говорить: „юго-восточные славяне, принявшіе потомъ наименованіе русскихъ. Если же въ *дреснемъ* житіи Кирилла говорится о русскихъ, то это произошло, очевидно, оттого, что *во время составленія житія* названіе „Русь, Русьскыи“ было уже общеизвѣстнымъ“. Прим. Гильфердинга.—Гильфердингъ ошибся, называя *житіе древнимъ* и прибавляя, что *во время составленія житія*—слово Русь было уже общеизвѣстнымъ (въ смыслѣ славянскаго, а не норманскаго). Въ такомъ случаѣ *время составленія житія* относить надо къ концу X и началу XI в. и слѣд. житіе Константина Философа († 868 или 869), писанное черезъ сто слѣшкомъ лѣтъ по его кончинѣ нельзя называть древнимъ. Съ *русинами* же бесѣдовалъ Константинъ Философъ и читалъ ему свой переводъ евангельскихъ чтеній. Этотъ русинъ, словенинъ или варягъ, былъ конечно однимъ изъ посланцевъ Аскольдовыхъ, наилучше знакомыхъ съ языкомъ полянъ.

²⁾ Тутъ слѣдуетъ довольно большое прим. Гильфердинга: „въ житіи Кирилла, все вообще мѣсто, гдѣ находится приведенное извѣстіе о русскихъ письменахъ евангелія“... Гильфердингъ основательно отвергаетъ извѣстное предположеніе о томъ, что то были письмена глаголическія и догадку Шафарика о томъ, что русское=готскому.

и то, что грамота славянская изобрѣтена для Моравіи: Кирилль положилъ основаніе христіанскому просвѣщенію между славянами моравскими: и тѣ и другіе, естественно, могли приписать собѣ ту славу, что они были первоначальными, такъ сказать, виновниками его великаго дѣла“. Далѣе Гильфердингъ приводитъ обнародованное Бандури сказаніе о первомъ крещеніи Руси, при чемъ относитъ его къ 866 г. „Все это, разумѣется, не исторія, а легенда; но часто легенда хранитъ забытые слѣды исторіи, и въ этомъ смыслѣ я считаю приведенный рассказъ византійца весьма знаменательнымъ. По моему мнѣнію, въ немъ выражается спутавшееся подъ вліяніемъ позднѣйшихъ событій воспоминаніе о миссіи Кирилла и Меодія въ Черноморскія страны и о томъ, что отъ нихъ тогда получили славяне въ нашемъ отечествѣ первые зачатки грамотности и христіанства“¹⁾.

Гильфердингъ, такъ какъ и Лекъенъ, былъ близокъ къ истинѣ, но, по невѣрнымъ хронологическимъ соображеніямъ, не могъ точно установить подлинныя факты и еще пожалуй больше Лекъена запуталъ дѣло. Гильфердингъ, какъ и другіе изслѣдователи до него и послѣ него (напр., Бодянский, Викторовъ, Малышевскій), относилъ такъ называемую хазарскую миссію Константина Философа къ 858 г., нападеніе Аскольдовой руси къ 865 г. и первое крещеніе руси къ 866 г. Справедливо настаивая на томъ, что въ хазарскую миссію были отправлены Константинъ Философъ и его братъ, какъ люди, уже доказавшіе свое знакомство со славянами и ихъ языкомъ, свою ревность въ насажденіи среди нихъ христіанства, Гильфердингъ утверждалъ, что результатомъ этой миссіи было первое крещеніе славянъ хазарскихъ или вполнѣдствіи русскихъ (черноморскихъ).

Такъ какъ, по Гильфердингу, Кирилловское крещеніе славянъ хазарскихъ происходило въ 858 г., а такъ называемое первое крещеніе руси—въ 866 г., причемъ крещены были не одни варяги, но и покоренные ими славяне, то Гильфердингъ и полагалъ, что крещеніе 866 г. было вторымъ крещеніемъ славянъ русскихъ или, какъ онъ ихъ называлъ, славянъ юговосточныхъ.

Если Лекъенъ для хазарской (русской) миссіи Константина Философа назначалъ дату слишкомъ поздною (конецъ 867 г., и даже позже), то Гильфердингъ также ошибочно, но въ обратномъ смыслѣ, назначалъ 858 г. для хазарской миссіи Константина Философа и 866 г., вмѣсто 861 г., для перваго крещенія руси. Изъ

¹⁾ Соч. А. О. Гильфердинга. С.-Пб. 1868, I, 307—312.

слова объ обрѣтеніи мощей св. Климента мы знаемъ, что 30 января 861 г. Константинъ Философъ находился въ Херсонѣ и оттуда затѣмъ отправился на сѣверъ къ хазарамъ. Знаемъ также, что вскорѣ послѣ нападенія на Константинополь (18-го іюня 860 г.) явилось отъ руси посольство въ Византію (вѣроятно поздно осенью или въ началѣ зимы 860 г.), и слѣд. *русская* миссія изъ Константинополя должна была прибыть одновременно съ хазарскою миссіею Константина Философа.

Но Гильфердингъ былъ правъ, твердо стоя за недостоверность показанія славянскаго житія Кириллова о томъ, будто славянскія письма были составлены и переводъ Евангелія былъ начатъ передъ самую поѣздку славянскихъ первоучителей въ Моравію. Указавшій на важность обоихъ славянскихъ житій (Кирилла и Меодія), Горскій не повиненъ въ позднѣйшихъ обобщеніяхъ этой важности со стороны западно-славянскихъ и имъ вторившихъ русскихъ ученыхъ, принимавшихъ безъ критики всѣ почти показанія житія Кириллова, тогда какъ оно дошло до насъ въ слишкомъ позднихъ спискахъ и требуетъ особенно осторожнаго пользованія. Горскій уже указывалъ на позднѣйшія въ этомъ житіи вставки и дополненія. Къ нимъ онъ отнесъ показанія житія о занятіяхъ Константина Философа еврейскимъ языкомъ, самаританскою рукописью, русскимъ евангелиемъ. Сюда же слѣдуетъ отнести, какъ мы уже видѣли, и неточное обозначеніе времени сарадинской миссиіи и, какъ увидимъ, совершенно вымышленное и недостоверное показаніе о времени и обстоятельствахъ составленія славянской азбуки и славянскаго перевода Евангелія. Гильфердингу посчастливилось найти новое подтвержденіе свидѣтельства мниха Храбра о времени составленія славянской азбуки и первыхъ переводовъ. Главная же заслуга Гильфердинга заключается въ томъ, что онъ призналъ большой шагъ назадъ нашей науки въ отступленіи Шафарика (въ 1855 г.) отъ своихъ прежнихъ, еще Добровскимъ высказанныхъ, положеній. Къ сожалѣнію, за Шафарикомъ пошли не только западно-славянскіе (Миклошичъ, Рачкій, Ягичъ), но и большая часть русскихъ ученыхъ (Бодянский, Вороновъ, Голубинскій, Срезневскій). „Въ недавнее еще время, писалъ Гильфердингъ въ 1863 г., полагали, на основаніи сличенія всѣхъ разнообразныхъ историческихъ данныхъ, что дѣятельность Кирилла и Меодія началась среди славянъ македонскихъ, что затѣмъ ею воспользовалась Болгарія въ собственномъ смыслѣ, и что наконецъ она перенесена была на западъ, въ Моравію и Паннонію, откуда коснулась, съ одной

стороны, Хорватин и Далмацін, съ другой—Чехій и южной части Польши: *таковъ былъ и первоначальный взглядъ Шафарика* ¹⁾; *въ послѣдствіи же, придерживаясь исключительно текста Паннонскихъ житій, ученые, въ томъ числѣ и самъ Шафарикъ, стали утверждать, что Кириллъ и Меводій единственно для западныхъ славянъ изобрѣли письмо и перевели священное писаніе, только этихъ сла-*

¹⁾ Шафарикъ писалъ Востокову 21-го февр. 1836 г. Seinen (Копитара) Hypothesen, dass das glagolitische Alphabet älter oder so alt als das Cyrill. sey, und das Method erst nach dem Tode Cyrills mit Hilfe von lateinischen Mönchen in Karantanien das Cyrill. Alphabet zusammengestoppelt und die liturg. Bücher in Karantianischer Mundart übersetzt habe, werde ich nie beypflichten, so lange ich gesunden Menschenverstand habe und, was Geschichte sey, verstehe, das glagolitische Alphabet mag immerhin um die Mitte des XI Jh. in Dalmatien nachdem man das Cyrill. auf drei verschiedenen Concilien in Salona verdammt hatte, erfunden worden seyn; aber von da bis zum Cyrill 855 ist noch ein weiter Sprung. Kopitar's dessen Talente u. Kenntnisse ich übrigens hochschätze und in dieser Hinsicht mich demütlich vor ihm beuge, Rechthaberei, Sophisterei, gänzlicher Mangel an Wahrheitssinn betrübt mich in hohem Grad, ich mag aber mit ihm nicht streiten. Opinionum commenta delet dies. (Переписка А. X. Востокова въ поврем. пер. съ объяс. прим. Н. Срезневскаго. С.-Пб. 1873. Сс. 325—326). 2-го апр. 1837 писалъ III. В—ву. Ich hoffe kein Unparteiischer wird vortan zweifeln, dass Konstantin u. Method für die Slawen im Grossen Bulgarenreiche, bevor sie nach Böhmen u. Mähren gingen, die Ev. Apost. u. die liturg. Bücher übersetzt haben. Beiläufig bemerke ich dass der mährische Historiograph, Prof. Aut. Boczek so eben ganz neue wichtige Dokumente über den Aufenthalt d. Konst. u. Method in Böhmen u. Mähren bei der Bisch. Kirche in Litomyšl entdeckt hat, welche noch nicht alle in seinem Diplomatorium enthalten sind. Der arme Dobrowski! Nicht ein einziges Resultat seiner krit. Versuche über die ält. böhm. Gsch. zeigt sich nach Boczek u. Palacky haltbar! Dobr. hat gegen alle geschichtliche Zeugnisse stets hartnäckig geläugnet, dass Konstantin u. Method je Böhmen betreten haben! (Тамъ же с. 331). Шафарикъ увлекся подложными грамотами Бочка и черезъ нѣсколько лѣтъ выступилъ вмѣстѣ съ Палацкиемъ въ ихъ общемъ трудѣ „Die ält. Denkm. d. böhm Sprache“, гдѣ они напали на Добровскаго и защищали цѣлый рядъ чешскихъ патристическихъ подлоговъ—отрывки св. Іоанна, Судъ Любушннъ, уже давно осужденныхъ Добровскимъ. Свою христоматию древне-чешскую и приложенную къ ней грамматику древне-чешскаго языка Шаф. сильно испортилъ примѣрами какъ изъ этихъ, такъ и изъ другаго чешскаго подлога—г. наз. Краледворской рукописи (Wybor—1845 г.) Въ кон. 40-хъ, въ нач. 50-хъ гг. Шафарикъ занялся глаголицею и надалъ очень хорошую глагол. христоматию, а вслѣдъ затѣмъ „Ueb. den Ursprung und die Heimath d. Glagolitismus, Prag 1858“. Здѣсь Шаф. доказываетъ то самое, что онъ такъ рѣзко осуждалъ въ 1836—37 г. въ письмахъ къ Востокову. Здѣсь Копитаровскій взглядъ нѣсколько видоизмѣненъ—не словѣнцамъ, а мораванамъ, словакамъ и чехамъ принадлежитъ честь перваго служенія славянскихъ апостоловъ,—языкъ первыхъ ц.-славянскихъ переводовъ исполненъ по Копитару преимущественно паннонизмовъ, даже почти паннонскій,—а по Шафарикъ онъ обилуетъ въ 1) моравизмами и 2) паннонизмами.

ванъ, при жизни своей, имѣли въ виду. Изъ представленныхъ мною соображеній можно было, надѣюсь, убѣдиться, какъ мало такой взглядъ согласенъ и съ древними свидѣтельствами и съ общимъ ходомъ событий, и съ указаніями языка. Но мало того, что слѣдуетъ возвратиться къ прежнему мнѣнію и поставить Македонію и Болгарію наряду съ землями западныхъ славянъ въ кругу апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія; *надобно въ этотъ кругъ включить и славянъ восточныхъ, принявшихъ потомъ названіе Руси; надобно признать, что и русскій славянинъ, вмѣстѣ съ славяниномъ македонскимъ и болгарскимъ, вмѣстѣ съ моравцемъ, чехомъ и полякомъ, былъ призванъ къ христіанскому просвѣщенію Кирилломъ и Меѳодіемъ.* Въ этомъ, насколько я понимаю сохранившіяся свидѣтельства, сомнѣній быть не можетъ, и вопросъ заключается только въ томъ: сохранилось ли ученіе просвѣтителей славянскихъ на Русь преемственно и было непосредственнымъ источникомъ той христіанской жизни у славянъ южно-русскихъ, которая, нѣсколько лѣтъ послѣ проповѣди апостоловъ славянскихъ въ южныхъ предѣлахъ земли нашей, проявилась первымъ крещеніемъ Руси при Аскольдѣ, и которую мы потомъ видимъ значительно развитою при Игорѣ, или же дѣло Кирилла и Меѳодія исчезло безслѣдно послѣ ихъ отъѣзда изъ Козаріи и восстановлено было въ тѣхъ краяхъ новыми проповѣдниками. Даже въ этомъ послѣднемъ предположеніи, которое, какъ мнѣ кажется, менѣе вѣроятно, *вліяніе Кирилла на Русь не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію: ибо какъ епископа для Руси, по просьбѣ тамошнихъ правителей, долженъ былъ назначить патріархъ Фотій, то онъ, наставникъ и другъ Кирилла, едвали бы отправилъ къ новообращавшемуся славянскому народу другого проповѣдника, какъ кого либо изъ учениковъ изобрѣтателя славянской азбуки, устроителя славянскаго богослуженія; Кириллъ же былъ тогда еще въ живыхъ.*¹⁾

Эти прекрасныя замѣчанія Гильфердинга отводятъ ему почетное мѣсто въ исторіи Кирилло-Меѳодьевскаго вопроса. Строго говоря, знай Гильфердингъ, что нападеніе Аскольдовой руси на Константинополь происходило лѣтомъ 860 г., а хазарская миссія Константина Философа—была снаряжена никакъ не въ 858 г., а въ концѣ 860 или въ началѣ 861 г., онъ бы первый подтвердилъ и исправилъ догадку Лекъена о томъ, что первое крещеніе Руси (861 г.) совершено было никѣмъ инымъ, какъ славянскими церковителями.

¹⁾ Тамъ же, с. 313—314.

Обратимся теперь къ покойному же академику Кунику. Крупный ученый, первоклассный норманистъ, отличный филологъ и историкъ, родомъ изъ силезскихъ крестьянъ, Куникъ былъ оиѣмеченнымъ полякомъ: если не отецъ, то дѣдъ его вѣроятно былъ еще чистымъ славяниномъ. Самъ Куникъ любилъ и зналъ славянство, живо интересовался успѣхами славянской филологіи и славянскихъ литературъ, и былъ великимъ почитателемъ славянскихъ первоучителей. Въ этомъ отношеніи, самъ ли оиѣмеченный полякъ или потомокъ оиѣмеченныхъ поляковъ, Куникъ представляетъ полную противоположность не оиѣмеченному, а скорѣй разѣмеченному польскому писателю, нынѣшнему берлинскому профессору славяновѣдѣнія Брикнеру, ополяченному или потомку ополяченныхъ нѣмцевъ. Куникъ видѣлъ въ славянскихъ первоучителяхъ великихъ историческихъ дѣятелей и съ негодованіемъ относился къ гонителямъ и преслѣдователямъ ихъ—римскому и нѣмецкому духовенству; Брикнеръ же видитъ въ нихъ лукавыхъ и плутоватыхъ грековъ, чистыхъ прохвостовъ и носителей невѣжества. *Più paralino, che il papa*, онъ строго осуждаетъ двухъ папъ (Адріана II и Іоанна VIII) за ихъ неприличныя де поблажки этимъ хитрымъ надувателямъ, и превозноситъ князя Святополка за его *закатистскій* подвигъ—поголовное изгнаніе изъ Моравіи, по смерти архіепископа Меодія, всѣхъ его учениковъ. При сличеніи этихъ мнѣній Куника и Брикнера невольно напрашивается вопросъ: что теряетъ славянство отъ оиѣмеченія извѣстной его части на западѣ? ¹⁾.

Повторяю, къ одной изъ заслугъ Куника принадлежитъ и его участіе въ разработкѣ кирилло-меоодьскаго вопроса. Нахожу нужнымъ повторить дѣльныя замѣчанія Куника какъ о русскомъ евангеліи славянскаго житія Кириллова, такъ и объ извѣстномъ свидѣтельствѣ о Брѣгалъницѣ. „Много было, въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ (писано въ 1874), попытокъ воспользоваться мѣстомъ паннонскіи легенды, касающимся русскаго евангелія. Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣніе этихъ попытокъ. *Не понятно, какъ ученые все возвращаются къ ошибочному пониманію слова „русскій“ въ смыслъ „лот-*

¹⁾ И у чеховъ, такъ много толкующихъ о великой опасности славянству отъ германизации на западныхъ его окраинахъ, статья пр. Брикнера нашла почитателей и встрѣтила сочувствіе, переводится цѣликомъ въ одномъ (иѣ извѣстномъ) ежемѣсячномъ журналѣ. Писавшій всегда по нѣмецки, Добровскій важнѣе, дороже для славянства цѣлыхъ сотенъ чешскихъ и польскихъ писателей. У народовъ, покоренныхъ чужимъ государствомъ и слѣдов. *bilingues*, родной языкъ неизбежно бѣднѣетъ, оскудѣваетъ, портится. Оскудѣніе, какаѣ-то дѣланность языка отзывается на бѣдности и ограниченности содержанія, творчества мысли и фантазіи, на узости воззрѣній.

скій“. Первоначальный сочинитель легенды очень хорошо знает готовъ, ибо слышалъ въ Венеціи отъ самого Кирилла, что у сурожанъ и у готовъ („Сугды, Готѣи“) были свои книги (письмена)“. При этомъ Куникъ отмѣтилъ необходимость критическаго изслѣдованія всего житія святаго Кирилла, а именно слѣдуетъ отдѣлать въ немъ легендарныя прикрасы и позднѣйшія вставки отъ дѣйствительно историческихъ частей.

Куникъ прибавилъ: „я тутъ вижу одну только грубую вставку какого-нибудь передѣльвателя Житія, жившаго уже въ то время, когда, какъ извѣстно, названіе русскихъ письменъ было однозначущимъ со славянскими письменами. А это могло быть въ довольно раннюю эпоху, такъ какъ въ подложной грамотѣ папы Іоанна XIII, 972 г., которую Козьма Пражскій († 1125) внесъ въ свою хронику, уже упоминается о какомъ-то „ritus aut secta Bulgariae gentis vel Ruziae aut Sclavonicae linguae“. Съ какою цѣлью интерполяторъ вставилъ это мѣсто? Въ немногихъ словахъ отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя; вѣрно только то, что дошедшія до насъ извѣстія объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ сильно между собой противорѣчатъ. Дѣло критики рѣшить, не протекаютъ ли эти противорѣчія разомъ изъ іерархическаго и изъ національнаго пристрастія? При этомъ неизбѣжно приходится извѣстія объ изобрѣтеніи письменъ св. Кирилломъ для македонскихъ славянъ на Брѣгальницѣ (около 855 г.) или совершенно отвергнуть, какъ не заслуживающія ни малѣйшаго вниманія, или же признать въ высшей степени важными, то есть допустить, или что исторія обоихъ славянскихъ апостоловъ до (столь мало въ настоящее время мотивированной) проповѣднической миссіи ихъ къ моравскимъ князьямъ умышленно сокращена и искажена въ самыхъ источникахъ, или же что болгары уже до времени архіепископа Теофилакта (около 1080 г.) сочинили сказку и хитрымъ образомъ перенесли мѣсто дѣятельности славянскихъ апостоловъ на Брѣгальницу (текущую недалеко отъ Солуни). Последнія напечатанныя мною замѣтки по этому вопросу (Бильбасовъ, Кириллъ и Меодій. Ч. II, 1871, стр. 2 — 6) подверглись критикѣ ученаго знатока южно-славянской исторіи Рачкаю (Rad jugosl. Akad. XV. 1871, с. 172—178). Здѣсь однако не мѣсто входить въ препирательство съ почтеннымъ критикомъ; ограничусь однимъ лишь замѣчаніемъ, что не я, а г. Бильбасовъ приписываетъ „Слово“ самому св. Кириллу.—А. Небожсконовъ (Начало борьбы славянъ съ нѣмцами. Казань. 1874 с. 59. Перепеч. изъ Зап. Каз. Ун.), которому была извѣстна только первая моя статья 1864,

относить проповѣдь Кирилла на Брѣгальницѣ къ области миеовъ. Не такъ думаемъ мы съ Погодинымъ (Кир. Мееод. Сборникъ. М. 1865, 111). Равнымъ образомъ и покойный *Гильфердингъ* († 1872) остался при своемъ мнѣніи, которое онъ имѣлъ еще случай высказать въ 1869 г. въ коротенькой статейкѣ о своей поѣздкѣ къ Брѣгальницѣ. (Голось 1869, № 69).

„Противъ Гильфердинга выступилъ новый противникъ, именно въ лицѣ знаменитаго славянина *Миклошича* (Altslov. Formenlehre in Paradigmen. Wien. 1874, р. V), который признаетъ мнѣніе Гильфердинга недоказаннымъ до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ подкрѣвлено болѣе надежными свидѣтельствами, чѣмъ Приазенское житіе Кирилла. Мои двѣ статьи, которыя я конечно не считаю неопровержимыми во всѣхъ ихъ подробностяхъ, остались ему также неизвѣстными. „Солунское Слово“,—если бы въ немъ одномъ упоминалось о Брѣгальницѣ, по своей легендарной формѣ могло бы возбуждать сомнѣнія. Но извѣстіе его заимствовано не изъ Приазенскаго житія, а изъ другого источника, и подкрѣпляется не только фактомъ нападенія на Солунъ языческаго хана Бориса, но также актами св. мучениковъ тиверіопольскихъ. Впрочемъ между мнѣніемъ г. Миклошича о началѣ дѣятельности славянскихъ первоучителей и моимъ лежитъ такая глубокая бездна, что лучше здѣсь ея болѣе не касаться“¹⁾.

Какъ близко подходилъ къ истинѣ Куникъ, всего лучше свидѣтельствуютъ слѣдующія его слова въ посмертномъ изданіи: Извѣстія Ал. Бекри и др. авторовъ о Руси и Славянахъ. Ч. 2. (Розысканія Куника). С.-Пб. 1803—1903. Стр. 111. „На обширной территоріи новаго государства нарѣчіе русовъ должно было исчезнуть тѣмъ скорѣе, что русы были немногочисленны, а дѣти второго и третьяго поколѣнія, благодаря общенію съ многочисленными славянскими сверстниками, начали свободнѣе говорить на славянскомъ языкѣ, чѣмъ на языкѣ своихъ родителей или своихъ отцовъ, имѣвшихъ славянскихъ женъ. Новый наплывъ Варяговъ послѣ Рюрика, а таковой, навѣрное, былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ—могъ способствовать усиленію норманскаго элемента на болѣе продолжительное

¹⁾ И преев. Макарій (Ист. Хр. до Влад. с. 163) относится скептически къ мнѣнію о макед. миссіи Кирилла, а Е. Е. Голубинскій (Ист. болг. п. М. 1867) и слышать не хочетъ объ этой новой ереси. — См. Куникъ. О запискѣ готскаго торговца (по пов. новыхъ открытій о Таманской Руси и Крымскихъ готахъ). С.-Пб. 1874. С. 139—140. Прим. Куника.

время только въ городахъ—(Кіевъ, Полоцкъ, Новгородъ и Ладога). Тому, что норманскій языкъ былъ вытѣсненъ славянскимъ, напротивъ, много способствовало также и изобрѣтеніе Кирилломъ славянскаго письма, безъ котораго совершенно немыслимы ни христіанское богослуженіе, совершавшееся въ Кіевѣ при Аскольдѣ и, впоследствии, съ времени Игоря, ни составленіе полюдныхъ записей. Даже болѣе, русы и византіицы пользовались славянскимъ языкомъ для взаимныхъ сношеній, и потому мирные договоры 907, 911, 944 и 972 г. были переведены на славянскій языкъ, тогда какъ для составленія норманскаго перевода не нашлось бы ни писемъ, ни грамотныхъ людей". Признай только Куникъ 18 іюня 860 г. какъ дату перваго нападенія руси на Константинополь, онъ бы непремѣнно призналъ и главное участіе славянскихъ первоучителей въ первомъ крещеніи руси 861 г.

XXVIII.

Въ послѣднія десятилѣтія крѣпко утвердилось положеніе, что съ обращенія моравскаго князя Ростислава въ Византію, Константинъ Философъ и братъ его Меодій начали свою проповѣдническую дѣятельность у славянъ, положили начало славянской письменности и введенію славянскаго богослуженія не ранѣе, какъ въ 863 г. Всѣ же прочія свидѣтельства о проповѣди первоучителей у славянъ македонскихъ, у славянъ хазарскихъ или русскихъ, у славянъ болгарскихъ, равно какъ и сказаніе мниха Храбра о составленіи славянской азбуки въ 855 г., и сказаніе о Брѣгальницѣ отвергаются, какъ свидѣтельства не достовѣрныя и строгой де критики не выдерживающія. Ниже мы увидимъ, что свидѣтельство о составленіи славянской азбуки и о началѣ перевода Евангелія передъ самою поѣздкою въ Моравію, дошедшее до насъ въ сп. XV в. житія Кириллова, не заключаетъ въ себѣ ничего достовѣрнаго и сколько-нибудь вѣроятнаго. Мнѣнія Добровскаго, Гильфердинга и Куника должны наконецъ взять верхъ надъ господствующимъ теперь мнѣніемъ у западно-славянскихъ писателей и не немногихъ русскихъ ученыхъ, увлеченныхъ авторитетомъ именъ Шафарика, Миклошича, Ягича. Въ полномъ довѣрїи къ славянскому житію Кириллову, Гильфердингъ относилъ согласно съ прежними изслѣдователями сарацинскую миссію Константина Философа къ 851 г., а хазарскую—къ 858 г. По теперъ извѣстно, что первая происходила въ концѣ 855—въ нач. 856 г., а вторая—въ первой половинѣ 861 г. Будь еще Гильфердингъ живъ, онъ бы признавалъ теперъ, что согласно показанію

Слова объ обрѣтеніи мошей св. Климента, Константинъ Философъ по дорогѣ къ хазарамъ былъ въ Херсонѣ 30 (по ин. сп. 23) января 861 г., и что, согласно найденному Кюмономъ византійскому свидѣтельству, русь Аскольдова явилась передъ Константинополемъ 18 іюня 860 г. и ушла во свояси мѣсяца черезъ два-три, и что слѣдовательно хазарская миссія Константина Философа и была собственно тою русскою миссіею, о которой говорилъ патріархъ Фотій въ своемъ окружномъ посланіи 866—7 г. И какъ естественно было Фотію избрать Константина Философа для обращенія руси! Куникъ такъ крѣпко держался 862 г., какъ года призванія руси или основанія государства, что не могъ и послѣ находки Кюмона признать возможности появленія Аскольдовой руси въ 860 г. передъ Константинополемъ. Продолжая до конца своей жизни держаться 865 г., какъ даты этого нападенія, Куникъ конечно не могъ признать, что такъ называемая хазарская миссія славянскихъ первоучителей 861 г. была русскою миссіею, но онъ прямо высказывалъ, что славянская грамота была въ Кіевѣ извѣстна еще въ концѣ IX в., что въ соборной церкви св. Іліи было славянское богослуженіе.

Нашъ знаменитый ученый Горскій, послѣ Добровскаго и Востокова вмѣстѣ съ Григоровичемъ, Прейсомъ и Срезневскимъ, сдѣлавшій такъ много по вопросу Кирилло-Меѳодьевскому, тоже за одно съ Гильфердингомъ и Куникомъ держался 865 г., какъ года нашествія руси. Поэтому онъ конечно не могъ признать, что хазарская миссія славянскихъ первоучителей была собственно русскою миссіею, и что первое крещеніе руси совершенно было въ 861 г. великими солунскими братьями. Впрочемъ, Горскій признавалъ позднѣйшею интерполяціею сообщеніе житія Кириллова о евангеліи писанномъ „русскими письмены“.

Держась невѣрной хронологіи нападенія руси на Царьградъ 865 г., Горскій легко впалъ въ другую погрѣшность. Онъ думалъ, что первое крещеніе руси произошло незадолго до низложенія патріарха Фотія (867 г.) ¹⁾. „Патріархъ Фотій и греческіе лѣтописцы только говорятъ,—замѣтилъ Горскій въ своей превосходной статьѣ 1850 г. о русской митрополіи,—что русскіе приняли епископа или архіепископа. Воспользовались ли греки этимъ случаемъ къ учрежденію у насъ, не говоримъ—митрополіи, по крайней мѣрѣ постоянной епископіи,—отсюда еще не видно. Можетъ быть не совсѣмъ благопріятствовали этому послѣдствующія обстоятельства. Патріархъ Фотій, *вскорѣ послѣ*

¹⁾ Приб. къ Твор. св. отд. IX. Москва. 1850. Стр. 132—146. „О митрополіи русской въ к. IX в.“.

отправленія къ руссамъ, изъявившимъ желаніе креститься, удаленъ съ престола (867 г.). Спустя 11 лѣтъ (878 г.) онъ опять возведенъ на престолъ патріаршескій: но Аскольдъ и Диръ вскорѣ были умерщвлены Олегомъ, который не оказывалъ расположенія къ христіанству. Даже при св. Ольгѣ не видимъ въ Кіевѣ епископа: при ней только былъ пресвитерь, который и похоронилъ ее по обряду христіанскому“.

Мы знаемъ, что вскорѣ послѣ неудачнаго нашествія руси на Константинополь (лѣтомъ 860 г.) было послано въ Византію русское посольство съ просьбою о крещеніи. Еще Лекъенъ вѣрно догадывался, что Константинъ Философъ съ братомъ былъ посланъ Византіею въ Русь, а не къ хазарамъ. Фотій говоритъ о крещеніи болгаръ и русовъ и нигдѣ не упоминаетъ о крещеніи хазаръ. Онъ говоритъ о принятіи русами епископа. У хазаръ были уже раньше епископы, какъ видно изъ расписанія епархій VIII в. (Шар. сп. изд. де Боора) и указанія пролога о Софоніи епископѣ хазарскомъ во время иконоборцевъ ¹⁾. У хазаръ второй половины IX в. хаганъ и главные вельможи были не язычники, а исповѣдники Моисеева закона и особенно приверженцы корана. Въ житіи Константина Философа *начальные мужи* кагана, у котораго славянскій первоучитель обратилъ до 200 чадій, называютъ себя *некнижною чадью* (такъ мусульмане начальные мужи себя называть не могли), а *первый совѣтникъ* сказалъ пріятелямъ сарацинскимъ: „божьею помощью гость этотъ (т. е. Константинъ Философъ) низвергъ на землю всю гордыню жидовскую, а вашу (мусульманскую) на тотъ берегъ рѣки перекинулъ (на онъ полъ рѣки прѣвѣрже какъ скверну). Ни *начальные мужи* кагана хазарскаго, ни его *первый совѣтникъ* не могли такъ отзываться объ еврействѣ и мусульманствѣ, ни самъ хаганъ не могъ, послѣ обращенія Константиномъ Философомъ 200 чадій, *развѣ женъ и дѣтей*,—написать императору письмо съ такимъ содержаніемъ, какъ передаетъ его славянское житіе Константина Философа: „ты послалъ намъ, владыко, такого мужа, что уяснилъ намъ вѣру христіанскую словомъ и дѣломъ (вещьми) сущую святую, и извѣстившись, что та вѣра истинная, повелѣли мы креститься волею, надѣмся и мы доспѣть того же. Всѣ же мои пріятели твоему царству и готовы на службу твою, куда (насъ) потребуешь“. Такими же почти словами передаетъ патріархъ Фотій слова предводителя русовъ, обращенныя къ Византіи, по случаю ихъ крещенія: *ἐν ὑπερήκων ἑαυτοῦς καὶ προξένων τάχα ἀντί τῆς πρὸ μικροῦ καθ' ἡμῶν λεηλασίας καὶ τοῦ με-*

¹⁾ См. выше.

γάλου τομῆματος ἀγκητῶς ἐχχαταστήσαντες. Текстъ житія Кириллова въ этомъ эпизодѣ хазарскомъ носитъ слѣды позднѣйшей передѣлки и передѣлки неумѣлой. Изъ записки Гавдерика, слышавшаго несомнѣнно отъ самихъ славянскихъ первоучителей, мы знаемъ, что они отправились въ Крымъ и затѣмъ въ Хазарію вмѣстѣ съ послами изъ этой страны, объявившими въ Византіи о желаніи ихъ государя или вождя ознакомиться съ вѣрою христіанскою. Съ однимъ изъ этихъ посланцевъ Аскольдовыхъ, можетъ быть даже природнымъ славяниномъ изъ полянь, и сблизился на пути нашъ первоучитель. Онъ прочитывалъ ему нѣкоторыя мѣста своего перевода, дабы освѣдомиться, на сколько далеко или близкокъ говоръ славянъ македонскихъ съ говоромъ полянднѣпровскихъ. Это косвенное извѣстіе о славянскомъ евангеліи (готовомъ въ 855 г.) не ладитъ съ позднѣйшею вставкою о сочиненномъ разговорѣ Константина Философа съ императоромъ Михаиломъ, по поводу славянскихъ буквъ. Но оно подтверждается просьбою христіанина Ростислава къ императору Михаилу прислать къ его мораванамъ, уже крещенымъ, но по латыни не понимавшимъ, учителя славянскаго вмѣстѣ съ книгами славянскими, о коихъ онъ провѣдалъ послѣ побывки славянскихъ первоучителей въ Хазарію. Съ настоящими хазарами у мораванъ надо думать никакихъ постоянныхъ сношеній не было, а съ юго-восточными славянами, давно признававшими власть хазарскую, сношенія были постоянныя и очень давнія. Но свидѣтельству нашей первоначальной лѣтописи, Кіевская область стала называться русью только съ Олега, а до того времени у грековъ и другихъ сосѣдей она называлась Хазарія, хазары. Очень возможно, что въ бытность Аскольда въ Кіевѣ, эта область называлась у норманскихъ завоевателей *Gardhariki*, чтò для варяговъ могло быть осмысленнымъ измѣненіемъ чужаго, непонятнаго слова—*хазар*. *Gardhariki* страна городовъ, какъ нѣм. *Mailand*, ит. *Milano* (*Mediolanum*), русск. *Стекольна*—Стокгольмъ и пр. Греки и въ 860-хъ гг. могли продолжать называть среднее Поднѣпровье хазарами, хазарією. Слыша отъ захваченныхъ русовъ въ 860 г. или приѣзжихъ русскихъ пословъ (въ 861 г.), что они свою страну зовутъ *Gardhariki*, греки легко могли принять это слово за одно съ греч. *Χαζαρικῆ*. Мы говорили уже, что и Гавдерикъ и славянскіе первоучители со своими учениками въ Римѣ какъ бы сговорились не упоминать о *русси*, дабы не обличать прямо ихъ близости съ ненавистнымъ Риму Фотіемъ, такъ какъ они отправлены были этимъ патріархомъ: въ своемъ окружномъ посланіи (866—867), столь непріятномъ для Рима, онъ прямо говорилъ о крещеніи, въ его патріаршество, и *русси* и болгарь.

Мѣсто житія обѣ евангеліи, писанномъ *русскими письмены*, очень важно. Оно косвенно доказываетъ, 1) что въ 861 г. чтенія евангельскія были уже переведены Константиномъ Философомъ, 2) что свидѣтельства мниха Храбра (855 г.) и сказаніе о Брѣгальницѣ—не ошибка и не выдумка, 3) что такъ называемая хазарская миссія Константина Философа и Меѳодія была собственно *русская* миссія, и что славянскіе первоучители ѣхали съ *русскими* посланцами (а не хазарскими, какъ говоритъ Гавдерикъ) и что съ однимъ *русиномъ*, хорошо знавшимъ по славянски, Константинъ Философъ прочитывалъ дорогою свое славянское евангеліе, дабы узнать, насколько его переводъ на македонско-славянскомъ нарѣчій можетъ быть понятенъ славянину дѣйпровскому; 4) что эта поддѣлка и перетасовка въ житіи Константина Философа была сдѣлана не позже первой половины X в. Для писавшаго о *русскихъ письменахъ евангелія*, якобы найденнаго Константиномъ Философомъ въ Крыму—слово *русскій* очевидно означало еще *чужою, непонятною* для славянина или для знающаго хорошо по славянски, грека. Съ нач. XI в. русью уже стали называться и извѣстныя славянскія земли и славянское ихъ населеніе. Но въ 60-хъ гг. IX в. *русское* евангеліе и человекъ, говорившій тою же (знач. *рускою*) *бесѣдою*, слѣдовательно норманскою рѣчью, должны были быть совершенно чужими и непонятными какъ славянину такъ и греку, хорошо понимавшему по славянски. Это *русское* евангеліе и *человекъ говорившій по русски*, якобы найденные (обрѣтенные) или случайно встрѣченные въ Крыму Константиномъ Философомъ, представляютъ чистую бессмыслицу. Печальная догадка Шафарика, будто бы здѣсь подъ *русскими* разумѣется *готское*, на бѣду, къ немалому ущербу наукъ, имѣла большой успѣхъ. Но греки второй половины IX в. и притомъ образованные, какъ напр. славянскіе первоучители, давно извѣстныхъ Византіи и готовъ аریانъ и старыхъ православныхъ готовъ, мирныхъ подданныхъ имперіи, подвѣдомыхъ царьградскому патріарху, никогда бы не могли смѣшать съ только что передъ тѣмъ (860 г.) врасплохъ нападавшими на столицу имперіи русами, отчаянными пиратами, натворившими столько безчинствъ и злодѣяній, на какія могли быть способны готы развѣ лѣтъ за шестьсотъ тому назадъ. Иско, что первоначальный авторъ житія Кириллова, несомнѣнно южный славянинъ съ византійскимъ образованіемъ, никогда не могъ допустить такой нелѣпости, какъ упоминаемое въ житіи евангеліе, писанное *русскими* письменами. Такъ какъ *русское* письмо и *русская* бесѣда (рѣчь, языкъ) въ годъ хазарской миссіи Константина Философа не имѣли того значенія,

какое они начинали имѣть въ концѣ X и въ началѣ XI в., когда для грековъ и иѣмцевъ, а тѣмъ болѣе для всѣхъ славянъ, подъ именемъ русскаго разумѣлся одинъ изъ самыхъ крупныхъ народовъ славянскихъ. Не могъ же такимъ образомъ писатель X или XI в. указывать, какъ на чудо, то обстоятельство, что хорошо знавшій славянское нарѣчіе южной Македоніи, поговоря немного съ русскимъ славяниномъ и прочитавъ съ нимъ по *руско-славянски* написанное евангеліе, Константинъ Философъ сталъ скоро разумѣть это евангеліе. Все это мѣсто можетъ быть объяснено только позднѣйшею передѣлкою. Въ первоначальномъ текстѣ было, надо думать, упомянуто объ одномъ изъ посланцевъ, съ коими ѣхали наши славянскіе просвѣтители,—что онъ хорошо зналъ по славянски, быть можетъ былъ славянинъ изъ днѣпровскихъ славянъ. Взявши съ собою нѣсколько экземпляровъ своихъ переводовъ священныхъ книгъ, такъ какъ зналъ, куда ѣдетъ, Константинъ Философъ сталъ этому *русскому* посланцу прочитывать нѣкоторыя мѣста своихъ переводовъ, дабы лучше узнать, какъ произносятся и насколько славяне русскіе могутъ понимать славянскій языкъ македонскихъ славянъ. Цѣлью этой передѣлки было устранить всякій намекъ на русскіхъ и всякое показаніе о томъ, что Константинъ Философъ былъ отправленъ для проповѣди христіанства къ русамъ и имѣлъ при себѣ совершенные ими славянскіе переводы священныхъ книгъ и написанные Кирилловскими письменами. Эта искажившая первоначальный текстъ житія Кириллова позднѣйшая передѣлка (сдѣланная не позже половины X в., когда слово *руское* не означало еще *славянскаго*) принадлежитъ несомнѣнно не южному и не восточному славянину, а славянину моравскому, тому самому, который сочинилъ и вставилъ въ первоначальный текстъ известную басню о составленіи, по высочайшему повелѣнію императора, Константиномъ Философомъ азбуки передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію. Эта басня также ретиво была принята многими учеными, какъ и знаменитое предположеніе Шафарика о русскомъ, якобы готскомъ, евангеліи. Долго ли еще этотъ средневѣковой западно-славянскій патріотическій подлогъ будетъ служить первоисточникомъ для разныхъ славистовъ, какъ служили цѣлые десятки лѣтъ новѣйшіе подлоги чешско-моравскіе: Отрывки евангелія св. Іоанна, Судъ Любушинъ, изданныя Бочкомъ грамоты относительно пребыванія славянскихъ первоучителей въ Моравіи, краледворская рукопись?

Нехитрая позднѣйшая вставка моравскаго властенца, патріота, служить новымъ и важнымъ доводомъ въ пользу высказаннаго Лекъеномъ предположенія, что славянскіе первоучители ѣздили на сѣверо-востокъ.

не къ хазарамъ, а къ русамъ, объявившимъ черезъ своихъ посланцевъ Византіи о своемъ желаніи креститься, вскорѣ послѣ своего неудачнаго нападенія на Царьградъ. Справедливая догадка Лекъена не могла быть принята, потому что онъ самъ сдѣлалъ ее неприемлемою, утверждая, что эта миссія въ Русь была устроена патріархомъ Пгнатіемъ, слѣдовательно въ концѣ 867 г. или даже нѣсколько позже. Но зная теперъ навѣрно, что нашествіе русовъ на Константинополь происходило лѣтомъ 860 г., а славянскіе первоучители выѣхали съ хазарскими-русскими посланцами (Гавдерикъ) и были въ Херсонѣ 30-го января 861 г., мы можемъ, исправивъ хронологическую ошибку Лекъена, вполне оправдать и подтвердить его догадку о томъ, что славянскіе первоучители въ такъ называемой хазарской миссіи были первыми проповѣдниками христіанства на Руси. Видимымъ послѣдствіемъ ихъ проповѣди явились первыя лѣтописныя замѣтки о событіяхъ на Руси и договоры Олега съ греками 907 — 911 гг., это наилучшее подтвержденіе, что съ крещеніемъ 861 г. Русь получила и славянскую грамоту и славянскія богослужебныя книги; столь раннее появленіе ихъ на Руси могло явиться съ столь же раннимъ введеніемъ христіанства и при томъ самими славянскими первоучителями. Записка Гавдерика и славянское житіе Кирилла говорятъ, что они ѣздили къ хазарамъ; о крещеніи же хазаръ въ эту пору ничего не говорятъ ни Фотій, ни другіе византійскіе свидѣтели. За то одно позднѣйшее византійское сказаніе говоритъ о крещеніи Руси (только при патріархѣ Пгнатіи) Кирилломъ и Аонасіемъ (или Меодіемъ), при чемъ Кириллу приписывается изобрѣтеніе славянской азбуки для Руси. Есть и другое не столь позднее (X вѣка) византійское сказаніе объ участіи Константина Философа въ крещеніи Руси, при императорѣ Василіи и патріархѣ Пгнатіи. Ничего не говоря о крещеніи хазаръ, Фотій съ особеннымъ удовольствіемъ говоритъ о крещеніи Руси и болгаръ. Такъ какъ хазарская миссія славянскихъ апостоловъ падаетъ на 861 г., то значить, что Фотій, а не Пгнатій избралъ ихъ на это дѣло. Очень естественно, что бывший наставникъ и другъ Константина Философа, знавшій его, какъ знатока и любителя славянъ, какъ составителя славянской грамоты и переводчика священныхъ книгъ на славянскій языкъ, патріархъ Фотій остановился на Константиновѣ Философѣ, какъ на человѣкѣ, наилучше подготовленномъ и наиболѣе способномъ для проповѣди христіанства среди Руси. Норманскаго языка никто въ то время въ Византіи не могъ знать, а зна-

чительная часть варяговъ кіевскихъ болѣе или менѣе понимала языкъ покореннаго населенія той Дигъпровской славянской области, которую незадолго передъ тѣмъ отняли варяги у хазарь. И Фотій былъ совершенно правъ, поступивъ вполне разумно, когда остановился на Константинѣ Философѣ и его братѣ, какъ лучшихъ миссіонерахъ для Руси. Это соображеніе служитъ немалымъ подтвержденіемъ впервые высказанной Лексьеномъ догадкѣ, что славянскіе первоучители были посланы собственно не къ хазарамъ, а къ Руси: незадолго передъ тѣмъ варяги-русь отняли у хазарь преддѣпровскую славянскую землю, только съ Олега принявшую названіе Руси. Основанная при первомъ крещеніи, маленькая христіанская община въ Кіевѣ росла медленно, но прочно. Будь *первымъ* крещеніе Руси при Владимирѣ въ исходѣ X вѣка, будь выкинута безъ мала 130-ти лѣтняя жизнь этой маленькой кіевской христіанской общины, исторія русской церкви, письменности и вообще культуры XI и первой четверти XII вѣка была бы совсѣмъ иная, и вовсе не похожая на извѣстную намъ теперь. Этотъ постепенный ростъ маленькой христіанской общины среди общаго язычества объясняется лишь мудрою и благодатною дѣятельностью великихъ солунскихъ братьевъ и славянскихъ апостоловъ, принесшихъ съ крестомъ и славянскія книги въ далекую сѣверную, неизвѣстную тогда образованному міру, страну.

Дѣйствительно съ возвращеніемъ изъ Руси въ Константинополь славянскихъ первоучителей Византія получила цѣлый рядъ свѣдѣній о той части восточнаго европейскаго материка, о которой древній греко-римскій міръ и римская имперія за цѣлые восемь вѣковъ слишкомъ знали не болѣе, чѣмъ Европа временъ Наполеона о внутренности Африки или о разныхъ краяхъ средней Азіи. Константинъ Философъ и братъ его Меодій благодаря знанію славянскаго языка сверхъ личныхъ наблюденій могли сообщить и конечно сообщили византійскому правительству цѣлый рядъ собранныхъ ими распроснымъ путемъ свѣдѣній. Можно съ увѣренностью полагать, что нашими первоучителями было заложено основаніе и драгоценнымъ свѣдѣніямъ Константина Порфиророднаго о древней Руси. Знакомые съ первыми славянами Византійской имперіи, славянскіе первоучители лучше всѣхъ современныхъ да и большинства позднѣйшихъ византійцевъ могли уразумѣть, какое важное значеніе для Имперіи и церкви могутъ и должны имѣть эти сѣверныя и тогда уже самыя многочисленныя племена славянскія. Понятно, что немедленно по возвращеніи своемъ въ Византію и передъ отъѣздомъ своимъ въ Моравію, Константинъ Фило-

софѣ не могъ не настаивать передъ Фотіемъ и императоромъ Михаиломъ (еслибъ они сами этого не понимали) о необходимости заботливаго попеченія и внимательнаго покровительства имперіи и патріархата новооснованной христіанской общины въ Кіевѣ; слѣдовательно и объ учрежденіи русской епископіи, еслибъ ея тогда (863 г.) еще не было.

В. Ламажскій.

SEP 19 1904
CAMBRIDGE, MASS.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СЕДЬМОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.
ЧАСТЬ СССІІІ.

1904.
М А І.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именной Высочайшій указъ	3
II. Высочайшія повелѣнія	—
III. Указъ правительствующему сенату	14
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	16
V. Опредѣленія ученаго комитета мин. нар. пр.	30
VI. Опредѣленія особаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	37
VII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	44
К. О. Тандеръ. Матіасъ Кастренъ — основатель финнологіи	1
А. А. Шахматовъ. Иоасафовская лѣтопись	69
М. П. Дедовскій. О значеніи и методѣ исторіи русскаго права	80
В. П. Рѣзановъ. Изъ разысканій о сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго	94
В. И. Ламанскій. Славянское житіе Св. Кирилла какъ религіозно-эпическое произведеніе и какъ историческій источникъ. XXIX — XXXIV	131

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

И. И. Коробка. Итоги Гоголевской юбилейной литературы. II (окончаніе)	169
Ө. Ө. Соколовъ. С. А. Жебелевъ. 'Αρχαία. Въ области древностей провинціи Ахаіи. С.-Пб. 1903	211
А. И. Соболевскій. Киевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія. (Новыя данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время). Д. Вишневскаго. Кіевъ. 1903	223
Ө. Л. Радловъ. Гете, Вольфгангъ. Фаустъ. Трагедія. Переводъ въ прозѣ Петра Вейнберга. С.-Пб. 1904	229
А. С. Архангельскій. Г. Н. Иллюстровъ. Сборникъ русскіихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1904	232
— Книжныя новости	239

О Т Д Ѣ Л Ъ П О Н А Р О Д Н О М У О Б Р А З О В А Н І Ю .

А. Г. Барановъ. Къ вопросу о реформѣ городскихъ, по положенію 1872 года, училищъ	1
Е. П. Ковалевскій. Коллективныя чтенія	33

См. 3-ю стр. обложки.

СЛАВЯНСКОЕ ЖИТИЕ СВ. КИРИЛЛА КАКЪ РЕЛИГИОЗНО-ЭПИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ И КАКЪ ИСТОРИЧЕСКІЙ ИСТОЧНИКЪ ¹⁾.

(Бритическія замѣтки).

XXIX.

Если бы нашъ высокозаслуженный ученый Горскій зналъ въ 1850 г., когда писалъ свою замѣчательную статью о русской митрополіи, что первое крещеніе Руси произошло въ 861 г., очень скоро послѣ перваго нападенія Аскольдовой Руси, которое случилось не въ 865 г., какъ полагалъ тогда Горскій вмѣстѣ съ огромнымъ числомъ ученыхъ, русскихъ и западныхъ, а лѣтомъ 860 г., еслибъ тому же Горскому было тогда извѣстно слово объ обрѣтеніи мощей св. Климента съ точной въ немъ датой (861 г., 30-го января), то нашъ знаменитый ученый могъ бы признать и самое дѣятельное участіе славянскихъ апостоловъ въ первомъ крещеніи Руси. Еслибъ Горскій привелъ себѣ на память всѣ данныя нашей первоначальной лѣтописи о грамотности (славянской) и слѣдахъ христіанства въ Кіевѣ при Олегѣ (договоры 907—911 гг.), Игорѣ, Святославѣ и Ольгѣ, то нашъ знаменитый ученый пришелъ бы къ признанію непрерывнаго роста и развитія небольшой христіанской общины въ Кіевѣ вплоть до Владимира, а слѣдовательно и законнаго христіанскаго порядка, т.-е. непрерывнаго священнослуженія и поставленія епископомъ новыхъ церковнослужителей. Такимъ образомъ Горскій не пришелъ бы къ невозможной, въ настоящее время, догадкѣ, а именно что русской епископіи не было не только при Аскольдѣ, но и при

¹⁾ См. апрѣльскую книжку *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, за 1904 годъ.

Ольгѣ, такъ какъ объ учрежденіи русской епископіи греческіе источники ничего не говорятъ. Патріархъ Фотій и греческіе лѣтописцы, по словамъ Горскаго, только говорятъ, что „русскіе приняли епископа или архіепископа“. Горскій предполагаетъ, что учрежденію русской епископіи не совсѣмъ благоприятствовали послѣдствующія обстоятельства. Одно изъ главныхъ, по мнѣнію Горскаго, состояло въ томъ, что „патріархъ Фотій вскорѣ послѣ отправления къ руссамъ, изъявилъ желаніе креститься, удаленъ съ престола“ (въ сентябрѣ 867 г.). По изъ посланія Фотія мы узнаемъ, что вскорѣ послѣ своего паденія на Константинополь (лѣт. 860 г.) русы прислали къ императору пословъ просить о крещеніи. Оно состоялось въ 861 г. (вѣроятно лѣтомъ же, не позже августа). Такимъ образомъ патріарху Фотию оставалось до шести лѣтъ для учрежденія русской епископіи. Молчаніе очень немногихъ и притомъ плохихъ источниковъ объ ея учрежденіи еще не позволяетъ обвинять просвѣщеннаго и энергическаго святителя въ такой невнимательной безпечности и въ такомъ постыдномъ небреженіи къ своему долгу, притомъ въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ онъ принималъ самое живое участіе и коему онъ придавалъ большое значеніе. Оно ясно видно изъ выбора отправленныхъ имъ въ Русь миссіонеровъ и изъ его упоминанія о крещеніи русовъ, вмѣстѣ съ крещеніемъ болгаръ и примиреніемъ съ армянами. Горскій полагалъ, что паденіе аскольдовой Руси происходило въ 865 г., а первое крещеніе Руси въ 866 г. Слѣдовательно упрекъ въ несправедливомъ отношеніи къ патріарху Фотию не относится къ нашему великому ученому, а относился бы къ намъ, если бы мы, доживя до находки Кюмона и зная еще прежде о бытности Константина Философа въ Крыму — по дорогѣ къ хазарамъ — въ январѣ 861 г., продолжали слѣдовать старому мнѣнію Горскаго о томъ, что до патріархъ Фотій, по всей вѣроятности, не успѣлъ (съ лѣта 861 г.) до сентября 867 г. учредить русскую епископію.

Далѣе указывалъ покойный Горскій, что при второмъ патріаршествѣ Фотія (съ 878 по 886 г.) „Аскольдъ и Диръ вскорѣ были умерщвлены Олегомъ, который не оказывалъ расположенія къ христіанству. Даже при св. Ольгѣ не видимъ въ Кіевѣ епископа: при ней былъ только пресвитеръ, который и похоронилъ се по обряду христіанскому“. — Мы видѣли, что Горскій ничѣмъ не могъ доказать, что патріархъ Фотій съ 861 по 867 г. не успѣлъ учредить русской епископіи. Относительно Олега можно согласиться, что самъ онъ христіаниномъ не былъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ къ христіанамъ вообще былъ дурно-

расположенъ. По крайности можно утверждать, что для договоровъ съ греками 907 и 911 г. Олегъ прибѣгалъ къ помощи христіанъ, знавшихъ по гречески, писавшихъ по русски съ церковно-словенизмами, изъ чего видно, что они были славяпе, туземцы и христіане, знакомые съ славянскими переводами св. книгъ. Приписавшіе крещеніе руси патріарху Игнатію, византійскіе писатели несомнѣнно знали, что и послѣ перваго патріаршества Фотія была особая русская епископія. О русской церкви въ Кіевѣ при Олегѣ нѣтъ прямыхъ письменныхъ свидѣтельствъ, но нѣтъ никакого основанія утверждать, что случайно упоминаемая въ нашей лѣтописи соборная церковь въ Кіевѣ при Олегѣ не существовала, а явилась лишь при Игорѣ, едва-ли болѣе Олега расположенномъ, развѣ болѣе привыкшемъ, къ христіанамъ. Надо полагать, что эта церковь св. Иліи возникла въ Кіевѣ при первомъ крещеніи руси, при Аскольдѣ, и что въ первое свое патріаршество, Фотій имѣлъ пять-шесть лѣтъ въ своемъ распоряженіи для учрежденія русской епископіи. Церковь св. Иліи въ Кіевѣ при Игорѣ имѣла же своего священника, дьякона и причетниковъ. Конечно, черезъ лѣтъ 80 послѣ перваго крещенія руси, когда въ основанной русской христіанской общинѣ явились священникъ, дьяконъ и причетники, эти послѣдніе едва ли были въ живыхъ и, нѣтъ сомнѣнія, отъ Аскольда до Игоря (945) и далѣе до Владимира, въ кіевскомъ духовенствѣ перебывало нѣсколько поколѣній священниковъ, дьяконовъ и причетниковъ. По 2-му же апостольскому правилу, „пресвитера и діакона и прочихъ причетниковъ да поставяеть одинъ епископъ“. Относительно особаго пресвитера при княгинѣ Ольгѣ можно напомнить замѣчаніе Голубинскаго, что у Ольги и вѣроятно у другихъ христіанъ изъ людей именитыхъ и зажиточныхъ были свои домовыя церкви, гдѣ были пресвитеры и причетники, всѣ одинаково нуждавшіеся въ поставленіи епископомъ. Изъ договоровъ Олега и Игоря съ греками видно, какія тѣсныя и постоянныя сношенія были у современной Византіи съ Русью X вѣка. Много и постоянно жило русовъ въ Константинополѣ и въ разныхъ краяхъ имперіи, какъ по дѣламъ торговымъ, такъ и на военной службѣ, морской и сухопутной. Развитіе этихъ связей и отношеній было одинаково выгодно и Византіи и Руси. Въ договорѣ Олеговомъ (911 г.) читаемъ: „Егда же требуетъ на войну итти, егда же потребу творите, и си хотятъ почестити царя вашего, да аще въ кое время елико ихъ придетъ и хотятъ остати у царя вашего, своею волею да будутъ“ (ст. 10). Въ договорѣ Игоря съ греками въ ст. 8-й по замѣчанію, что князья русскіе не имѣютъ никакихъ правъ на херсонскую об-

ласть: „и тогда еще просить вой у насъ князь Рускій, да воюеть, да дамъ ему, елико ему будетъ требъ“. А въ ст. 15-й того же договора Игоря (945 г.): „Аще не хотѣти начнеть наше царство отъ васъ вой на противящаяся намъ, да пишемъ къ великому князю вашему, и послеть къ намъ, елико же хотимъ: и оттоле увѣлять ины страны, каку любовь имѣють Грьци съ Русью“. При подобныхъ установившихся отношеніяхъ, императорское правительство и Константинопольскій патриархатъ не только при Фотіи, но и при его преемникахъ не могли бездѣлствовать и не пользоваться обстоятельствами для утвержденія христіанства въ Кіевѣ, а слѣдовательно нѣтъ основанія предполагать, чтобы 1) основанная въ 861 г. небольшая христіанская община, при томъ постепенно возрастающая, могла не хлопотать въ Византіи о присылкѣ въ Кіевъ епископа, когда его не было, и чтобы 2) Византія, для которой такъ важно было утвержденіе и ростъ христіанства въ Кіевѣ, могла, послѣ патриарха Фотія, махнуть рукой на кіевскую общину и оставлять ее безъ епископа въ теченіе ста лѣтъ.

XXX.

Въ подтвержденіе своей мысли или догадки, что ни патриарху Фотію, ни его преемникамъ до конца X в. не удалось учредить русскую епископію, Горскій обратился къ такъ называемымъ Тахтиа́(мъ) или *Notitiae episcopatum* — росписямъ епархій, т. е. митрополій, архіепископій и епископій царьградскаго патриархата, а также (иногда) другихъ патриархатовъ.

Хотя не соглашаясь съ окончательными выводами Горскаго, не могу не остановиться на замѣчаніяхъ его объ известномъ памятникѣ: *Ἡ γεγονοῖα διατύπωσις παρὰ τοῦ βασιλέως Λέοντος τοῦ Σοφοῦ, ὡς ἐχουσι τάξεως οἱ ἠρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν τῶν ὑποκειμένων τῇ πατριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως* ¹⁾). У насъ и послѣ статьи Горскаго не переставали нѣкоторые ссылаться на это постановленіе Льва VI, въ доказательство бытности русской митрополиі еще въ концѣ IX и въ началѣ X вв. Очевидно, значеніе этой статьи у насъ не было вовсе оцѣнено, а между тѣмъ она была первымъ въ наукѣ замѣчательнымъ критическимъ опытомъ одной изъ важныхъ тактикъ (*Тахтиа́, notitiae episcopatum*), этихъ цѣнныхъ памятниковъ и источниковъ церковной и государственной исторіи Византіи. Отличный византинологъ Гельцеръ въ 1886 г.

¹⁾ *Parthey. Hierocl. synecd. et Not. gr. episc. Berol. 1866. Not. 2, ss. 95 ff.*

первый въ Европѣ, подвергая критическому анализу эти тактики, основанная между прочимъ и на постановленіи (διατάξεις) Льва VI и пришелъ относительно его къ точно такому же выводу, какъ и Горскій. Не мало также потрудившійся надъ разъясненіемъ и разборомъ этихъ тактикъ, второй ученый де-Бооръ, поставилъ Гельцеру въ большую заслугу его разборъ постановленія Льва VI (διατάξεις), доказавшій, что доказалъ еще Горскій 35 лѣтъ назадъ, а именно, что утвержденный Львомъ VI, списокъ митрополій былъ *пополненъ впоследствии* (при преемникахъ Льва VI). „Какъ далеко простираются его дополненія, какія именно митрополіи приписаны послѣ изданія имп. Львомъ учрежденія о епархіяхъ, не можемъ, замѣтилъ Горскій, сказать определенно и рѣшительно. Но если примемъ въ соображеніе, что начиная съ 58 митрополіи, въ переписи не показывается, имѣеть ли та или другая митрополія въ своемъ вѣдомствѣ какія либо епархіи или нѣтъ: то имѣемъ нѣкоторое основаніе заключать, что и прочія 15 митрополій, *кроме семи поименованныхъ* ¹⁾, а следовательно и русская, стоящая на 61 мѣстѣ, вошли въ сей списокъ уже послѣ первоначальной ея редакціи“.

И Гельцеръ, доказавшій, что такъ называемое постановленіе Льва X (διατάξεις) принадлежитъ болѣе позднему времени, чѣмъ царствованіе Льва (881—911) ²⁾, и де-Бооръ, поставившій это заключеніе въ заслугу Гельцеру, еслибъ были знакомы со статьею Горскаго (1850 г.), безъ сомнѣнія они оба не преминули бы отмѣтить, что честь перваго правильнаго объясненія этого постановленія Льва X принадлежитъ вполнѣ и всецѣло русскому ученому: небольшая статья Гор-

¹⁾ Выше Горскій было сказано: „замѣченный нами недостатокъ о митрополіяхъ съ 58 до 61 подаетъ поводъ къ вопросу: не приписаны ли сіи 23 митрополіи къ списку ц. Льва впоследствии? Иначе, почему бы въ постановленіи императорскомъ, которымъ надлежало въ извѣстныхъ дѣлахъ руководствоваться, не было показано, какія епископіи зависятъ отъ той или другой митрополіи? Или какая епархія носитъ только одно наименованіе митрополіи“.

Далѣе Горскій отмѣтилъ, что при названіяхъ нѣкоторыхъ епархій есть замѣтки (за сторонѣ) о возведеніи ихъ на степень митрополій, иногда съ определеннымъ указаніемъ времени или имени императора и патріарха, иногда безъ указанія. Напр., „епископіи Ассонская и Вериннопольская (Ликирской митрополіи), Филадельфійской (м. Сардійской), Мелитопольской (м. Кизической), Кивистрской (Тіанск. м.), Аргосской (Коринтск. м.), Ипенской (Кѣфск. м.). Всѣ сіи митрополіи не включаются однако въ сп. митрополій, исчисленныхъ въ постан. ц. Льва“.

²⁾ Jhrb. f. prot. Theol. Lpzg. 1886. Ss. 337—372, Ss. 525—575.

скаго о русской митрополіи была однимъ, если даже не первымъ, изъ цѣпныхъ русскихъ выкладовъ въ византинологію.

Но изъ того, что русской митрополіи въ царствованіе Льва X не было, отнюдь не слѣдуетъ, что въ 861 г. или въ ближайшій затѣмъ годъ не была учреждена русская епископія, или что русской епископіи не было ни въ исх. IX, ни въ нач. X вѣка. Въ постановленіи Льва X мы имѣемъ лишь списокъ митрополій и списокъ архіепископій, только въ рукописи Лаврентіанской есть прибавка въ послѣдному—списокъ 11 епископій, подвѣдомыхъ Солунской архіепископіи. И такъ отсутствіе русской епископіи въ тактикахъ или *Notitia* хъ *episcoporum*, гдѣ вовсе не отмѣчаются епископіи, никоимъ образомъ не можетъ служить подтвержденіемъ догадки Горскаго, что патріархъ Фотій не успѣлъ учредить русской епископіи, за неимѣніемъ де времени. Горскій ошибочно полагалъ, что нападеніе руси на Константинополь произошло въ 865 г., а крещеніе руси въ 866—867 гг., почти какъ разъ передъ удаленіемъ Фотія. Мы же теперь знаемъ, что нападеніе руси было лѣтомъ 860, а ея крещеніе (весною или лѣтомъ) 861 г. Слѣдовательно, энергическаго патріарха Фотія пришлось бы обвинить въ непонятной небрежности и оплошности за то, что въ теченіе 6 лѣтъ онъ не собрался учредить русской епископіи, хотя самъ онъ очень дорожилъ крещеніемъ руси и принятіемъ ея русскаго епископа. Вообще и въ тактикахъ или *Noticia* хъ, съ поименованіемъ епископій, нерѣдко являются опущенія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ, напримѣръ, въ обнародованномъ (1891 г.) де-Бооромъ списокѣ патріархатовъ, митрополій и автокефальныхъ архіепископій, составленномъ, по всей вѣроятности раньше седьмаго вселенскаго собора (788 г.), въ эпоху императоровъ-неооборцовъ, отмѣчена епархія Скиоская, съ митрополією въ Томахъ и съ 14 епископіями (поименованными). Между тѣмъ въ болѣе раннихъ извѣстныхъ намъ спискахъ нѣтъ ни одного упоминанія о суфраганахъ скиоскихъ, нѣтъ о нихъ никакихъ указаній и въ подписяхъ соборныхъ актовъ. Изъ Созомена (VI, 21) извѣстно, что при имп. Θεодосіѣ II (408—450) въ Скиоіи былъ лишь одинъ томскій епископъ. Такъ оставалось и при имп. Львѣ I (457—474). Но затѣмъ въ Скиоіи является уже нѣсколько епископій при имп. Юстинѣ I (518—527), какъ заключалъ еще Лексепъ изъ донесенія панскихъ легатовъ о монахахъ Скиоіи ¹⁾. Наконецъ изъ недавно изданнаго де-Бооромъ и до 1894 г.

¹⁾ Isti de sua provincia episcopus accusant, inter quos Paternus Tomitanae civitatis antistes (Mansi VII, 481). *De Boor*, Nachträge zu d. Not. episc. Ztschr. f. Kirchengesch. XIV (1894) S. 587,—8.

неизвѣстнаго ученымъ расписанія епархій (VIII в.) мы узнаемъ о 14 епископіяхъ Скѣвіи. Наконецъ, надо помнить, что въ основаніи церковныхъ (епархіальныхъ) тактикъ или росписей лежали свѣтскія, административныя росписи. (Hierocles Synacemus, Georgius Cyprius—*Descriptio orbis Romani* ¹⁾). Такъ и самыя церковныя термины *ἐπαρχία*, *μητροπολις*—были первоначально свѣтскіе, гражданскіе. Просматривая внимательно тактики или росписи патріархатовъ и подчиненныхъ имъ епархій, митрополій и автокефальныхъ архіепископій, съ поименованіемъ подвѣдомыхъ (*ὕποκειμένων*) имъ епископій, мы замѣчаемъ, что эти тактики не перечисляютъ всѣхъ православныхъ епископій, признававшихъ константинопольскаго и другихъ вселенскихъ патріарховъ, слѣдовательно бывавшихъ въ общеніи со вселенскою церковью. Такъ эти тактики не перечисляютъ и даже вовсе не упоминаютъ митрополій, архіепископій и епископій, бывшихъ въ независимой, самостоятельной Болгаріи (царствѣ Болгарскомъ) или въ королевствѣ и затѣмъ въ царствѣ Сербскомъ.

Такимъ образомъ изъ того, что въ извѣстныхъ намъ тактикахъ конца IX и X вв. мы не находимъ упоминанія русской епископіи, никоимъ образомъ нельзя выводить или заключать, что вѣроятно ни патріарху Фотію, какъ въ первое, такъ и во второе его патріаршество, ни также его ближайшимъ преемникамъ не удалось учредить русской епископіи. На четвертомъ вселенскомъ соборѣ въ Халкидонѣ, при имп. Маркіанѣ, въ 451 г.—28-мъ правиломъ подтверждены были преимущества константинопольскаго патріарха по римскомъ и подчинены этому патріарху (я имъ поставляемые) епископы въ варварскихъ земляхъ, т. е. языческихъ и неподвластныхъ имперіи. Съ половины V в. до половины IX в. (861 г.) не немногіе проповѣдники христіанства являлись изъ вост. имперіи въ разныя страны и къ разнымъ народностямъ и устраивали христіанскія общины. Онѣ получали епископовъ отъ цареградскаго патріарха, и слѣдовательно за эти четыреста лѣтъ было не мало епископій (въ варварскихъ земляхъ), непосредственно подвѣдомыхъ цареградскому патріарху. Между тѣмъ ни въ одной изъ тактикъ до конца IX и начала X в. мы не находимъ указаній на такія епископіи. Такъ и основанная патріархомъ Фотіемъ русская епископія не была заносима въ современныя тактики. Можетъ быть, русская епископія не прямо обратилась въ митрополию (при Владимирѣ), а

¹⁾ Только въ концѣ есть прибавленія церковныя: *Ἐπαρχία Ἀρμενίας μεγάλης* и *Ἐπαρχία τῆς Κύπρου*. (См. *Georg. Cypri. descr. ed. H. Gelzer. Lipsiae. MDCCCXC*).

была еще до этого возведена въ архіепископію; можетъ быть, при Ольгѣ и при имп. Константинѣ Порфирородномъ Русь не входила, какъ часть, въ кругъ вліянія, въ извѣстную зависимость Византійской имперіи, какъ это было при Владимірѣ. Отъ того не вносились въ тактики и русская епископія, пока съ крещенія князя Владиміра и съ его брака съ греческою царевною не вступила Русь въ совершенно нныя отношенія съ Восточною имперією, отнюдь не похожія на отношенія къ ней другихъ славянскихъ православныхъ государствъ, Болгаріи и Сербіи. Отъ того съ XI в. во всѣхъ тактикахъ русская митрополія (даже съ обозначеніемъ подвѣдомыхъ ей епископій) постоянно упоминается наряду съ греческими епархіями и въ противоположность болгарскимъ и сербскимъ епархіямъ, о коихъ во времена государственной независимости болгаръ и сербовъ ничего нельзя найти въ этихъ тактикахъ. Проф. Голубинскій первый, сколько мнѣ извѣстно, отмѣтилъ это отличіе русской церкви отъ болгарской и сербской ¹⁾. И это его заслуга, но съ его освѣщеніемъ, объясненіемъ этого факта нельзя согласиться. „Частная церковь греческая имѣла совершенно такое же право подчинить себѣ частную церковь русскую, какое право имѣло бы государство греческое подчинить себѣ государство русское, т. е. не имѣла права, ни малѣйшаго, и вовсе никакого. И однако *это подчиненіе* не только имѣло мѣсто, но, какъ необходимо предполагать, было *выдаваемо со стороны грековъ за дѣло совершенно естественное и натуральное,—за дѣло, которому такъ и надлежало быть*“.

Я лично и безъ сомнѣнія очень многіе другіе, какъ русскіе, такъ и иностранцы, сколько-нибудь вдумывавшіеся въ историческія судьбы народовъ и современныя отношенія разныхъ странъ и народовъ неоднаковыхъ культуръ, готовы признавать это подчиненіе *дѣломъ совершенно естественнымъ и натуральнымъ*. Вся прошлая исторія и современная дѣйствительность постоянно представляетъ одно явленіе: народы юные, мало культурные, только что начавшіе слагаться въ извѣстныя формы государственныхныя всегда неизбѣжно подчиняются сильному вліянію и авторитету странъ и національностей историческихъ, высоко-культурныхъ и старо-государственныхъ. Что такое была Русь Владимірова конца X и начала XI вв. съ ея маленькою общиною христіанскою, много-много имѣвшею тысячъ пятнадцать, двадцать христіанъ, изъ коихъ лишь нѣсколько сотъ знали грамоту славянскую, принесенную и созданную для славянъ тѣми же греками, и изъ этихъ

¹⁾ И. Р. Ц. I., 1901. Стр. 259 и сл.

грамотѣвъ только тѣ могли назваться христіанами образованными, которые успѣли и стѣмѣли выучиться по гречески. Въ высшей степени странно сопоставлять русское христіанство конца X в. съ христіанскимъ просвѣщеніемъ не греческимъ лишь, а вообще съ восточнымъ, гдѣ греки, ихъ языкъ и литература, конечно, имѣли преобладающее значеніе. Вообще, можно сказать, мы русскіе, наша Россія, и по прошествіи слишкомъ тысячи лѣтъ, еще не достигли той степени развитія, на которой находилась греческая національность въ IX—X вв., имѣвшая за собою цѣлые вѣка роскошнаго, плодотворнѣйшаго и блестящаго развитія эллинскаго и эллинистическаго міра. Мы, конечно, не ошибаемся, говоря о началѣ русскаго государства въ IX в., и мы не можемъ не сознать, что не только въ XIV и XV вв., но и въ послѣднія четыре столѣтія наше государство представляетъ еще организмъ молодой, далеко не зрѣлый. Если же въ Россіи, при всѣхъ ея слабыхъ и темныхъ сторонахъ, не одни русскіе, но и иноплемненные друзья и недруги ея изъ высоко-культурныхъ и старыхъ націй находятъ признаки несомнѣнной творческой силы и внутренней мощи, то начатки и зарожденіе этой силы и мощи восходятъ именно къ первымъ сложившимся отношеніямъ Руси къ восточной церкви и къ восточной, Византійской имперіи, словомъ именно къ тѣмъ порядкамъ, которые такъ рѣзко отличали средневѣковую Русь отъ средневѣковыхъ Болгаріи и Сербіи¹⁾. Эти независимыя отъ Византіи и постоянно ей враждебныя Болгарія и Сербія объявляли себя въ X, XI, XII, XIII, XIV вв. самостоятельными королевствами и царствами, имѣвшими де замѣнить Византію. Она пала, какъ все дряхлое и изжившее, но не на одинъ

¹⁾ Еще въ 1854 г. (30-го іюня) въ настоятельной грамотѣ патр. Филовея владимирскому епископу Алексію на митроп. кievскую и всея Руси, въ Константинополѣ принимали разницу между зависимою отъ него Русью и независимыми отъ него (церковно и государственно) Сербією и Болгарією: τὴν ἀγιοτάτην μητρόπολιν Κιέβρου καὶ πάσης Ρωσίας, πολλὴν καὶ μεγάλην τὴν ἐπικράτειαν ἔχουσαν, καὶ χριστιανικὴν κατὰ μορὰδας εὐθουκομένην λαῶν, ἐν ταύτῃ δεξαζομένου τοῦ ὀνόματος τοῦ θεοῦ, διὰ πολλῆς ἀγῆς τιμῆς ἢ τοῦ θεοῦ ἀγία ἐκκλησία, καὶ παντὶ τρόπῳ ταύτης δοῦλεται προνοεῖσθαι καὶ συναίρεσθαι ταύτῃ καὶ βόηθεῖν... (Пам. др. русск. канон. права I, 42). Въ своей грам. къ митр. Алексію 1870 г. патр. Филовей говоритъ о русскомъ народѣ: τὸ ἔθνος τοῦτο λίαν ἐστὶ μέγα καὶ πολυάνθρωπον, καὶ πολλῆς δέεται τῆς ἐπιμελείας, καὶ πάντες ἀνάκεινται εἰς δέ, καὶ ὅσον ἐνὶ εἰς τὴν δύναμιν σου, σκούδαζε καὶ διδάσκαζε καὶ παραίνας πάντα, ὅσα παρέλαβες ἀπὸ τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου καὶ τῶν ἀγίων πατέρων καὶ διδασκάλων ἡμῶν καὶ τότε εἶπες καὶ τὸν θεὸν σύνδρομον εἰς τοῦτο καὶ βοηθόν.—Въ этихъ рѣчахъ ничего нѣтъ обиднаго и оскорбительнаго для Руси. Не таковы были рѣчи римскихъ папъ къ архіепископамъ и государямъ чешскимъ и польскимъ и проч. въ XIII и XIV вв., и раньше и позже.

десятокъ лѣтъ позже Болгарин и Сербин. Онѣ вмѣстѣ съ Греціею освободились отъ турокъ лишь въ XIX вѣкѣ и, не безъ помощи Россіи, образовались въ княжества и королевства.

Не усгѣвшія изнутри сложиться въ тѣла прочныя, Болгарія и Сербія сами подкапывали свои силы, преждевременно вытягиваясь въ ростъ и формы имперіи. Болгарія рано прозвалась царствомъ, еще при Симеонѣ († 927 г.), такъ какъ тюркскому хагану и тюркамъ болядамъ, завоевателямъ мизійскихъ и еракійскихъ славянъ, казался очень простымъ переходъ хана въ императора, преемника Цезаря и Августа или Константина Великаго и Юстиніана; но внутренній бытъ и силы этихъ славянъ X—XII в. и сербовъ XIV в., равно какъ и географическое положеніе ихъ странъ вовсе не располагали ихъ къ образованію имперіи и къ выполненію ея тяжелыхъ задачъ. Вся внутренняя и внѣшняя пятивѣковая исторія болгарь, сербовъ и албанцевъ съ X в. въ ихъ отношеніяхъ къ грекамъ какъ бы нарочно подготавливала утвержденіе турокъ въ Константинополѣ и образованіе Оттоманской имперіи на обломкахъ многовѣковой Восточной имперіи и наскоро сколоченныхъ по ея образцу далеко не многовѣковыхъ болгарскаго и сербскаго царствъ ¹⁾.

Совершенно иначе относилась Русь къ Византіи X в. При второмъ крещеніи, когда христіанство стало быстро распространяться въ цѣлой странѣ, благодаря внѣшней помощи Владиміра, Русь принимаетъ отъ цариградскаго патріарха митрополита-грека. Съ тѣхъ поръ, за немногими исключеніями, Русь долго имѣла Кіевскихъ митрополитовъ—исключительно изъ грековъ или подданныхъ императора. Въ этомъ явленіи нельзя видѣть ничего постыднаго и оскорбительнаго для Руси и ничего наглаго и высокоумнаго со стороны Византіи. Русь XI—XII вв. не представляла собою цѣльнаго и единаго государства, была лишь сборомъ отдѣльныхъ княженій съ особыми князьями, а митрополитъ былъ одинъ. При томъ же русскимъ священникамъ и монахамъ долго, долго не хватало ни знаній, ни образованія, ни широты взглядовъ, всего того, чѣмъ отличалось греческое духовенство

¹⁾ Внѣшнія и внутреннія условія не дозволяли болгарамъ и сербамъ, такимъ близкимъ сосѣдямъ, въ теченіе слишкомъ 12-ти вѣковой ихъ исторіи, слиться въ однородное тѣло, объединиться въ политическомъ, церковномъ и литературномъ отношеніи, образовать одну народность, которая бы впрочемъ не превышала 12—14 милл. Тѣ же роковыя силы предопредѣляли болгарамъ и сербамъ второстепенное, а не царственное мѣсто, въ имперіи, на юго-восточномъ полуостровѣ.

и общество отъ русскаго въ средніе вѣка ¹⁾). Живя въ Кіевѣ, гдѣ жилъ и великій князь, митрополитъ-русины былъ бы всегда орудіемъ въ рукахъ великаго князя, чего не могли желать прочіе князья и населенія ихъ княжествъ. Митрополитъ-грекъ, посылаемый въ Русь императоромъ съ благословенія цареградскаго патріарха, былъ крѣпкимъ звеномъ, соединявшимъ Русь съ Восточною имперіею. При такомъ союзѣ юнаго, слабо сложившагося и мало образованнаго народа съ старою и культурною страной, съ имперіею, взаимныя ихъ отношенія могли быть отношеніями ребенка къ старику. Эти отношенія Руси напоминаютъ отношенія знаменитой впоследствии Венеціанской республики въ IX—XI вв. къ Византіи. У насъ въ церквахъ молились за здравіе царя православнаго, въ Венеціи и въ ея владѣніяхъ въ извѣстные торжественные дни года возглашались *laudes* царствующему императору ²⁾. У насъ великій князь въ наказаніе полоцкихъ князей, за неоказаніе ими помощи въ походѣ его на половцевъ, ссылаетъ этихъ князей въ заточеніе въ Константинополь. Въ Венеціи дожъ, свергнутый съ своего поста, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ изгоняется изъ Венеціи и посылается въ заточеніе въ Константинополь и пр. ³⁾. Ни Русь конца X-го, XI—XII вв., ни Венеція IX—X вв. ничего ни теряли въ своемъ достоинствѣ и значеніи, открыто признавая свое зависимое отношеніе къ Византіи. И современному христіанскому и мусульман-

¹⁾ См. Соборн. опредѣл. патріарха Антонія о низложеніи митрополита Пимена и о возстановленіи Кипріяна въ званіи митрополита Кіевскаго и всея Руси... 1389 г. Пам. др. русск. кан. права (ред. Павлова). Стр. 194 и сл.

²⁾ Въ Москвѣ, въ концѣ XIV в., и конечно въ Кіевѣ—съ X в., а вѣрнѣе и въ другихъ городахъ, въ ектеніяхъ всегда величали царей православныхъ (византійскихъ). См. посл. патр. Антонія IV къ вел. кн. Вас. Дмитр. (Mikl. et Müller. Acta patr. Crol. II, 188. Макарія Ист. Р. ц. V, 469).

³⁾ Ioh. Chron. Venet. (Pertz. Scr. IX): Dux Agnellus (813 г.) сына своего Юстиніана послалъ въ Константинополь. Императоръ пожаловалъ ему званіе зната. Черезъ нѣсколько времени Юстиніанъ воротился въ Венецію, гдѣ дожемъ былъ братъ его Іоаннъ, и отказался навѣстить брата. Отецъ, любившій очень Юстиніана, призналъ дожемъ сына его Агнелла (Анзела), а Іоанна сослалъ въ Задръ, откуда онъ бѣжалъ въ Славонію (Sclaveniam), а затѣмъ въ Италію, въ г. Бергамо, Отецъ настоялъ у императора, чтобы онъ ему выдалъ сына „quem absque mora Constantinopolim una cum uxore destinaverunt.“ По прѣстѣннн извѣстнаго времени Іоаннъ воротился въ Константинополь: qui exul apud Constantinopolim exstitit. Тамъ же Іоаннъ говоритъ *Obelierius dux, qui apud Constantinopolim exilis fuerat damnatus. Нѣкоторые изъ убійцъ дожа Іоанна (864 г.) „Constantinopolim ad exilandum destinati sunt“* (р. 19).

своему культурному міру и повѣйшей исторической наукѣ Византія того времени представлялась и представляется результатомъ, выводомъ и плодомъ цѣлаго ряда культурныхъ столѣтій, хотя оскудѣвшею, но все же прямою наслѣдницею древняго эллинскаго и эллинистическаго міра, римской имперіи Августа и Константина и христіанской культуры—церкви времени апостольскихъ, вселенскихъ соборовъ, отцовъ и учителей церкви. Какъ же было юной, вѣрнѣе младенческой Руси, по принятіи христіанства и славянской грамоты отъ грековъ же, не признавать своей зависимости отъ Византіи? Всякія же сожалѣнія, зачѣмъ Русь X в. не догадалась учредить у себя, имѣя-де на то право, свое особое патріаршество, болѣе чѣмъ странны и однородны съ сожалѣніемъ, зачѣмъ-де Владимиръ не предварилъ Петра Великаго и не провозгласилъ себя императоромъ, а Русь имперією, и тогда де хитрые греки не имѣли бы надъ нами власти. Къ хитрымъ же грекамъ, враждебнымъ и на самомъ дѣлѣ мѣшавшимъ де славянской письменности и славянскому богослуженію, и однако давшимъ славянству великихъ первоучителей Константина и Меѳодія, мы еще обратимся при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи житія Кириллова

XXXI.

Какъ повѣзда въ хазарамъ изъ Крыма, такъ и возвращеніе отъ нихъ въ Крымъ переданы въ житіи совершенно вратко и общо, безъ обозначенія рѣкъ, жилыхъ мѣстъ, селъ или городовъ. Ясно, что авторъ житія Кириллова не былъ очевидцемъ и спутникомъ солунскихъ братьевъ въ Хазарію и обратно. Свѣдѣнія объ обратномъ ихъ путешествіи, очевидно, были получены отъ Меѳодія или одного изъ спутниковъ, сопровождавшихъ славянскихъ первоучителей. Впрочемъ не всѣ эти свѣдѣнія внушаютъ довѣріе. Факты, переданные жизнеописателю, были имъ освѣщаемы сообразно сложившемуся впоследствии представленію о покойномъ Константиѣ Философѣ, какъ святомъ. Всѣ тутъ сообщаемыя въ житіи подробности о Константиѣ Философѣ имѣютъ характеръ чрезвычайный, чудотворный.

„Доньдѣше же безводныхъ мѣстъ поустыхъ“, такъ начинается рассказъ объ отъѣздѣ изъ Хазаріи—или, по нашему, изъ Кіева. Проѣхали они вѣроятно Днѣпромъ приблизительно до нынѣшняго Еватеринослава и затѣмъ во избѣжаніе пороговъ направились сухимъ путемъ—въ Крымъ. Дошедши до безводной и ненаселенной степи, они, продол-

жасть житіе, почувствовали жару, находили воду, но все соленую и не могли ее употреблять: была, какъ желчь. Послѣ того, какъ *ест* разошлись искать воды, Константинъ Философъ сказалъ брату Меодію: „не терплю, дочернии мигъ этой воды, какъ гдѣкогда Богъ Израилтянамъ прѣложилъ горькую воду въ прѣсную, такъ и насъ Онъ утѣшитъ“. И въ самомъ дѣлѣ почерпнули воды, и она оказалась сладкая, медвяная и студеная. „И, пивша, прослависта Бога, творяща тако своимъ рабомъ“.

Вслѣдъ за тѣмъ авторъ прямо переходитъ къ разсказу о томъ, какъ въ Херсонѣ Константинъ Философъ предсказалъ кончину тамошняго архіерея. Вечеря съ нимъ, Философъ попросилъ его сотворить ему молитву, какъ бы его отецъ сотворилъ ему. Когда его потомъ спросили, почему онъ это сдѣлалъ, то онъ отвѣтилъ: „во истиную ютрѣ отидеть отъ насъ къ богу, и оставить ны“. Такъ и случилось.

Вслѣдъ за тѣмъ, житіе передаетъ о новомъ подвигѣ Константина Философа, совершенномъ имъ въ *фильситъ языкъ*. Этотъ *фильскъ языкъ* или *фильская* или правильно *фульска* земля имѣетъ для Житія немаловажное значеніе. Φοῦλλοι и Σουδαία были еще въ VIII вѣкѣ двѣ епископіи въ Тавридѣ, впоследствии слившіяся въ одну епархію. Нѣтъ сомнѣнія, что эти епископіи не могли быть извѣстны славянину моравскому; очевидно, все это могло быть записано лишь южнымъ славяниномъ съ греческимъ образованіемъ. По передаваемомъ здѣсь житіемъ происшествіе и главное приписываемое имъ Константину Философу дѣяніе едва ли заслуживаютъ довѣрія. Быть можетъ, существовала у грековъ легенда о необыкновенномъ дубѣ въ Фуллахъ, и авторъ житія, мало имѣвшій свѣдѣній объ обратной повѣздѣ славянскихъ первоучителей, воспользовался этою легендою и приписалъ Константину Философу главное въ ней участіе. Былъ въ Фульской землѣ огромный дубъ, сросшійся съ черешнею, подъ нимъ люди совершали требы (жертвоприношенія). Дубъ носилъ названіе Александра, женскій полъ ни къ нему, ни къ жертвоприношеніямъ подъ нимъ вовсе не допускался. Услыхавъ объ этомъ, Философъ де не полѣнился пойти туда. Ставши посреди людей, сказалъ имъ: „эллипы пошли въ вѣчную муку, потому что поклонялись небу и землѣ, какъ Богу, а вы поклоняетесь еще дереву, вещи худой, огнемъ истребляемой. Какъ вамъ избыть вѣчнаго огня?“.. Тѣ отвѣчали: „мы не съ сего дня начали, но получили это отъ отцовъ нашихъ и получаемъ исполненіе нашихъ моленій, особенно же дождь и

многое иное. И никто изъ насъ не дерзалъ погубить это дерево, и кто дерзнетъ, тотъ смерть увидитъ, а мы до кончины не увидимъ дожда". Философъ въ житіи приводитъ цѣлый рядъ текстовъ (въ строкахъ десять), конечно, совсѣмъ не понятныхъ этимъ бѣднымъ и простымъ людямъ, хорошо знавшимъ, что не будь этого дуба, они бы отъ засухи никогда не избавились. Тѣмъ не менѣе, по словамъ житія, Философъ въ заключеніе своей бесѣды сказалъ: „познайте, братія, Бога васъ создавашаго, вотъ евангеліе новаго завѣта Божія, въ которое и вы были крещены“. И такъ сладкими словами уговорилъ ихъ и повелѣлъ имъ это дерево срубить и сжечь. Старшина ихъ, поклонившись, приложился къ св. евангелію, а за нимъ, старшиной, и всѣ прочіе. *Приявъ отъ Философа бѣлыя сѣчи, и поюще идоша къ дрѣвоу.* Взявъ сѣкиру (топоръ) и ударивъ имъ *тридцать три* раза, Философъ повелѣлъ всѣмъ рубить, искоренить и сжечь это дерево. „Въ ту же ночь абіе отъ Бога дождь бысть и упои землю, и съ радостью великою похваляли Бога, и веселися о семъ Богъ зѣло“.

Эпические *тридцать три* удара указываютъ, что эта легенда получила уже народную окраску. Нечего говорить, что это сказаніе о Константиѣ Философѣ составилось гораздо позже, вѣроятно уже послѣ его кончины. Кто бы ни слагалъ его, всячески онъ имѣлъ очень слабое и невѣрное представленіе о великомъ человѣкѣ. Отлично образованный, высоко религіозный и давно готовившійся къ апостольскимъ подвигамъ, Константиѣ Философъ хорошо могъ понимать важное значеніе старыхъ деревьевъ въ такой странѣ, какъ Крымъ, гдѣ населеніе много терпѣло отъ безлѣся. Съ дѣтства знакомый съ простымъ людомъ, его повѣрьями и суевѣріемъ, онъ понималъ, что повѣрья сразу не исчезаютъ, что „кумиръ поверженный—все богъ“. Онъ бы не рѣшился съ легкимъ сердцемъ срубить старое, огромное дерево, и изъ любви къ природѣ и изъ сознанія, что бѣдные люди будутъ затѣмъ страдать отъ засухи. Константиѣ Философъ не принадлежалъ къ тѣмъ суровымъ и властнымъ проповѣдникамъ, которые отъ своей юной паствы прежде всего требовали безпрекословной покорности. Не похожій нисколько въ этомъ отношеніи на апостола германцевъ Боинфація (Винфрида), Константиѣ Философъ, переводчикъ евангелія и книгъ богослужебныхъ, крѣпко вѣрилъ, что для утвержденія христіанства въ земляхъ языческихъ прежде всего требуются кроткое убѣжденіе, годы и годы, богослуженіе на народномъ языкѣ и ученіе грамотъ.

XXXII.

За этимъ разсказомъ непосредственно слѣдуетъ въ житіи другой разсказъ, довольно страннаго содержанія. „Философъ же иде въ Царьградъ, и видѣвъ царя, живѣше въ цркви св. апостоли, моли Бога. *Есть въ святыхъ Софїи потиръ штъ драгоу камень, Соломона дѣла, на немже соуть писана Жидовскыи и Самаритнскыи, граны написаны, ихъ же не можаше никтоже ни прочисти ни сказати. Възъмъ же Философъ прочте и сказа имъ, еже есть сице: прорицаи дондеже сице звѣзда. въ пиво боуди господи прѣвѣнльцъ бдящу пощю. по семь же друугы грань: на въкоушеніе господные створена дрѣва иного пи и оупи ся веселемъ, и възвѣи аллилуйа. и по семь третій грань: се князь и оузвритъ весь сънмъ славоу его, и Давидъ посредѣ ихъ. и по семь число написано а сътъ и деветоро. расчтъ же по тѣнкоу философъ и шбрѣте ѿ втораго на десяте лѣта цара Соломона до рождества Христова ца лѣтъ. се есть пророчество о Христѣ“.*

Приведу изъ новѣйшей, самой послѣдней книги о Кириллѣ и Меѳодїи, изъ труда профессора Пастрнека, одного изъ лучшихъ и учевѣйшихъ послѣдователей профессора и академика Ягича, который и на западѣ и у насъ справедливо считается первымъ славяновѣдомъ и наилучшимъ знаткомъ тагъ называемаго кирилло-меѳодьевскаго вопроса. Послушаемъ же, какъ толкуетъ это мѣсто житія и что говорить въ его объясненіе г. Пастрнекъ.

„По возвращеніи изъ хазарской миссіи, Константинъ проживалъ въ Царьградѣ, при церкви св. апостоловъ. *Тутъ представился ему случай выказать свое знаніе восточныхъ языковъ. При храмѣ св. Софїи была чаша изъ драгоцѣннаго камня, произведеніе (dilo) соломоновое, на ней еврейскими и самаританскими письменами были написаны стихи, коихъ никто не могъ прочесть. Константинъ однако прочелъ и объяснилъ ихъ, какъ пророчество о Христѣ. Въ славянской легендѣ стихи эти вполнѣ сохранены“.*

Въ примѣчаніи при семь г. Пастрнекъ счелъ нужнымъ прибавить слѣдующее: „Разсказъ легенды, объ истинѣ котораго не имѣемъ никакой причины сомнѣваться (sic), подастъ важную психологическую черту (sic). Припомнимъ слова римской легенды—ac si curiosus explorator—какъ ученый археологъ, сказали бы мы, разыскивалъ Константинъ мощи св. Климента; а также поступаетъ онъ и съ чашею храма св. Софїи.

Нарушившись во время хазарской миссіи сврейцины и самаританцины (sic), онъ имѣлъ теперь случай воспользоваться этимъ знаніемъ, и это онъ исполнилъ столь блестящимъ образомъ“ (sic).

Вотъ ужъ подлинно: „не поздоровится отъ этихъ похвалъ“.

Эти замѣчанія г. Пастрнека могутъ служить нагляднымъ показателемъ уровня нашего пониманія одного изъ главныхъ источниковъ о Константинѣ Философѣ да и личности самого первоучителя. Такъ у насъ продолжаютъ называть его отличнымъ оріенталистомъ, напрасно не обращая вниманія на мудрыя слова Горскаго (о Житіи Константина и Мееодія) ¹⁾ о томъ, что мѣста житія Константина Философа объ свройскихъ и самаританскихъ книгахъ, какъ и о русскомъ Евангеліи и Псалтирѣ, принадлежать къ позднѣйшимъ вставкамъ и вымысламъ далеко не мудрыхъ интерполяторовъ Житія Кириллова, въ подлинномъ, чистомъ видѣ до насъ не дошедшаго.

„Древнѣйшій памятникъ, писанный древнимъ симическимъ алфавитомъ—надпись Меша, царя моавитовъ (на вост. отъ Мертваго моря), близкихъ соплеменниковъ израильтянъ—относится къ первой половинѣ IX в. до Р. Хр. Надпись Паламмѹ, царя Ядї на крайнемъ сѣверѣ Сиріи, принадлежитъ началу VIII в. до Р. Хр. Она написана особымъ арамейскимъ нарѣчіемъ. Есть еще нѣсколько финикійскихъ и арамейскихъ надписей; можетъ быть, они еще древнѣе, по положительныхъ доказательствъ нѣтъ на то, чтобы изобрѣтеніе симического алфавита было раньше, и насколько, девятого столѣтія.

Нѣлдеке замѣтилъ, что слогъ надписи Меша указываетъ, что историческая письменность была уже у моавитовъ. Но какъ мы знаемъ, что образованность моавитовъ была менѣе развита, чѣмъ ихъ сосѣдой на западѣ, то можно бы было полагать, что во время Меша симическій алфавитъ не былъ повнымъ явленіемъ. Съ другой же стороны полное сходство письменъ въ столь отдаленныхъ другъ от друга странахъ, какъ Моавъ и Ядї, не благоприятно для того, кто думаетъ, что алфавитъ былъ въ теченіе вѣковъ въ общемъ употребленіи въ такихъ странахъ, какъ Моавъ и Ядї, ибо въ такомъ случаѣ мѣстныя особенности проявились бы гораздо сильнѣе, чѣмъ оно является въ позднѣйшія времена симического алфавита. Сверхъ того открытыя въ Телль-эль-Амарѣ въ 1887 г. надписи доказываютъ, что

¹⁾ „Незвѣстно, съ какого и на какой языкъ и для кого. (Про еврейскую грамматку въ 8 частяхъ). Не вставка ли это въ жизнеописаніе, какъ и извѣстіе о найденномъ переводѣ Евангелія и Псалтири на русскій языкъ“.

около 1400 г. до Р. X. ханаанскіе князья вели официальную корреспонденцію съ египетскимъ дворомъ на вавилонскомъ языкѣ и тѣмъ же письмомъ. Было бы очень легкомысленно заключать изъ этого, что клинообразное письмо было въ общемъ употребленіи у туземцевъ Ханаана. Памятники на чужомъ языкѣ и письма чрезвычайно труднаго могли быть понятны лишь малому классу профессиональных писцовъ, большинство коихъ, можетъ быть, состояло изъ рабовъ, вывезенныхъ изъ чужихъ краевъ. Даже въ самой Вавилоніи, гдѣ языкъ телль-ель-амаринской надписи былъ живою рѣчью, знаніемъ клинообразнаго письма владѣла, по всей вѣроятности, лишь небольшая часть жителей. Изъ того же, что ханаанскіе князья употребляли въ своихъ сношеніяхъ съ Египтомъ языкъ чужой, не ханаанскій и не египетскій, можно съ вѣроятностью заключать, что ханаанитяне въ этотъ періодъ собственнаго письма не имѣли.

Ветхій завѣтъ не представляетъ намъ указаній, какъ и когда алфавитъ сталъ извѣстенъ израильтянамъ. Въ книгѣ Бытія, какъ перѣдко было замѣчаемо, нѣтъ никакого намека на какое либо письмо, хотя Моисей и представляется, даже въ древнѣйшихъ частяхъ Исхода, знакомымъ съ этимъ искусствомъ (Исх. 24 ч.). Но изъ этого можно только заключить, что письмо было въ употребленіи у израильтянъ за нѣсколько времени до рожденія повѣствователя, вѣроятно жившаго въ IX в. до Р. X. Во дни послѣднихъ царей іудейскихъ искусство письменное было очень распространено, судя по частымъ на него намекамъ у пророковъ, особенно у Исаи. Древнѣйшіе значительные образцы израильтянскаго, именно надписи Силоамская и рядъ разныхъ печатей и геммъ, повидимому принадлежать къ этому же періоду. Формою своею эти буквы вполне походятъ на буквы надписи царя Меша. Одна изъ древнѣйшихъ финикійскихъ надписей, найденная на обломкахъ чаши, посвященной Ваалу Ливанскому, имѣетъ тотъ же самый типъ. Но обычное финикійское письмо рѣшительно имѣетъ болѣе новый видъ, нижняя часть буквъ удлиняется, такъ что глазу представляется рядъ параллельныхъ линій и вообще буквы принимаютъ болѣе единообразный видъ, чего древность не представляетъ. Другой типъ письма въ арамейскихъ надписяхъ и папирусахъ персидскаго и македонскаго періода. Отличительная его черта заключается въ томъ, что нѣкоторыя буквы имѣютъ открытыя верхушки, какъ будто верхняя ихъ часть была перерѣзана. Дальнѣйшее развитіе этого арамейскаго письма появляется въ набатейскихъ и палмирянскихъ надписяхъ перваго столѣтія до Р. X. и далѣе; онѣ

особенно замѣчательны частными лигатурами или вязью буквъ, черта общая всѣмъ послѣднимъ стилямъ арамейскаго письма, употребительнаго у христіанъ. По мѣрѣ того, какъ арамейскій языкъ вытѣснялъ еврейскій языкъ и родственныя нарѣчія Палестины, арамейскій алфавитъ все болѣе и болѣе входилъ въ употребленіе у евреевъ. Монеты Асмонеевской династїи и монеты, битыя во времена двухъ іудейскихъ возстаній (66—70 и 132—135 по Р. Х.), имѣютъ легенды древне-еврейскаго характера. Но нѣкоторые іудейскія надписи близкія къ нашей эрѣ уже написаны арамейскимъ, хотя языкъ ихъ еврейскій. Особая разповидность арамейскаго характера, вошедшая въ употребленіе въ этотъ періодъ, называется у евреевъ *kēthāb mēgubbā*, „квадратное письмо“ или „*kēthāb aāsūgī*“, „ассирийское письмо“, такъ названное вѣроятно потому, что было въ употребленіи у населенія сѣверо-восточной Сирїи. *Однимъ изъ древнѣйшихъ образцовъ квадратнаго письма является надпись на гробницѣ Вѣнѣ Негір, севрейской семы, близъ Иерусалима* ¹⁾; характеръ очень похожій на набатейскій, но линїи прямѣе и меньше лигатуръ. Въ полноразвитой формѣ квадратнаго характера лигатуры вообще исчезаютъ. Такъ есть основаніе полагать, что къ тому времени, когда текстъ Ветхаго Заветъ окончательно установился, т. е. въ началѣ II в. по Р. Х., квадратный характеръ, хотя по безъ разностей, сталъ употребляться въ спискахъ Ветхаго Заветъ ²⁾. — Буквы симическаго алфавита первоначально были лишь согласныя, а гласныя не изображались. Такая система съ теченіемъ времени повела къ безконечнымъ недоразумѣніямъ, такъ какъ въ симическихъ языкахъ нѣны весьма важныя грамматическія отличія (напр. различіе между дѣйствительнымъ и страдательнымъ залогомъ) часто зависятъ только отъ гласныхъ. Причина, почему симиты довольствовались сначала этимъ несовершеннымъ способомъ, заключается въ томъ, что письмо ихъ было сначала употребляемо только для краткихъ и хорошо извѣстныхъ

¹⁾ См. Хвольсона, *Corp. inscr. Hebr.* № 6. (St.-Petersburg. 1882).

²⁾ „Въ недавно открытыхъ фрагментахъ греческаго перевода Ахлы Ветхаго Заветъ (ed. F. C. Burkitt, Cambridge. 1897) Боже имя *y-h-w-h* передано въ испорченной формѣ древняго еврейскаго алфавита, не квадратнаго, какъ можно бы было ожидать, характера. Но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что бывшія у Ахлы еврейскія рукописи были дѣлкомъ написаны древнимъ алфавитомъ; имя Боже не было произвольно читателемъ, могло быть изображено въ древнемъ стилѣ, тогда какъ текстъ былъ модернизованъ.“

формуль, для жертвенныхъ и надгробныхъ надписей, и т. под., а не для литературныхъ собственно произведений. Потому нѣкоторыя согласныя стали употребляться какъ гласныя; но это вводилось очень тихо. Въ финикійскихъ надписяхъ гласныя никогда не пишутся, развѣ лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ концѣ слова. Въ надписяхъ цари Меми и сілоамской гласныя буквы иногда употребляются болѣе вольно, но гораздо менѣе вольно, чѣмъ въ нынѣшнемъ текстѣ Ветхаго Завѣта. У израильтянъ, до Исхода, было, кажется, общимъ правиломъ не употреблять вовсе гласныхъ, за исключеніемъ *am* и *ai*, и болѣею частью долгихъ гласныхъ въ концѣ словъ. Употребленіе гласныхъ *ā*, *ā*, *i* въ серединѣ словъ, часто встрѣчаемое въ массоретскомъ еврейскомъ текстѣ Ветхаго Завѣта въ началѣ II в. по Р. Х., вошло въ обычай, кажется, довольно поздно. Орфографія прежняго еврейскаго текста Ветхаго Завѣта есть, вѣроятно, результатъ ревизій (или нѣсколькихъ ревизій), сдѣланныхъ писцами, ибо во всѣхъ частяхъ Ветхаго Завѣта употребленіе гласныхъ (или, какъ онѣ часто называются, *matres lectionis*) приблизительно одно и то же, иначе сказать, древнѣйшія книги, въ этомъ отношеніи, не отличаются матеріально отъ позднѣйшихъ. Хотя мы находимъ общее единообразіе въ слогованьи во всемъ Ветхомъ завѣтѣ, тѣмъ не менѣе встрѣчаются въ немъ безчисленные отступленія въ частности; такъ часто случается, что на прострѣствѣ нѣсколькихъ стиховъ одно и то же слово выражается двумя или болѣе различными способами. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя поручиться, что гласныя нашего текста восходятъ ко времени автора, и потому вполне незаконно основывать историческія доказательства относительно того или другого произношенія слова. Даже въ средніе вѣка, когда уже текстъ давно былъ установленъ, является значительное разнообразіе въ рукописяхъ относительно внесенія гласныхъ въ извѣстныхъ мѣстахъ. Въ рукописяхъ *Миним* и другихъ опслѣ-библейскихъ еврейскихъ книгъ, гласныя употребляются гораздо чаще, чѣмъ въ Ветхомъ Завѣтѣ; такъ *t* и *u'* часто стоятъ вмѣсто краткихъ *й* и *י*, что очень рѣдко случается въ спискахъ Ветхаго Завѣта.

Хотя употребленіе гласныхъ несомнѣнно исключало извѣстныхъ двусмыслия, все же письмо было далеко отъ вѣрнаго представленія языка. Не только разныя гласныя, но и двойныя согласныя и другія важныя фонетическія отличія оставались невыраженными. Поконекъ, спустя нѣсколько вѣковъ по Р. Хр. систематическія усилія были совершены евреями, сирійцами и арабами для устраненія этого практи-

ческаго неудобства. Не могло быть чистою случайностью, что у всѣхъ этихъ трехъ народовъ введенію такъ называемыхъ точекъ произошло въ одно и то же время; но какъ и откуда явилась эта мысль, совершенно неизвѣстно. По позже V вѣка по Р. Хр. сирійскіе писцы стали отмѣчать извѣстныя слова, которыя, хотя одинаково сложенные, произносились различно, точкою надстрочною или подстрочною. Эвальдъ и другіе предполагали, что таково происхождение обѣихъ, сирійской и еврейской, системъ вокализацин. Съ одной стороны казалось бы, что въ началѣ V вѣка по Р. Хр. пунктуациія гласныхъ была неизвѣстна евреямъ, и къ концу VIII вѣка они ее употребляютъ уже какъ бы издавна. Еврейскіе книжники, введшіе эти знаки въ текстъ Ветхаго Завѣта, извѣстны подъ именемъ *массоретовъ*, т. е. хранителей преданія, „традиционалистовъ“, отъ позднѣйшаго еврейскаго слова *mas-soreth*—„преданіе“. Относительно ихъ именъ и датъ исторія вообще умалчиваетъ. Хотя ихъ работа была огромной важности, надо впрочемъ помнить, что у евреевъ, а также у сирійцевъ и арабовъ гласные пункты или точки никогда не считались существенною частью письма; особенно рукописи Закона и Пророковъ, изъ коихъ поученія читались въ синагогахъ, вообще, если не всегда, списывались безъ всякихъ точекъ вплоть до нашихъ дней. Рукописи же еврейскаго Ветхаго Завѣта „пунктированные“ распадаются на двѣ главныя разряда, согласно употребленному методу вокализациі ¹⁾. Значительное ихъ большинство представляетъ такъ называемую палестинскую систему, тогда какъ другія, изъ коихъ наилучше извѣстный образецъ—петербургскій кодексъ Пророковъ, писанный въ 916 по Р. Хр. (изданный въ факсимиле Стракомъ въ 1876 г.), имѣютъ вавилонскіе (надстрочные) знаки, точки гласныхъ. Обѣ эти системы такъ много имѣютъ между собою общаго, что ихъ должно производить отъ одного и того же оригинала; но точное отношеніе между ними еще не установлено. Обѣ представляютъ очень позднюю стадію въ произношеніи еврейскаго языка или онѣ изображаютъ языкъ не такъ, какъ онъ дѣйствительно былъ произносимъ, а какъ былъ распѣваемъ въ синагогахъ того времени. Самое важное различіе вавилонской системы отъ палестинской состоитъ въ томъ, что одна палестинская имѣла особый знакъ для короткой гласной *ē* (*Sēghūl*). Вавилонская система въ теченіе времени подверглась значительному измѣненію, какъ оно обна-

¹⁾ Такъ называемой тиверіадской, потому что гор. Тиверіада былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ еврейской учености, начиная со II вѣка по Р. Хр.

руживается въ различныхъ формахъ, принимаемыхъ въ нашихъ рукописяхъ; но оно было незнакомо великимъ еврейскимъ комментаторамъ и грамматикамъ среднихъ вѣковъ и наконецъ погрузилось въ полное забвеніе, пока оно не стало извѣстнымъ европейскимъ гебраистамъ XIX вѣка.

Объ, палестинская и вавилонская, системы вокализациіи были связаны съ чрезвычайно выработанною системою акцентовъ, которые имѣли своимъ назначеніемъ не только указывать ударенія въ отдѣльныхъ словахъ, но также и музыкальную интонацію, принятую въ ивритѣ, и оттого большую или меньшую степень связи между различными частями септенціи ¹⁾. Особый методъ акцентуациіи употребленъ въ поэтическихъ книгахъ Ветхаго Завета, т. е. Псалтиря, Притчахъ и книгѣ Іова ²⁾. Едва ли нужно отмѣтить, что для насъ значеніе акцентовъ заключается въ освѣщеніи ими не дѣйствительнаго значенія текста, а способа пониманія его массоретами⁴.

Я позволилъ себѣ привести этотъ почти буквальный переводъ изъ новѣйшаго капитальнѣйшаго труда лучшихъ европейскихъ гебраистовъ и вообще симптологовъ изъ „Encyclopaedia biblica“ London, IV, МСМІІІ, подъ слов. Writing, въ надеждѣ, что по крайности наши молодые слависты перестанутъ наконецъ, подобно г. Пастрыку и др., толковать о глубокихъ познаніяхъ Константина Философа въ *еврейщинѣ и самаританщинѣ*, на томъ же основаніи, что онъ отлично истолковалъ пророчество Соломоново (Соломонъ † 920-хъ гг. до Р. Хр.) на чашѣ, написанной (если дѣйствительно была такая надпись) никакъ не раньше II вѣка по Р. Хр. Когда говорится объ еврейскихъ письменахъ рядомъ съ самаританскими, то, очевидно, подъ первыми разумѣется письмо квадратное (kēthāb mēgubbā). Притомъ надо помнить, что Соломонъ историческій очень мало похожъ на Соломона преданія позднѣйшаго, европейскаго, арабскаго и христіанскаго средневѣковья. У евреевъ, какъ и у всѣхъ новыхъ народовъ, потерявшихъ, по собственной обыкновенно винѣ, свое государство — прошедшее представляется, по мѣткому замѣчанію Спасовича, въ *пирнурѣ и златѣ*.

¹⁾ Что касается отличій вавилонской акцентуациіи отъ палестинской см. Wickes, A Treatise on the Accentuation of the Twenty-one so called Prose-Books of the O. T. Oxford. 1887. Стр. 142—150. Надо замѣтить, что д-ръ Wickes считаетъ терминъ „вавилонскій“ совершенно ложнымъ.

²⁾ См. Wickes A treatise on the Accentuation of the Three so-called Poetical Books. Oxford. 1887.

Сильно преувеличены были даже современниками туземцами величіе и богатства храма Соломонова. Масперо прекрасно замѣтилъ: „Les dévots accourus de partout se retirèrent pleins d'admiration chacun dans sa tribu, et leur inexpérience en matière d'art leur fit considérer ce qu'ils avaient vu comme *une merveille unique au monde*: en réalité, ce n'était rien d'extraordinaire ni par les dimensions des parties, ni par leur agencement, ni par la variété ou par la richesse des ornements et du mobilier. Comparé aux monuments grandioses de l'Égypte et de la Chaldée, l'oeuvre de Salomon était ce que le royaume hébreu nous semble aux empires du monde antique, un petit temple pour un petit peuple“¹⁾).

Пастрнекъ придаетъ очень большое значеніе вышеприведенному мѣсту Житія о потирѣ Соломоновскомъ съ текстомъ, написанномъ еврейскими и самаританскими письменами. Нашъ почтенный славистъ напрасно не остановился прежде всего на вопросѣ: могла ли быть въ дѣйствительности такая Соломонова чаша, на которой чтò бы то ни было, но *единовременно* было написано *еврейскими и самаританскими письменами*. Можно думать, что г. Пастрнекъ считаетъ эту чашу дѣйствительно за Соломонову (*dîlo Šalomounské*) и надпись на ней, еврейскими и самаританскими письменами, за современное или даже за подлинное произведеніе Соломона. Изъ словъ автора Житія нельзя не заключить, что, по его мнѣнію и по мнѣнію Константина Философа, эта надпись дѣйствительно Соломоновская, и смыслъ ея пророческій: Соломонъ де предсказываетъ о появленіи на землѣ, черезъ 909 л., Христа Спасителя. Въ этомъ смыслѣ и объяснилъ ее Константинъ Философъ, по словамъ Житія, а г. Пастрнекъ призналъ, что Философъ поступилъ, какъ истый, ученый археологъ, воспользовался своими знаніями въ *еврейщинѣ* и въ *самаританщинѣ*, *которымъ де научился въ газарскую свою поездку*, и такимъ образомъ доказалъ свое знаніе восточныхъ языковъ. Пастрнекъ, очевидно, не зналъ, что такъ называемое самаританское письмо есть древнее сямическое письмо, долго-долго бывшее нѣкогда въ исключительномъ употребленіи и у евреевъ.

XXXIII.

Въ началѣ II вѣка по Р. Хр. еврейское письмо становится квадратнымъ, а самаритано продолжали хранить древній характеръ ев-

¹⁾ *Maspero, Hist. anc. des peuples de l'Orient classique. Paris. 1897. II, 747.*

рейскаго письма. Вражда и ненависть самаританъ и іудеевъ издавна были такъ глубоки и непримиримы, что потиръ или чаша Соломонова съ надписью еврейскимъ и самаританскимъ письменами является немислимымъ и невозможнымъ дѣломъ. Самаритане признавали и признають лишь Пятокнижіе, знать не знаютъ и знать не хотятъ ни царей, ни пророковъ. Была ли въ самомъ дѣлѣ такая чаша Соломонова въ храмѣ св. Софіи въ 861—3 г., разсматривалъ ли ее и разбиралъ ли ея надпись Копстантинь Философъ, или все это мѣсто его житія есть позднѣйшая интерполяція, и подробности о чашѣ заимствованы изъ средневѣковаго апокрифа—„Пророчество Соломоново о Христвѣ?“

Если такая чаша и была въ то или другое время во храмѣ св. Софіи, то всячески она была подлогомъ довольно неискуснымъ и значительно позднимъ, средневѣковымъ; надпись же сдѣлана (буде дѣйствительно такая чаша была) евреемъ или самаританиномъ, принявшимъ христіанство, и толкованіе надписи на этой чашѣ было внесено въ житіе Кириллово изъ упомянутаго апокрифа. Восточной имперіи въ концѣ V—VI в., при императорахъ Зеновѣ, Анастасіи и Юстиніанѣ I, было немало дѣла съ возставшими самаританами. Особенно Юстиніаномъ былъ изданъ цѣлый рядъ строжайшихъ постановленій противъ нихъ, такъ что самаритане или бѣжали къ персамъ или наружно принимали христіанство. Послѣ Юстиніана долго нѣтъ никакихъ извѣстій о самаританахъ. Еврей-путешественникъ Веньяминъ Тудельскій (1170 г.) говоритъ о самаританахъ въ Сихемѣ, гдѣ имѣли они свою синагогу и праздновали свои праздники на своей горѣ Гаризимѣ. Онъ же говоритъ о 1000 самаританъ, жившихъ въ Кесаріи, Аскалонѣ и Дамаскѣ.

Патріархъ Фотій, его ученикъ и сотрудникъ Копстантинь Философъ, безъ сомнѣнія, имѣли свѣдѣнія довольно точныя о прошломъ и настоящемъ самаританъ, объ ихъ отношеніяхъ къ іудеямъ и объ ихъ старой взаимной неприязни. Конечно, во храмѣ святой Софіи и индѣ было немало въ числѣ достопамятностей и рѣдкостей, считавшихся святынями и несомнѣнно бывшихъ явными подлогами. При великомъ въ средніе вѣка спросѣ на такого рода рѣдкости понятно являлись и обильныя предложенія. Нашъ паломникъ Антоній, въ мѣрѣ Добрыня Ядрейковичъ (Андрейковичъ), впоследствии арх. Новгородскій, посѣтилъ Царьградъ въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка. Въ своемъ описаніи онъ отмѣтилъ и разныя достопамятности церкви святой Софіи, между прочими и слѣдующія: „трѣма Гѣа накинна ерхоньскаго

взатна и тѣ ѣ во олтари Авраамова овна рога. въ ту же трубу і рога ко-
труба агган ко кторое пришествіе гѣе. ту же ѣ самонаока рогах, изъ него же
мало изіахъ на Давида цара и палца монгѣка, юже море раздѣли и амди
проеде сквозе не, а фараона потопилъ к морю со египтаны“ и проч.

Совершенно аналогическая упомянутымъ достопамятностямъ св.
Софіи, чаша Соломонова не была, однако, замѣчена нашимъ любо-
пытнымъ Антошемъ. Не нашли этой Соломоновой чаши въ Кон-
стантинополѣ и крестоносцы, такъ старательно ограбившіе всѣ удобо-
носимыя богатства, достопамятности и святыни храмовъ и двор-
цовъ Царградскихъ (1204 г.). См. *Exuviae Constantinopolitanae. Ge-
nevae. MDCCCLXXVI (Riant)*. Въ числѣ святынь попадаются сходныя
съ отмѣченными у Антонія. Напримѣръ, *Caput Ioh. Baptiste, beati
Thomae apostoli... Virga Moysi, Sanguis domini nostri Jhsu Christi, de
capillis beatae Marie virginis, digitus s. Nicolai, pes Cosmae martyris,
dens S. Laurentii, de loco dominice Ascensionis, de lapide, ubi Johan-
nes stetit, quando Dominum baptizavit, de lapide, super quem Christus
in templum est presentatus* и пр. (passim). Но Соломоновой чаши съ
надписью, вполне бы тутъ уместной, нѣтъ. Была ли она когда-нибудь
въ самомъ дѣлѣ или она появилась въ XIII, XIV вѣкѣ? Если же этой
надписи на чашѣ и самой этой чаши въ храмѣ Софіи вовсе не было,
то авторъ этой интерполяціи въ Житіи Кирилла также ложно пока-
завъ о бытности этой чаши въ Софіи, какъ обычно приписавъ Кон-
стантину Философу толкованіе надписи (евр. и самар. письм.)?

Въ самомъ дѣлѣ до насъ дошло сохранившееся въ старыхъ рус-
скихъ сборникахъ (обличенія евреевъ) пророчество Соломоново о
Христѣ. Здѣсь говорится о чашѣ Соломоновой и о надписи на ней.
Авторъ этого сказанія обращается къ жидовину и требуетъ отъ него,
чтобъ онъ послушалъ пророчество Соломона Премудраго. „Соломонъ
келіюу прѣростъ ѡ на прѣа, провѣды дѣомъ. мко сннті гѣоу на земан и
рѣтѣи ѡ дѣм... Оучинниже и потиръ на слоубоу нѣоу провѣла рѣтко его. мко ѡ
дѣм родитиса емоу. ваше же створена чаша та тричастно на три гранѣ по
трѣческому же шразоу, на перкон гранѣ написа Жидовьскою грамотою: чаша
моа прорнцѣа дондеже зѣѣзда въ нѣко воуди гѣи перкенцѣа вдашоу ношѣ. По-
слоубашъ жидовинѣ прѣрѣтка и мѣртѣи соломона. чашоу зѣѣла въ каменѣ сапѣфѣрѣ,
на неѣ же перкыи законъ мшувенски кѣписа нѣхъ. Нѣ томъ же каменѣ Соломонъ
чашоу оучинни ѡ нѣа оумѣдриска, провѣды дѣомъ мко кеторомуу законуу выти,
а вашелюу шкерженоу. тогда ко сержалъ швразѣ нѣ дѣма на немже нѣхъ сномъ
прѣстѣо вписа. едѣ же чашею назнана дѣоу. каменѣ же хѣхъ, кно же къ неи
нѣткнаа крокъ его. того рѣ чашею швразока провѣра дѣомъ нноу чашоу нже

хѣ на вечерѣ еда оучѣникомъ рекъ сѣ чаша нокѣ закѣ ш мои кроки се теорити бх мою памать. мко же рѣ то же Соломонѣ ичерѣа ех чашн своѣн кнко

вѣантѣ же Соломонѣ чашн прѣрѣцати ш дѣа вѣмъ провѣднн мко вѣа пррѣнца наречета рече во се ш сѣаѣ вѣжат ма еси рѣ, а еже пишеть дождеже звѣзда ко ннко ноудн гѣн. прѣзрѣ шноу прѣвѣдннн колухы с дары. кы некѣрѣствокаше (сѣтѣ) жидоке. нже естѣ ннко прѣвѣнцоу вѣаццоу ноцѣнн. прѣвѣнцѣ хѣх вѣѣ во ех тоу ношѣ. кнѣ вечера со оучѣннкы н прѣданѣ вѣ. на вѣторѣй грани кхпнса сала-рѣ(н)скоу на вкоушеніе створена ш древа много ннх. вхспѣ аллоуа н оупнса сѣ ввсаннѣ. вѣ павы прорече ш сѣрѣчн его тоѣ чашнн прнзра на прѣнаа нже хѣ вхзгѣсн на вѣрѣѣ гѣа шѣе ацѣ е моцн да прндетѣ чаша сѣа ш лене, ацѣ не испнн еа. воуѣ кола тека мкѣ н дѣа(оа)х рече ех кѣаиз вѣааѣкѣ н чаша тека оупокающѣй кола держакна естѣ...

Л. 3 об. на третѣн грани кхшвражено Жидовьскн же ннсменн. се кназь зрнѣ н вѣсѣ сворѣ кнѣн слабоу его. н Давнѣа цѣрѣ посреди нхѣ. кнѣзь зрнѣ Пнлатѣ. а зворѣ жнѣ ех оузрѣша сѣкоу его. а рекоу вхсѣркесннѣ его кн-днкше оузасоша (sic). Дѣѣ же цѣрѣ посреди н хѣ ш павлени ¹⁾ Дѣѣва. павтнѣа рѣспатнѣ прѣа посрѣ вѣах Жидоке...“ н пр.

Толкованіе яко бы Константина Философа надписи на чашѣ Соломоновой, очевидно, взято, надо думать, не жизнеописателемъ его, а позднѣйшимъ интерполяторомъ или вѣрнѣе *исправителемъ* и искажителемъ первоначальнаго, до насъ цѣлкомъ не дошедшаго текста Житія.

Толкованіе надписи такъ кратко въ Житіи, что едва ли какому читателю оно могло быть понятно. Желанный смыслъ этой надписи могъ быть еще полученъ изъ объясненій довольно обширнаго Пророчества Соломонова, одного изъ не немногихъ средневѣковыхъ обличеній евреевъ или полемическихъ противъ нихъ статей. Во всякомъ случаѣ это не славянское произведеніе, а переводъ съ греческаго. Подлинникъ же могъ быть написанъ крещенымъ евреемъ. Любопытно, что въ нашей рукописи мы читаемъ иногда обращеніе автора къ *иншѣрному* жидовину. Можетъ быть и въ русскомъ текстѣ найдутся слѣды не совсѣмъ русскаго писца или переводчика: *узасоша*— „въскресеніе его видивше *узасоша*“ (л. 3 об.), нѣкоторыя ошибки противъ русскаго языка, несогласованіе прилагательнаго съ существительнымъ въ родахъ и падежахъ и пр.

Въ нашемъ Пророчествѣ Соломоновомъ нѣтъ ни малѣйшаго па-

¹⁾ Въ рукописи ошиб. пламени. Рукопись С.-Пб. Дух. ак. (Кпр. 67—1144).

мека на Константина Философа, какъ перваго истолкователя еврейской и самаританской надписи на чашѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дополнителъ первоначальнаго Житія Константина Философа, желая поднять значеніе этого скромнаго чловѣка, счелъ нужнымъ украсить и согрѣть сухое житіе нѣкоторыми подробностями о чудесахъ, предсказаніяхъ и угадываніи истиннаго смысла никому не понятнаго, написаннаго еврейскими и самаританскими письменами, пророчества Соломонова о будущемъ явленіи Спасителя.

Разъясненіе этой мудрой надписи Соломоновой въ житіи Кирилловомъ находится въ тѣсной связи съ рассказомъ о зажитѣхъ Константина Философа въ Херсонѣ еврейскою грамматикою и самаританскими книгами. Они были нужны автору для лучшаго вразумленія читателей, какъ смогъ Константинъ Философъ прочесть и уразумѣть мудреный смыслъ мудреной надписи еврейскими и самаританскими письменами, мудреной и потому, что Соломонъ, какъ оказывается, зналъ еврейское квадратное письмо, явившееся на бѣлый свѣтъ чуть не черезъ тысячу лѣтъ послѣ смерти Соломона.

Еще вопросъ, явилось ли сказаніе о пророчествѣ Соломоновомъ на чашѣ послѣ появленія чаши Соломоновой съ надписью, или наоборотъ распространенное уже сказаніе объ этомъ пророчествѣ побудило одного изъ плутоватыхъ, насильственно обращенныхъ евреевъ или самарянъ въ христіанство, на одной изъ такъ называемыхъ соломоновскихъ чашъ вырѣзать надпись, упоминаемую въ этомъ сказаніи. На подобныя рѣдкости въ средня вѣка, на христіанскомъ востокѣ и западѣ, спросъ былъ великій. Все роскошное, богатое, дорогое въ средніе вѣка—въ Византію и на романо-германскомъ западѣ называлось соломоновскимъ. Два великихъ старыхъ ученыхъ свѣтила—Дюканжъ (въ слов. лат. v. Salomo) и Рейске въ своихъ знаменитыхъ комментаріяхъ къ Константину Порфирородному (*De caerimoniis* l. III) привели не мало свидѣтельствъ о разныхъ вещахъ соломоновскихъ. Такъ во дворцѣ императоровъ византійскихъ былъ *Σολομωνταῖος θρόνος*, императорское сѣдалище, на ступеняхъ котораго по обѣимъ сторонамъ изображены были львы, на подобіе де трона Соломоновскаго. Никита Хонскій, говоря о столѣ и блюдахъ императора Исаака Ангела, называетъ его столѣ Соломоновскимъ, какъ и въ наше время роскошные обѣды и пиры зовутся Лукулловскими и Валтасаровскими. Дюканжъ указываетъ на свидѣтельство Вильгельма библиотечкаря (о Стефанѣ VI папѣ) — *contulit ibidem cantharam exauratam*

упам, *Salomonem unum regnum aureum cum gemmis pretiosissimis*. Здѣсь *regnum* означаетъ корону. Тотъ же Дюканжъ изъ одного средневѣковаго англійскаго памятника указываетъ: *duas patenas argentens cum duobus urceolis pretiosissimis ex operibus Salomonis*. Онъ же изъ одной испанской хроники приводитъ свидѣтельство о бывшихъ въ Испаніи вазахъ и матеріяхъ, подбитыхъ дорогимъ мѣхомъ (*vasa et pollitas vestes pretiosiores duplo pretio materiae eorum*—объясняетъ Рейске). Магометъ въ своемъ коранѣ всѣ дивныя произведенія называетъ соломоновскими, созданными де Соломономъ не безъ помощи духовъ или ангеловъ. Арабы старались въ свою очередь подражать искусству Соломонову. Дюканжъ приводитъ изъ Ламберта Арденскаго (п. сл. *Platura* или по поправкѣ Рейске *Platura*) — *gypsatum tectorium, Stucatur-Arbeit: Capellum ille memorat Salomoniaci tabernaculo in platura et pictura assimilatum* (Q. Const. Porph. Bonnae. II, 641—2).

Въ Византіи IX вѣка, конечно, не мало было всякаго рода вещей дорогихъ и роскошныхъ, называемыхъ соломоновскими. Жившій довольно долго въ Византіи и даже во дворцѣ царскомъ, Константинъ Философъ видалъ не мало разныхъ *Соломоновъ* или соломоновскихъ вещей и, конечно, вмѣстѣ съ другими образованными византійцами не считалъ ихъ *дѣлами*, произведеніями соломоновыми. Наконецъ, если нельзя его называть знатокомъ еврейскаго языка, то все же возможно думать, что при переводѣ псалтири и чтеній изъ пророковъ (паремій) онъ имѣлъ подъ рукой и латинскій переводъ Иеронимовъ. Встрѣчая болѣе или менѣе значительныя разногласія, онъ, какъ человѣкъ просвѣщенный и добросовѣстный, обращался, не безъ согласія и совѣта Фотія, къ ученымъ массоретамъ-евреямъ за разъясненіями. Какъ составитель азбуки, онъ не могъ не интересоваться и судьбами еврейскаго алфавита и отъ тѣхъ же ученыхъ евреевъ могъ узнать, что квадратное еврейское письмо явилось сравнительно недавно, всячески въ эпоху христіанскую, тогда какъ такъ называемое самаританское письмо есть древне-симическій, а слѣдовательно и древне-еврейскій алфавитъ. Константинъ Философъ, заодно съ современными и позднѣйшими греческими богословами, конечно не предполагалъ и не зналъ, что Соломонъ писателемъ не былъ; но всячески онъ бы никогда не приписалъ Соломону надпись на чашѣ *Соломоновой*, писанную между прочимъ чуждымъ вѣку Соломону квадратнымъ еврейскимъ письмомъ. Да и Соломону чаша даже безъ квадратнаго письма была бы *unicum*, единственнымъ пока извѣстнымъ памятникомъ еврейскаго языка X в. Такимъ образомъ, если бы даже и была

въ Софійской церкви упоминаемая въ Житіи чаша Соломонова съ его яко бы подписью, то во всякомъ случаѣ Константинъ Философъ долженъ былъ понимать ея подложность и не сталъ бы разъяснять ея яко бы пророческій смыслъ. Слѣдовательно, это мѣсто Житія принадлежитъ къ такимъ же позднѣйшимъ интерполяціямъ, вставкамъ и искаженіямъ, которыя принадлежатъ позднѣйшимъ дополнителямъ и указателямъ первоначальнаго Житія Кириллова. Къ такимъ же интерполяціямъ относятся и указанныя выше мѣста объ еврейской грамматикѣ, о самаританской рукописи (въ Херсонѣ). Эти интерполяціи были сдѣланы южнымъ славянскимъ греческаго образованія. Моравскому же интерполятору принадлежитъ мѣсто объ изобрѣтеніи славянской азбуки и о начальномъ переводѣ евангелія Іоанна передъ самымъ отъѣздомъ въ Моравію.

Считаю не лишнимъ обратить вниманіе читателя и на краткое сказаніе о пророчествѣ Соломоновомъ или о надписи Соломона, известномъ у насъ въ двухъ спискахъ (Памятн. др. писъм. CIV. и Солов. бібліотеки у Порфирьева, Апокр. сказ. В. Зав. въ Сборн. II Отд. Импер. Акад. Наукъ. Т. XVII. № 1, с. 240). Въ первомъ спискѣ читаемъ: „Сихъ же стиховъ (евр. и сам. писъм.) никтоже не могъ протлѣковати, но протлѣкова токмо, *иже древле приходи в Русь ои философъ учити Владимира, сму же или Кирилъ*“ (соф. бібліотеки, нынѣ Спб. Дух. Акад. № 1450 л. 234 об.) и во второмъ спискѣ: „Суть велика дѣла чаша Соломонова на камени дразѣ содѣлана, въ ней же суть и написаны стиси еврейскими и самарянскими писмены, ихже не може(тъ) никтоже истолковати развѣ *философъ*, иже бѣ приходилъ учити великого князя Владимира“.

Говоря о бесѣдѣ Философа (по лѣтописи нашей при Владимирѣ), я уже отмѣтилъ, что тутъ такое же смѣшеніе крещенія руси при Аскольдѣ съ крещеніемъ ея при Владимирѣ, что письменное поученіе, находимое только въ русскихъ рукописяхъ (въ большомъ числѣ списковъ), вѣроятно, принадлежитъ самому Константину Философу и было имъ оставлено на Руси, какъ для нея можетъ быть исключительно написанное, что подъ Философомъ, яко бы поучавшимъ Владимира, лѣтъ черезъ сто послѣ второго крещенія стали у насъ на Руси не виолнѣ забытаго Философа первыми нашими христианами соединять въ памяти со Владимиромъ, т. е. первое крещеніе со вторымъ (какъ Владимира соединяли съ патріархомъ Фотіемъ). Что при этомъ подъ Философомъ Владимировымъ разумѣли у насъ Константинъ Философа, видно изъ выше приведенныхъ словъ пророчества Со-

ломонова на чашѣ. Авторъ этихъ словъ, очевидно, позаимствовалъ изъ дополненнаго житія Кириллова и слѣдовательно думалъ, что Константи́нъ Философъ былъ виновникомъ второго крещенія руси.

XXXIV.

Вслѣдъ за рассказомъ о прочтеніи Константиномъ Философомъ надписи на чашѣ Соломоновой въ Житіи говорится:

„Веселящюу же ся о бозѣ философу, пакы другая *рѣчь* присигъ и трудъ немній прьввыхъ. Ростиславъ бо, Моравьскыи князь, богомъ устимъ, съвѣтъ сътвори съ князи своими Моравяны, и посла къ царю Михаилу глаголя: людемъ нашимъ поганьства ся отвръгъшиимъ, и по христіаньскы ся законъ дръжащимъ, учителя не имамы такового, иже ны бы въ свой языкъ истинную вѣру христіаньскую сказалъ, да ся быша и ныи страны зряще подобили намъ. да послы ны, владыко, епископа и учителя такового. отъ васъ бо на вся страны добръ законъ исходить. собравъ же съборъ царь, и призва Константина Философа, и сътвори ѿ слышати рѣчь сію, и рече: вѣмъ тя трудна суца, философе, но потрѣба есть тебѣ тамо ити. сію бо рѣчь не можеть инъ никтоже исправити, ижеже ты“. Отвѣщавъ же философъ: „и труденъ сын и больнъ тѣломъ, съ радостію иду тамо.“ [*„аще имають боуквы въ языкъ свои“*: „Глагола же царь къ нему: «дѣдъ мой и отецъ мой и ныи мнози, искавши того, итсуть обрѣти, то како могу то обрѣсти?» Философъ же рече: то кто можетъ на воду писати и еретичьско имя себя обрѣсти? Отвѣща ему пакы царь и съ Вардою оцель своимъ: „аще ты хоцещи, можетъ сіе тебѣ богъ дати, иже и даеть встѣмъ просящимъ безъ сумнѣнія и отвръзаетъ тлькоуциимъ. Шѣдъ же фѣлософъ, по прьвому обычаю на молитву ся положи и съ ииыми постышникы. Вскоръ же ему Богъ яви, послушавъ молитвы своихъ рабъ и абіе сложы писемна, и начатъ бесѣду писати египетскую: *испрѣва бѣ слово и слово бѣ у Божи, и Богъ бѣ слово и прочее*]. Възвеселя ся же царь и прослави Бога съ своими совѣтниками и посла (царь) его (Константина Философа) съ дары многы, писавъ къ Ростиславу епистолю сиче“. Текстъ посланія Михаила къ Ростиславу приведенъ ниже.

Напечатанныя въ скобкахъ и курсивомъ строки считаю позднѣйшею вставкою. Онѣ не принадлежать первоначальному тексту и не могли быть писаны южнымъ славяниномъ византийскаго образованія. Только такой славянинъ могъ передать всѣ извѣстныя подробности

о дѣтствѣ и отрочествѣ Константина Философа въ Солунѣ, объ его образованіи въ Константинополѣ, объ его саррацинской миссіи. Славянину моравскому не могли быть понятны и извѣстны всѣ подробности и частности, встрѣчаемыя въ разсказѣ о Константинѣ Философѣ за все это время, равно какъ о Херсонѣ, о хазарахъ, о фульскомъ языкѣ, объ архіепископѣ херсонскомъ; даже позднѣйшія вставки объ еврейскомъ языкѣ и грамматикѣ, о самарянской рукописи, о чашѣ Соломоновой, даже эти позднѣйшія интерполяціи принадлежать не моравянину, а позднѣйшему дополнителю житія, несомнѣнно южному славянину съ греческимъ образованіемъ ¹⁾. Послѣдователи Шафарика, напримѣръ, А. И. Соболевскій, считая слово *ръчь* (*ges*) моравизмомъ, могутъ указать на то, что это слово два раза употреблено въ сей-часъ приведенномъ отрывкѣ Житія, два раза и именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя мы относимъ къ первоначальному тексту Житія, а не къ позднѣйшей вставкѣ моравской. Въ чешскомъ языкѣ ни въ древнемъ, ни въ старомъ, ни въ новомъ слово *ръчь* не употребляется въ смыслѣ *ges*, какъ оно довольно давно вошло въ употребленіе у поляковъ. Не могла быть и у древнихъ моравянъ IX и XI вѣка, какъ не была конечно въ то время и у поляковъ, эта *ръчь ges*, такъ какъ среди моравянъ романскаго, латинскаго населенія не было, а книжнымъ путемъ къ неграмотнымъ моравянамъ она бы не могла проникнуть въ IX—X вѣкѣ. У южныхъ же славянъ (на юго-восточномъ полуостровѣ) слово *ges* (*ръчь*) заимствовано было не книжнымъ (какъ у поляковъ), а живымъ путемъ, отъ постоянного сосѣдства и живого общенія ихъ съ ороманиченными ерарійцами (бессами) и иллирами. Слово *ръчь* (= *ges*) встрѣчается и въ древне-болгарскихъ памятникахъ (напримѣръ, Шестодневъ I. Экз.) ²⁾ и въ сербскихъ грамотахъ ³⁾. Съ увѣренностью можно полагать, что поселившіеся на юго-восточномъ

¹⁾ Упомянуто же *Варды оуа Михалова* могло быть прибавлено и послѣдующимъ дополнителемъ южнымъ славянскомъ, но могъ и моравянинъ услышать отъ своихъ пословъ въ Византию и отъ южныхъ славянъ, бывшихъ въ Моравіи, объ этомъ Вардѣ, дядѣ Михаловомъ, игравшемъ большую роль при дворѣ. Его имя могло находиться и въ грамотѣ царской къ Ростиславу.

²⁾ „Вонць готова бѣлаше а не створена. да того творыць створи оутварь сию сложнѣ. сложню же тѣмъ мѣнеть имѣе вещь есть готова была, а вбрава баше бѣ еѣ. яко же хотѣ, тако же створи. да почто и *ръчи* и еѣ се самого бѣмещѣтъ. небо мго твореть съставивша соуцимъ“ (изд. Бод. т. 31—34).

³⁾ „Да си пдоу по нашѣи земли съ своимъ добыткомъ и съ своимъ *ръчи*“ М. 34. да ихъ не примено ли *ръчи* ихъ М. 36. що е взелъ добытъкъ вола пне *ръчи*. М. 256. (Данч. Рјечн. Вноград. 1864).

полуостровѣ среди романскаго населенія, въ епархіяхъ салоникскаго экзархата и такъ называемаго Иллирика, подвѣдомыхъ въ церковномъ отношеніи Риму (до VIII вѣка), славяне (восточные, впоследствии болгарскіе и западные—сербы) гораздо раньше моравскихъ ознакомились со *стрижниками*, *панежемъ*, *миою*, *колка* (communisago), причастію, причащаются, и многими другими латинскими словами ¹⁾, предметами и лицами.

Такимъ образомъ слово рѣчь (=res) приписываю я первоначальному тексту Житія, а слова, вложенныя въ уста императору Михаилу: „и дѣдъ мой и отецъ мой, искавшіе“ не обрѣли де письменъ для обращенныхъ славянъ въ христіанство—не могли быть написаны южнымъ славяниномъ съ греческимъ образованіемъ. Такой славянинъ не могъ не знать о соборѣ, бывшемъ при дѣтствѣ Михаила и при матери его Ѳеодорѣ и возстановившемъ почитаніе иконъ, а также и о томъ, что родоначальникъ фригійской династіи, дѣдъ Михаила III, императоръ Михаилъ II (820—820 г.), равно какъ и сынъ его и отецъ Михаила III императоръ Ѳеодилъ (829—842 г.), были иконоборцы. Православный славянинъ, вѣроятно одинъ изъ учениковъ Константина Философа или Меодія, не сталъ бы примѣшивать императоровъ-иконоборцевъ къ святому для него дѣлу славянскихъ первоучителей, да и хорошо помнилъ бы, какъ и всѣ болѣе или менѣе образованные южные славяне, что составленіе славянскихъ письменъ и появленіе первыхъ славянскихъ переводовъ произошло въ царствованіе Михаила и матери его Ѳеодоры, возстановившихъ почитаніе иконъ. Вотъ почему не могъ настоящій авторъ Житія Кириллова написать тѣхъ строкъ, кои включены нами въ скобки. Не только изъ записки Гавдерика, но и изъ приводимыхъ въ подлинномъ текстѣ Житія Кириллова словъ грамоты князя Ростислава къ императору видно, что князь зналъ уже о славянскихъ богослужебныхъ книгахъ и просилъ прислать къ нему того самаго или такого же учителя, „ниже ны бы въ свой языкъ истинную вѣру христіанскую сказаль“. Кто этого просилъ и кто это передавалъ, очевидно, и тотъ и другой отлично знали, что есть такой учитель въ Византіи, что со-

¹⁾ Болг. *жура*, Лат. *cauria*, *scoria*—также *storia*, *lorie*, *тугла* (*tegula*), *фура* (печь), *куластра* (*colostrum*).—Въ болг. отрицаніе съ глаг. совершенно романскою *я не го знам* (*non lo conosco*, *je ne le connais pas*), также въ иныхъ говорахъ *inf.* съ предл., какъ и у стар. сербовъ дубровницкихъ, „иода је добра за нити“ (*da bene*). Не мало латинскихъ, романскихъ словъ перешло къ южнымъ славянамъ и отъ грековъ. См. Meyer G. Neugriech. Studien. Die lat. Lehnw. im N. Gr. Wien. 1895.

чинилъ, составилъ славянскую азбуку и написалъ или перевелъ по славянски греческія богослужбныя книги. Еще раньше объ этомъ узнали и познакомились съ этими славянскими книгами прежде всего славяно македонскіе солунской архіепископіи (855 г. См. черноризца Храбра и соборное на Терновскомъ соборѣ поминаніе Кирилла и Меѳодія, свидѣтельства такъ называемаго Успенья о Брѣгальницѣ, Прол. Житія Меѳодія), а вслѣдъ за македонскими славянами узнали о томъ ближайшіе имъ по языку и по сосѣдству славяне еракійскіе и мизійскіе, подвластные хагану болгарскому и его ордѣ, тѣмъ болѣе, что между этими славянами болгарскими было уже весьма много христіанъ; только высшій классъ изъ тюрюкъ-болгаръ съ своимъ хаганомъ оставались у нихъ въ язычествѣ или начинали было принимать исламъ. Судя по свидѣтельству Гавдерика, Ростиславъ узналъ и о появленіи христіанства и славянскихъ книгъ у сѣверныхъ славянъ-полянь, недавно еще подвластныхъ хазарамъ и только что покоренныхъ варягами. Словомъ и для Гавдерика, узнавшаго лично въ Римѣ славянскихъ первоучителей и нѣкоторыхъ его учениковъ, и для сочинителя Житія было исполнѣ ясно и безспорно, что славянскія письма и книги уже имѣлись, когда пришло посольство отъ Ростислава въ Константинополь. Зналъ хорошо объ этомъ и императоръ Михаилъ, когда въ отвѣтномъ своемъ посланіи къ Ростиславу прямо замѣтилъ: „Богъ, иже велитъ всякому, дабы въ разумъ истинный пришелъ..., видѣвъ вѣру твою и подвигъ, сътвори нынѣ въ наша мѣта (т. е. царствованія Михаила) мвль буквы въ вашъ языкъ, его же (т. е. чего) не бѣ испрѣва (=искони) было, нъ тъмо въ первая мѣта (Михаилъ царствовалъ съ 842 г. съ матерью Θεодорою до марта 856 или 857 г., а изобрѣтеніе славянской азбуки и появленіе первыхъ переводовъ относится къ 855 г.), да и вы причѣтѣте ся великииъ языкъиъ, иже славятъ Бога своимъ языкомъ. и пути послахомъ того, ему же я Богъ яви, мужа честна и благовѣрна и книжна зѣло философа и съ прими даръ болий и честный наче всякою злата и сребра и каменія драгого и богатства преходящаго и подвигни ся съ нимъ сгѣшно и утверди рѣчь всѣмъ серддемъ възскати Бога, общаго спасенія не отрини, но все подвигни не лѣнитися, но яти ся по истинный путь, да и ты приведъ я (т. е. души своихъ подданныхъ) подвигомъ твоимъ въ Божій разумъ, приимеши свою мѣзду въ того мѣсто и въ си вѣкъ и въ будущій, за вся душа, хотящая вѣровати въ Хѣ Бога нашего, и нынѣ и до кончины, и память свою оставляя прочимъ родомъ, подобно великому царю Константину“.

Съ полною увѣренностью можно полагать, что здѣсь мы имѣемъ почти буквальный переводъ цѣлаго мѣста изъ посланія императора Михаила къ князю Ростиславу, что посланіе это было писано или продиктовано самимъ патриархомъ Фотіемъ. Но предположимъ (хотя оно невѣрно), что весь этотъ отрывокъ изъ посланія Михаила къ Ростиславу сочиненъ или совсѣмъ вольно переданъ жизнеописателемъ Константина Философа. Возможно ли, чтобы Михаилъ (или Фотій) или даже неизвѣстный намъ авторъ Житія сталъ такъ восхвалять подвигъ Константина Философа, если бѣ онъ только что передъ тѣмъ составилъ славянскую азбуку и началъ переводъ евангелія Іоанна. Не смѣшно ли, не нелѣпо ли бы было (кто бы ни писалъ) сулить Ростиславу и его подданнымъ цѣлое возрожденіе, новую жизнь, говорить о томъ, что только что составившій славянскую азбуку и успѣвшій перевести одну-двѣ страницы евангелія Іоанна принесетъ моравянамъ такой даръ, что моравяне, принявъ его, причтутся къ великимъ народамъ, что даръ Константиновъ выше золота и серебра и всякаго мірскаго богатства и, помогли Константину научить моравянъ азбуцѣ и чтенію только что переведенныхъ имъ двухъ—трехъ страницъ евангельскаго чтенія, Ростиславъ оставитъ по себѣ память будущимъ вѣкамъ и угодится царю Константину Великому.

Такого легкомыслія, такой нелѣпости не могъ проявить и высказать не только царь Михаилъ, человѣкъ безспорно способный, отважный, не лишенный дара ироніи, но и нашъ авторъ Житія, человѣкъ очевидно добросовѣстный, чуждый явнаго лганья и надутой риторики. Это мѣсто Житія, — безъ строкъ заключенныхъ въ скобки, — вмѣстѣ съ мѣстами о дѣтствѣ, отрочествѣ и юности Константина Философа въ Солуни и Константинополѣ, а также съ рассказомъ о пребываніи и кончинѣ Константина Философа въ Римѣ¹⁾, безспорно принадлежитъ къ наилучшимъ и наиболее цѣннымъ страницамъ Житія Кириллова. Если бы Константинъ Философъ только что передъ отъѣздомъ въ Моравію составилъ азбуку и только что началъ переводить евангельское чтеніе Іоанна, то царь Михаилъ или жизнеописатель не только воздержался бы отъ выраженія похвалъ и прославленія подвига Константинова (въ посланіи

¹⁾ Пребываніе Константина Философа въ Римѣ описано несомнѣнно южнымъ славянскимъ съ греческимъ образованіемъ: „въ цркви свѣтлы Маріи, яко нарицаетъ ся *фатенъ*“ (см. лат. Pgaezere, ит. Pgesere греч. φάτση, η), — „пѣша надъ нимъ святоую *литургию* въ цркви св. апостола Петра“, „и на оутрѣи намы *литургию* епископа единою соуща отъ седми епископъ, (а не *бискупъ*) апастасія *епаліони-кара*“.

Михаила къ Ростиславу), по жизнеописателю не сталъ бы говорить, что, собравъ учениковъ, по прїѣздѣ въ Моравію, онъ тотъ же часъ сталъ ихъ обучать службамъ. Иначе онъ прежде бы указалъ на переводы имъ сдѣланные. Если же всѣ эти переводы были бы изготовлены до поѣздки въ Моравію, то долго бы пришлось посольству ждать въ Цареградѣ миссіонеровъ. Между тѣмъ изъ Житія видно, что у Константина Философа всѣ службы были уже готовы при прїѣздѣ его въ Моравію¹⁾: „Дошдѣшоу емоу моравы, съ великою честію пріять его Ростиславъ, и оученики събравъ и вѣдасть ихъ оучити вѣскорѣ же весь церковный чинъ пріемъ, наоучи я оутрѣницы и часовомъ и вечерни и павечерницѣ и тайнѣй службѣ, и отврѣзошася по пророческому словеси оупеса глухыхъ, и оуслышаша и поспѣша ны учителя, иже ны могутъ сказати книжная словеса и разумъ ихъ“.

Сверхъ указанной интерполяціи моравскаго происхожденія, мы имѣемъ еще другую версію моравскаго сказанія, по списку, бывшему у нашего Нестора, и слѣдовательно писанному не позже, а можетъ и гораздо раньше, конца XI вѣка. Здѣсь передается довольно вѣрно посланіе Ростислава къ Михаилу—довольно сходно съ словами Гавдерика,—изъ чего видно, что до Ростислава дошли слухи изъ земли полянъ, а также вѣроятно и изъ Болгаріи о славянскомъ переводѣ священныхъ книгъ²⁾: „Се слышавъ царь Михаилъ, и созва философы вси и сказа имъ рѣчи вся словенскихъ князь. И рѣша философи: естѣ мужи въ Селюни, именомъ Левъ, суть у него сынове разумиви языку словинску хитра 2 сына у него философа“. (Очевидно, писавшій эти строки не зналъ, что царь Михаилъ еще отрокомъ близко зналъ Константина Философа, какъ видно изъ житія, писаннаго южнымъ славя-

¹⁾ Передъ отъѣздомъ въ Моравію Константинъ Философъ съ братомъ несомнѣнно ѣздили въ Солунъ проститься съ матерью и получить отъ нея благословеніе, что слѣдуетъ заключать изъ словъ Методія къ папѣ: „мати ны естъ заглада, яко иже отъ насъ прѣвѣе прѣидеть, да принесеть его въ свои братніи монастырь и тоу и погребеть“. Изъ списка Житія, бывшаго въ рукахъ нашего лѣтописца, можно заключать, что по возвращеніи братьевъ изъ *хазарской* миссіи, оба они были у матери въ Солунѣ, когда пришло въ Константинополь посольство Ростиславово.

²⁾ Вспомогательная къ изобрѣтенію славянскихъ письменъ мораванъ передавалась въ концѣ XI в. нѣсколько иначе, чѣмъ въ нашемъ Житіи. Въ спискѣ, бывшемъ у Нестора: „Ростиславъ, Свѣтополкъ и Коцель просятъ царя Михаила: земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже бы наказалъ и поучалъ насъ и протолковалъ святыя книги; не разумѣемъ ни греческу языку, ни латынску; они бо ны инако учатъ, а они бы ны инако; тѣмже не разумѣемъ книжнаго образа ни силы ихъ“.

ниномъ). „Се слышавъ царь, посла по ня въ Селонѣхъ ко *Львови*, глаголя: послѣи къ намъ въскорѣ сына своя, Мөөодія и Константина. Се слышавъ Левъ, въскорѣ посла я, и придоста ко царевѣ, и рѣче има: се прислалася ко мнѣ словиньска земля, просиши учителя собѣ, иже бы моль иль протолковати святыхъ книги; сею бо желаютъ. Умолена быста царемъ. *Сими же прииодышема, начисти състиялннн писмена азбуковная словиньски* (въ Троиц. сп. перг. сп. XV в. азбуки писанія истолкованья словеньскы), и *преложиста Апостоль и Евангеліе; ради быша словѣни, яко слышаша величя Божье своимъ языкомъ. Посемъ же преложиста псалтирь и охтоишкѣ и прочая книги..* И всташа иѣнци на ня, ропцюще и глаголюще, яко не достоитъ ни которому же языку имѣти бужавъ своихъ, развѣ еврѣи и грекъ и латинъ, по Пилатову писанью еже на крестѣ Господни написа. Се же слышавъ папезъ римский, похули тѣхъ, иже ропщутъ на книги словеньскія“... (то же, что и въ приводимой буллѣ Адриана II въ житіи Мөөодія). Эта булла не сохранилась въ подлинникѣ ни цѣликомъ, ни въ сокращеніи, ни въ позднѣйшихъ упоминаніяхъ—въ папскихъ архивахъ и не безъ основанія признается моравскимъ благочестивымъ подлогомъ. „*Костянтинъ же возвратися въсплѣтъ, и иде учити болмарьскаю языка, а Мөөодій оста въ Моравѣ*“¹⁾.

Въ новѣйшей версіи моравскаго сказанія (по списку конца XV вѣка), какъ мы видѣли, Константинъ Философъ составилъ азбуку и началъ переводъ евангельскаго чтенія Іоанна еще въ Цареградѣ, по требованію или запросу князя Ростислава и по приказу царя Михаила. Въ болѣе же древнемъ спискѣ моравское сказанье утверждаетъ, что и азбука составлена и на славянскій языкъ переведены Константиномъ Философомъ апостоль и евангеліе, псалтирь и охтоишкѣ и прочія книги не въ Цареградѣ, а въ Моравіи. Далѣе въ этомъ, несомнѣнно болѣе древней версіи моравскомъ сказаніи говорится, что по совершеши этихъ трудовъ и по полученіи одобрительной буллы папы (жизнеописатель еще не зна-

¹⁾ Но и въ Житіи Мөөодія (сп. XII в.) есть новая версія моравскаго сказанія, по которой и Мөөодій вмѣстѣ съ Константиномъ по прошествіи трехъ лѣтъ *возвратиста ся изъ Моравы*, оученикъ науучиста. Появленіе ихъ въ Венеціи можно бы было объяснять ихъ поѣздкою изъ Константинополя въ Венецію и затѣмъ въ Римъ. Но Фотій ихъ бы не благословилъ на поѣзду въ Римъ къ Николаю, а если бы они поѣхали къ папѣ отъ патріарха Исакія (не раньше октября 867 г.), тогда они бы не попали въ Римъ (да еще черезъ Венецію) къ исходу ноября. И слѣдовательно, объ этомъ *возвращеніи* братьевъ не можетъ быть и рѣчи.

еть имени папы) Константинъ покидаетъ Моравію, а Меодій остается и посаженный въ епископы Панноніи княземъ Коцеломъ — сажаетъ двухъ скоронисцевъ и „преложи вся книги исполнь отъ греческа языка въ словинскъ 6-ю мѣсяць, начиная отъ марта до 26-го октября. Константинъ же возвратися назадъ (въспять) и иде учить болгарскаю языка“. — Это свидѣтельство очень важно: несомнѣнно въ Моравіи X—XI вѣка помнили, что Константинъ Философъ былъ въ Болгаріи: вѣдь и путь его изъ Цареграда или изъ Солуни (куда забвжаль для прощанья съ матерью, очевидно отца уже не было въ живыхъ) шель отчасти черезъ тогдашнюю Болгарію на Нишъ и Бѣлградъ—старая римская дорога, подобно другой старой же римской дорогѣ (Via Egnatia) изъ Константинополя въ Салоники и Драч или Дураццо (Durrachium). Но моравскому самолюбію—что вполне естественно и извинительно по тогдашнимъ обстоятельствамъ,—нужно было прежде всего приписать своей Моравіи главный подвигъ славянскихъ первоучителей. И потому Константина Философа пришлось уже отпустить изъ Моравіи въ Болгарію, послѣ того, какъ онъ составилъ азбуку и совершилъ свои переводы для мораванъ. У болгаръ же Константинъ Философъ несомнѣнно былъ и болгарскій языкъ (народъ) онъ училъ, но конечно не прежде мораванъ, а послѣ нихъ. Послѣ у мораванъ явилась другая версія—они сдѣлали уступку и разрѣшили Константину Философу составить азбуку еще въ Константинополѣ и даже тамъ начать переводъ евангелія Іоанна, подобно тому какъ прежніе ученые моравско-паннонскіе или цис- и транслейтанскіе Копитаръ, Шафарикъ, Миклошичъ вмѣстѣ съ двумя нашими богословами Вороновымъ и Голубинскимъ давно порѣшили, что славянскія богослужебныя книги проникли въ Болгарію (Мизію), Фракію и Македонію изъ Моравіи уже по смерти Меодія, по изгнаніи княземъ Святополкомъ его учениковъ (885 г.). Но болѣе безпристрастный Ягичъ нашель нужнымъ для восточныхъ славянъ-задунайскихъ (о руси конечно не стоило и нельзя было и говорить) допустить великодушную уступку. По его рѣшительному мнѣнію: „Исходную точку всего (Кирилло-Меодіевскаго вопроса) составляетъ призваніе обоихъ апостоловъ въ Моравію. Уже давно отдѣланы (сложены такъ сказать въ архивъ) взгляды тѣхъ, которые передъ этимъ призваніемъ въ Моравію, при чемъ младшій братъ Константинъ игралъ первую роль, настаивали на

¹⁾ Zur Entstehungsgech. d. kirchensl. Sprache v. Vatroslav Jagić. I Wien. 1900. I, S.

дѣятельности Меодія въ Болгаріи. Объ этомъ очень прекрасно (sehr hübsch) высказался Голубинскій въ своей исторіи южно-славянскихъ церквей. (Москва 1871 с. 275 сл.)⁴. Стоя за то, что Константинъ Философъ составлялъ славянскую азбуку и дѣйствительно началъ переводить евангеліе Іоанна еще въ Константинополѣ передъ поѣздкою въ Моравію, всѣ же прочіе переводы его и Меодія были сдѣланы уже въ ней, Ягичъ, повторяю, нѣсколько отступилъ отъ вывода Шафарика, Миеклошича, нашихъ богослововъ Голубинскаго и Воронова, повторившихъ, какъ дѣятели *святской* науки, этихъ западно-славянскихъ ученыхъ и прибавившихъ, какъ знатоки Византіи, новое доказательство, а именно, что греки IX в. были такіе же триязычники, какъ и латини, и были врагами переводовъ священнаго писанія и богослужебныхъ книгъ на народныя языки, Ягичъ нашелъ возможнымъ пойти на уступку, а именно, славянскія же книги, только начатыя въ Константинополѣ и оконченныя переводомъ въ Моравіи и Панноніи, впервые проникли къ южнымъ славянамъ (болгарамъ) не въ 885 г. или 886 г., по смерти Меодія, а двумя—тремя годами раньше, въ теченіе 881—885 гг. ¹).

Впрочемъ мы еще обратимся къ разбору отдѣльныхъ положеній какъ западно-славянскихъ, такъ и русскихъ ученыхъ, о томъ, что славянское письмо было изобрѣтено для моравянъ и славянскія книги и славянское богослуженіе появились впервые въ Моравіи и въ Панноніи. Но предварительно считаемъ нужнымъ охарактеризовать литературное, научное и общественное движеніе западныхъ славянъ со

¹) Möglich wäre es auch zu vermuthen, dass Methodius, wenn er zwischen den Jahren 881—886 in Constantinopel war, auch mit dem bulgarischen Fürsten irgendwo zusammentraf. Впрочемъ въ слѣдъ за снѣмъ прибавить: Doch das wären leere, auf nichts gestützte Vermuthungen. Bekanntlich besitzen wir ein legendarisches Zeugnis auch dafür, dass Boris-Michael von Methodius die Taufe bekommen hätte, dem widersprechen jedoch *geschichtliche Thatsachen*. Man muss der Vita Clementis nichts weiter zumuthen, als dass sie durch die Notiz die sich auf Boris bezieht, die Verbreitung der slawischen Liturgie schon unter diesem Fürsten nach Bulgarien signalisiren wollte. Die Worte lauten (Cap. IV): Allein auch den bulgarischen Fürsten Boris, der unter dem römischen Kaiser war, hatte der grosse Methodius zum Kinde gemacht (d. h. getauft) u. an seine schöne milde Sprache gefesselt, u. nachher beschenkte er ihn in einemfort mit den Wohlthaten seiner Reden. *Diese Notiz lautet zu allgemein, als dass man aus ihr irgend etwas ableiten könnte*. Die slawische Liturgie wird also wohl schon zu Lebzeiten des Methodius auf dem Wege stiller Verbreitung bis nach Bulgarien gekommen sein, *wahrscheinlich auch nach Croatien, obschon dafür noch weniger Anhaltspunkte vorliegen*“. Z. Entstehgch. d. slaw. Spr. I, 41).

время Добровскаго до начала XX вѣка и такое же движеніе у насъ въ Россіи со времени Востокова и Горскаго, преимущественно въ предѣлахъ славяновѣдѣнія и византинологіи. Извѣстныя, утвердившіяся за послѣдніе полъ вѣка мнѣнія въ области Кирилло-Меодіевскаго вопроса, особенно въ исторической его части, отчасти же и въ области языка, прямо вытекають изъ общихъ господствовавшихъ воззрѣній. Намъ придется также остановиться на отношеніяхъ греческой стихіи конца VI—X вѣка къ пришлымъ и поселившимся южнымъ славянскимъ народамъ въ восточной имперіи, особенно же на этихъ отношеніяхъ въ Солунской области и на развитіи Константина Философа до отъѣзда его въ Константинополь, а также на нѣкоторыхъ особенностяхъ историческаго положенія извѣстныхъ отдѣловъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго славянства. Эти особенности положенія западныхъ славянъ не дали имъ возможности удержать и развить дѣло славянскихъ первоучителей, хотя въ Моравіи и Панноніи они сравнительно довольно долго, особенно Меодій, прожили и потрудились.

В. Ламаевскій.